

A woman with long, wavy brown hair adorned with orange roses. She wears a dark, textured dress with a large, ornate orange rose corsage. Her eyes are covered by a decorative mask. She holds a glowing, ethereal orb in her right hand. The background is dark with a red fabric draped across the bottom. The overall mood is mysterious and dramatic.

Анастасия Гуадана

Потерянный
осколок

Да зазвучит песня банши

Жила-была в одном из миров Равновесия менестрель Суардана. В прошлом не совсем менестрель и далеко не простая девушка. И странствовала она по миру, пока не наткнулась на совершенно необычного раба. С этого момента начинаются ее приключения, появляются старые и новые товарищи и, конечно же, любовь. Но так ли просто стать счастливой, или за это нужно бороться, порой жестко, масштабно и бескомпромиссно. Ведь прошлое ее прошлого совсем не бытие менестрелем. Оно гораздо величественнее.

Сможет ли наша героиня побороть тьму в себе, вернуть утраченные воспоминания и, наконец, защитить свою родину и мир от жаждущего власти монстра?

Да начнутся приключения, юмор и любовь!

Виня себя, в чем нет твоей вины -
Вина, страшнее нет которой.
Безумием полны раскаяния сны,
Терзающие разум твой виною.

Пролог

Несколько мгновений до рассвета...

Рассвета, который осветит первыми лучами уже мёртвую долину.

Рассвета, который не увидят тысячи душ.

Рассвета, который не встретят тысячи, уже не пылающих сердец.

Рассвета, луч которого отразится от уже остекленевших детских глаз.

Рассвета, который осветит разрушенные комнаты опустевших домов. И абсолютная тишина, которую впервые встретит на своем пути солнце. Смерть. Мертвый рассвет.

Алые всполохи будут свидетелями свершившегося зла. Ветер будет беззвучно петь скорбную песнь по истерзанным душам. Облака затянут синее небо, и изольётся оно на окровавленную, потерявшую жизнь землю горькими, несолёными слезами. Не запоют птицы в лесах, замрёт листва в кронах деревьев, замедлит свой бег горная река, окрашивая свои воды в багровый цвет. И только запах, запах безысходности, нестерпимой боли и неотвратимой смерти останется витать над местом, некогда великим, чистым, с самым светлым именем — Долина трёх лучей. Именем, которое отныне потеряно и забыто!

Посреди поля ночной бойни стоял на коленях мужчина. Голова его была опущена, руки сжимали два скимитара[1], покрытые запекшейся кровью врагов, так, что костяшки пальцев побелели, а вены на предплечьях четко очертились как ветвистые реки с множеством притоков и оттоков. Его бледное лицо ничего не выражало. Бывшие ярко изумрудными глаза заволкло белой пеленой, зрачок не реагировал ни на свет, ни на движение. Его взор был направлен вниз, как будто он насквозь мог видеть, как уходит, впитываясь в черную грязь алая кровь. Как утекают последние капли жизни, исчезает надежда, утопая в омертвевшей траве, в алчной земле, пьющей каждую каплю с жадностью. Мать земля, которая ещё вчера давала жизнь, теперь высасывает последние соки из всего вокруг, как оголодавший вампир, как полу иссохший упырь.

И вот первые лучи, первого мертвого рассвета упали на единственную фигуру во всей долине, что имела внутри жизнь. Жизнь, без надежды, без желания жить, с потерянным разумом и всеобъемлющим чувством вины за то, в чем он не виноват.

Боги смотрели на умирающую душу с уже мертвым разумом, которая не вынесла песнь банши по каждой ушедшей жизни. Как смог воин услышать глас плакальщицы скорбящей по его народу, боги не могли понять. Их любимая дочь пела каждой душе прекрасную песню, которая вела её (душу) в мир света, но никто не слышал слов, кроме уходящего.

Сильного, выносливого, крепкого духом воина не сломила битва, не охватило отчаяние, не искалечила встреча со смертью, не испепелила боль, не иссушила скорбь, но истерзала вина. Вина, навеянная последней песнью, высосала разум и губит его душу.

Всевидящие видели самоубийство, но не могли смотреть на него. Любимец Всезнающих не должен сдаться так легко. Они не могли поверить в смерть надежды, коя медленно гасла на их глазах. И Всечувствующие решили сохранить надежду.

Легкой поступью, идя по воздуху, приближалась к воину любимая дочь богов. Ей предстояло спеть свою песню, песню по уходящей надежде. Надежде, которой суждено возродиться, как феникс из пепла. А пока, она упокоится в глубине сей души, что живет в теле воина.

Закрой глаза дитя Ветров,
Открой свой взор незримый,
Увидь душой мой тихий зов,
Забудь свой страх звериный.

Ушедших больше не вернешь,
Терзанья душу твою ранят.
Но ты, создание, живешь,
А разум вскорь увянет.

Шумит вода Пустых озёр.
Освободи от дум свое сознание.
И выступы скалистых гор
Нерушимо стоят как мирозданье.

Забудь, дитя, забудь свой сон,
Что явью был, но растворился.
Летит душа на тихий звон.
К тебе придет желанное забвенье.

Вину свою искупишь ты,
Страшней ее не существует в мире.
Причина кроется одна,
В великой твоей силе.

Раскаянье великой ношей
Легло на плечи сильные твои.
То воля божья свершилась.
Вины в том нет ничьей, пойми.

Пока ты держишь скорбь за руку,
Нет жизни в этом мире для тебя.
Позволь рассеять твою муку,
Я провожу в забвение, дитя.

Когда готов к ответу будешь,
Задашь вопрос своей душе.
И боль, и страх, и скорбь отступят,

И свет найдешь в непроходимой тьме.

[1]Скимитар — второе название ятаган — колюще-рубящее оружие, являющее собой нечто среднее, если сравнить стандартный меч и стандартную же саблю.

Глава 1 Язык мой — враг мой!

Такс, где моя лютня? Нету? Как так? Порежу на ленточки и завяжу бантиками! Старый хрыч решил, что я совсем не дружу с головой, или это он такой умный? Темень, вот дёрнула меня кикимора оставить инструмент под присмотром этого старого афериста. Ведь по роже видно, что продал уже и деньги пропил. А прошло всего-то каких-то пятнадцать вар[1]. И ведь даже не сможет возместить, так сказать, ущерб. У таких краюшки хлеба не завалется, не говоря уже о медяках. Пьяница и гульбарь, одним словом. Эх, а ведь день так хорошо начинался.

Я наконец-то накопила денег на шикарную сириунгу из эльфийского дуба, которая прекрасно заменила старенькую свирель из обычной ивы. Моя маленькая мечта осуществилась (хотя по цене не такая и маленькая). Как вы поняли, кроме сириунги у меня есть лютня. Была! Возникает закономерный вопрос, а кто, собственно, я такая? А я красавица менестрель, с золотыми кудрями и лазурными глазами, с фигурой лесной нимфы. Правда-правда! Ну ладно, скорее симпатичная не совсем менестрель с каштановыми волосами, правда длинными, и золотыми глазами. А глазки у меня действительно красивые, большие с рыжеватыми прожилками, выразительные. Моя гордость! Фигурка вполне женственная при моем росте чуть выше среднего. Да, я немного высоковата, зато с лошади падать не так страшно. При всем при этом я женщина-менестрель, хотя с изъязом. Какой изъяз? Я как человек музыки и поэзии и играю, и сочиняю, однако, не пою. Ну не пою совсем, нет голоса, да и чувства ритма. Но играю при этом прекрасно! Странно, правда? Несмотря на мою ущербность, я люблю свою бродячую жизнь. Собственно, из-за проблем с пением я и решила перейти на сириунгу. Музыка льется красивая, и петь ни при каких физических возможностях одновременно не получится. А почитать стихи можно и без музыки.

К чему это я? Ах, да, проблемка: вороватый старикан и прилипала ненормальный. Что за ненормальный, а вот сейчас и расскажу, кто так коварно изничтожил всю атмосферу моего счастья и нескончаемой радости в один миг.

Холя и лелея свою эльфийскую прелестницу, я проходила мимо трактира, и вот нужно было идти дальше, так нет же, я, ярый защитник всех хилых и убогих, героиня с лютней и сириунгой в зубах, не могла пройти мимо страждущего. И если бы он хотя бы тонул, или ножку подвернул, нет-нет, он нарвался на группку наемников. Да что там группку, вооруженную банду с главарем. А мне, конечно же, больше всех надо. Я поставила лютню возле бродяжки, попросила его присмотреть немного (ага, присмотрел, продал, напился и отвертелся) и вернулась в подворотню боевых действий.

— Эй, братцы кролики, чего на парня взъелись, он уже, небось, подштанники обмочил. Отвалите от него, ему и без ваших волосатых вонючих морд кошмары будут сниться.

Упираю руки в бока. Прям истребительница упырей, зомби и вурдалаков медленно перекочевывающая к ним в собратья (или сосестры) по мере осознания степени глупости своего поступка и озверению ответчика. Дам, а бешенство то заразное, вон как быстренько все скалится и выпускать белую пену начали. Любо дорого смотреть на массовое помешательство и отключку здравого смысла. Если б еще не я тому причиной. Ой!

— Ципа, иди-ка сюда, ко мне такому волосатому и вонючему, а то мне кажется, тебя

давно кошмарики не посещали, так мы исправим, — и этот побочный эффект спаривания лесного орка и упыря двинулся ко мне. Держите меня крепче, а то я уже на коленках. Умеет же рожи корчить. Так, надо чем-то швырнуть в него, глядишь, растеряется, а я ноги сделаю. Прости сырый и убогий, то есть хилый, без обид, своя шкура ближе к телу, тьфу ты — дороже.

Угадайте, чем я в него запустила? Свирелью конечно! Я свою сиригуну в обиду не дам, не для того я работала как ломовая лошадь.

— Тя чё, зомбяка в зад укусил? Какого лешего творишь? Тебе мамка не говорила, что палочкой дразнить дракона опасно для жизни, малявка?

Эй, а наемники и правда вонючие, это они так от себя нечисть всякую отваживают? Гляди-ка, и помои где-то нашли. Мда, что-то свирелька подкачала, вон как скалится тролль недоделанный.

— Ну, прости, не узнала недодракона, мало ли с кем твоя мать в грязи, лесу, поле и болоте валялась? Я ж не знала, что тут такая знатная помесь. Может там ещё некромантишка какой пробежался? — и вот молчала бы, так нет же, у нас же ещё крутая сиригунка в руках есть, это ж вам не какая-нибудь свирель или меч, это сила. Ага, прямо для красивой песенки по моему гордому и не очень обремененному уму трупику. Хнык.

Как я и предполагала, снижение уровня совестливости, порядочности, доброты и сострадания, вследствие чего падение моральных устоев, зато вот физические показатели знатненько так возросли. Да и железного приложения к ним прибавилось.

Я решила посмотреть, что там обеспеченный кошмарами на недельку мальчишка делает. А он собственно ничего и не делал. Впялил из-под капюшона свои зелёные глазки в меня и мягкое место свое просиживает. Беги, дурень, им на тебя сейчас как на еще один камешек с дороги — наплевать! Я прошептала ему одними губами: «Беги!». А это недоразумение смотрит на меня и ресничками хлопает (длинные, пушистые, кстати). Да и вообще не мальчишка передо мной, а мужчина. Вон, щетина какая знатная, да что-то и по объему не малыш. Ну и что ж ты мужик меня подставляешь, и не стыдно тебе? Темень, скройся ты, и мне проще будет, я вон за тот угол быстренько шмыгну, и поминай как звали. Ага, щас, уже скрылся и испарился. Ладно, где наша не пропадала.

— Стража, сматываем быстрее! — и быстренько за уголок. У моих не состоявшихся убийц в мгновение ока проступило осознанное выражение морды, и они тут же драпанули в противоположную сторону. Ага, значит у самих рыльце в пушку. Скажем так, мне повезло, ведь никакой стражи и в помине здесь не было. Просто невероятно повезло, как голой нимфе избежавшей домогательств тролля в одноместной комнате постоялого двора. Короче свершилось невозможное, именно эти наемники выполняли задания против государства. В противном случае не напугала бы их и стража, а на моего ненормального спасенного хранителям порядка глубоко и крепко наплевать. Сам нарвался, сам попал. Он, кстати, побежал за тот же угол, что и я, и, конечно же, прилип ко мне как вампир к нежной шейке девственницы в полнолуние. Тут, как вы понимаете, я и вспомнила про покинутую мной лютню. Темень и ее твари!

Салван сидел в небольшом зале постоялого двора, что не далеко от ворот города. Именно в таких местах часто останавливался наемник. Возможность в любой момент

скрыться из города была приоритетной, и состояние комнат, или качество еды и выпивки не играли для главаря степных наемников никакой роли. Конечно, если попадался неплохой трактирчик, то он не упускал возможности побаловать себя гномьим самогоном и хорошим элем. Да и перспектива наестся от пуза без видимых последствий грела его зачерствелую душу (если она вообще имела место быть у такого наемника). Зарабатывая хорошие деньги и имея безупречную репутацию, Салван вполне мог позволить себе побездельничать несколько полных лун, однако герцог не тот человек, кому позволено отказывать без последствий для себя. Наемник знал это лучше других. Задание было простеньким, и при этом от него разило подставой за много тат[2] вокруг. Однако, как было сказано, отказ означал бы кое-что похуже подставы. Насколько понял главарь, нужно тихо-мирно выкрасть свадебную диадему принцессы. В случае невозможности повернуть все без шумихи, то нужно как раз-таки создать эту шумиху, да так, чтоб ни стены не остались целы, ни двери на петлях, ни окна в ставнях. Короче, глобальный погром сокровищницы, с последующим ограблением её же. В результате: или невероятное исчезновение диадемы, или ужасное ограбление сокровищницы неизвестными варварами. Всяко следы замести нужно, или не оставлять их. А для этого посредник дал ему несколько полезных магических артефактов, не привязанных к определенному хозяину, что делало невозможным определить источник магии. Дело плевое, но наемника не покидало чувство, что от него либо захотят избавиться, либо подставят, разумеется, с другим заказчиком.

Допивая третий кубок, Салван увидел подходящих к нему членов своей группировки. Давно пора, а то что-то они задержались на разведке. Пятеро мужчин, тем временем, подошли к столу и расселись напротив друг друга. Заказав по порции горячего и графин самогона, вся группа подняла глаза на своего главного. Ну что ж, пора.

— Что выяснили? — небрежно бросил Салван. Сидящий напротив него Бар сложил руки на столе и начал докладывать.

— Охрана усиленная, через центральный и черный вход не пройти, но с артефактом нам этого и не надо. Каждые пять вар под стенами проходит патруль, на стене смотровые стоят постоянно, сменяются с рассветом и закатом.

— Понятно, — главный посмотрел в голубые глаза Бара и кивнул. Он знал, что парень раньше служил в одной из крепостей и легко мог просчитать охранную систему замка. Этот невысокий коренастый брюнет не раз превращал заведомо проигрышную операцию в успешную. В этом наемник полагался на Бара, но не доверял. Доверие — недостижимая мечта для наемника, и они все знали об этом.

— Что по защитным заклинаниям и ловушкам?

— Напихали всего, что только можно, однако оставили без защиты и ловушек дальнюю стену, только общая охранка всего замка по периметру.

Салван перевел взгляд своих серых глаз с кубка на мужчину весен тридцати пяти, что сидел рядом с ним. Высокий лысый полутроль с темными, как безлунная ночь, глазами, парой клыков, торчащих из-под нижней губы, и зеленоватой кожей. Этот индивидуум многих заставлял терять самообладание и испытывать страх. Главарь сам иногда ловил себя на мысли, что от рыка лысого кровь стынет в жилах и у него, легкий озноб вдоль позвоночника стал уже привычной реакцией на его голос. Рагнвар не зря считался самым кровожадным в их компании. Кровь человека и тролля рождала поистине неуправляемых, страшных тварей. По большей части их уничтожали, однако, бывали вполне цивилизованные особи, такие как Рагнвар.

— Рагнвар, всегда удивлялся твоим способностям, но думаю три вата[3] слишком мало, чтобы стать хорошим магом.

В это время к столу подошла пышногрудая, огненно-рыжая подавальщица и принялась расставлять заказ.

— Эй, у меня есть магические способности, но ты прав, тут я как водяная баба в степях. Вартэк треплется много, уже черепушка треснула от этой магической мертвяцкой чепухи, — полутроль попытался ущипнуть рыженькую пониже спины, но она ловко увернулась и прошествовала к стойке, вызываяюще покачивая бедрами. Остальные принялись за еду.

— Во-первых, русалка, а не водяная баба...

— Один леший, обе водняки.

— Водники, а во-вторых, если бы не вся эта, как ты выразился, мертвяцкая чепуха, то бишь некромантия, ты уже пять раз как здоровался бы с Всенижним за когтистую лапу, и валялся у него в копытцах, а может и яду в зад схлопотал.

— Вартэк, мне нужны четкие сведения, свои проблемы будете решать потом, а то Всенижний будет вашей самой маленькой проблемой, — и главарь опрокинул стопку самогона. Спорить никто не стал. Все знали, что этот сухой, поджарый мужчина, с множественными шрамами и глубокими морщинами под глазами не любит шутить. Не зря он их главный. Ой, не зря. Его холодные серые глаза, напоминают заиндеветый камень, на который не взглянешь без дрожи. Таким же холодным и безжизненным может быть и его голос. Наемник небрежно отодвинул стопку и закусил хлебом. Никто не посмел возражать и препираться дальше, рискуя наткнуться на его колючий взгляд. Второй такой взгляд означал только одно — ты труп. Вартэк продолжил:

— Все что сказал Рагнвар — правда. Стену сломать при помощи артефакта не составит труда, я же без серьезных затрат энергии смогу нас прикрыть пологом, но ненадолго, обнаружат!

— Насколько?

— Максимум две вары, дальше сработает оповещающий маячок, и, соответственно, прибудет гвардия.

— Отлично, окончательный план разрабатываем завтра, послезавтра на дело. Все ясно? — ответом послужили дружные кивки всех присутствующих, включая двух братьев вышибал, что сидели в сторонке. — Тогда отдыхаем господ наемники.

По лицам соратников расплзлась предвкушающая улыбка. Парни стали собираться на выход.

— Бар, я надеюсь, на этот раз бордель поприличней будет.

— Что тебя не устроило? Всем же понравилось.

— Ага, особенно грязные руки, спутанные волосы и дыхание, что и дракон на месте подохнет, — начал, как обычно, возмущаться Вартек. Будучи наполовину светлым эльфом, он очень щепетильно относился к вопросу о чистоплотности. Жизнь наемника притупила его неприязнь к неряшеству, но не изменила ее. Имея незаурядную внешность, а точнее, очень даже привлекательную, полуэльф легко мог найти себе девочку на ночь, но правило не приводить девиц на место временного логова, весьма осложняло эту задачу, да и быть отщепенцем не всегда хорошо.

— Вартэк, придержи коней, — наемник остановился у двери и отошел в тень лестницы на второй этаж. Вартэк последовал его примеру.

— Я слушаю тебя, Салван.

— Есть что-либо, что я должен знать? — главарь испытующе уставился на мага. Полуэльфу не нужно было разьяснять, о чем его спрашивают. Не впервой рассчитывать лишь на себя.

— Нет, сюрпризов со стороны обитателей замка не предвидится.

— А не среди его обитателей? — Вартек улыбнулся.

— Есть заготовка для заклинания, какого именно, я не смог определить, но явно боевого порядка. Так же не понятно кто инициатор. Это может быть, как новый вид охранного заклинания, так и ловушка для не очень удачливых наемников, которым не посчастливилось воровать свадебную диадему принцессы, — наемник слегка удивленно взглянул на мага, и спросил.

— Я не говорил, что воруем, как узнал?

— Благо не идиот, а шумиха вокруг этой свадьбы и так большая, почему бы не сделать ее еще больше и не завязать, к примеру, войну. Ведь если отложат свадьбу, ни для кого не будет секретом, что что-то случилось. Значит, скрывать не станут. И боевые действия так же будут открытыми. Вопрос лишь в том — против кого? Кого хотят подставить?

— Да, знал я, что эльфы опасный народец. Оказывается, и дедукция у вас развита. Ты прав, такое открытое оскорбление королевской семьи не сможет остаться безнаказанным, а значит, будут показательно мстить обидчикам, и ой как мне не хочется оказаться на их месте. На деле держись позади, чуть что — рвем когти.

— Как всегда.

И все друг друга поняли. Эти двое давно знали друг друга. Около пятидесяти весен. Вартек, в силу своей крови не стареет так, как люди, поэтому сейчас он все еще выглядит на двадцать пять. Однако за время их знакомства, они уже шесть раз «рвали когти» вдвоем, кидая всех остальных. Соответственно, это уже седьмой вариант их банды. Маг и наемник не показывали своего знакомства новичкам, перестраховывались. Однако, главенствовали оба. Салван открыто, Вартек изнутри, прощупывая изнанку, так сказать. Наверное, их можно назвать друзьями, но не один из них не признается в этом.

Выйдя на улицу из постоянного двора, двое направились вслед ещё четверым. Через некоторое время маг отстал от компании наемников и свернул в переулок. И все бы прошло, как задумано, наемники расслабились бы в увеселительном заведении, напились бы и не проснулись до обеда. Но волею Всезнающих в здании, недалеко от дома плотских утех, девушка читала книгу на кухне, греясь у очага. Внезапно в окно влетела птица. Она сделала круг по комнате, как будто бы ждала чего-то. Девушка испугалась, но быстро взяв себя в руки, решила не оставлять пернатую в своем жилище. Помощница кухарки прыгала по комнате с книжкой в руке и пыталась выгнать незваную гостью. На третьем кругу птица резко развернулась и полетела прямо на девушку. От неожиданности та не удержалась на ногах и упала. Ее книжка, пролетев пол кухни, упала прямо в ведро с помоями. На глаза навернулись слезы. Это была первая купленная ею книга, а девушка даже не дочитала роман. Обернувшись, неудавшаяся читательница убедилась, что причина ее слез уже сбежала. Трясущимися от обиды руками, помощница кухарки взяла ведро под дно и понесла к окну. Она хотела вынести его завтра, но напоминание о жестокой несправедливости, вызывало еле сдерживаемые рыдания и злость. Одним резким движением содержимое ведра было

опрокинуто на улицу. Девушка уже не слышала прекрасных слов в свой адрес, поскольку самозабвенно придавалась жалости к самой себе, сидя на полу и обнимая колени руками.

В это время трое из пяти наемников пытались отряхнуть очистки и помой со своей одежды и головы. И все бы закончилось возвращением на постоялый двор, но сзади шел человек.

Бар хохотал во весь голос, смотря на близнецов и полутролля с головы до пят облитых помоями. Даже их строгий главарь скалил зубы в улыбке, но глаза его все также были безразличны. Все еще смеясь, Бар обернулся на звук сзади. Высокая фигура в рваном, запыленном балахоне истерически хохотала, держась за живот. Наемники мигом смолкли.

— Эй, припадочный, ты че ржешь? Хочешь оказаться в выгребной яме, там запашок похлеще будет.

— Да он, кажись, издевается, Бар. А ну-ка отойди. Ща будем улучшать освещение улочки. Так, поставим парочку фонарей, — и Рагнвар сжал кулаки.

— Я смотрю, ему еще и зубы мешают, вон как лыбится, так это мы запросто, — один из близнецов двинулся на застывшую в недоумении фигуру.

— Ясного вечера, извините, я не хотел смея...

— Не хотел он, а нам как зомби припарки твое «извини». Ржал? Ржал. С нас ржал? С нас. Куда терь пятишься крыса. Сюда, мразь, иди, — полутролля схватил незнакомца за грудки и зашвырнул в подворотню. Тот не стал вставать, лишь перевел взгляд на двуручный меч одного из близнецов. Его внимание вообще нельзя было назвать упорядоченным.

— Ничего себе, а это меч? А можно его взять?

— Те че, от стенки знатно прилетело? Так ща добавим.

— Где прилетело? — незнакомец начал озираться вокруг, что-то выглядывая, — сюда ничего не прилетало.

— Ты ему мечом по тыковке и валим. Походу он теперь того — ку-ку, — тихо сказал Бар близнецу, крутя указательным пальцем у виска.

— Так вам меч нужен? А я думал, раз он воняет и грязный, вы его выкинете. Но вы ведь тоже воняете, вам теперь все равно, да? А я в коровнике ночевал, привык к вони. Если хотите, там есть место еще.

— Я не понял, он ща изошренно нас послал в коровий зад? — и полутролля приблизился вплотную к так необдуманно смеявшемуся знакомцу.

— Кончай его и пошли, тут скоро патруль проходить будет, — нервно сглотнув, сказал Бар.

Похоже, все остальные были согласны с ним. Салван не лез ни в разборку, ни в её решение. Он спокойно стоял в тени переулка и наблюдал всю картину. Он один из первых увидел приближающуюся к ним девушку, но не стал менять своего поведения. Девчонка остановилась, уперла руки в бока и весьма грубо попросила «волосатых и вонючих» наемников отстать от парня. Впечатления она явно не произвела, однако, уже закипевший от насмешек в свою сторону и неудовлетворенный Рагнвар решил оставить тут и девчонку, поиграв с ней перед этим. Малышка языкастая попалась, ещё и с огоньком. Это она что, флейтой в глаз полутролля засветила? Да, сегодня им везет на ненормальных. Однако в следующий момент слова девчонки подействовали как ушат ледяной воды. Наемники

сорвались с места и рванули по направлению к месту ночевки. Про развлечения пришлось забыть. Надо признать, сегодня не их день.

[1] Вар = минута

[2] Тат = 1500 метров

[3] Ват = час

Глава 2 Иди в баню, тазики пинать!

И вот стою я посреди дороги, смотрю на наглого старика и не знаю, что делать. Повернусь, там пришибленный, не повернусь, придется дальше дедульку гипнотизировать. Я, кстати, это умею. Да и вообще я умненькая, а точнее, образованная. Весен эдак... много назад я в одном замке шестнадцать полных лун менестрелем служила. Ну и был там на службе не только маг, но и ученый муж, который меня и решил обучать по дружбе людской. А людской, потому что замок этот речного народа был. Так что я вполне себе ничего. Однако, вернемся к заболевшему, то есть наболевшему. Надо повернуться, а то он уже пыхтит как упырик над жареным мясом, и жрать охота и от жареного воротит. Эх, была, не была. И вот в позе полчища-зомбьяк-наступаю-давно-пора-бежать я так и застыла, даже занесенную для марш броска ногу не смогла опустить. А все почему? Потому что случился самый банальный ступор, с последующим окаменением, отупением и отказом речевого аппарата (эт я у научника нахваталась, не зря там чахла). Мой случайный спасенный не отличался большим разнообразием в позе или речи, так что стоим, ступорим. И что делать, не в одном мозгу. В конце концов, отмерла я, так как с запрокинутой головушкой ой как тяжело стоять. Да-да, это чудо было на голову меня выше, а то и на полторы. Но это ещё лешачьи проказы и водяного байки по сравнению с глазками неадекватного. А они у него как два изумрудика, причем лучшего качества, не вру. А затягивают в свой бездонный омут как, ах! А в остальном обычный, симпатичный представитель сильного пола, правда, выражение его моськи уж больно умалишенное. Нельзя ж так реально дибилушку изображать.

— Малыш-крепыш, чего стоим, чего ждем?

— Рядом стою. А твоё имя Малыш?

Ой, что сейчас будет.

— Нет, Малыш — это ты, а я Дана. Так чего ждешь, иди по делам, или домой.

— У меня нет дома. А что такое дела? А как по делам ходить? — тут же засыпали меня вопросами.

— А ты развернись и чеши вперед, там и дела найдешь на свою ж***.

Знаете, что он сделал? Нет? Так я подскажу. Он развернулся, начал остервенело чесать лоб и кричать «дела идите ко мне на ж***». Вам смешно, а мне нет. Это все посреди улицы. Да на нас уже оборачиваться начали и у виска странно так покручивать. Не, я-то нормальная, а вот это недоразумение явно сильно тыквой своей приложилось, или приложили. Так, пора прекращать представление.

— Малыш, шел бы ты! — и еще грозное выражение и сжатые в кулак ладони. Ага-ага, я злая тетя, вишь, даже твоих наемников спровадила. Двигай, давай, чего пялишься?

— Куда?

За следующую фразу я в последующем успела проклясть себя раз сто и столько же пнуть за недалёковидность. Ну, дура, она и в шкуре менестреля дура. Та-да-да-дам, барабанная дробь:

— В баню, тазики пинать.

— А так можно?

— Можно-можно, я разрешаю, вон в ту сторону иди, — и указала ему в первый

попавшийся поворот.

— А где там баня? — и смотрит на меня щенячьими глазками, не будь мужиком здоровым, усыновила бы, ей богу.

— Там детка, там. Ты иди, а потом у прохожих спросишь. Ну, давай, иди, потом расскажешь, как прошло.

— Хорошо.

Конечно, хорошо, милый, от чего ж плохо. И мне хорошо, я теперь свободна идти куда хочу, и тебя не тронут в торговых рядах. Так, пошпыняют и все. Пока-пока припадочный. Эх, а красивые у него глазки все-таки. И не раз они мне будут сниться.

Так, пора к трактирщику за добром своим. В седло, и поминай, как звали. Слишком уж проблемный город для меня.

Солнце клонилось к горизонту, рынок начал пустеть. Между рядами еще двигались перебежками пару запоздалых покупателей. Торговцы складывали свой товар. А в это время небезызвестная мужская фигура в капюшоне шла вдоль прилавков и усердно искала собеседника.

— А где баня? — бесцеремонно обратился мужчина к задержавшемуся торговцу.

— Вы мне? — торговец поднял глаза на высокую фигуру.

— Да, где баня?

— Смотрите, зачем вам баня, наниматься или по поручению, к тому же какая именно баня?

— Я тазики буду пинать.

— Простите, не понял, какие тазики? Не слышал о такой должности, — торговец явно понимал, что чего-то не понимает.

— А какие, я не спросил, — и всемирная скорбь на лице. — А какая разница?

— Не знаю, если честно. Вы бы вон в то здание обратились, — и торговец указал на дальнее здание с большими деревянными воротами.

— А, хорошо.

Пройдя мимо не менее удивленных, чем сам торговец свидетелей сей беседы, мужчина подошел к указанному дому. Как оказалось, это на самом деле была баня, однако ее владельцам очень не понравилось, когда некая странна личность начала удар за ударом, целенаправленно, разносить их детище. Да ещё чем, ТАЗИКАМИ! Кому расскажи, не поверят. И правильно сделают, ведь кто хочет восстанавливать разрушенное? А мне ой как не хотелось, так что я тоже не поверила, за компанию и во избежание финансовых проблем.

А все потому, что «мой Малыш» попал на следующий рассвет на невольничий рынок. У него, оказывается, рабское клеймо под плащом, на лопатке. Вот те и поворот. Хозяева несчастной баньки решили хоть с его шкуры возыметь денег на ремонт. Да только я тут мимо к выезду из города пробиралась. Угу, пробралась и выехала аж пять раз. Темень! Ну почему ему не срикошетило тазиком по темечку. И ему спокойней спится и мне безпроблематичней живется. Эх, мечты, мечты. А реальность сидит на цепи в клетке, и такая она несчастная и побитая, что сердце кровкой обливается.

— По какому праву этот человек в клетке? — и голос такой холодный и властный, что сосульки в шеренгу встали и на первый второй уже рассчитываются.

— Он не человек, он раб.

— И с чего вы это взяли?

— Клеймо.

— Да что вы? А то, что это чужой раб, вас не волнует? — уже даже спешила со своего жеребца. Ох, и нахальная рожа у этого торговца.

— С чего ты взяла, детка, что он чужой, — и раздевает меня своим засаленным взглядом. Ух, упырище!

— Во-первых, я не детка, а госпожа и на ВЫ, а во-вторых, это МОЙ раб, — пришлось выделить слова «вы» и «мой», а то этот жирный хряк явно туго соображает. В данном случае увеличение объема жира приводит к уменьшению умственных способностей.

— И что же, позвольте спросить... — я бессовестно его перебила.

— Позволяю.

— ...ваш раб делал в моем доме?

Темень и ее твари! Какого чешуйчатого демона он поплелся в дом к вот этому, не знаю даже чему? Ладно, мыслим логически, как учил научник. Куда я его послала? Правильно, в баню. А зачем и так понятно. Ну что, рискнем, чай не с драконами на золото играю. Да, с драконами пострашнее будет, однозначно!

— Так я его в баню послала, — и внимательно так смотрим на реакцию. Ага, удивлен, не ожидал, вон как сбледнул, знает, что за хищение рабов грозит. Аж харя осунулась. А мой «раб» разве что хвостиком от счастья не машет. Ишь как привязался, поди его еще не защищали ни разу.

— А зачем госпожа послала в баню посыльного?

— За кровкой свежей для вампирчика... — О да, только ради этого белого, пошедшего от страха красными пятнами лица-хари, стоило все это затеять. Ну и щенячьего взгляда «Мальша».

— ...а зачем же еще, конечно попариться захотелось.

— Простите, но ваш раб вчера разнес мою баню в щепки.

— Ха-ха-ха, очень смешно, освободите моего подопечного.

— Я не шучу, госпожа.

— Правда, и как же сей хилый субъект умудрился расколотить вашу прекрасную крепкую баньку? — сказать по правде, я догадывалась как, и от этого знания меня аж подкидывало и корчило от неудержимого, истерического смеха. Но нельзя, темень закрой меня, нельзя. Эх, дитяtko, сколько ж заговоренной кровки в тебя упырички влили, что силушка такая у тебя, а вот ума, похоже, как у тех же поминаемых упыриков, хватает только на «жрать, спать и ловить».

— Тазиками.

— Тазиками? — ВСЕ! Я на грани. Еще раз скажет слово «тазики» и я надолго впаду в беспомыслие сильнейшей истерики.

— Он их пинал.

— Кого? — знаю, что издеваюсь, но ничего с собой поделывать не могу. И ещё так, одну бровку вверх, чтоб видел всю силу глупости своей.

— Тазики

Вдох-выдох, вдох-выдох. Уф, я выдержала, и последний штрих в сей забавнейшей картине.

— Простите, а почему вы не предъявите обвинения непосредственно разрушителю, и не

оставите моего раба в покое?

— Какому разрушителю? — взвизгнул сей родственник отбивной.

— Тазикам! Уверена, они с радостью возместят весь ущерб, даже помогут от протекающей крыши, и пообещают больше не пинаться. Вы и дальше сможете пить вашу чудеснейшую сборку трав, только тазикам ни-ни, а то вдруг скакать начнут. Город не устоит. А у нас ведь тут король, нельзя нам нашествие подсобного материала допустить. В грязи ж порем. Так что вы с утварью больше не ссорьтесь, чревато революциями и разрушениями.

Побагровел, но ничегошеньки не сказал. А я уже в открытую ухмылялась, и старалась не скатиться в банальный припадок, окружающие полностью поддерживали меня в моем стремлении, однако решили себя не сдерживать. Поголовное падение ниже уровня пояса сопровождалось диким хохотом и всхлипами. И так самозабвенно народ отдавался истерии, что я аж обзавидовалась. Какой образованный нынче пошел, гордость берет.

— Госпожа, забирайте своего раба, только вам необходимо зарегистрировать его за собой во дворце, иначе у нас никак. Утерян-найден, требуется уведомить. Закон.

— Прямо сейчас и поеду во дворец, приогромнейшее спасибо.

И моего Малыша сняли с цепи и выпустили. То, что произошло дальше, просто ввело в массовый ступор весь невольничий рынок. Включая рабов. Этот изумрудный щеночек просто обнял меня. Но это еще вурдалачьи шалости. А вот когда этот заклинатель тазов и прочей домашней утвари подхватил меня на руки и понес в сторону дворца, я четко услышала падение нескольких слабонервных тел. Собственно, я была бы среди них, не лежи я на руках своего «раба». Вампирюга беззубый, как же приятно, когда тебя носят. Дракончики бескрылые, упырята обескровленные, лысые лешачки, бесхвостые русалки, бритые гномы и немая баншы, я в восторге!

— Темень и ее твари! — меня уронили! Позорно! В лужу, перед самым дворцом. Мой принц в черном плаще и с сильными руками все же обделен умом. Кто же с женщиной на руках по скользким ступенькам поднимается и смотрит вперед, а не под ноги. Кто-кто? Идиот! И как теперь во дворец прикажете явиться? А этот, кстати, не далеко от меня ушел (то есть приземлился), растянулся на ступеньках и невинно так на меня глядит. Губу расквасил, молодчик. Ладно, пусть будет мелкая месть за себя любимую

— Малыш, ты хоть понял, что только что сотворил?

— Уронил тебя.

— Ох, какая пронизательность, прям слов нет, одни ругательства.

— Извини! — и головку так виновато повесил, ни дать, ни взять нашкодивший щенок.

— Как звать тебя, недоразумение?

— Малыш.

— Нет, имя твое какое?

— Малыш, ты ведь сама сказала.

Такс, понятно, тяжелый случай. Зайдем с другой стороны.

— А кто твой хозяин?

— Ты.

— А предыдущий, ну в смысле, до меня кто был?

— Граф Вердано.

— А где он?

— Погиб на войне. А меня его сын отпустил и сказал, чтоб больше на глаза не попадался. Вот только как на глаза можно попасться, ими же не охотятся. А если не

послушаю его, то спина снова в крови и больно будет двигаться пять восходов. Но я на всякий случай не смотрю на глаза никому, ты первая.

— Информативненько. И часто спина твоя в крови? — не, ну надо же знать, как часто его пороли, глядишь, и пойму с чего тронулся этот недораб.

— Иногда закат встретить не успевал, как снова били, но потом пять закатов — и били. Сам виноват. Правильно, что били.

Да уж, тяжела ноша, но я ее не брошу. Это про моего нового знакомого. Виноват он, как же. Где ж это такого детинушку вырастили?

— Родом ты откуда, где родился?

— Не знаю.

— Как не знаешь? А родственники где?

— Граф говорил, что они от меня избавились. Он не рассказывал мне, кто они.

— В детстве бросили, значит.

— Не знаю, не помню...ничего не помню, — и эта катастрофа по части транспортировки тяжестей схватилась за голову и нос в землю. Ну вот что мне с ним делать? Ведь проблем от него больше чем пользы. Загубит же он мне всю жизнь. А в чем вообще он ходит? Ну-ка, сними-ка плащик дитятко, посмотрим на твое одеяние. Я потянулась к капюшону. Его, как и полагается, снимем первым. Снимаем и обмираем! Блондинчик! Не, не блондинчик, седой какой-то он. Волосы бело-серые как пепел. Точнее, белые пряди перемежаются с пепельными. А что, необычненько! Мне нравится. Ну, что? Снима-а-а-аем плащик.

— Сними плащ, пожалуйста, хочу знать, в чем ты одет.

Опа! А этот оценивающий взгляд откуда? Будто я его за чем-то другим раздеваю, а он присматривается: достойна ли я его бесценной персоны. Темень какая-то. Что за раб ненормальный? Заглядываю ему под челку и вижу...а вижу я, собственно, по щенячьи преданные глазки. А сам щеночек плащик медленно с плеч стаскивает, это притом, что он сидит на этом самом плащике. Я-то давно уже на корточках, а этот сидит, мокнет и ничего. Привстать ему все же пришлось. Результат: стоящий передо мной высоченный мужчина, в льняных подранных штанах и много раз заплатанной, не поддающегося определению цвета рубашке. Да уж, не густо.

— Повернись.

Он и повернулся. Я не завистливый человек, но ЭТО, заставило меня прямо гореть черной завистью. Волосы! Его волосы были ниже колен! Да, запутанные, да, грязные, да, неухоженные, но НИЖЕ КОЛЕН! Вы вообще видели такое? Вот и я нет! О, темень, чувствую себя ущербной. Какой, к драконам, он раб?

— Эээ, Мал... — какой он к лешему Малыш теперь. Но, назвался вампиром, будь добр, пей кровушку, — Малыш, а ты волосы почему не стрижешь? Рабам короткие положены.

— Но меня освободили. Я могу не стричь.

— Коротко, конечно можешь не стричь, но и так... — показываю на всю эту красоту рукой, — тоже нельзя.

— Почему?

Нет, вопрос, конечно, закономерный, но ты где позвошь спросить живешь звереныш? Да тебя первый же патруль лично ржавым мечом обскубает. У мужчин с этим строго. Рабы и рабочий народ носят короткие стрижки, дворяне носят по лопатки, а воины носят, как хотят. Правящий дом может носить длину ниже лопаток и до пониже спины, еще ниже — моветон.

Встретить же настолько ненормального воина с волосами до пят практически невозможно. А у меня тут освобожденный раб с шевелюрой. Нам-то женщинам ниже бедер никак нельзя, за исключением тех же принцесс.

— Потому что вызов на бой ты не переживешь, а по-другому ты не докажешь, что воин. Так что нужно тебя подстричь.

Темень, как же жалко-то. Рука не поднимается эту прелесть остричь. Но, надо, значит надо. Я отвела его с дороги в очередной переулок недалеко от королевского парка. Повернула его за плечи к себе спиной и достала нож из голенища сапога. Если б не во дворец, может и не решилась бы, а так выбора нет. Обливаясь кровавыми слезами, я занесла нож на уровне плеч (его, естественно). Сколько ж лишнего останется. Я уже было прижала лезвие к собранным в кулак волосам, как мой местами припадочный извернулся и схватил меня за руку с ножом. Стоим, смотрим на наши руки.

— Не надо.

— Что значит «не надо», самоубийца великовозрастный, тебе жить надоело? Так надо было на меч того наемника кидаться, да поскорее, пока я не вмешалась. У меня б одной проблемой меньше было. Чего хнычешь, чай не маленький. Поворачивайся обратно.

— Нет, нельзя стричь волосы, — и вцепился в нож как утопающий за соломинку.

— Чего это?

— Графский конюх пытался, сломал руку, подвернул ногу, а через пол лунного цикла помер на конюшне.

Ещё бы, где ж конюху дух испустить как не в конюшне. Небось, пьяница, каких не сыскать, вот и угробился в один несчастливый день. А этого, скорее всего, побоялись стричь снова. Народ суеверный у нас, вот и оброс бедняга. Но я-то в своем уме и при здоровой памяти.

— Давай, я все-таки попробую, а?

— Анита-кухарка и Валдарь-посыльный, тоже пробовали. Не стало ни ее, ни его. Утонули оба.

А вот тут рука у меня дрогнула. В конце концов, мне что, больше всех надо? Да ну его с его шевелюрой, моя жизнь мне дороже. Это что же за чудовище ко мне попало, что как только график какой-то издох, его (графа) домочадцы быстренько спровадили сие недоразумение. Ой, что-то тут не чисто. Куда ж я опять вляпалась? К водяному стрижку, под капюшон спрячу, пока что работало.

— Прячь под капюшон и пошли на поклон к чинушам.

Этот хрякообразный торговец точно уже успел донести, что утерянного раба нашел и возвратил. Во дворце подтверждения ждут. Вот же выкидыш вурдалака, не поверил на слово. А документов на «раба» у меня нет. Ладненько, будем убеждать, что с собой такие вещи не возим, авось...короче на авось.

Глава 3 Шантаж платежом красен

Государство, что столь рьяно оберегает традиции рабства на материке, зовется Ритар. Столица, в которой я сейчас нахожусь, тоже Ритар. Именно из-за столь не высокого развития страны теперь страдаю я. Стою посреди зала для приемов и пытаюсь донести до сиятельного совета, что вот этот неразумный мужчинка и есть мой раб. Так и никак иначе. Здесь все серьезно. Рабовладельческие дела рассматривает сам совет. Чтобы не дай Всевышние, не взбунтовались рабы, и не полетел к лешачьей прабабке весь их строй. Собственно, из трех людских государств только это все еще держит рабов не военнопленного характера. Два остальных, Марон и Гарна, приемлют только военнопленных в качестве рабов. И то только у высшего дворянства. Что же касается гномов, эльфов, дроу, драконов, орков, троллей, дриад и водяного народа, то их отношение к людям не столь однозначно. Все зависит от самих людей и их отношения. Вообще каждая раса старается держаться особняком и держать все свои традиции и секреты в пределах своих владений. Раньше, полторы тысячи весен назад, создавались всеобщие страны, где любая раса могла жить бок обок с остальными. Все подчинялись общим законам и говорили на всеобщем языке. Такие государства назывались Долинами. Каждая долина имела свое собственное название. Создателями таких долин были племена кашир — воины-кочевники, признанные лучшими воителями и магами земли. Сильнее защитников для долины не найти. Каждая долина была расположена в подпространственном кармане, который полностью контролировался воином кашир, создавшим его. Полная защищенность от внешнего вмешательства и контроль всего пространства делали долины островками мирной, счастливой жизни. Но новые территории и плодородная земля слишком привлекали внимание посторонних. Медленно, но верно планировалось завоевание долин. Как стражи были уничтожены, никто не знает, но с их смертью гибли и долины. Люди успевали переселиться, но земли были потеряны. Последняя долина, Долина трех лучей, устояла. Ее обитатели не пожелали сдаваться и уходить под страхом смерти от захватчиков. И на сей раз долина была просто жестоко вырезана. Не выжил никто. Земля умерла, жизнь там стала невозможна, и захватчики ушли ни с чем. По слухам, эта долина до сих пор находится где-то в подпространстве. Иногда люди и нелюди пропадают, а потом их выкидывает в разных местах. Они часто рассказывают про мертвую долину и удивительно слаженно ее описывают. Не знаю, правда или нет, но называют эту мифическую долину Долиной мертвого рассвета.

С уничтожения последней закрытой долины прошло около пятисот весен. С тех пор никто не слышал о племени кашир или стражах. Скорее всего, все стражи погибли со своими долинами. Печальный опыт объединенных государств больше никогда не пробовали повторить.

Но вернемся к нашим баранам, то есть членам совета. Какие-то они уставшие. Неужели рабы нынче свирепствуют. Интересно как? Встают слишком рано, переполнили амбары зерном? Может, не туго ошейники затягивают или слишком терпеливо переносят боль и не сбегали уже как десять полных лун? Кошмар, как они могли? Наказать, высечь, посадить на цепь. Никаких поблажек строптивцам. Вам смешно. А здесь народ настолько зашуганный, что побег — это что-то мифически недостижимое для простых смертных рабов. Рабы — это выдрессированная рабочая единица, натасканная на исполнение любых приказов хозяина.

Ни дать, ни взять преданные песики.

О, вот и нашего банщика принесла нелегкая. Значит, меня обвинять решил. Ох, и не разумно хряк, как же не разумно. Да я тебя под отбивную разделаю, жертва домашней утвари. Еще увидим, кто в лучшем состоянии будет, ты или твоя банька?

— Заседание совета по проблемам рабовладельцев считается открытым. С чем к нам пожаловали?

— Захват и возврат собственности, а именно раба кхм... — оборотень задери, как его назвать-то. Темень!

— Повторите, пожалуйста, имя раба.

Приплыли, пришвартовались и утопли на мелководье.

— Кха, кха... раб, по кличке Малыш, — вот так вам. Я ведь не соврала. Я не сказала, что это имя.

— Это его имя? — один из старейшин, которого я еще при входе окрестила трухлявым пеньком, явно не собирался меня так просто отпускать. Хорошо хоть самого обсуждаемого сюда не пустили.

— Нет, это кличка, — люди искусства не сдаются. Ложь и изворотливость нам как вторая мать. А как же иначе байки сочинять. О, по части баек я мастак. А вопросы надо правильно задавать.

— А какое у него имя? — похоже, слоган про «не сдаются» не одна я знаю.

— Его имя Малы... Малик, — а-а-а-а, чуть не прокололась. Придумывать имя на ходу, это не песни петь. Хотя я не пою.

— Вы являетесь его хозяйкой?

— Да.

— Ваше имя, — нормально, да? Вначале, значит, имя раба, а теперь только мое. Я же говорю, ненормальное королевство.

— Мое имя Суардана Дэнитар, — ну да, имечко у меня еще то, но какое уж есть.

— Госпожа Дэнитар, вы не принадлежите к дворянам, это так? — обратился ко мне весьма противный мужчина средних лет с кривым носом и похотливым взглядом. Он что, решил меня в постельные грелки к себе нанять? Да только через его труп.

— Так.

— В таком случае, как же вы заполучили, — пауза, — в свое пользование раба? — и сделал акцент на слове «пользование».

Фу, как грубо господин советник. Не думаю, что кто-то не понял двусмысленности этой фразы, так как смешки раздавались со всех сторон. А вот это ехидное выражение морды я где-то уже видела. Ага, попался озабоченный помощник главного советника. Откуда я это знаю? Да вот пару весен назад посчастливилось мне попасть к эльфийскому двору, а там посольство как раз прибывало. И данный субъект находился в его составе. И все бы ничего, да только замахнулся этот советничек на наследницу Младшего дома Виерн. А эльфы грубости не любят. Вот и опустила его наследница при всех в тронном зале. Да так, что все посольство без договоров в тот же вечер в обратный путь пустилось. Думается мне, что не знает Его Величество, кто повинен в провале миссии. Хи-хи. Поправим сию оплошность.

— А в пользование Малек мне был дарован самой Риандиэль, наследницей Младшего дома Виерн, две весны назад, во втором летнем полнолунии.

Как же побледнел младший советник. Просто душа радуется. Вот теперь я могу крушить зал заседаний, и мне за это ничегошеньки не будет. Все Малыш, рушь баньки тазиками,

вениками и лавочками, мы вне юрисдикции. Уря-а-а-а! Кажется, сей факт осознали все присутствующие.

— Вы сказали, что имело место хищение имущества, или, как вы выразились, захват. С вас требовали выкуп?

Уйти мой харосий. Какой умненький трухлявый пенечек. Похоже, меня сейчас жертвой сделают. А что, подыграем. Главное хорошая мина при плохой игре.

— Да, мой раб ушел по моему поручению и не вернулся. С утра я поехала на невольничий рынок в надежде отыскать своего преданного слугу и отыскала. Вот этот мужчина, — и указующий перст на такого плохого хряка, — хотел продать подарок самой наследницы, а вы понимаете, КАК она расстроилась бы, если бы узнала о таком, — О-о-о, они понимали. Особенно четко понимал кривоносый. Он аж дернулся при моих словах. Если у кого-то и были сомнения по поводу моей осведомленности, то после внимательного взгляда на младшего советника они развеялись. А я еще и слезинку пустила для достоверности. Ну прям святая невинность, а Малыш — бедная, несчастная девственница, почти принесенная в жертву страшным некромантом (он же жирный хряк).

Понятно, что с банщика штраф за незаконную торговлю так и так сдерут, но вот может и мне перепадет? Обнаглела? Ну, может и так. Чего ж не проучить зарвавшихся граждан.

— Леди Дэнитар, — ого, уже леди, да такими темпами и титул даруют и земли в придачу, дескать, лишние есть.

— ...этот гражданин требовал с вас деньги за вашего раба?

Да, да, да! Требовал, гад зарвавшийся, требовал. Похоже, ответ отразился на моей мордочке, поскольку советник кивнул. Но тут вмешалась уже отбитая (но видимо не добитая) свиная отбивная.

— Лорд советник, ее раб развалил мне всю баню. Пришел вечером и принялся крушить все вокруг. Ну, я его и посадил на цепь.

Ое-ей, чего это лорд хмурится изволит. Не-не, а ну-ка прежнее выражение всесочувствия на морду и в атаку на хряка (говорю ж стихами балуюсь). Давай же, он сам подсказку тебе дал. Вурдалаков клык, придётся помочь. Спасение умалишенных, дело самих умалишенных.

— Уважаемый, вы лично посадили его на цепь и в клетку? — только бы попался.

— Да, схватил за шиворот и на цепь... — ой, дибилушка-а-а-а! Рой, рой себе могилку, — ну и потрепал его немного, — правильно, поглубже, поглубже рой. Я б на твоём месте вообще с утеса сиганула.

— Вы хотите сказать, что мой раб разнес вашу баню, а вы его после этого, так просто, за шкуру, как котенка блохастого, взяли, да еще и отлупили. Как же так, если он такой сильный, что здания крушит? Почему же он не отбил от вас, уважаемый?

Я гений! Нет, даже не так. Я ГЕНИЙ! По мере того как просветлели лица советников и расцвел в идиотской улыбке кривонос, я поняла: банщику пришел полный и безоговорочный, ну тот, который выдает билетки в одну сторону без возможности возврата.

— Откуда мне знать, почему не отбивался. Баню же он таз...кхм-крх...кхе...разрушил как-то.

Как-то, разрушил, ага. Знаем мы это как, а точнее чем. Ну, я честно не хотела, но как говорится, не поминай имя великой банной емкости всуе.

— И чем же он ее разрушил? — вот и ножки уже подкосились, не держат они чревоугодника. Понял он, что не отвертится.

— Он это...пинал...и разрушил...сильно так...тазиками.

— Что сделал с тазиками? — переспросил лорд советник.

— Пинал он их, сильно пинал...и разнес все, тазиками.

Финал! Абзац! Занавес! Да уж, если и была надежда у несчастного, то только что она почилла смертью храбрых. А нечего было честных граждан на суд совета вызывать. Знаем мы их «отметится» и «поставить в известность». Мешочек серебряников он с меня хотел стясти, и поставить об этом в известность совет. А так всегда бывает, если крутишь пятой точкой перед мордой дракона. Тут два варианта развития событий. Или уголек на месте небезызвестной точки, или отсутствие ее же (точки, которая пятая).

— Позвольте взглянуть на этого всесильного раба, — решил поставить точку (не пятую!) в этом деле пенек.

Да как водяному в прорубь, легко! Один из стражников впустил в зал моего болезного, а в том, что он болезный, тут не сомневался никто. Весь из себя мокрый, грязный и облезлый, он представлял жалкое зрелище. Даже я не смогла бы лучше изобразить убогого. Вид а-ля били-били, колотили, морду в ж... кхм...в фаршик превратили.

— Советники, я вижу лишь избитого раба, не имеющего тех физических сил, что ему приписываются. Вы согласны со мной, — и все дружно кивают, подбородками забивая последние гвозди в гроб белого-пребелого банщика.

— Мой раб даже с лошади меня сегодня снять нормально не смог, — и демонстрирую грязную мокрую спину. На тебе, хряк, свечечку, пользуйся. Держи обеими руками на груди.

— Ну что ж. Заявления обеих сторон заслушаны и приняты к сведению. Совет вынес решение. Предоставить компенсацию в размере десяти золотых за материальный ущерб, а именно избиеие раба, леди Дэнитар, чьей собственностью и является вышеупомянутый раб. А так же, господин Негил приговаривается к каторге в горах в течение восьми полных лун. Заседание совета окончено. Поверенный удостоверится в выполнении предписанных обязательств.

Компенсация поистине королевская. Это, я так понимаю, совет решил взятку дать чужими руками и чужими деньгами. Оригинально. Я уже направлялась к выходу, когда уверенный голос окликнул меня.

— Леди, позвольте поинтересоваться вашим родом занятий?

Кто это еще? За спиной стоял молодой красивый мужчина. Высокий брюнет с синими глазами явно не был простым аристократишкой. Такс, у кого синие глазки из дворян? Правильно, у правящей династии. Но так как кронпринцу от силы весен четырнадцать, это герцог Итеар. О, здравствуй пол, давненько не виделись, как дела? Увы, пол общаться резко расхотел. А вот герцог все еще ждал ответа.

— Ваше Сиятельство, мое призвание музыка и поэзия.

— Вы менестрель, дорогая? — Ой, как не нравится мне его взгляд. Сирингой чувствую, не сбежать мне так легко из дворца. Где ж ты прятался, инкуб недоделанный. Хотя может и доделанный. Вон как одним взглядом меня припечатал. Красавчик. А как он произнес «дорогая», с придыханием, зомбяка его покусай.

— Да, — и я статуя. Что делаю? Стою. Гениально, правда? Откуда взялась? Да стояла тут уже. Я еще постою, вы не против? Вот и отлично, только пыль с меня вытирайте иногда. Ага!

— У вас чудесный голос, уверен и поете вы прекрасно.

А-а-а-а, банши оглуши меня, иначе я слюнку от этого голоса пуцу. Стоять, что значит,

пою прекрасно, куда клонишь, тля дворцовая, решил меня здесь оставить? Не, я мирная, но меня и так на день тут задержали. На большие жертвы не согласна. Так что, красавчик, растаяли твои чары, не достигнув цели. Лучше не продолжай.

— Я приглашаю вас... — молчи, — ...погостить... — да замолчи же ты, — ...у нас во дворце... — ну пожалуйста, — ...пару дней, если вас это не затруднит?

Затруднит, нас это ужасно затруднит. Вот только вам, Ваше Сиятельство, на это плевать с высокой колокольни. Темень и ее твари, меня ведь перед фактом поставили. А факты, как говаривал научник, упрямая вещь.

— С превеликим... — огромнейшим, — ...удовольствием... — отвращением, — ...погощу... — отбуду повинную, — ...у вас... — в рабстве, — ...Ваше... — офигевшее в корень, — ...Сиятельство. Спасибо за приглашение, — да чтоб вы...и на...и за...и еще три раза туда же и по тому же адресу.

— В таком случае вас проводят в ваши покои. Вам необходимо присутствие вашего раба?

— Да, желательно.

— Знаете, у нас нынче много высокопоставленных гостей в замке, вы могли бы скрасить одиночество за беседой с кем-то более образованным и родовитым.

За его «за беседой» стоит ковать, а за «кем-то более образованным и родовитым» — двуспальная кровать с балдахином, периной, шелковыми простынями и прикроватной тумбочкой, но все же, КРОВАТЬ!

— Всенепременно, однако, мой раб все равно нужен мне в моих покоях. Он привык спать под моей дверью, да и мне спокойней.

— Ваше желание закон, леди.

Конечно закон, если он служит вам. А если нет, то это приговор. Мне!

Глава 6 Оборотень ликану не родня

Опять извечный вопрос: За что? К нему еще парочка имеется. Где я? И насколько все плохо? На удивление, ребра не болят. Так, в груди саднит, и прокашляться хочется. И куда меня занесло? Листья шуршат, много листьев. Значит, в лесу или роще. Что-то шумит чуть левее от меня. Вроде вода, но какая-то... скрипучая что ли? Вокруг темно, что неудивительно при закрытых глазах. Мерцают приглушенные всполохи света. Костер!

Открываю глаза. Чистое звездное небо и полная луна. Уже ночь. И в правду горит костер. Слева речка, а шумела водяная мельница. Тишина, спокойствие, Паля пасется на небольшой поляне. В воздухе витает запах жареной рыбы и каши. Обнаженный по пояс воин плавно движется в сторону стоянки. С его волос, что шелковым каскадом струятся по спине и плечам, стекают хрустальные капельки речной воды. Ощущение, что воин мерцает и переливается в лунном свете. Потрясающее зрелище. Романтика!

Темень и ее твари! Что вообще со мной творится? Какая к лешему романтика? Я чуть концы не отдала, а меня волнует луна и звезды, да полуголый мужик с шевелюрой. Шевелюрой?! Ой, нехорошо-то как. Кажись, знаю я этого белого и пушистого, который на самом деле темный и колючий. Оборотень обрати меня, я покойница!

— Паля, дура, ты чего жрешь, предательница? — кобыла повернула ко мне голову, взглянула из-под длинной челки и снова вернулась к трапезе. Я опешила от такой наглости!

Недалеко от костра лежал пустой мешочек, раньше вмещавший сухофрукты в сахаре.

— Парочка сладостей и ты переметнулась? Да он тебя пустит на колбасу в первом же поселке. Спасай меня, тупая скотина, и я все прощу!

Ноль реакции, минимум движений! И что это значит? Она ведь умная кобыла, тогда что не так? Почему она спокойна и не спешит завершить лоботомию моего почти убийцы?

А мой личный кошмар на много весен вперед обратил на меня свое внимание. Ко мне идет, маньяк.

— Тронешь меня, и Палевая голову тебе откусит!

Кобыла явно была не согласна. Вся ее поза говорила: «ты тронулась подруга, как ты себе это представляешь, я похожа на того, кто мясом балуется, тем более протухшим?».

— Могла бы и поддержать, — в ответ мне презрительно фыркнули и углубились в нехитрое занятие, то бишь, поедание травы.

Вот интересно, она на дуру, предательницу или скотину обиделась. Наверное, на все вместе. А воин медленно, но верно приближался.

— Ты шею сверни и все, не мучай, а?

— Ты о чем? Кому шею свернуть? — а глаза зеленые-зеленые, чистые и светятся.

— Малыш!?

— Что? — и смотрит на меня растерянно и как-то глуповато, но так от этого взгляда тепло.

— Что вообще случилось?

— Ну, меня кобыла скинула, очнулся, тебя нет. Испугался и пошел искать. Ты на земле лежала, изо рта кровь текла. Тебя тоже она скинула? — и опасливый кивок в сторону Пали.

Ого, так он ее боится! Неудивительно после стольких-то падений, не считая той

ненормальной реакции. Похоже, власть сменилась, и власть имущие решили подкрепиться травкой и накопить силы перед возможным новым восстанием.

Повезло, что Ван не помнит ничего, не нужно нам конфликта личностей.

— Тебе больно?

— Честно говоря, нет. Хотя точно помню, что сломано ребро, — поворочалась немного, помяла бока — ничего, в смысле, не болит.

— Я полечил тебя немного. Ведь кровь ртом, это очень плохо. Я думал, умрешь, — и что-то мокрое, явно не речное, по щеке скатилось, медленно и почти незаметно.

Передо мной сидел растерянный ребенок, который чуть не потерял все в своей жизни. И я была этим всем для него. Страх от увиденного до сих пор читался в его глазах. Как же Ван боялся остаться один. В этот момент, он предпочел бы свою смерть моей.

— Не дождетесь! Раз уж и раньше уворачивалась от твоих попыток прикончить меня, то и дальше буду.

Вы, наверное, посчитаете меня ненормальной, но я не брошу Вана. Что-то глубоко внутри не давало мне это сделать. Оно же и шептало, Малыш мне не враг, а родная душа. Почти лунный цикл — это достаточный срок, чтобы стать, пусть, не родными, но близкими друг другу. Мы вместе попали в эту переделку, вместе и выберемся. Передо мной снова беззащитный ребенок, хоть и смертельно опасный. Как его оставить? Раньше не смогла и теперь не смогу. К тому же, у всех нас свои причуды и тараканы в голове. Приютили же меня, такую ненормальную, эльфы.

На ужин и в самом деле был речной окунь и рисовая каша. Как его ловил Ван, я даже знать не хочу. Понятно, что он не ванну принимал в штанах, следовательно, процесс ловли был бурным. Мне даже здешних рыбешек жалко стало. Они еще целый лунный цикл в себя приходиться будут от такого вандализма. Думается мне, что наш несчастный окунь был выдан Ваньке как жертвоприношение, только б он убрался от реки подальше. Как это ни прискорбно, но рыбки поступили мудро. Пожертвовали одним, чтобы спасти многих.

Спать легли поздно. День был полон переживаний и впечатлений. Каждому было чего страшиться и о чем подумать. Я, конечно, решила разграничить Ванюшу Малыша и Таривана маньяка, и воспринимать их как две абсолютно разные и не имеющие отношения друг к другу личности, но все равно побаивалась спать с ним у костра. Прошлую ночь я, подперев Ваньку спиной и повернувшись к костру лицом, проспала, на удивление, сладко. Но сегодня повторять приобретенный опыт хорошего сна мне расхотелось. Пока. Думаю, со временем я привыкну, а сейчас и тепла от костра хватит. Ван тоже так решил и лег с противоположной стороны от огня. Он явно хотел спать рядом, но то, как я отшатнулась от него, не произвольно, конечно, когда он проходил мимо, сказало ему лучше любых слов. Я не готова подпустить его ТАК близко.

На следующий рассвет мы почти достигли границы королевства Ритар и Пустынных степей. Степи — это кратчайший путь к Хрустальному лесу, однако, и самый опасный. Никто точно не скажет, сколько разнообразной злой нежити и жити живет здесь. К тому же, по территории степей постоянно рыщут отряды орков. Никогда не знаешь разбойники они или официальный патруль. А чаще всего и то и другое. Будь у нас больше времени, я никогда не проложила бы свой путь через степи. Но время, это та роскошь, которой у нас, к сожалению, нет.

В степях есть несколько скрытых троп. По ним мы и пойдем, предварительно заскочив в ближайший город за продовольствием. Опасность в том, что не я одна знаю эти скрытые

лазейки. Мало ли кого подкинет судьба в попутчики, а путь не близкий. Городов там нет, только орочьи поселки. Степи довольно большая территория и идти по ней не меньше двадцати двух рассветов. Многие преступники нашли приют в жаре и сухости степных равнин.

Дорога предстояла опасная. В любой момент мы должны быть готовы рвануть на всех парах, поскольку вступать в бой со степными жителями — верная смерть. С самого утра меня не покидала мысль, что я что-то упускаю. Что путь нынче опаснее, чем обычно. Но о чем мне пело чувство самосохранения, я так и не поняла.

— Пол мешка гречки, столько же риса и любой другой каши, овощи и бутылку сливовицы.

— Хорошо, юная госпожа. Могу ли я поинтересоваться, сколько вы пробудете в городе, я мог бы вам подешевле предлагать товар в будущем, — и торговец улыбнулся одними губами, но так искренне. Сухенький старичок повернулся к большому ящику с крупами и стал насыпать их содержимое в мои мешки.

— Сегодня вечером я покидаю ваш город, но спасибо за предложение, — этот седой карлик мне понравился, добрый.

— Как сегодня вечером?! — ужаснулся он, — одна!?

— Со спутником, но да, мы заехали только пополнить запасы.

На сморщенном как пожухлая листва лице отразился ужас. Я не впечатлительная, но меня проняло. Тем более что и сама я ощущала напряжение, витавшее в воздухе сегодня. Некстати вернулось чувство, что я забыла о чем-то важном. Важном, как вопрос жизни и смерти.

— Юная госпожа, вы что! Сегодня же второй день полнолуния. Вы попросту погибните со своим спутником.

Вот и уехали мы из города. Темень. Да разве что полный идиот или самоубийца выйдет на улицу в полнолуние близ границы Пустынных степей.

— Совсем безголовая стала, чуть не погубила нас, спасибо вам, милейший. Возьмите плату за товар.

Торговец взял медяки и взамен предал мне мешки с крупами, котомку с овощами и бутылку спиртного.

— Но здесь больше чем нужно, — догнал меня низкий голос старика.

— Считайте это благодарностью за спасенные жизни, избежать вам тьмы.

— Остаться на свету! — крикнул он в ответ.

Красиво все-таки звучат прощания и приветствия на чисто человеческом языке. Слегка суеверно, но это королевство по определению само ходячее суеверие. Да только, восхищаться языками, мне недолго осталось. Что теперь прикажете делать? В путь нельзя, остаться здесь — риск. Дальше заставы мы все равно не уйдем, съедят заживо. А кто съест? Да все те же ликаны треклятые, чтоб им троллиха в жены досталась. Обратни тоже свирепствуют, как-никак их время. Но эти хоть меру знают. Погрызть погрызут, потаскают за шкуру немного и все. На этом буйство второй ипостаси заканчивается. Обратни редко убивают людей, да и представителей других рас, и поверьте, делают это вполне осознанно.

А вот ликаны безумны в зверином облики. Как люди они так же потеряны. Добрый ликан, что милосердный орк — не существуют в природе. Ликаном становятся если выпить крови обратня. Рожденные же ликанами, навсегда теряют человеческую ипостась. Их зовут волколаками. Существуют целые поселения ликанов, особенно много их в степях. Эти твари

днем выглядят как любой другой человек, но стоит зайти солнцу и неконтролируемое превращение рождает кровожадных монстров. Полнолуние для ликанов своеобразный усилитель силы, и на третий день их сила достигает пика. От такого не сбежишь и не скроешься. Можно лишь спрятаться за городскими стенами, и то существует риск.

Да уж, такие опасные рассветы наступают лишь в конце месяца — полного лунного цикла. От полнолуния до полнолуния. Каждый месяц начинается с убывания нашего спутника Руи и длится сорок два рассвета. А месяцев у нас тринадцать. По три у каждого сезона и один перед зимой — месяц затишья. В этот период природа замирает и готовится к заморозкам. На небосклоне так же появляются еще два спутника, Уна и Тона и почти потухшая звезда Затха. Они сменяют друг друга, иногда освещая ночи несколько месяцев, а потом уходя во мрак на целый сезон. В отличие от своих сестер, Руи покидает небосклон только в проклятую ночь, когда весь мир окунается в кромешную темноту на сутки. В противоположность проклятой ночи существует весеннее равноденствие, когда ночь столь же светла, как день. В этот рассвет все четыре сестры делят небосвод поровну. Ведь Затха видна лишь изредка и, из-за своего слабого света, только ночью, а потому ее воспринимают наравне с Уной и Тоной.

Сегодня ночью Руи будет делить небо с Тоной. Но полной будет только первая сестра, тем самым знаменуя предпоследний рассвет лунного цикла. Очень опасный рассвет. Решено, остаемся в городе. Нужно срочно искать постоянный двор, иначе рискуем остаться на улице.

В конце торговых рядов виднелась коновязь и привязанные к ней кони. Я легко нашла среди них вороного и Палю. А вот где белобрый?

— Вот скажи мне, Паля, где твой подопечный?

Кобыла удивленно заржала.

— Не понимаешь? Вот у тебя мозгов явно больше чем у Вана, а все равно безответственная скотина. Не найдем его, на дороге заночевать придется.

Паля фыркнула и повернулась ко мне задом. Все ясно, ее мало волнует, где мы будем ночевать.

— Кажется, я погорячилась насчет мозгов. У тебя их тоже отродясь маловато, — кобыла развернулась и попыталась меня цапнуть, — не нравится, да? А теперь ответь, какой сегодня день, колбаска ходячая?

Паля застыла, подвигала губами, а потом в ужасе всхрипнула.

— То-то, не найдем блаженного, я — закуска, ты — гарнир, — будущий гарнир вопросительно на меня посмотрела, ожидая продолжения, — а он как всегда выживет, — развела я руками.

Не удивительно, что она со мной согласилась. Я отвязала вороного и Палю. У меня был план по поимке глупого Вана, но согласится ли со своей ролью кобыла?

— Даю тебе свободу действия, ищи, — на меня посмотрели как на умалишенную, думаю, никто раньше не использовал лошадь в качестве ищейки, — что смотришь, ты чаще всех к нему прижималась, вот и вынюхивай, давай.

Паля демонстративно встала и запрокинула голову, извещая о том, что дальше она и шагу не ступит.

— Когда найдешь его, дам сухофруктов, — даже не шелохнулась, — ладно, копытом промеж глаз, один раз, но только передним.

Вон как поскакала, чуть ли не галопом. Ну что за садистская компания. Хлебом не корми, дай напакостить или треснуть кого-то. Может и не такие страшные эти ликаны, у

Пали то целых четыре копыта. Да уж, и только их и оставят.

Темнеет, надо поскорее найти убежище. Демон с ним, с пристукнутым. Его трогать, ликанам дороже, не пропадет. Тем более в кобыле я не сомневалась. Не знаю, что она такое, но явно что-то разумное и с паршивым характером. А еще Паля сильно привязана к Малышу, что настораживает, но повода для беспокойства пока не дает.

В конце улицы виднелась вывеска «Цветок волка» на двухэтажной таверне презентабельного вида и с вымощенной булыжником дорогой к самому входу. Дорога — вещь не дешевая, а значит, и место для порядочных постояльцев. Второй этаж свидетельствует о наличии комнат для ночлега. То, что надо.

Тишина и не единой души вокруг. Неудивительно, все же вторая ночь полнолуния. Только почему пустынна только улочка, в конце которой приглянувшаяся мне таверна? Да какая разница, наверное дорогая для простого обывателя. А нас сейчас из-за сложившейся ситуации и презентабельный постоялый двор для аристократии ценами не смутит. Ведь лучше быть нищим, но живым, чем погрызенным зомби при деньгах. А именно им и станет любой, кто от глупости своей рискнет ходить по улицам в полнолуние близ Пустынных земель. И больше не тратя время на раздумья, я отдала вороного мальчишке конюху, что выскочил при моем приближении из пристроенной к основному зданию конюшни, и смело потянула на себя входную массивную дверь, на поверку оказавшуюся сосновой.

— Ясного вечера, — громко поздоровалась, подходя к стойке регистрации. Тут даже такое имеется. Явно таверна из дорогих, — где можно хозяина найти?

Щуплый рыжий подросток с покрытыми мозолями грязными руками вряд ли мог бы претендовать на роль хозяина, но помочь мне он может.

— Он в подвал спустился за вином, — отрапортовал явно произнесенную не раз про себя фразу.

— Скажи, а где переночевать у вас есть?

— Есть пара свободных комнат на втором этаже и еще...

— Дарк!

От этого грубого баса даже я подпрыгнула, не говоря уже о мальчишке. Тот и вовсе голову руками закрыл и пропотеть уже раз пять успел, пока владелец баса шел к нам. Огромных размеров орк с густой рыжей щетиной, кривыми клыками и гладкой, как начищенное серебро, головой, весьма плавно двигался. Удивительно, эта неуклюжая глыба должна при ходьбе, чуть ли не стены раздвигать по бокам от себя. А он ничего, даже плечом косяк не задел, когда в проем входил. Какой-то неправильный орк.

— Светлого будущего вам, — сказал, как послал. Далеко и надолго. А рожато-какая страшная при этом была. Бр-р-р. Но я пугаться и сдаваться не собиралась

— Ясного вечера, вы хозяин таверны?

— Комнат нет, — и грозно зыркнул на изрядно перепуганного мальчика.

— Может все-таки есть? Мы щедро оплатим свой постой.

— Мы? — орк поискал взглядом за моей спиной этого неизвестного «мы».

— Да, я и мой спутник. Нам хватит и небольшой коморки. Нам даже... — договорить мне не дали, поскольку я снова позорно подпрыгнула от этого рыка.

— Комнат нет!

Да-да, теперь это был рык. А Дарк вообще под стойку залез и не подавал признаков жизни. И что делать? Понятно и голодному вурдалаку, что крови здесь ему не дадут. Но снаружи еще хуже.

— Послушайте, сегодня полнолуние. Если вы не приютите нас, то приютят в своих желудках ликаны и волколаки!

— А мне до драконьего зада, чего там вас съест. Мест нет, вали...

— Грог, чего орешь на посетителей?

Приятный, немного хриплый голос раздался откуда-то снизу, за спиной орка. Невежда повернулся, и я смогла лицезреть молодого темнокожего мужчину с рыжими волосами, даже красными, и татуировкой под правой ключицей. Как я ее разглядела? Так этот мужчинка-огонек в одних штанах и босиком вылез из подвала с ящиком вина в мускулистых руках.

— Найти свет во тьме, красавица, — огонек поставил ящик на табуретку за прилавком и выпрямился.

— Остаться на свету.

Рыжий положил локти на стойку и почти перегнулся через нее, так, что между нашими лицами было не больше десяти тан[1]. Я дернулась в противоположную сторону, а он медленно вдохнул воздух в том месте, где еще ван назад было мое лицо.

— Чужая, — толи вопросительно, то ли утвердительно произнес он. Глаза его, тем не менее, выражали легкое замешательство. Он повернулся к орку, тот кивнул. Тогда рыжик вытянул откуда-то снизу рубашку и, повернувшись ко мне спиной, надел ее, застегнув под самый ворот. Мне кажется, или я единственная ничего не понимаю. Только сейчас до меня дошло, что после слов огонька в таверне стоит неестественная тишина. Осматриваюсь, так и есть, все пялятся на нас.

— Красавица, зачем пожаловала? — и улыбка приторно-сладкая.

— Я комнату снять на ночь хотела... — и это мой голос? Да уж, как-то совсем не уверенно звучит.

— Правда? — улыбка ширится. Теперь понимаю, чем она мне не нравится. Двумя небольшими, но на вид достаточно острыми клыками. Простите, ошиблась, четыремя. Темень!

— Д-да... уже поздно, и искать другой постоянный двор опасно...

Огонек посмотрел мне за спину и махнул рукой. Тут же живой шум наполнил обеденный зал.

— Опасно, красавица. Ты одна? — притворно сочувствующий голос, а в глазах золотой блеск. Они у него вообще желтые.

— Нет, у меня есть спутник.

— И где же он? — медленно, наслаждаясь каждым словом, как лакомством, спросил рыжий.

— Скоро найдет меня, — вот теперь мне не просто не по себе, мне жутко.

Огонек откинулся назад, убрал руки со стойки и обошел ее. Нарочито медленно, грациозно и удивительно плавно он двинулся на меня. Именно на меня, а не ко мне. Где-то я уже видела такие экономные и первобытно хищные движения. Я сглотнула, так как спазм, сдавивший горло, уже невозможно было терпеть. Почти упершись в меня своей грудью, нежно обнял меня левой рукой, стараясь как можно ближе прижать к себе.

— Успокойся, а то стук твоего трепыхающегося, как птица, сердца разве что на другой улице не слышно, — прошептал огонек мне прямо в ухо, изрядно пощекотав мне нервы своим частым дыханием.

Все той же левой рукой он нашел мою правую и взял за ладошку. Я, конечно, храбрая, но вздрогнула, как последняя трусиха, когда он поднял руку над головой и крутанул мое

тельце против часовой стрелки. Так как кисти остались сцеплены, я оказалась в ловушке из его и своих объятий, при этом упираясь спиной ему в грудь. Мне даже шевельнуться было страшно. Кажется, я начинаю понимать, почему здесь еще есть свободные комнаты.

— Эта красавица — моя гостья, — к моему виску прижались щекой, — относитесь к ней, как ко мне, — возвестил он на всю таверну. Удивительно, но его услышали и более того, даже закивали, не слаженно, конечно, не солдатики, но все же. Думаю, я нашла хозяина таверны. Поначалу меня испугало его «как ко мне», оказывается, зря. Его явно здесь уважают.

— Ну что, милая, пойдем наверх, покажу комнаты, — и он отпустил меня, сделав приглашающий жест рукой в сторону лестницы. Я бежать вверх к праотцам не спешила. Рыжий это понял, неопределенно хмыкнул и пошел первым, я за ним. Честно говоря, позорно приклеилась к его спине, так как внизу меня все еще прожигал гневным взглядом орк.

— Что? Решила совместить приятное с полезным, — ехидно выдал он.

— Нет, выбрала меньшее из зол, — буркнула я.

— А здесь, красавица, ты погорячилась. Кто сказал тебе, что я меньшее?

Я даже оступилась, вследствие чего непроизвольно отлепилась от огонька.

— Поздно бояться, теперь только принимать все, как должное, — вампиры клыки, СПАСИТЕ!

Мы поднялись на второй этаж. Две ближние к лестнице комнаты были абсолютно идентичны. Слева кровать, рядом тумбочка, справа пара вешалок, стул и трехногий столик.

— Устраивает?

— Более чем.

Если бы здесь оказалась лишь солома на полу и миска с водой, мой ответ не поменялся бы. Я просто до дрожи хотела сбежать отсюда и плевать, что за порогом может ждать смерть.

— Тогда пошли вниз, покормим тебя. Позже вещи занесешь.

Он меня с ложечки кормить решил? Не удивлюсь, если так. Когда снова вошла в зал, на меня обратили не больше внимания, чем на пыль с подоконника. Это радовало. В самом углу был свободный столик, вот туда я и понесла свои бранные мощи. Подходящее время осмотреться и найти пути отступления, а если честно, то бегства. Таковых оказалось всего два. Главный вход и окна. К заднему выходу не пробраться, там орк-потрошитель, а со второго этажа травмоопасно — брусчатка внизу.

Окинув столовую еще одним рассеянным взглядом, заметила одну странность. У всех присутствующих желтые глаза, и они отражают свет бликами. Василиск парализуй меня! Могу поклясться, раньше у тех двоих за стойкой были бирюзовые, как морская волна, глаза. А сейчас у всех они светятся золотом. Догадка просто прирастила меня к стулу. Пошевелиться — значит привлечь внимание. А мне ой как не хотелось их внимания.

— Самый вкусный ужин для самой красивой женщины.

От неожиданного появления хозяина таверны сильно прикусила губу, которую покусывала до этого от волнения.

— Что случилось? — не знаю, что огонек увидел, но лицо у него было весьма озадаченное. Бойтся, что ужин паникует раньше времени? Так поздно, ужин в истерике!

— С-с-с...с-с-с...спас-с-с...спасибо!

— Красавица, тебя никто не тронет, не посмеют. Ешь спокойно.

— Ты еще приятно аппетита пожелай, я тебе такой же вежливостью не отвечу, когда ужином буду я!

Растерялся на ван. Снова улыбнулся и спокойно так, с остановками, как умалишенному, начал:

— Красавица, ты чего? Какой ты ужин? Здесь ты в безопасности. Никто сюда не залезет, поверь мне.

Ага, уже раз десять поверила. Неужели я так дуру напоминаю. Хотя, только дура и могла так глупо попасть в неприятности.

— Сними рубашку, — улыбка медленно сползла с лица.

— Зачем, красавица? Давай попозже и в другой обстановке. Я не против.

— Зато я против, попозже я увижу только твои клыки, — прошипела я. Знаю, что глупо возмущаться, но лучшая защита — это нападение.

— Какие клыки? Давай ты поешь, и мы поговорим, хорошо? Нечего на голодный желудок беседу начинать.

— Конечно, лучше поесть, так сбежать сложнее будет, или это последний ужин?

— Успокойся, кошечка, спрячь коготки. Никто не претендует на твою шкурку, — слегка сухо ответил он. А мне стало еще страшней.

Пусть огонек мне чего-нибудь откусит, но неизвестность страшней всего. Я аккуратно встаю из-за стола и подхожу к нему. Ноги затряслись. Не бойсь, прорвемся. Медленно ложу руки ему на грудь и тяну в темноту угла, за моим столиком. А этот смотрит на меня в упор и ехидно скалится. Весело ему, паршивцу. Еще бы, кошка тоже с мышкой поиграть любит. Вот сейчас все и узнаем. Резко вскидываю ногу, удар в пах. Знаю, что подло, но людей жрать тоже не благородное занятие. Стон и хрип, значит попала. Выхватываю нож из голенища и приставляю к горлу.

— Подними голову, иначе глотку перережу.

— Какая грозная красавица, это твоя благодарность? — и он медленно разгибается.

Недолго думая, достаю второй нож из другого голенища и разрезаю рубаху снизу до самого ворота. Отвожу ножом край рубашки. Когтистая лапа волка. Дракон сожри меня! Все! Руки сами безвольно опускаются. Мне конец. И на этот раз, я на самом деле покойница.

— Красавица, если убить хотела, то ножи в руках куда эффективнее, чем на полу. Я, конечно, могу случайно наступить и порезаться, но ты же понимаешь, что все зарастет в тот же момент?

Понимаю. Все понимаю. Не понимаю только, когда ножи успела выронить. Теперь даже порезать его не могу. Это бесполезно, конечно, но болезненно. Так, маленькая месть за себя любимую.

А все почему? А потому, что я в таверне «Цветок волка» полной волков. Точнее оборотней. Татуировка в виде когтистой волчьей лапы под ключицей — метка стаи оборотней. Повезло же мне из всех постоянных дворов города прийти именно в логово оборотней. Вот не понравился мне этот орк, говорил же мне убираться. Так нет же, как это нас выгнать решили.

— Долго еще убиваться будешь?

— Пока не убьют.

— Ха-ха-ха, — мне паршиво, а он хохочет. Вот оборотень, — хватит хандрить, красавица, не съедим.

— Правда? — как-то безразлично у меня получилось, аж самой себя жалко стало.

— Мы людьми не питаемся, особенно такими хорошенькими, — и снова хохочет.

А ведь и правда, не питаются. Только если кого убить захотят. Они ж не ликаны. А кто сказал, что не ликаны? Ведь татушку я видела только у огонька. И снова себя жалко стало. Может я и дальше придавалась бы жалости к себе, но меня привлек шум снаружи. И не только меня.

— Пусти, пусти, ну пожалуйста! — лучше бы мне не был знаком этот несчастный голос и грозное фырканье.

Спустя ван таверну сотряс грохот выбиваемой двери. Все подскочили. Я бросилась к проходу в попытке сбежать и замерла у выбитой двери. На несчастной деревянной защитнице виднелись вмятины от копыт. Пока я рассматривала повреждения, в проеме показалась высокая фигура в капюшоне и лошадиная голова, что зубами держала за шкуру несчастного. Бесцеремонно впихнув фигуру в таверну, лошадь развернулась и дала залп по застывшему в изумлении мужчине. Снеся пару столиков и распластавшись посреди зала, фигура потеряла капюшон и явила оборотням моего ненормального Ваньку. Паля тем временем, решив, что долг выполнен, пошла штурмовать конюшню. Еще вар пять раздавались крики конюхов и треск дерева. Бесстрашное животное. Вокруг стая оборотней, а ей хоть бы хны. И ведь никто не напал на нее. Видимо, демонстрация копытоприкладства действует на всех существ одинаково.

— И что это было? — первым пришел в себя огонек.

— Бесстрашную скотину, что выбила двери, и, похоже, разнесла конюшню, зовут Палевая. А вот это недоразумение, — и пальцем показываю на сидящего на полу, и покусанного Вана, — что столь ловко проложило себе путь к стойке, зовут Ваном. Он мой друг.

— Слушай, Алкай, я теперь понимаю, чего она так бесстрашно к нам в полнолуние пришла. А чего ей, собственно, бояться-то с духом земли и магом земли? — прогрохотал орк, или оборотень? Вампир в крови только и разберется.

— Каким-каким духом? — не, ну я знала, что Ванька у нас маг, а вот про духа в первый раз слышу.

— Дух земли. Они часто в животных вселяются.

— И?

— И равновесие в мирах поддерживают. Правда, они, как правило, людей избегают, да и характер у них отвратный, — растолковал непонятливой мне Алкай. Да-да, теперь он Алкай, а не огонек. И безмозглomu зомби понятно, что он вожак.

— Так я что, с телохранителями теперь?

— Ну ты скажешь. Может маг тебе и поможет, а вот кобыла твоя просто кобыла с ужасным характером. Духи не вмешиваются в круговорот вещей.

— Какой умный оборотень, — и мертвая тишина вокруг. Третий раз за сегодня.

— Вот что мы тебе сделали? Я тебе даже защиту предоставил от самых надоедливых, которые максимум поприставали бы, а ты сразу «оборотень», — и обиженная мордашка передо мной. Оглядываюсь, и стая обиженных мордашек вокруг. Чего это они?

— И что не так? — растерянно развожу руками.

— Ну мы же тебя человечком не обзываем, — рыкнул обиженно оркооборотень. Как-как? Обиженно? Смотрю, точно, скала пустила слезу. Знаете, что я сделала? Да хохотала как ненормальная.

— И что смешного? — настойчиво спросил Алкай у хохотавшей меня. И вот чего я его

боялась, как зомби некроманта?

— Да вы... хи-ха-ха... смешные... ха-ха...

— Слушай, друг, который маг, забирай-ка ты ее в комнату. Ей похоже впечатлений на сегодня достаточно, а мы еще перекидываться будем. Услышите вой, не паникуйте, все будет под контролем, можете спать спокойно.

— А чем перекидываться? Можно с вами?

— Красавица, он что, оборотень? — повернулся ко мне вожак, и пальчиком в болезного тыкает.

— Он идиот, хотя и оборотень в своем роде. Ван, пошли спать, а то здесь скоро слишком много клыкастых и волосатых будет.

— Кого?

— Песиков, мальщ, — дружный рык.

— Правда? А я всегда собачку хотел, можно мне одну, — и около дюжины злющих желтых глаз впялились в моего белобрысого. Некоторые даже встали.

— Спокойно песики, говорю ж ненормальный он, по-другому не объяснить, — еще парочка поднялась. Ну что ж, помирать так с песней, — сидеть ребята, слюнки на стол не пускать, магов блаженных не обижать. Спасибо, что приютил, Алкай.

Хватаю Ваню за руку и со скоростью ветра влетаю в комнату на втором этаже. Последние слова я уже кричала почти со второго этажа, во избежание массового мщения. Фух, надеюсь, перебесятся в своей звериной ипостаси, да и подобреют. Транспортировать Малыша в соседнюю комнату не рискнула, так как отчетливо слышала парочку неконтролируемых смен ипостаси.

— Ванюша, давай их больше собачками и песиками не будем называть.

— Почему?

— Потому что иначе ходить нам покусанными, — при упоминание укусов белобрысик весь побледнел. Вот Паля садистка, скоро до заикания его доведет. — Ты, кстати, где был?

— Меня женщина позвала, сказала, что расслаблюсь, в облаках полетаю, — даже не хочу знать в каких именно.

— И что? Расслабился? — как-то грозно получилось. Ванька аж поник сразу. Или полетал плохо?

— Нет, она меня в какую-то комнату с дымом привела, — допустим, благовония.

— А потом раздеваться начала, — даже не сомневалась.

— Я попросил ее остановиться... — опять-таки, не сомневалась.

— А она сказала, что я могу ее сам раздеть, раз я так... таков шавун, — «такой шалун», но это тоже понятно.

— Я сказал «нет», и хотел встать, но она села на меня, — какая бойкая девица.

— И...и... — и дураку ясно, что было «и».

— Ну, что и?

— И начала раздевать меня, — плавали, знаем, одна пыталась. Даже не хочу знать, что с девицей стало.

— А я испугался и...

— Стоп, дальше опасно для моих нервов, — и он обиженно замолчал.

— А как тебя Паля нашла? — зря спросила.

Как оказалось, летание в небесах и срочная доставка связны между собой. Пришлось выслушать всю историю. Как же я не умерла от смеха, не знаю, но вот пресс подкачала, да и

охрипла совсем. А Малыш обиделся. Сильно, аж на пять вар. Прямо жуткая обида по сравнению с прошлым разом.

Молодой, красивый, высокий и мускулистый мужчина стоял около коновязи. Как оказалось, он был блондином с удивительно красивыми изумрудными глазами. Жоржета всегда питала слабость к сильным представителям противоположного пола, да и блондины приводили ее в трепет одним только своим видом. Последней мыслью, перед тем как она окликнула беловолосое божество, было: «Как мне повезло сегодня».

— Светлого будущего, воин, — будучи девой из увеселительного заведения, Жоржета всегда подмечала мелочи, чтобы полнее удовлетворить потребности клиентов. Очертания длинных волос, скрытых под плащом, в сочетании с мощным телосложением совершенно точно говорили о его воинственном прошлом.

— Спасибо, — мужчина явно был растерян.

Девушка из дома терпимости сразу оценила ситуацию. Ждать притязаний со стороны воина не стоит. Ну что ж, если она хочет заполучить его, нужно действовать наглее.

— Такой шикарный мужчина и один.

— Но я не один...

Девушка перебила его, принципиально не дав увести разговор в столь ненужную сторону, как отношения и верность.

— Вам наверное хочется отдохнуть и расслабиться. Вы, вероятно, сильно устали, — пауза, за которую женщина продемонстрировала свое глубокое декольте и влажные пухлые губы, — пойдём со мной, воин, и я тебе обещаю, ты будешь летать в облаках и наслаждаться каждым мгновением. Ты не забудешь этого никогда.

Резкий переход от официального обращения к более интимному в сочетании со словами, скрывающими наслаждение, было безотказным трюком этой женщины легкого поведения.

— Правда? — на лице воина было предвкушение, и Жоржета улыбнулась. Он уже принадлежал ей.

— Конечно, пойдём, — и воин послушно шел за своей повелительницей.

Как горда собой она была. Жоржета уже представляла перекошенные от зависти и злобы лица соремесленниц. Как будут рвать на себе волосы более зрелые девицы от собственной ненужности и бессилия. Эти картины вызывали восторг и чувство превосходства в очерствевшей душе нимфы.

Добравшись до особняка на окраине города, Жоржета сполна насладились своим триумфом и отвоевала лучшую комнату у своей вечной соперницы, Анабель. Как же бесилась врагиня, когда узрела белокурого воина. Всем и каждому было известно, что таким мужчинам нет нужды ходить в бордель, и раз уж такое случилось, то у Жоржеты вскоре появится покровитель, а может и муж.

Пропустив воина в комнату, затуманенную легким дымом благовоний и свечей, Жоржета скользнула за ширму. Если она хочет покорить его полностью, ей нужен особый наряд. В мгновение ока она переделалась и предстала перед мужчиной, что держал в руках ее будущее, во всей красе. Она только медленно начала спускать наряд с плеча, когда раздался встревоженный голос с кровати.

— Что вы делаете?

— Т-ш-ш, любимый, все узнаешь, все увидишь, — и плавно покачивая бедрами в такт движениям рук, что все больше оголяли верхнюю часть ее аппетитного тела, двинулась к своему избраннику, как хищница к жертве.

— Не надо раздеваться... — беспокойство в глазах воина не понравилось Жорж, но она не придала ему должного внимания.

— Можешь раздеть меня сам, если ты такой шалун, — и она подошла к самой кровати, — чего ты ждешь, мой повелитель? Сорви с меня все это тряпье, я хочу почувствовать твои руки на своем голом, изнывающем теле-е-е.

Чем больше говорила девица, тем шире становились глаза воина, и тем больше непонимания и испуга читалось в них. Но Жорж не видела этого, она самозабвенно пела свое соло там, где возможен только дуэт.

— Я не буду... не надо, — не обращая внимания на содержание фраз, она слышала лишь его будоражащий голос. Поднявшись на кровать, она легко села на него верхом и принялась стягивать плащ. Над причиной, почему он не снял его при входе, Жорж не задумалась тогда, не задумалась и сейчас. Еще одна ошибка ослепленной своей самоуверенностью и целью алчной женщины.

— Хватит! Не надо! — крик беловолосого мужчины не достигал предназначенных для него ушей, зато достиг других ушей.

Спустя пару мгновений в двойные двери дворца утех раздался мощный стук, от чего задрожали стекла. Многие повыходили из своих комнат, как нимфы любви, так и их мужчины. На второй громopodobный стук вышли все, в том числе и дворецкий, который усиленно делал вид, что это не по его душу. А за душу уже начали переживать все. Как-никак полнолуние. В это же время раздался третий и последний в существовании двустворчатой двери удар. Одна сторона оторвалась вместе с петлями и косяком, вторая раскрошилась и осыпалась на покрашенный желтой краской пол. Порыв ветра погасил почти все огни в здании, создавая атмосферу отчаяния и ужаса. За то время, пока оседала пыль, не было произнесено ни звука. Только цокот приближающихся копыт, как похоронный марш, обрекал всех обитателей небогоугодного заведения на страшные мучения и расплату.

В это время молодой воин, сбегая от настырной девицы, извернулся и соскочил с кровати. Растерявшаяся Жорж не сразу поняла, что случилось. Дверь с грохотом распахнулась, потушив свечи, а в ней неизвестное существо, с вывернутыми ногами и длинными волосами спереди. Комната погрузилась в полумрак. Как только последняя преграда была сломана, в темное пространство ворвался свежий воздух и причитания:

— Это Всенижний!

— Нам всем конец!

— Он пришел за нами, грешниками!

— Его пламя сожжет, нас! Мы обречены!

— Всенижнему нужна Жорж! Она — распутница, совратила праведника!

— Да, он был чист душой, она убила его благочестие!

— Она убийца!

— Воровка!

— Ведьма!

— Некромантка!

Все девицы орали как одна, обвиняя Жорж. И каждая из них была в той же степени

грешна. Но кто оклеветает сам себя? Дураков нет.

Жоржета видела перед собой чудовище. Она слышала все, о чем кричали снизу. Неужели она совратила этого праведника. Неужели Всенизший пришел за ней из-за ее грехов.

Тем временем чудовище развернулось, и Жорж узрела его вторую морду. Такую же уродливую и мерзкую, как первая. Ведь никто и предположить не мог, что одна из девушек, испугавшись, насадит свой лучший корсет, что был в этот момент у ее спутника в руках, прямо на морду «Всенижнему».

Медленно двигая копытами, исчадьё низших миров приближалось к Жоржете. Женщина в ужасе не могла пошевелиться, только немигающе смотрела на свою кару. Чудовище полыхнуло горячим паром и вновь развернулось первой мордой. Удар двумя вывернутыми наружу конечностями, и кровать погребла под собой одну из искуснейших нимф дворца утех.

Спустя неполный лунный цикл, никто и не вспоминал о нимфе Жоржете. Все знали послушницу Всевышних, Жоржету Очистившуюся.

Около двадцати человек той ночью стали свидетелями жестокой расправы над согрешившим праведником. Двумордое исчадьё спустило несчастного с лестницы. А настигнув его внизу, оно начало копытами выбивать из него дух, топчась. Когда же грешный смог подняться, вторая морда чудовища попыталась проглотить его, но воин извернулся и содрал с него кожу. О том, что это предмет женского нижнего белья так никто и не узнает.

От зрелища снимаемой кожи все дамы лишились чувств и не были более свидетелями того, как монстр все-таки схвати зубами обреченного и, изрыгая ядовитый пар, поскакал в ночь, освещенную полной луной.

В это беспокойное время полнолуния многие по всему городу видели несущееся нечто, что тащило по брусчатке тело почти мертвого грешника, бывшего праведником.

Посреди ночи раздался душераздирающий крик, от которого кровь стыла в жилах. От него я и проснулась. Все еще пытаюсь отдышаться и прийти в себя, взглядом поискала Вана. Он сидел на расстеленном на полу одеяле и пораженно смотрел на меня своими хризолитовыми глазами. И я поняла, кричала я. Осознание накрыло удушающей волной. Кто-то умрет. Я была в этом уверена. Сегодня ночью мне снова придется петь скорбную песнь.

Блок спал раньше на три весны. Я надеялась больше никогда не чувствовать смерть и страдания. Как наивно для плакальщицы. Я обхватила колени руками и оперлась на них подбородком. Теперь сон еще долго ко мне не придет.

— Дана, что случилось? — Малыш был сильно взволнован. Хорошо, что пока не боится меня, другие в ужасе от моего крика бежали как можно дальше.

— Кто-то умрет сегодня, я уверена.

— Кто? — и искренний, ничем не затуманенный интерес.

— Не знаю, Ваня. Я никогда не знаю этого до момента смерти.

— А после?

— А после я вижу их смерть, боль и страдания, но помочь не могу, только проводить их души в другой мир песней.

— Ты поешь? — и удивленно смотрит на меня.

— Да, но ты не услышишь.

— Почему? — обиженно спросил Малыш. Я отпустила колени и спустила ноги с кровати. Ван тут же подсел ближе, скрестив свои ноги перед собой, и в ожидании уставился на меня. Прямо любознательное дите.

— Потому что мои песни слышит только умирающий, и больше никто.

— Когда я умру, я тоже услышу твою песню? — меня прошиб холодный пот. Только не это. Я больше не хочу оплакивать друзей.

— Нет, Ван, ты не умрешь. По крайней мере, пока. И про песни я даже слышать не хочу!

Мы замолчали. Говорить больше не хотелось. Как же я ненавижу ожидание чьей-то смерти. Ужаснее этого, для меня нет ничего. Знать, что кто-то, неподозревающий ни о чем, сегодня лишится жизни, и ты ничем не можешь ему помочь. Ведь ты не знаешь, над кем простерла свои костлявые руки дама с косой. Это чувство сродни с отчаянием, только намного сильнее.

Ванюша почувствовал мое состояние. Он подполз поближе и положил свою голову мне на колени, при этом крепко обняв их руками. Я была ему благодарна за это. Никто раньше не рисковал подходить ко мне после крика банши. Мое мрачное и скорбное настроение распространялось на таты вокруг. Никто не решался нарушить мое молчание или коснуться меня. И только сейчас я понимаю, насколько мне не хватало дружеского плеча в такие моменты. Спасибо тебе, неизвестный воин, что подарил мне моего ненормального Малыша.

Из задумчивости меня выдернула душа, что была притянута моим жестоким даром. Началось. Нежно поглаживая своего друга по бело-пепельным волосам, слегка спутанным ото сна, и чувствуя его спокойное, равномерное дыхание, я начала свою песню.

Услышь мою песню, уходящий.

Покой свой душою прими.

Голос мой, для всех вещей,

Поможет тебе отойти.

Солнце жизни твоей заходит,

Но прекрасен закат твой.

Смерть твоя рядышком бродит,

И завет моя песня за собой.

Ты услышь меня, душа.

Будь готова принять судьбу.

И лети за грань не спеша

В новую жизнь свою.

Вместе с последними словами пришло долгожданное облегчение. Душа ушла ко Всезнающим. Груз отчаяния спал. Я тяжело вздохнула, все закончилось.

— Красивая песня.

— Какая песня, Малыш? — он повернул голову так, чтоб его лицо смотрело на мое.

— Которую ты пела. Я слушал ее, и мне становилось так хорошо и легко-легко.

Не могу в это поверить. Он слышал песню банши. Невозможно. Если только...

— Ваня, как ты себя чувствуешь? Что-нибудь болит, тебе плохо? — я лихорадочно начала ощупывать его, заглядывать в глаза и даже рубашку стянула. Он, на удивление, не сопротивлялся. Темень знает что! Он в порядке. Да и душа умершего уже ушла, а этот вроде с

душой пока. Ничего не понимаю.

— А ты точно слышал песню, может, приснилось? — подозрительно присматриваюсь к нему.

— Услышь меня, уходящий. Покой свой душою прими. Голос мой для...

— Все-все поняла. Ты слышал, но как?

— Как? Ну, я уши не закрывал, а ты достаточно громко пела.

Я в прострации. Мало того, что это недоразумение меня не испугалось, так еще и песни мои слышит. Нет, он однозначно что-то уникальное, или ненормальное. Хотя, и то и другое.

— Знаешь, а я банши.

— Правда? — и только живой интерес, никакого ужаса и паники. Горгулья разорви меня. Где ж ты жил все это время, в подвале?

А ужаса я жду от него по одной простой и довольно древней причине. Около четырехсот пятидесяти весен назад нас, банши, заклеямили нечистью и приписали нам массовые убийства. Дескать, мы ради прихоти народ сотнями положить можем. А то, что этот народ воует и сам себя вырезает, никого не волновало. Дошло до того, что наш крик расценивался как проклятие смерти. Будто мы сами кричим, когда нам вздумается, и убиваем того, кого захотим. Никто больше не верил, что банши лишь предсказывают смерть и оплакивают умерших.

Как следствие массового безумия, нас начали целенаправленно истреблять. Тогда-то я и вкусила жизнь в бегах. К счастью, эльфы, что светлые, что темные, не страдали суеверием, а почитали великих плакальщиц. Были еще водные народы, дриады и драконы, кто не поверил в чушь, что несли люди, орки, тролли и вампиры. Хотя, кто слушал вампиров, их самих нещадно вырезали. Были и те, кто просто избегал нас, например гномы и оборотни. Многие племена воинов также сохраняли нейтралитет. А вот маги свирепствовали. Именно из-за них нас так мало осталось. Меня как раз отряд таких фанатиков преследовал, когда глава тайной разведки Хрустальных лесов в засаде сидел. Я, если честно, вообще ничего не помню, до того момента как очнулась во дворце светлых. Мне рассказали, что один сильный некромант меня темной молнией по голове приложил. А принес мое бессознательное тельце именно глава разведки, который этих самых магов и спровадил с эльфийской территории. Первое время я даже не знала, что я такое. Просто Баск блок поставил, и я жила как обычный человек с огромной продолжительностью жизни. Спустя весен эдак десять, Светлый Владыка обновить блок забыл. Ну и начались мои мрачные будни. Тогда-то я и узнала, что я такое и чем мне это грозит. А грозило, ни много, ни мало, смертью, причем моей. Вот и ошивалась я у эльфов довольно часто. Уходила, проблемы находила и назад в эльфийские кусты, под рясу Владыки. Вот и сейчас путь держу все в те же кусты.

Рассвет. Можно подниматься и приводить себя в порядок. Ах да, на коленях белокурая голова. Прислушалась, спит. Ладно, итак всю ночь со мной возился. Пусть поспит, можно еще ват побездельничать, только вот ноги бессовестно затекли.

Стук в дверь. Ну и как прикажете мне открывать, я, между прочим, в одной рубаше до колен, на которых беспробудно дрыхнет тяжеленный маг. Стук повторился. Ладно, скромностью никогда не отличалась.

— Входите, — ручка опустилась, а дверь не шелохнулась. Еще одна попытка привила к полному игнорированию того, кто снаружи наглой дверью.

— Заперто, — раздалось с той стороны от деревянной упрямыцы. Знаю, что заперто, сама приложила к этому руку.

— Я открыть не могу, — и ведь не соврала.

Недовольное фырканье, возня за дверью и, вуаля, в проеме стоит одетый с влажными волосами, похоже, только после ванн процедур, Алкай. Рубашка липнет к еще влажному телу, очерчивая сбитые, рельефные мускулы и узкую талию. Растерянно смотрю на него, а он не менее удивленно на меня, и не двигается.

— Я... это...помешал? — и легкий румянец на щеках. Не знай я ситуацию, решила бы, что это он после ванны распарился, а так.

— Он спит, не помешал. Я его посреди ночи случайно разбудила, кошмар приснился, так он меня успокаивал, — и вот чего оправдываюсь? Голос и так позорно срывается.

— Ну да, кошмар, — хмыкнул огонек, — это тот, после которого у меня пол стаи перекинулись в людей и молиться стали? Тогда понимаю, почему он не спал, — спокойно пояснил Алкай.

— Э-э-эм... пол стаи?! — как-то не верится, неужели я так громко кричала. Наверное, нынешний покойник за пределами города был. Странно, я раньше так далеко на смерти не реагировала, только те, что в пределах одного тата от меня. Ой как это не хорошо.

— Да, красавица, мы в двух татах от города охотились, а тут такое. Не до охоты уже было. Особенно, когда убитого крестьянина нашли.

— Ликаны? — грустно поинтересовалась. Ясно, кто нынче преставился.

— Нет, хорошая моя, тело целое. А вот лицо от ужаса перекошено и глаза черны, как уголь. Понимаешь, о ком я?

Волколак покусай, я покойница. Понимаю, что я часто нынче упокоеваюсь, но что поделать, если столько существ мне этого желают. Почерневшие глаза, лицо искаженное гримасой боли и беззвучного крика следствие воздействия особых существ. Такое сделать могут лишь Проклятые, или по-другому — каратели. Они получают цель и не успокаиваются, пока не уничтожат ее. Натравить карателя можно только на согрешившего, или кого выставили грешником. Они потому и каратели, что не просто убивают, а именно карают за злодеяния. Мучают до тех пор, пока не посчитают правосудие свершившимся. Ходят слухи, что есть один отряд карателей на королевской службе у Гарны. Использование силы проклятых строго запрещено. Это ужасные потусторонние твари, которых контролирует некромант. А так как некроманты уже давно считаются нечистью, то и каратели вне закона.

Не сложно догадаться, кто решил замести следы. Но вот откуда знает об этом оборотень? С чего он вообще взял, что они за мной?

— Думаешь, с чего я взял, что они за тобой, — удивленно моргаю.

— Именно так и думаю.

— Они по твоему следу шли. Я немного пропетлял и походил за ними. Так они точнехонько по запаху одной красавицы идут, что к нам с запада прискакала. И вот интересно, прямо со стороны столицы, где нынче парочка некромантов и группа наемников сокровищницу разорили. Странно, правда. А еще страннее, что отряд королевских войск сегодня с утра мимо городских ворот прошел, а вот каратели, которых здесь вообще быть не должно, по городу шастают. Кому ж ты так насолить успела, плакальщица? — я испугалась.

Что он теперь делать будет? Сдаст меня им и спасет стаю? Конечно, сдаст! Оборотни к банши нежных чувств никогда не испытывали, не говоря уже о том, что у них проклятые на пороге топчутся.

— Хватит хмуриться, красавица. Я не за тем сюда пришел и все рассказал, чтоб

карателям тебя на блюдечке подать, — он усмехнулся, оперся о косяк спиной и сложил руки на груди, — давай рассказывай, будем вместе думать, как тебя из города вывести незаметно.

— Правильно, прямо в пасть степным ликанам. Как раз третий день полнолуния. Даже косточек не останется, чтобы засвидетельствовать мою кончину.

— Опять царапаться пытаешься, кошечка? Успокойся. Я помочь хочу.

— С чего бы это? — и недоверчиво поднимаем правую бровь.

— С того, что одна баши когда-то давно очень помогла мне. Хочу вернуть долг.

— Я не та банши.

— Знаю. Ту убили, а значит, вернуть долг я могу только ее соплеменнице.

— И что же она такого сделала? — Ван на коленях пошевелился, причмокнул во сне и снова засопел.

— У тебя ноги еще не отвалились? — и подозрительно глянул на Вана.

— Тебя мои ноги вообще не должны волновать, рассказывай.

— Ну что ты опять шипишь на меня, я же не рычу.

— Еще чего не хватало.

— Злая ты, — и обиженная мордочка, — ладно. Когда мне было двенадцать весен, к нам на постой пришла женщина. Моя мать, как хозяйка, помогла ей устроиться. На пятый рассвет мы услышали истошный крик. Он как ледяной тайфун сковал наши сердца. Отец сказал тогда: «Смерть пришла». Я не понял смысла. Не понял и, когда мама не вышла работать в таверну, а осталась со мной и младшим братом на весь день. Она пела нам песни, рассказывала сказки, играла с нами и каждую минуту старалась обнять или поцеловать. Отец пришел только вечером, обнял мать и так и остался стоять. Впервые я видел, как по его щекам текли слезы. К полуночи спустилась та странная женщина. Она подошла к отцу с матерью и положила маме руку на голову. Моя мама безвольно осела в объятия мужа. Мы с братом кинулись к ней, а женщина закрыла глаза и не двигалась. Мы слышали лишь собственный плач и всхлипы, но когда банши открыла глаза, пришло облегчение. Не было ни скорби, ни отчаяния, только спокойствие и безмятежность. До сих пор я вспоминаю о маме с улыбкой, а не тоской. Позже я узнал, что мать была больна, и если бы не эта странная женщина, мы так и не смогли бы провести самый чудесный день вместе. Песнь банши не просто помогает душе уйти, но и уносит с собой скорбь, принося облегчение. Я понял это на собственном опыте. Мне незачем желать тебе смерти, плакальщица.

И я поверила. Каждый, кто хоть раз испытывал нашу силу на себе, уже с трудом верил в весь тот бред, что распространяли маги.

— Хорошо, как нам уйти из города и не попасть в лапы к ликанам? Проще завоевать королевство или эльфов ругаться заставить, — оборотень улыбнулся.

— Думаю, я заслужил право узнать твое имя, красавица.

— А чем тебе красавица не нравится?

— Тем, что это не имя. Меня зовут Алкайна Вайне из стаи рыжих волков. Я альфа по праву рождения и самого сильного в стае.

— Суардана Дэнитар, банши. По праву плакальщицы уже четыреста пятьдесят весен в бегах.

— Арк Тариван...м-м-м... Атар... вохм-м-м-ка... шир... — я даже не сразу сообразила, что это Ванюша во сне представиться решил. Он значит Арк Тариван Атар и какой-то там шир. Интересно.

— Чего это с ним?

— Он тебе тоже представился, — и посмотрев на растерянного оборотня, добавила, — не бери в голову.

И мы начали строить план моего бегства. Вскоре к нам присоединился орк и Ванька. Через множество споров, криков и ругани мы пришли к самому оптимальному решению. Меня будут сопровождать самые сильные оборотни стаи, каковых оказалось пятеро, не считая Алкая. Они доведут нас до первого поста, что как раз займет всю ночь. А дальше Руи пойдет на убыль, и опасность от ликанов будет минимальная. Они вновь забьются в свои логова и будут крутиться возле него, не рискуя заходить в поселки и маленькие города до следующего полнолуния.

[1] Тан = сантиметр

Глава 7 Лучше старый враг, чем новый друг

Закат. Последние лучи касаются поверхности зданий, перед тем как скрыться за горизонтом до следующего рассвета. К воротам приграничного городка Лорк, что был последним островком цивилизации перед Пустынными степями, подъехали два всадника в плащах. Окинув чужаков нервным взглядом, и не решившись провести досмотр, стражники пропустили их. Войдя в город, сомнительные личности в капюшонах спешили и попросту растворились в толпе спешащих по домам горожан. Прошло не более пятнадцати вар, когда двое мужчин снова встретились в переулке не далеко от таверны «Цветок волка». Прирожденные разведчики великолепно знали свое дело.

— Вчера в город прибыла девушка с беловолосым воином. Они остановились вон в той таверне. По слухам, эта таверна принадлежит оборотню, и там принимают только своих.

Количество собранной за несколько вар информации поражало. Но на то они и тайные службы.

— Ты хочешь сказать, что герцог подставил парочку оборотней? Ха, да уж! Я был лучшего о нем мнения.

— Не спеши с выводами, Салван. Они вошли туда, но может их очень быстро оттуда спровадили, — эльф не сводил цепкого взгляда с таверны.

Его мучало нехорошее предчувствие. Именно оно толкнуло обоих наемников в погоню за двумя «некрмантами», искусно подставленными Олсано.

— Нет, они там. Сегодня утром тут ошивались каратели, но войти, как ты понимаешь, не решились. Как-никак стая оборотней. Видимо, решили, как и ты, что девицы там уже нет.

— Думаю, ты прав. Но как она со спутником прошла? — это был животрепещущий вопрос.

— Есть еще кое-что, — наемник подождал, пока маг обратит на него внимание, — сегодня ночью весь город слышал крик банши. Причем впервые за много десятков весен.

— Нам надо подобраться к девчонке. И как можно быстрее, — беспокойство заглушило все остальные чувства. Но эльф сдержался. Не время показывать личную заинтересованность.

— Знаешь, в начале я не видел смысла в преследовании, но теперь готов признать, ты был прав. Они не простые горожане. То, что произошло во дворце, не дело рук герцога. Эти ребята умудрились пошуметь и нанести больший ущерб, чем мы. И как неординарно у них это получилось, аж зависть берет.

— И не говори, отличились, ничего не скажешь. Мало за кем отряд карателей пошлют. Должно быть, они изрядно герцогу насолили.

— Темнеет, может в таверну зайдём? — и наемник с еле заметной улыбкой заискивающе посмотрел на своего напарника.

— Открыто хочешь действовать? Давно я не разминался, — и полу эльф прогнулся назад, потянул спину, поднял вверх руки и несколько раз наклонился в стороны и вперед. Но и упырю ясно, что под разминкой понималось что-то более агрессивное.

Две широкие мужские фигуры, отличающиеся ростом, уверенными шагами направились ко входу таверны «Цветок волка».

Вот и вечер. Я сидела за столиком в обеденном зале и смотрела в занавешенное окно. Шестеро оборотней, полностью экипированные, заканчивали последние приготовления. Единогласно, а скорее единооборотнево, было решено, что отряд будут сопровождать воины в волчьей ипостаси. По их словам, так они сильнее и быстрее, да и луна полная. Хотя и так ясно, последний аргумент оказался самым весомым. Как это песики в третий день луны по лесу не побегают и каждый кустик не пометят. Не выдержит оборотень такого издевательства над волчьей натурой. И поэтому нам выделили еще одну лошадь для вещей. Не могут же они на своих шкурках оружие и одежду тащить. Когда я спросила, зачем им все это в волчьем обликии, получила исчерпывающий ответ. На всякий случай. На какой такой случай, мне даже думать не хотелось. По идее, ликаны к группе из шестерых истинных оборотней вряд ли сунутся. Но как обычно у нас все через нелюбезные места.

Вану, кстати, меч всучили. Как же радовалось это дите, и радости его не было предела. А проще говоря, она ломала все эти пределы. Стулья, столы, стены, двери, пол и оборотней. Больше никто не рискнул вызвать радость у Ваньки. Оборотни просто забрали меч от радости подальше. А Малыша даже уважать стали, когда он стену проломил. Не потому, что мечом хорошо владеет, а потому, что после погрома, орк ему школу полетов устроил. Ван стену головой сломал, и ничего, встал, даже не пошатнулся. Вот тут его даже орк уважал и вернул меч. За что орка массово проклинали, попинали и заставили меч отобрать. Не тут-то было. Ванюша сдаваться не спешил, и орк вернулся с полным и безоговорочным поражением. Точнее его на носилках вернули. Одна отрада, один из амбаров уже несколько полных лун снести пытались. Больше пытаться не будут.

— Уже темнеет, — Алкай кивнул, — Ван скоро должен привести лошадей. Пора.

— Перекидываемся, — возвестил он на всю таверну.

Звук разрываемой плоти и хруст ломающихся костей заполнил зал. Мне стало дурно.

— Э-э-э... Алкай...

— Что р-р-р-р, — ко мне повернулась искаженная трансформацией морда, — Р-р-р-р...

Из-з-звини... р-р-р.

Легко сказать, я уже готова попрощаться с ужином. Неужели нельзя было сделать свое грязное дело без меня. Еще пара вар жутких звуков в паре с накачивающей тошнотой и передо мной стоят шестеро шикарных рыжих волков. А вот по сторонам смотреть не стоит. Обрывки окровавленной кожи и другого разнообразного месива устилают пол по всей таверне. Жуть какая-то, отвратней некуда. Картина прямо для фрески в замок Всенижнего.

Скрипнула дверь и шесть пар золотых глаз уставились на две вошедшие фигуры в плащах. Лица их были скрыты под капюшонами.

— И кто такой умный оставил входную дверь открытой? — поинтересовалась я, окидывая зверинец осуждающим взглядом. Один из оборотней, самый крупный с кривыми клыками, опустил морду и прикрыл ее лапами. И так мило это было, что даже ругаться расхотелось. Да только орк, которым был этот волк, отнюдь не милый. Крепкий и мускулистый зверь, что стоял возле меня, сердито рыкнул на провинившегося, отчего милаха попытался залезть под стол. И так это смешно выглядело, что я расхохоталась. Представьте себе зверюгу размером с небольшую корову, пытающуюся залезть под ма-а-а-аленький, по сравнению с ней, столик.

Мистер мускул подошел ко мне и ощутимо укусил за руку, мол, тут два

незапланированных свидетеля, а ты хохочешь. А потом еще и рыкнул так, что мне закопаться на месте захотелось

— За что? — я потеряла укушенную конечность. И вот причем тут я вообще? Он же альфа, вот и должен был проверить заперта ли дверь, перед тем как перекидываться, а тут разве что вывески не хватает «заходи, кто хочет». Если так и дальше пойдет, то до заставы донесут только мой хладный и покусанный трупик. И еще неизвестно, от укусов или заикания я издохну.

Алкай снова подошел и потянул меня за рукав, показывая глазами на вход.

— Хочешь, чтоб я их чаем угостила? Да запросто! — каюсь, не удержалась.

Грозный рык со всех сторон. О, а когда это волки успели взять в кольцо наших гостей. Двое стояли перед лицами незнакомцев, готовые в любой момент блокировать любую атаку. Еще двое стояли за их спиной, тем самым отрезая путь к отступлению. Как слаженно работала стая, аж зависть берет.

— Зачем пожаловали, господа?

— А если за тобой? — насмешливо поинтересовался тот, что был выше своего спутника.

— А если только через ваши трупы? — попыталась скопировать его тон.

— Тогда пострадают твои пушистики, — он развернулся и нагло пошел ко мне. Этот хам смог сделать всего несколько шагов, прежде чем ему преградили путь двое оборотней.

— Не щенки, не заскулят. Перед тобой самые лучшие воины стаи рыжих волков вместе со своим альфой, — и меня поддержали одобрительные подвывания и рычание.

— И что же ты забыла среди них, плакальщица?

У меня упало сердце. Кровь отхлынула от лица, и я почувствовала липкие и влажные руки страха на своей спине. Откуда он знает?

Алкай медленно обошел меня и закрыл своим телом. Другие волки начали сжимать круг. Удар сердца и мощная волчья пасть уже у самой шеи высокого. А я стою и не понимаю, почему не могу поверить в смерть незнакомцев. Да потому, что я не кричала по ним, а значит, никто не умрет. Стало немного легче. Почему он так нагло со мной говорил, как будто мы знакомы? Этот голос я где-то слышала. Пусть его явно изменили, но я знаю эту манеру говорить.

Все еще находясь в задумчивости, я все же не упустила момента, когда темная фигура, уворачиваясь от клыков, откинулась назад, падая на пол и прижимая колени к груди, чтобы в то же мгновение ударом обеих ног откинуть альфу вглубь зала. Двое оборотней в это время опрокинули вторую фигуру. Извернувшись немыслимым способом, невысокий незнакомец оказался на ногах и с мечом в руке. Теперь волки на полусогнутых ногах осторожно ходили кругами, выжидая подходящий момент для нападения.

Высокий же с легкостью разбрасывает лучших оборотней. Шаг назад, захват летящего в его сторону зверя за холку, разворот и волк по инерции летит дальше, снося на пути уже перевернутую мебель. Он не шутил, когда говорил, что стая пострадает. Альфа тоже понимал это и принял единственно верное решение, он рыкнул на оборотней, что нападали на незнакомца. Те покорно отошли в сторону. Сейчас посредине таверны два достойных противника оценивали друг друга. Легкие атаки, направленные на изучение врага, вскоре сменились более серьезными.

Я стояла у стенки и заворуженно наблюдала за сражением. То, как двигался наглец, не давало мне покоя. Шаг назад — блок, шаг вперед — атака. Шаг в сторону — уклонение, разворот и контратака. Алкай вовремя увернулся, и удар прошел по касательной, но то, как

рыжий отступал, говорило, что досталось ему изрядно. А я, наконец, поняла, откуда знаю эту технику.

Сейчас фигура в плаще вела не бой, а танцевала танец смерти со своим врагом. Плавные движения, подчиненные ритму схватки. Молниеносные атаки, как очередное сложное па. Я слишком хорошо знаю этот стиль ведения боя. Ведь я сама выступала партнером по этому танцу. Лишь один мастер владел этой техникой. Он сам придумал ее, подстраивая под себя. Искусство вести схватку, как партнера в танце, было подвластно лишь ему. Он мог танцевать танго с многими партнерами, как пару вар назад, а мог вести бой с одним противником, кружа его в вальсе, как он поступал сейчас с Алкаем. Ритм и последовательность его движений невозможно отследить, так как он постоянно меняет их, комбинируя новые. Завораживающий стиль. Настоящее произведение искусства, созданное лишать жизни.

Со спины к высокому крался оборотень, что метил ему точно в сонную артерию. Промедление смерти подобно. В данном случае так и было. Здесь и сейчас для меня был только один враг, преданнее самых верных друзей. И я, что есть мочи, закричала. Реакция была мгновенной. Массовый ступор. Да только волк уже прыгнул. Растерявшись, он просто снес фигуру в плаще.

— Хватит!

— Как властно, — раздался голос где-то снизу, — не замечал за тобой замашек руководителя.

— А я надеялась, что больше никогда тебя не увижу, Широварт ла Эк. Как неприятно ошибаться.

— И тебе светлого и ясного чего-то там, Суара. Успокой своих пушистиков, а то в массовую истерию скатятся, — поднимаясь с пола, сказал мой враг.

— Я просто так крикнула, Алкай. Никто не умрет. Они не враги нам, — фигура в плаще хмыкнула. Дождавшись кивка от альфы, я снова обратила свое внимание на высокого.

Он медленно скинул свой плащ, и все присутствующие узрели высокого светлого эльфа. Его сапфировые, кошачьей формы глаза смеялись. Мягко очерченные, полные губы, с более узкой верхней, растянулись в предвкушающей улыбке. Мощный квадратный подбородок, который никак не мог принадлежать светлому, придавал мужественности первородному. Слегка смуглая кожа, стройное, но крупное и мускулистое тело не слишком соответствовало образу эльфа из Хустальных лесов. Его золотые волосы были заплетены в боевую косу дреу, с десятками вплетенных хрустальных игл, и он прекрасно умел ей пользоваться. Последний раз я видела этого полуэльфа около пятидесяти весен назад. Он почти не изменился.

— Какого недобитого упыря, ты здесь делаешь?

— Вот этого я и ждал, а то не враги, не враги. Я, между прочим, твою шкурку спасти решил.

— А кто тебя просил, эльф недоделанный? Приперся и всю мою охрану в негодность привел? Ты скорее меня угробишь, чем спасешь, — как же я его ненавижу, сил моих нет.

— О как. Ты считаешь, что парочка блохастых тебя спасет? Ты всегда туго соображала, но чтоб настолько, — и этот разрушитель моего спокойствия поднял стул и, как ни в чем не бывало, сел на него.

— Какого расселся, я тебя не приглашала. Зад свой подними, ошибка недалновидной эльфийки.

— И это мне смертью обласканная истеричка говорит. Забавно. Так куда собралась, проблема глобального масштаба?

— От тебя подальше.

— К дядюшке Баску под юбочку, значит. Вот и хорошо. Ноги в руки и вперед. Нам до рассвета к заставе попасть надо, — и он спокойно поднялся и зашагал к двери.

— Вот и шуруй, чтоб тебе ликаны уши обгрызли, — я демонстративно повернулась к нему спиной, — меня оборотни больше устраивают.

— Я не понял, ты снова на вызов нарваться хочешь. Так мне не сложно, пять вар и бой окончен. А можем не тратить драгоценное время из-за твоей фантомной гордости и двинуться в путь. С нами идут только двое блохастых, — и он пальцем указал на избранных, — альфа и тот с кривыми клыками. Все, двигай, причина моих мигреней, — и, позвав своего спутника, который так и не открыл нам личико, вышел.

А я уже успела позабыть, за что так яро его ненавидела. Теперь вспомнила.

— Простите, я не думала, что так все обернется. Нам лучше поторопиться, а то связанной на лошади жутко неудобно ехать, — попыталась я оправдаться перед оборотнями. Вышло как-то не очень.

На улице я встретила сонного Ваньку, который все время разборок просидел в конюшне, а точнее проспал, если судить по виду. Повезло. Рядом стоял полу эльф со своим другом и наши лошади. Я решила игнорировать Широ и говорить с ним только в случае необходимости. Вот и сейчас я просто села верхом на коня.

— Ван, садись на Палю, мы выдвигаемся, — в это время оба оборотня присоединились к нашей веселой компании.

— Хорошо, а кто это? — и он указал пальцем на незнакомых ему личностей.

— Да так, обуза. Не бери в голову. Садись в седло, — и тут я услышала слова низкого.

— Твоя знакомая с характером, Вартек, — его голос был низким и каким-то холодным.

— Она не знакомая, — безразлично бросил Широ.

— А кто?

— Naice oge nua [1], - и естественно эту эльфийскую фразочку я не поняла, но готова дать голову на отсечение, это что-то ругательное и в мою сторону.

— Раз так, может, представишь меня? — и мужчина снял капюшон. Темноволосый, крепко сложенный наемник. Ничего особенного, кроме ледяных серых глаз.

— Суардана — Салван, Салван — Суардана, вечная заноза в моей заднице, — и отвернувшись, эльф пошел к своей лошади.

— Светлого будущего, Суардана, — он явно хотел быть вежливым, но лужица под копытами вороного все равно коркой льда покрылась.

— Ясного настоящего, моего спутника зовут Ван, а двух оборотней, Алкай и Грог, — я решила сразу представить своих сторонников. Наемник кивнул, выражая приветствие.

— Долго болтать будете? Поехали.

И мы тронулись к выходу из города. Луна ярко освещала узенькие улочки и крыши домов. Наверно, поэтому мы сразу заметили карателей, движущихся к нам. Широ повернулся и приложил указательный палец к губам. Потом сделал несколько пассов рукой, и нас накрыло рябью заклинания невидимости. Вот только если кто-то из карателей заденет границу полога, она тут же рассеется. Это касалось и тех, кто был внутри, поэтому все замерли, а кто-то даже дыхание задержал. Подозреваю, это была я. Оборотни грозно скалили зубы, но не производили ни звука.

— Они ушли. Будем прорываться к восточным воротам, двигаемся шеренгой по двое. Я и Салван впереди, ты и твой раб за нами. Оборотни замыкающие. Все ясно? — мы дружно

закивали. Сейчас перед нами был глава разведки и искусный стратег. Даже я не рискнула бы оспорить его решение.

— Тогда не отставать и быть начеку.

Через два квартала и узкий переулок мы вышли к небольшому открытому пространству перед воротами. Здесь спрятаться возможности не было. Прорваться можно только боем, если заметят. Я украдкой глянула на эльфа. Первородный напряженно думал и прикидывал в уме наши шансы. Как же давно мы не виделись, а я до сих пор могу догадаться, какие мысли посетили его, лишь по лицу.

Снова он ведет меня в Хрустальный лес, да только ситуация намного серьезнее. Эльф даже разговаривать со мной не стал. Так, перекинулся парой фраз, узнал все, что ему было нужно, схватил за шкуру и потащил в родные пенаты. В этом весь Широ. Он всегда был максимально сосредоточен, когда грозила опасность, и никогда не тратил время на пустые разговоры. У нас еще будет время поговорить, а сейчас все эти существа рискуют ради меня жизнью. Ну, допустим Ван исключение, он еще и свою шкуру спасает. Но как же мне не хочется, чтоб меня снова спасали. Опять позорно явиться к Владыке в сопровождении телохранителя, это так унижительно. Будто я вечно в нем нуждаюсь и не могу без него. Неоплатный долг получается. Широ всегда говорил, что я не могу нормально постоять за себя. Впервые я докажу ему обратное и откажусь от его помощи. Но если просто попрошу его оставить меня, получу кляп в рот и попой кверху прибуду к эльфийскому двору. Так еще ужасней получится. А вот если...

— Ван, ты можешь заставить всех двигаться как во дворце? — Малыш задумался.

— Наверное, а что?

— Сделай, а, — и уже ему на ухо, — для всех, кроме меня, тебя и оборотней.

— А кони? — шепотом спросил он.

— Вороного и Палю не трогай.

— Хорошо, я попробую.

Как же мне не нравится его «попробую». Этот план и так дырявый до нельзя. Авантюра, ничего не скажешь. Или получится или кляп и позорная транспортировка. Но не могла я не рискнуть. Ванька тем временем закрыл глаза и снова сделал тот же жест руками, что и в прошлый раз, но уже без крика. Ух ты, учится на своих ошибках, прям не верится.

Я посмотрела на эльфа и наемника, никакой реакции. Аж плакать захотелось.

— Не сработало, — обреченно вздохнула я, повесив нос.

— И не могло сработать, — я подняла глаза на говорившего и наткнулась на мрачную эльфийскую морду, — на мне блок, а Салвана и лошадей я закрыл щитом, когда почувствовал сырую магию. Но на стражу и карателей подействовало. Проблема решена, — и он победно оскалился, — стараниями твоего раба.

Вот же сволочь! Конечно он услышал наш разговор, вон какие уши отрастил. Ждет меня теперь расплата за глупость.

— Дракон меня задери, — выругался на всю улицу светлый. Я не сразу поняла, что произошло. Оказывается, магия моего сломанного мага такая же ненормальная, как и он сам. Не спасли эльfenка блоки!

— Чешуйчатая морда василиска, получилось! Ванюша ты золото, — с боку раздался рык. Понятно, оборотней зацепило все-таки, — низкопробное золото. И что теперь без волков делать? Да нас еще на подходе к заставе схрумкают. Темень! Паля, вы с вороным сможете до рассвета скакать без остановок?

Кобыла задумалась, а потом энергично закивала.

— Отлично! Малыш, скачем во весь опор. Что бы ты ни услышал, не останавливайся. Понял меня? — он кивнул, а я повернулась к отплясывающим — пока Ширчик, буду изо всех сил стараться больше никогда не лицезреть твою вислоухую мордашку.

Эльф аж зарычал от бессилия. Он ненавидел это состояние всей душой и не привык терять контроль над ситуацией. Широ всегда все подмечал, но сейчас не учел лишь одного: Ван не раб и далеко не человек, за что и поплатился.

Как долго будет действовать заклинание, я не знала, а значит, нужно как можно быстрее бежать из города. Мы вылетели за ворота, как будто за нами сам Всенижний гнался. Не сбавляя темпа, лошади проскакали почти до самого рассвета. Дикий вой, скрежет клыков и завывания ветра остались позади. Несколько раз нас нагоняли отдельные особи ликанов, но нам удалось избежать встречи с их пастями. Впереди уже виднелась застава. Небольшая полянка, на которой стояла хижина. Два орка топтались снаружи и, завидев нас, тут же выхватили оружие. Значит, пропускать не собираются. Да, собственно говоря, они никогда и не пускают на территорию степей чужаков. Увы, пройти болота, окружающие степи по всему периметру, можно только в нескольких местах, где и расположились заставы. Что же делать?

— Выхода нет, придется напролом, — и я пришпорила и так бегущего на пределе коня. Пена из его рта уже струйкой стекала по подбородку. Потерпи милый, скоро передохнем.

Из хижины выскочило еще два орка. Всевышний помощи. Паля и вороной почти одновременно влетели на поляну, а дальше Ван поскакал один. Кто-то из орков схватил меня за ногу и сдернул с коня. Совершенно точно, что-то отбила. Лежу на боку, поджав колени, и пытаюсь прийти в себя. Орки тем временем начали окружать меня. Извернувшись, выхватила два ножа и попыталась подняться, одновременно выглядывая Вана. Его не было видно. Хорошо, значит прорвался. И я натянуто улыбнулась. Четверо громил неумолимо приближались, позвякивая железом. Ну что ж, готова признать — план был дрянной. Но зато перспектива не видеть больше Широ и не слушать насмешки с его стороны, откровенно радовала. За мыслями я пропустила пинок в живот и грохнулась на колени. Надо мной занесли огромный меч. Вот и все. Прости меня, Баск.

Я ждала удара по голове, но его не последовало. Пришлось поднять глаза. Орк застыл и смотрел куда-то мне за спину, как и его соплеменники. Обернулась я мгновенно и увидела высокую белокурую фигуру, что стремительно приближалась к нам. Что ж ты творишь, дурак? Бежать надо было. Орки явно были более заинтересованы в Ване, чем во мне. Этим я и воспользовалась. Не поднимаясь с колен, я нанесла два удара в бок ножами на одной незримой вертикальной линии, один чуть ниже другого, а потом, не вынимая оружия из плоти, и чувствуя, как теплая кровь течет по ладоням, протянула их к другому боку, почти разрезая жертву пополам. Не будь мои ножи идеально заточены, мне никогда не хватило бы на это сил. Согнувшись пополам, хрипя от боли и истекая кровью, орк упал на землю. Трое других с удивлением смотрели на все это. Да, я умею убивать, и делаю это профессионально, если такова необходимость. Ведь меня учил Широ.

Скучать оркам не дали. Малыш сходу, прямым в челюсть, уложил одного. Тот даже янычар поднять не успел. Ничего себе скорость. Уход от булавы влево, прогиб назад и он увернулся от ятагана. Быстрое движение и ятаган в руках у воина. Разворот, и очередной противник падает на землю немного позже своей головы. Двое оставшихся (сбитый нокдауном, шатаясь, поднялся) с дикой злобой кинулись на Малыша. Вот он исчез, а через

мгновение снова стоит на том же месте. Орки, пропоровившие воздух, где стоял и сейчас стоит Ван, остановились спинами друг к другу. Неужели они его ранили. И тут оба врага закашлялись и упали, как подкошенные. У одного было перерезано горло. Он почти сразу распластался по земле, заливая ее своей кровью. А другого пронзило насквозь в области сердца. Это было видно по выходному отверстию, когда он лежал лицом вниз. Невероятно. Как ему удалось?

Малыш медленно повернул ко мне голову. Больше я не хочу знать почему и как. Только бы начать снова двигаться. Его ледяной и высокомерный взгляд опять поверг меня в ужас.

— Не... не... — он легким, отточенным движением оказался возле меня, а я не могла выговорить и слова, только пялиться на него снизу вверх. Вот это скорость!

— Я не знаю кто ты. По мне, так пыль под ногами, не стоящая внимания. Но уже дважды из-за тебя я прихожу в себя. Почему?

Вопрос прозвучал как приказ, а я поняла, что просто обожаю своего придурковатого Ваньку и безумно хочу его назад. А еще мне стало обидно за себя так, что страх куда-то ушел. Меня так никто не унижал раньше, даже Широ.

— Это твоя голова с катушек съехала, не моя. Вот и поинтересуйся у нее, — его левая бровь чуть дернулась вверх и это все, что выражало его удивление. Не лицо, а непроницаемая маска.

— Дерзкая, такие долго не живут.

— Нашел чем удивить. Так убивай, давай. Чего медлишь? Я тут, как бы, не сопротивляюсь даже. Ты же любишь безоружных и беспомощных душить, так вперед, — демонстративно развожу руки в стороны и запрокидываю голову. Слышу шипение и скрежет зубов. Сразу улыбнуться захотелось. А он что думал, я его любопытство поспешу удовлетворить. Нетушки. Мучайся неизвестностью.

— Ты отнюдь не беспомощная, — прорычал он, указывая на почти разрубленного орка, точнее, его труп. А мне вот о чем подумалось. Во-первых, где Паля? А во-вторых, чего это он вернулся? Размяться решил?

— А что ты вообще тут делаешь?

— Ты притащила сюда, забыла? — язвительно так, чуть наклонив голову, напомнил воин.

— Да что ты? Неужели? Ты вроде как уже за пять тат отсюда должен быть, — снова полу рык, полу вой. А я совсем смелеть стала. Раз до сих пор жива и здорова, то не убьет и сейчас.

— Меня он попросил, — нехотя призналось это самоуверенное существо, — сказал, что только ты сможешь нам помочь, — уже прошипел он.

— Он это...

— Мое второе, бесхребетное я. Вопить начал, что ты умрешь, и я опять засну.

— Как интересно. А ты помнишь все, что делает твое второе я? — не, ну надо же знать. А то вдруг, когда я с Ванюшей спала или в рубахе одной разгуливала, этот монстр все видел и чувствовал. Бр-р-р-р.

— Нет, только то, что он захочет мне показать, — как-то зло он это произнес. С чего бы? Или Малыш — это его активное я, а маньяк — пассивное? Ха-ха. Ну и попал мужик Сумасшедший диктует на что тебе можно смотреть, а на что смотреть мал еще. Или выгуливает тебя раз в полнолуние. Ха-ха.

— И что смешного?

— Да вот думаю, какой же Ванятко могущественный оказывается. Такого маньяка подавил в себе, аж гордость берет.

— Я ведь не мое ничтожное второе я...

— Скорее ты второе, а он первое, — перебила я.

— ... я и покалечить могу, даже не задумываясь.

— И чем это тебе поможет, позволь узнать?

— Это мой маленький каприз.

— Капризный ты наш, где кобылу посеял? — спросила, вставая на ноги.

— Она попыталась меня скинуть.

— Она не пытается, она скидывает, — и я пошла вглубь степей подальше от кровавой заставы.

— Мне нужно в долину.

— И что дальше? — все еще иду, а он стоит.

— Это в другой стороне, сверни.

— Даже не подумая, я иду куда надо.

— Ты же не знаешь где долина? — медленно двинулся за мной.

— И знать не хочу, — пошел чуть быстрее, но так, чтоб гордость окончательно не уронить.

— Стой, я сказал, мы идем в долину.

— Ага, уже бегу, падаю, подымаюсь и опять бегу, — на самом деле еле ковыляю прихрамывая, а этот догоняет.

— Я не собираюсь идти туда, я иду в долину и ты со мной.

— Счастливого пути, и чтоб ликаны тебя покусали, — как будто его «не собираюсь идти» меня в какую-то там долину ползти заставит, — Паля, девочка, ты где?

— Кого ты зовешь? — воин сравнялся со мной.

— Кобылу, которая тебе мозги вправит, пока ты еще кого-нибудь за компанию не порешил.

— Хватит, — он встал передо мной, заставив остановиться, налетев на него.

— С ума сошел, я и так часто с землей сталкиваюсь, а тут еще и со стенкой обниматься, увольте, — и я вырвалась из его рук.

— Ничтожество, ты даже мизинца моего не стоишь. И зачем я вообще опустил до общения с тобой, — он развернулся и пошел в другую сторону.

— И правда, зачем? Боишься очнуться в следующий раз с ножом у твоих драгоценных волос? — он аж споткнулся, а я кое-что поняла. Каждый раз, когда Вана пытались остричь, он не помнил, как умирали те, кто пытался это сделать. И убивал их явно не мой Ванька. Логично предположить, что Малыш никогда не помнит своих приступов раздвоения личности, как и в последний раз.

— Откуда ты знаешь?

— А ты не помнишь? — провокационно начала я, — как так?

— Я почти ничего не помню после определенного момента, — растерянно произнес он. О, а это что-то новенькое. Растерянность у такого типа. Держите меня семеро.

— А ты попытайся вспомнить, вдруг у тебя третья личность имеется, — продолжила издеваться я.

Тариван, ни с того, ни с сего, вскинул руки и схватился за голову. Я подошла ближе и встала перед ним. А он застонал и опустился на колени. Осторожно наклоняюсь и

заглядываю в глаза, которые уже открылись, а там... пусто, девственно пусто и взгляд щенячий.

— Ванька! Ура, наконец-то!

— Дана, у меня голова болит...

— Еще бы после столь длительного паразитизма маньяка.

— Что случилось? — он приподнял голову и убрал руки от головы. Я тоже встала на колени, и взяла его лицо в свои ладони, при этом купаясь в бездонном изумрудном море, что плескалось в глубине его глаз.

— Раздвоение личности, Малыш. У тебя раздвоение личности. И поверь, ты лучшая своя половина.

Предрассветный туман окутал дорогу, что много столетий пролегла через лес. Единственная возможность не попасть в трясины, держаться ее (дороги). По дороге, усыпанной песком и камнем, стремительно скакали два всадника. Путь их лежал к восточной заставе.

Дикий вой раздавался набатом в лесной глуши. Беловолосый маг нервно вздрогнул. Нет, он не боялся умереть, иногда он даже желал этого в глубине души, но сейчас его волнение было направленно на спутницу. Ее судьба волновала его гораздо больше, чем должна была. Когда воин успел настолько привязаться к этой женщине, что стал жить ею? Жить ради нее.

— Дай мне выйти, и я уничтожу всех наших врагов, — раздался голос в голове мага, — тебе нечего будет бояться.

— Я не боюсь.

— Правда? А я чую твой страх, выпусти меня, — слегка раздраженно потребовал голос.

— Я страшусь не за себя.

— За нее? — с отвращением выплюнул голос, — не смей меня. Она не что иное как пресмыкающееся, у наших ног.

— Она спасла нас.

— И как же? — зло бросил голос, он терял терпение. Слишком долго не мог воин взять контроль. Сейчас он жаждал этого больше всего.

— Не знаю, но ты пробудился благодаря ей. И мы в долгу за свою спасенную жизнь.

— Она никогда не спасала нас, — взревел запертый воин, — я бы убил всех, кто попытался бы хоть взглянуть не так на нас.

— Она не дала нам умереть от безысходности, — спокойно ответил маг, — мы были в глубоком сне, мы умирали внутри своего тела, медленно и мучительно. Она пробудила нас. Мы начинаем вспоминать.

— Нет! Она ничто. Она не существует. Я убью ее...

— И убьешь нас, — перебил маг, — мы погибнем без нее. Мы погибнем от тоски по ней.

Воин замолчал. Он давно чувствовал связь, что тянулась от девчонки к ним. Тогда, в лесу, он впервые сомневался в правильности своего решения. Он желал убить ее и ненавидел себя за нерешительность. Ее глаза были полны непонимания и надежды. Никогда его жертвы не теплили надежду. В их глазах он видел обреченность. Так почему та немочь смогла одним взглядом уничтожить всю его стальную, возвращенную на лишениях, волю? Почему он хотел

оправдать ее надежду? Почему он знал, что разожмет хватку на ее шее? Власть этого существа над ними вызывала жгучую ненависть к ней и себе. Воин горел этим чувством и ждал их следующей встречи, где его воля победит ее. Он знал, что врет сам себе, но никогда не признается в этом.

— Спаси ее.

— Нет! — яростно взвыл воин.

— У нас нет выбора, она дорога нам, если не поторопишься, все будет потеряно. Я отпускаю тебя.

— Наконец-то!

— Она в опасности! — испуганно закричал маг.

— Кто посмел? — рык вырвался из горла обрядшего контроль воина, — Они уже мертвы! Разорву!

От этого рева, взбрыкнула кобыла и сбросила воина. Кашир грациозно извернулся в полете и приземлился на ноги. Не теряя ни минуты, он ринулся в сторону, где от рук степных орков медленно, но верно погибало его проклятье и его спасение.

Словарь

[1] Naice oge nua — боль души моей

Глава 4 В миру великий пир, в пиру убогий мир

Как выразилось Его Герцогство, сегодня во дворце приемов не будет. А вот завтра будет пир. И я туда приглашена как почетный гость герцога. Понятно, что они развлечься хотят, но я ведь спеть не смогу! Темень! Ноги надо делать, срочно делать ноги. Вот за подобными мыслями я и просидела последний час в ванне. Моего подопечного куда-то увели, сказали, что в божеский вид приведут. Может даже отмоют его перманентную грязевую маску. Драконья задница! Он же патлатый! А-а-а-а!

Я выскочила из ванной как из проруби и кинулась к двери. Трижды поскользнулась на мокром полу и на четвертый поздоровалась-таки с полом, а мои зубы с губой. Будь проклят плиточный пол, я уже тебя ненавижу! На «пожалеть» времени не было. Так что, подорвавшись с пола, и, на бегу вытирая с подбородка стекающую тонкой струйкой кровь, я достигла заветного выхода. А за дверью стража. Эй, ребятки, вы чего? Вроде не трехглазая, да и не трехгрудая. Темень! Конечно не трехгрудая, им и двух грудей выше крыши, особенно ГОЛЫХ! О-о-о-о, как стыдно. Нет, я конечно тут же влетела обратно в комнату и даже двери закрыла, но образ двух озабоченных глаз мне еще долго в кошмарах сниться будет. Ладненько, самобичевание откладывается. Накинув халат, я приоткрыла двери и высунулась в щелку. А стражники слабохарактерные. Смылись по-тихому, даже оружие побросали. Хи-хи. Похоже, я им тоже сниться буду, и явно не в кошмарах. Такс, слуги у нас на первом этаже в северном крыле. Ай да туда!

Одна дверка, другая дверка, третья... сорок седьмая дверка. Леший подери, я, кажется, заблудилась. И что делать прикажете? Не кричать же «Спасите-помогите, убивают!». Как-то это глупо. Додумать моему генератору бредовых идей не дали, поскольку кто-то бессовестно украл мой план по спасению. То есть кричали. Громко так, заливисто. В лучших традициях рыцарских романов. И я, как рыцарь, рванула спасать жертву домашнего насилия. Пинаю дверь ногой и вваливаюсь в помывочную с выражением на лице «Нас не ждали, а мы приперлись!» и наблюдаю картину маслом. Мое пепельное недоразумение стоит босиком в луже воды, в одних штанах и какой-то нательной тряпице, а неизвестная дородная девица пытается с него все оставшееся стянуть. Малыш, естественно, без боя не сдастся и вырывается. Судя по мокрой одежде и волосам, мой несчастный имел неосторожность уронить эту пухлую девицу в лохань, за что она теперь остервенело пытается его оголить. Ну прям семейная сцена: супруг вернулся пьяный, а женушка его распинает, на чем свет стоит. Кстати, теперь ясно, почему кричали. Вода, небось, ледяная.

— Сымай тряпье, окаянный! Сымай, а то так искупаю! — и тянет свои ручки загребущие к моему рабу. Ээээ, нет. Смотреть смотри, а руками не трошь! Стоять, чего это я. Он же мне как оборотню пятая нога нужен. А может его женить по-быстрому?

И тут эта троллиха разорвала штанину моего простофили до самого паха. Не, нельзя женить, я ж не монстр, в конце концов. Не для того спасала, чтоб погубить на супружеском ложе.

— Что здесь происходит?

Ну, положим и так ясно, что. Просто ничего другого в голову не пришло.

— Вот этот, мыться не хочет, — и обиженно тыкает пальчиком в растрепанного оборванца.

А этот, который вот этот, сорвался с места, упал передо мной на колени и, обхватив руками за талию, прижался головой к животу. А девушка похорошела, ей идут огромные глазки. Вон уже и сереть начала. Стоп, что-то быстро она сереет, да ещё и расплывается. Темень, да у меня уже все плывет перед глазами и темнеет ускоренно.

— Пусти, — пискнула я, — раздавишь.

Он, конечно, ослабил хват, но не отпустил, только голову вверх поднял и захныкал:

— Она меня обзывала, кричала на меня и одежду мою забрать хотела. Забери меня, мне плохо здесь, забери.

Если до этого мне было весело, то после его слов, и взгляда полного отчаяния и непонимания, мне стало жутко. Когда взрослый, сильный (это мы по баньке знаем) мужчина ведет себя так, это дико. Ведь он действительно не понимает, почему его пытались раздеть. А то, чего мы не понимаем, мы страшимся. Нет, он не боялся, но отчаяние от всего этого было огромным. Боги, за что же вы так жестоко с ним пошутили?

Стоящий передо мной человек частично лишен разума, как давно и почему я не знаю, но то, что он блаженный, не вызывает сомнений. Темень! Я надеялась это из-за побоев и скоро пройдет. Что же случилось с тобой, маленький?

— Малыш, все хорошо, не волнуйся, никто не тронет тебя, — я погладила его по мокрой голове, — пойдешь со мной?

— Да.

— Тогда вставай, пойдём.

Он поднялся и вцепился в мою руку. Да, сейчас я вела за руку несчастного ребенка, а не взрослого мужчину.

Мы довольно быстро нашли мою комнату. Так как вода в лохани еще не остыла, я решила искупать этого грязнульку. Он, конечно, припирался, но быстро сдался. Раздевался он сам. Когда я услышала плеск воды, то вышла из ванной. Я ему все объяснила, так что проблем быть не должно. Служанка, слава Всевышним, за боевыми действиями не заметила роскошной гривы своего противника. Чистые вещи какого-то кузнеца (размерчик у моего раба не маленький) я прихватила с собой из купальни для слуг, так что смущать народ не будет.

Я повернулась на скрип двери. О, темень! Всевышние потеряли своего сына, а я его подобрала? Эльфийские принцы наперегонки закапываются поглубже рядом с этим мужчиной. Он стоял передо мной в одних штанах и нервно переминался с ноги на ногу, а в руке зажимал рубашку. Литые мускулы, широченные плечи и узкие бедра, крепкие, закаленные в боях руки, широкие мозолистые ладони с огрубевшей кожей. Звериная грация и в то же время детская неуклюжесть. Первобытная мужская красота и юношеская непосредственность. Как это все сочеталось в одном человеке, неясно. Но он стал вызывать опасение. Мне стало не по себе.

— Что случилось?

— Я не смог надеть рубашку, — мала что ли? Ну, с такой фигурой не удивительно. Тут и тролли не далеко ушли от него в размерах.

— Маленькая? — он помотал головой, — покажи.

Он бы еще бантиков на шнуровке навязал, горе луковое.

— Подними руки вверх, — он и поднял. Дам, дилемма. Я подтащила стул и встала на него. Еле дотянулась.

Кое-как напялив на него рубашку, я начала перешнуровывать ворот. Пыхтя, как вампир

над лужей крови, я распутала последние узелки и завязала концы веревки бантиком. Ну, вот и все. Я села на кровать (двухспальная, кстати).

— Чего стоишь как не родной, топай сюда. Садись на пол, будем тебя чесать, лохматик.

Это конечно не обязательно, но он ведь сам не распутает. Малыш сел у меня между колен и откинул голову назад. Я взяла гребень и начала с кончиков. А волосы у него тяжелые, жесткие и жутко спутанные. По мере приведения в надлежащий вид, грива стала мягче и начала переливаться. Красиво. Я решила заплести ему эльфийскую боевую косу. Ее, правда, только дроу носят. Светлые шипы в волосы не пихают, но некоторые человеческие воины плетут себе такие. Хрустальные иглы в голову своему ненормальному я, естественно, совать не стану, я ж не самоубийца! Я собрала волосы на макушке и начала выплетать замысловатый узор сеть, плавно переходящий в боевую косу. Проявив изобретательность, я пустила две небольшие косы вдоль висков и перекинула их вперед. Получилось просто сказочно. Правда, к утру вся эта красота растреплется, ну да ничего, переплету. Малыш запрокинул голову назад и заглянул мне в глаза.

— Дана, я сильно тебе мешаю?

У меня упало сердце. Сколько же раз тебя вышвыривали как паршивого пса, мальчик мой?

— Нет, Малыш, ты не мешаешь мне.

— Но ты ведь злишься на меня. Не злись, просто ударь меня и сразу успокоишься. Я знаю, что приношу несчастья, мне говорили. Я не хочу тебе горя, — и он отвернулся, низко повесив голову.

— Ты что болтаешь, придурок, я тебе за такие слова уши оборву. Что значит ударь? Я кто, палач тебе что ли? А ну марш спать, недоразумение.

И я оттолкнула его голову со своих колен. Может, это было грубо, но я не могу по-другому. Когда загоняют в тупик, я становлюсь резкой. А сейчас я не знала, что делать.

— А насчет несчастий, так я сама не подарок. Запомни, я тебе не хозяйка, я твой друг. Понял?

— Да.

— Отлично, вот и веди себя соответственно, у тебя же были друзья?

— Да, давно. Я с пастухом дружил.

— Вот и хорошо, представь себе, что я твой друг пастух. И ради вод пустых озер, хватит относиться ко мне как к божеству.

Он кивнул.

— Вот скажи мне, зачем ты на колени встал там, в купальне, а? Неужели тебя заставляли так делать?

— Заставляли. Но я никогда не стоял на коленях перед хозяевами. Перед детьми стоял, а больше никогда. Граф сильно за это бил, но я не встал.

— Так зачем встал на этот раз?

— Я боялся, что ты уйдешь, и эта женщина меня полотенцем побьет, а еще я ее стеснялся.

— Ах ты, аферист! — я легонько стукнула его расческой по макушке, — значит, ты меня чуть на тот свет не отправил, так как думал, я ноги сделаю?

— Какие ноги? Кому?

— Тьфу ты. Никому. Ноги сделать, это значит сбежать. Так ты решил, что сбегу?

— Ну да, тетка то эта страшная, могла и тебя раздеть. Вместе лучше конечно, но я не

хотел при ней мыться.

— Ой, ты наша неженка. А при мне, значит, не стесняешься, — темень, он покраснел. Какая же прелесть. Просто слов нет.

— Стесняюсь, но ты ведь тоже голая была бы.

Вот тут покраснела я, а этот юный любитель совместных ванн вообще уже со свеклой слиться смог бы. И вот что на это сказать, логика-то присутствует.

— Ладно, Малыш, поздно уже, давай спать. Чур, я слева сплю.

Я быстренько перемахнула через кровать на свою половину. Спать буду в бриджах и рубашке. Переделалась я, пока чумазый водные процедуры принимал.

— Тариван.

— Что?

— Мое имя Тариван. Я так думаю. Странно, я не помню, чтоб меня так звали.

— Тариван говоришь. Тар, Тари, Тарик, Тарюша, Тарчик. Или нет, Ван, Вани, Ваник Ванюша, Ванчик. А что, мне нравится.

— Незнакомо звучит, не мое вроде.

— Не твое, так будет твое. Туши свечи и ложись. Одеяло на себя не тянуть.

И Тар задул свечи.

Утро встретило меня ярким светом, душераздирающим криком и холодным, весьма твердым полом. И как вы думаете, я после этого себя чувствовала? Правильно думаете, как дриада, чье дерево срубили. Да чтоб вам водяной дорожку на дно проруби показал. Кто ж так истошно верещит. Сия тайна сокрыта мраком, поскольку источник сирены скрылся раньше, чем я толком сумела разлепить глаза. А когда снова стала воспринимать звуки, то сильно разозлилась. Мой милый, новоиспеченный друг бессовестно дрых посреди кровати и в ус не дул. Ни крик, ни мое падение его вообще не волновали. От такой наглости я, честно говоря, растерялась. Встала. В зеркале отразилась бледная растрепанная девица с шикарным синим носом и двумя бланшами под глазами. Это что, я по милости этого раба нос разбила? Вот теперь я знала что делать. Мстить!

Я пошла в ванную, набрала воды в таз и поставила возле кровати. Потом расшнуровала ворот рубахи и, стянув рукава, связала их за спиной Тара. И тишина-а-а-а. Полное пренебрежение к моим действиям. Ах, так! Я подсунула руку ему под живот, немного повернула, повоевала с веревкой и вуаля, штаны держатся на добром слове. Ух, какая я плохая, аж самой страшно! Начинаем представление «гнев тазиков и месть за полоприкладство»! Наклоняемся к самому уху и...

— ПОЖА-А-АР!!! БЕЖИ-И-ИМ!

Эх, сюда бы закуски. Как он подскочил, перевернулся, да как гусеница особо громадных размеров заизвивался. Но это еще мелкая нежить. А вот когда он все же поднялся (ненадолго!), я испытала удовлетворение за свершенную месть. Падая вместе с тазиком, он как-то умудрился повернуться и упал на спину и, конечно же, его окатило водичкой. Всего!

А вот случившегося дальше я как-то не продумала. Мокрая фигура поднялась и кинулась к двери, снося последнюю с петель. И тут, как положено по законам жанра, решили зажить своей жизнью штаны. А так как руки у подопытного все еще были связаны, понятно, что затормозить ему было нечем, кроме как лицом. Дальше решила не смотреть, а то еще совесть

потревожу, пусть лучше спится ей беспробудным сном младенца. Закрывает глаза. Жду...

— А-а-а-а, БУ-У-УМ! ХРЯСЬ! ШМЯК! БУМ, БУМ, БУМ, БУМ...БУМ... ПЛЮХ!

— Ирод проклятуший, что ж твориться-то! Помогите! СТРАЖА-А-А-А!

О-е-ей! Бежать. Срочно бежать и как можно дальше. Тут в двери, точнее в проем, нынче без петель и дверей, вбегает мой болезный. Прыгает на кровать и прячется за мной. Не, и это поступок мужчины? Я вся подобралась и жду карающую руку, которая войдет сюда, дабы вершить правосудие. Ждем. Никого. Еще ждем. НИКОГО! Ой, как-то это паршивенько! И вот заходит бич всех возмутителей спокойствия. А вообще, пинок или щелбан максимум. Какой-то хиленький стражник, с фонарем под левым глазом. Да вон и поджилки трясутся.

— Леди...эм...могу я двери починить? Если позволено, конечно?

— Позволяю... — и внимательно так на него смотрю. Не, нормально, да? Я, значит, им пол дворца вдребезги (косвенно!), а они мне «леди», и «позвольте», да ещё «починить». ЛЕДИ! Это после всего ЭТОГО я леди? Или я о-о-очень сильно упала сегодня на пол, или тут сборище душевнобольных. Опа, а чего это у него коленки подкашиваться стали. Полудохлый вампирюга, неужели я с утра такая страшная? Додумать я не успела, так как горе ремонтник в обморок хлобыстнулся. И опять я не успела даже слова сказать, как двое других стражников скоренько так подхватили обморочного и, поклонившись, испарились. Ха-ха-ха. Все, у меня истерика!

Близился вечер. На сегодня прием граждан был закончен и после последнего дела зал заседания совета закрыли, а утомленный рутинными разбирательствами герцог отправился в свой личный кабинет. Забавно, он всячески хотел избежать встречи с кем-либо, а в итоге не только сам заговорил, но и пригласил эту симпатяжку на званый ужин. Девушка понравилась ему. Все эти придворные дамы настоящие пустышки, насквозь прогнившие интриганки. Герцог хотел чего-то новенького, экзотического. Так почему бы не девчонка-менестрель, столь ловко зажавшая совет в угол. Это будет даже весело, поиграть с ней. Вот только ее раб. С ним могут быть сложности. Даже если она не спит с ним, он все равно спит в ее комнате, а это не нравилось Его Светлости, ой как не нравилось.

Не дойдя до своего кабинета, Мар услышал крик. Кричала девушка из крыла для слуг. Герцог кивнул страже в сторону исходящего звука.

— Привести.

Стражники поклонились и ушли, закрыв за собой дверь. Его Светлость достал бутылку настойки из редчайшего растения хейши[1] и плеснул себе в стакан. Расслабиться герцогу не дали, так как привели одну из служанок. Она была вся мокрая, растрепанная, в блузке с оторванным рукавом. Это удивило Мару.

— Как тебя зовут?

— Мая, Ваша Светлость.

— Почему ты кричала Мая?

Женщина дрожала и начала переминаться с ноги на ногу.

— Мне было поручено отмыть раба леди, что прибыла сегодня в обед.

— Продолжай, — герцог устроился в кресле и выжидающе посмотрел на служанку.

— Той раб какой-то странный, он не захотел раздеваться, да... я стала настаивать.

Пришлось силой с него рубашку тянуть, Ваша Светлость. Он так чегой-то боялся, что порвал

мою блузку.

— А чего ты визжала? — Мая поежилась под столь пристальным взглядом.

— Так он это... опрокинул меня в лохань с ледяной водой. Ну, я и закричала. А на крик госпожа пришла. Почти голая пришла, Ваша Светлость. В одном халатике-то. И как не стыдно расхаживать так.

— Я не спрашивал твоего мнения, что было дальше?

— Так этот, раб который, с места как сорвется, так и бух перед ней на колени. Схватил ее за всякие места и сжал крепко. Не знаю, что он говорил госпоже, да только такой несчастный был. Даже думать не хочется, что ж она с ним делает-то, ведьма!? Он ведь такой большой, крепкий. А она его одним взглядом... всхлип, и на колени, — и служанка разрыдалась. Прибывшая леди до икоты пугала Маю.

— Хм, а куда ушли, видела? — герцог задумчиво поводит рукой с зажатым в ней стаканом, взбалтывая настойку, от чего на покатых стенках остался масляный след.

— Дык в покои свои повела мальчонку, да за руку повела, чтоб не сбежа-а-ал.

— Ты свободна. И приведи себя в порядок, — рыкнул Итеар. Девица начала его раздражать.

Служанка откланялась и ушла. Герцог посмотрел на остатки напитка, выпил одним махом и снова устался на грани уже пустого стакана.

«Что ж получается, она его измучила совсем? Каким же извращениям девица его подвергает? Ладно, пойду и проверю». — Мар встал и направился в покои леди. Что-что, а узреть раба, сидящего на полу, между ног у девчонки, которая тем временем доплетала боевую косу дроу, он точно не ожидал. Всевышние, за что же она с ним так жестоко? Она самая настоящая извращенка.

Боевая коса дроу опасна не только противникам, но и самому обладателю. Обычно она вся состоит из тончайших игл, вплетенных в косу так, что их даже не видно из-за сложности плетения. Эти иглы глубоко впиваются в тело и часто парализуют полностью, или частично, любого противника. А так же иногда и самого хозяина. А в случае с необученным рабом, это и вовсе смертельно опасно. Что за изверг способен так измываться. Адская боль, парализованные конечности и невозможность сделать хоть что-либо. Ужасная смерть.

Герцог медленно попятился назад, стараясь не шуметь. Добравшись до лестницы напротив дверей в покои леди, последнее, что он расслышал, была просьба раба избить его, только чтоб леди не злилась. Так это она так злиться. Его Светлость побледнели и медленно сползли на ступеньки. Тянуть леди в свою постель отпало всякое желание.

Не имея понятия, сколько прошло времени, герцог пришел в себя все на той же лестнице в окружении четырех стражников.

— Ваша Светлость, не стоит вам быть здесь, по крайней мере, так близко от покоев сиятельной леди.

А это что значит. Неужели эту ведьму уже и стража боится.

— Это почему еще?

— Понимаете, мы были приставлены к леди для охраны. Исправно стояли с самого обеда. И тут, не с того не с сего, дверь с грохотом отварила, а из нее выскочила госпожа. Вся мокрая, растрепанная и ГОЛАЯ! Чего она хотела, мы не поняли, но лицо ее было такое страшное и все в крови измазано. Мы решили, что она некромантка, хочет нам кровь пустить. Ведь ихние часто в крови перемазываются, чтоб силы восстановить. Ну, мы и убеж... ушли за подмогой.

— Да уж. Повеселился, чуть ли не до гробовой доски. Так, вы все остаетесь здесь и присматриваете за некроманткой...тьфу, леди. Докладываете лично мне все о ее действиях, приказ ясен.

— Да, Ваше Сиятельство.

— Все, выполнять.

Мар отряхнул брюки и быстрым шагом, не позволяя перейти себе на бег, направился в свою спальню.

В Ритаре уже давно не было некромантов. Любого мало-мальски опасного мага казнили на месте. Третье людское королевство было крайне суеверным и не пускало на свои территории некромантов, ведьм и остальных опасных существ. Ко всему прочему, умом верхушка не отличалась, а значит, часто расправлялись с обычными крестьянами как с самыми опасными чудовищами.

Приведя себя в порядок и позавтракав, герцог первым делом решил узнать, что происходило в покоях леди ночью и стоит ли звать могильщика. И последней собаке ясно, что раб был обречен. Осторожно, на цыпочках, спустившись на второй этаж, герцог застал интересную картину. Вчерашняя служанка с завтраком стояла напротив покоев Суарданы и переминалась с ноги на ногу. Все четверо стражников сочувственно глядели на нее. И вот она решилась войти. Дверь даже не успела закрыться за ней, как послышался истошный вопль, и пухлая девушка тайфуном вылетела из комнаты, снеся молодого стражника и обронив поднос на другого. Все, включая герцога, выжидающе уставились на переводящую дух девицу.

— Ой, мамочки! Что ж творится-то. Всевышние помогите.

— Хватит причитать, говори, что случилось.

— Зашла я...а там...там...

— Что там? — крик был общим.

— А там ОНА! Как с кровати скатилась, на четвереньки приземлилась, как собака, и зыркает на меня своими звериными глазами.

— Какими, звериными, ты что мелешь? — начал беситься от страха герцог.

— Правду мелю...эээ, говорю. Желтые такие, блестят, и огонь Всенижнего в них плещется. Жуть-то, какая!

В эту минуту похвастаться разнообразием цвета лица никто из присутствующих не мог. Все, как только что выпавший снег, белее некуда. Зловещую тишину разорвал плеск воды и грохот выбиваемой двери. Никто и опомниться не успел, как выпавшее нечто полетело в их сторону. Служанка завизжала и двинула чудовище подносом по голове. Чуть сменив направление, беловолосый раб, а это был именно он, снес герцога с ног и они оба полетели по лестнице. Их, не отличающийся особой грациозностью, путь вниз закончился в фонтане, что расположен на первом этаже, посреди холла.

Не сговариваясь, все бросились врассыпную. Его Светлость, потерявший сапог и часть штанины, весь в синяках и ссадинах, еще не придя толком в себя, со скорбным стоном великомученика, медленно, на карачках, уползал в столь желанное отдаление от этого кошмара.

Светловолосый же, разорвав рубашку и подтянув штаны опрометью бросился вверх по

лестнице. После того, как он не останавливаясь, вбежал в спальню этого чудовища, притворяющегося человеком, все стихло.

Оглушающая тишина давила на обитателей дворца. Спустившись вниз, и облазив весь первый этаж, стражники все же нашли Его Светлость. Герцог обнаружился в подсобке с пустым взглядом и, прижимая к груди свой потерянный в бою сапог. Около получаса бились они над Его Светлостью, ушедшими в себя. Плеснув ему в лицо водой, служанка кое-как привела в чувство дворянина.

— Ваша Светлость, что делать будем? Там ведь теперь двери нет. Никто не пройдет незамеченным. Она же перебьет нас как упырь детишек. Не скроемся.

— Надо дверь поставить, и потолще, чтоб наверняка не отвалилась.

— А кто ставить будет?

— Вы, не я же. Сами решайте как, но чтоб через час дверь стояла как скала.

И не оборачиваясь, герцог гордо, прихрамывая, запрокинув голову, поплелся в свои покои через другую лестницу. Только у себя в спальне он смог отпустить от груди сапог, чтоб тот приземлился на его кровать, и безвольно разрыдался (герцог, не сапог).

А тем временем на первом этаже разгорелся спор не на жизнь, а на смерть. Служанка, ссылаясь на свою принадлежность к слабому полу, ретировалась и сузила круг обреченных до четырех стражников. Те, в свою очередь, не горели желанием пасть смертью храбрых из-за треклятой двери. Было решено кинуть кости. А потом и камни. По мере роста проигравших прибавлялось и разнообразие состязаний. Пробежать марафон, влезть на дерево, обыграть в карты. Окончили боем на мечях. В конце концов, отправили самого молодого. Стражник, с так искусно подбитым служанкой глазом, медленно, но верно поднимался к воротам в нижний мир. Заглянув в комнату, он увидел растрепанную женщину с желтыми глазами, в которых полыхал огонь. Мужчина же судорожно прятался за ней. От пристального взгляда, обещавшего самые ужасные и разнообразные кончины, у мальчишки затряслись колени. Когда он попытался сделать шаг, то просто провалился во тьму. Как рассказали ему потом сослуживцы, его вытащили буквально за секунду до того, как эта мертвячка поглотила его душу. Единогласно, решив не рисковать, всеобщими усилиями попробуют установить злосчастную дверь во время пира, когда ведьмы не будут в покоях.

Сам же герцог Итеар решил, что обычным солдатам с некромантом не справиться, а потому попросил помощи у мага. Ему повезло, ведь дядя кронпринца Гарны, что прибыл на свадьбу племянника, как раз сильный маг. Придя к такому решению, Мар не стал откладывать дело и поспешил к будущему родственнику.

Нельзя допустить, чтобы Его Величество узнал, кого герцог поселил во дворце. Дае разрешение девице на ночёвку, он пропустил ее сквозь охранную магию. И теперь никто, кроме более сильного мага не в состоянии выгнать некроманта отсюда. Да уж, за такую оплошность герцога ждет виселица.

Вечером ко мне в спальню наведальась портниха с готовыми платьями. На удивление ее «шедевры» были весьма мрачных тонов. От черного и до красного, притом, что в промежутке ничего другого не было. Я остановила свой выбор на закрытом красном кружевном платье с воротником стоечкой. Весьма скромно и элегантно. Как только я зашла за ширму, портниха и подмастерья испарились. Да что с этим дворцом происходит, а точнее

со всем городом?

Моему рабу тоже принесли чистую одежду. Штаны из телячьей кожи, белую рубаху, серый камзол и сапоги. Я же решила оставить свои сапоги со шнуровкой до колен. А что? Удобно, да и под платьем не видно. Зачесав волосы наверх, и припудрившись, я помогла завязать шнуровку Малышу. Интересно он всегда такой беспомощный? В дверь постучали.

— Войдите.

Сомнений о личности томившегося за дверью у меня не было, поэтому я спокойно встала напротив двери, в ожидании своего провожатого. И я сильно ошиблась.

— Светлого вам настоящего, леди Дэнитар.

Передо мной стоял высокий, с забранными в высокий хвост белокурыми волосами, смуглый мужчина весен двадцати семи. Что говорило больше о его внешности, чем о истинном возрасте. Я почти сразу поняла — маг, и очень сильный, скорее всего боевой. К тому же аристократ. Волосы его в хвосте опускались ниже лопаток, смею предположить в обычном состоянии они не выше талии. Он терпеливо позволил мне осмотреть себя, после чего произнес:

— Моя кандидатура одобрена? — при этом он весьма ехидно ухмыльнулся, а в его карих глазах читалась легкая заинтересованность мной и всеобщее, холодное безразличие ко всему остальному. А после взгляд, обдавший жаром жажды крови. Он был опасен. Все мое существо вопило о его силе. Страх. Животный страх обуял меня, когда пришло осознание того, что я всего лишь диковинная мелочь, пустышка, попавшая в его поле зрения. И он нашел ей применение. И это пугало меня еще больше. Какие жуткие планы насчет меня он построил за эти несколько долгих ват?

— Думаю, вы не нуждаетесь в моем одобрении лорд...?

— Герцог Венарго Олсана из Гарны, прибыл вместе с кронпринцем Лемом Гарнским, но вы, юная леди, можете звать меня Арго, — и улыбка, от которой стынет кровь, — меня попросили проводить вас, так как наш общий знакомый плохо себя чувствует и не сможет сопровождать вас.

Все это было произнесено согласно этикету, но эта улыбка на его лице не сулила ничего хорошего. Я ничуть не сомневалась, что его вежливость распространяется только на слова.

— Светлого будущего, Ваша Светлость.

— Арго.

— Арго. Так мы идем?

Тут я вспомнила о Ване и мне поплохело. Ведь он ничегошеньки не сможет противопоставить этому магу, а то что маг и его достанет, не вызывало сомнений. Ему очень выгодно наше появление на званом ужине. Вопрос лишь зачем и насколько фатальным будет для нас этот вечер? Тем временем Ван вышел из ванной и подошел к нам. Поклонись дубина. Ну, не представлять же мне герцога слуге, такими темпами мы и до обеденного зала не дойдем. Прибьют еще на подходе. Я заступила Вана, и, чтоб герцог ничего не увидел, дала кулаком под дых своему недалекому рабу. Результат: ухмыляющийся Его Светлость, резко выдохнувший с округлившимися, ничего не понимающими глазами, раб, и я, с трудом сдерживающая слезы и растирающая синий кулак.

— Да поклонись же ты, олух, — прошипела я сквозь зубы.

— О, право не стоит, я не обременен формальностями настолько, чтоб из-за них леди проливали свои слезы.

Я его уже ненавижу. Благо мой болезненный поклонился, и меня немного отпустило. Я

была на грани страха и бессильной злобы. Отвратное чувство.

— Может быть пойдём, Ваша Светлость?

— Арго.

— Ван, за мной.

И мы двинулись вниз по лестнице, освещённой свечами и магическими светильниками. Как по мне, так свечи красивее и живее. Я вообще недолюбливаю магию. Наверное, потому, что не обладаю ею вообще. А чего не понимаешь, того опасаясь. Свернув в Южное крыло, где располагался зал, мой провожатый замедлил шаг.

— Леди Дэнитар, могу я звать вас Суардана?

— Да, конечно, — как будто вас волнует мое мнение.

— Суардана, откуда вы родом? Вы ведь не относитесь к верхам? — он хитро улыбнулся и сощурил глаза.

— Вы правы, у меня нет титула, это так заметно?

— Ну, что вы? Вы очаровательны, грациозны и воспитаны. Так, слушок прошёл. Так откуда вы?

— О, уже даже слухи ходят, не знала, что так популярна.

— Вы — новость дня. Всем интересно узнать кто же вы, раз смогли очаровать герцога?

— Простой менестрель, ничего особенного.

— Неужели?! Не может быть. Вы ведь наверняка владеете магией, даже больше — некромантией.

— Разве? Не замечала за собой таких талантов.

Арго нервно дернул рукой. Он продолжал улыбаться, но глаза его выражали раздражение. Ему явно не нравились мои отходчивые ответы. Его проблемы, меньше знаешь, лучше спишь.

— Вы не здешняя, а все иноземное связано с нестандартным и магией. Так откуда вы?

— Но ведь я человек, почему же сразу нестандартный или маг. Простой человек.

— Вы не ответили на вопрос, — его рука под моей напряглась, а слова прозвучали настойчиво и твердо. Похоже, вежливый разговор окончен.

— Какой вопрос? — невинно поинтересовалась я.

— Откуда вы? — прорычали Его Светлость. Я балансировала на краю пропасти и знала это, но и ответить я не могла.

— Издалека. Я много путешествую, но никогда не была в Гарне. Всегда хотела послушать об этой стране.

— И как далеко вы жили, что никто не смог рассказать вам о Гарне? — он явно терял терпение, а моя пропасть все росла и углублялась.

— О, мне рассказывали, но только о сельской жизни, хотелось бы знать и о жизни при дворе.

— Позвольте выразить восхищение вами, леди. Вы достойный собеседник. Думаю, вы прекрасно мне подходите. Рад, что не разочаровался и жаль, что вы не ответили на мой вопрос, но полагаю задавать его еще раз будет также безрезультатно, как и раньше.

Это меня насторожило. Когда же он и вовсе остановился, я посмотрела на него с недоумением. Его взгляд буквально заморозил меня. Спустя мгновение я поняла, что так оно и есть. Я не могла пошевелиться, все тело просто сковало холодом и ознобом. Когда тебя связывают, ты чувствуешь веревку, боль или онемение, но сейчас был только холод, невыносимый ледяной холод. Как же страшно!

— Простите, леди, но вы просто попали под руку, и весьма удачно, — он сделал паузу, — для меня. Уверен, вас простят, если на званый ужин вы так и не дойдете. Ведь предателю там делать нечего.

Сам герцог отступил к стене и начал что-то шептать. Вот и попалась я так глупо и не за что. Обидно. Есть много способов умереть, а мне выпал самый нелепый. Случайная смерть. Хотя будет ли она столь же случайной для остальных. Зачем вообще ему моя смерть. Он иностранец, приближенный к власти. Тут попахивает заговором, а я просто оказалась не в том месте и не в то время. Интересно, а так ли болен герцог Итеар? Или его тоже немножко подвинули. Нет, убивать меня сразу не выгодно. Предателей карает король. Так что, либо на суде осудят, либо убьют при сопротивлении задержанию. А в том, что сопротивление будет оказано, не сомневался никто. Герцог руки марасть не станет, он только подставит.

Пока я рассуждала, ко мне подошел Малыш и помахал рукой перед глазами, которым я не могла поверить. Я стою, не могу пошевелиться, а этот, как ни в чем не бывало, машет передо мной ручками. Задери меня вурдалак. На эти телодвижения обернулся герцог и не менее удивленно воззрился на нас.

— Как интересно, мне не сообщили, что ваш раб маг, — он направил на Таривана руку, с которой сорвалось заклинание. Какого порядка и назначения, я, конечно, не знала. Но, судя по грохоту, с которым оно разбилось о Малыша, это было боевым. А вот почему мой названный раб даже не шелохнулся, интересовало, похоже, всех присутствующих.

— Невозможно! На тебе нет щитов или артефактов, я проверил. Твоя аура, как у простого человека, кто ты?

Герцог попятился все к той же стене, где теперь виднелся потайной ход. Он не боялся, ему просто было интересно, при этом мы, похоже, сорвали его планы. Гипноз на раба явно не действует. А я еще его в комнате оставить хотела, мол, опасно тут. Ага, да у него даже мурашки не побежали. Он, небось, и не понял, что произошло. Хорошо хоть махать руками перестал.

Холодный взгляд Арго блуждал вокруг Вана. Так ничего не обнаружив, герцог насмешливо поклонился и, отступая во мрак прохода, произнес:

— Я вас недооценил леди, но тем интереснее игра, не так ли. Этот ход за вами.

Тьма и ее твари, какая к лешему игра. Куда меня опять втравили. Хватит с меня политики. Все, пора бежать отсюда, да так, чтоб только пятки сверкали. Вампиры высоси всю эту аристократию. С ужасом осознаю, что все еще не двигаюсь. Мой туго соображающий наконец-то понял это тоже.

— Дана, тебе плохо?

Да что ты. Мне просто великолепно. Замерзла до смерти, да и зиму теперь терпеть не могу, но это все мелочи. Так, статуей подрабатываю, не в первый раз кстати. Только сейчас ледяной. А это дите протянуло ко мне руку, указательным пальцем ткнуло в щеку, а потом постучало по голове. Гениально! Просто гениально! Я от такого разве что рассыплюсь осколками. Правильно, добей, чтоб не мучилась.

— Дана ты живая? Что с тобой?

Ты еще постучи, и первый вопрос отпадет за нецелесообразностью. И второй тоже. Малыш не внял моей немой просьбе о быстрой кончине. Он просто положил мне руку на лоб и что-то прошептал. Неужели мне в рабы на самом деле попался сильный маг! Я прислушалась к его словам.

— Открой глазки, расскажу тебе сказку. Дай мне руку, я развею скуку...

Тьма, это же детская песенка. Тролль растопчи меня, мы покойники!

— Дана?!

Дай умереть спокойно, изверг зеленоглазый! Не порть впечатление о мире. Пусть мне драконы и русалки песенки споют у Всевышних.

— А русалки и драконы поют?

Так я это вслух сказала, а как? Стоять, губы шевелятся, пальцы тоже, а с остальным пока все по-старому. Увы.

— Ванюша, что ты делал только что? Что сказал? Давай еще. Я уже говорить могу. Ты ведь маг, хоть и ненормальный. Я двигаться не могу, попробайся расколдовать, только не убей, мне вдруг снова жить захотелось.

Малыш разом просветлел и с идиотской улыбкой, при этом подняв руки вверх, громогласно возвестил:

— Двигайся! — и опустил руки.

— Молодец, теперь умрем быстрее! Чего орешь так? Боялся, что не все расслышат? Так не волнуйся, весь город слышал.

— Правда, весь город? Но я просто думал, так лучше будет.

— Кому? Нам или им? — и я кивнула в сторону зала, из которого уже показались фигуры стражников. Сколько времени у них на осознание ситуации уйдет, я как-то проверять не спешила.

В этот момент мне так захотелось кое-кого пнуть, притом, что он повернулся боком, а моя нога так удачно занесена для удара. О чудо! Я пнула!

— Ай!

— Я могу двигаться. Ура! Я двигаюсь!

— Правда?

— А ты разве не почувствовал?

— Почувствовал, — а мордочка такая обиженная, преобиженная, ну прям мокрый котенок.

— Так тебе и надо! Раз маг, так уметь надо силой пользоваться, а не надеяться на песенки. Неуч! — Да уж, ненормальный владеющий магией, убиться дверью!

К месту боевых действий стала подтягиваться местная фауна, что быстренько привело меня от восторга к растерянности. И вот что делать? Ну, пупырчатая горгулья в камзоле герцога, как я тебя ненавижу!

— Давай в проход.

— Так он закрыт.

— Так ты маг.

— Нет, не маг.

— Да, маг.

— Да нет же, я не умею.

— Не умеешь — научим, не хочешь — заставим, — и я бесцеремонно толкнула его к стене, а потом еще и ускорение придала...пинком. Получилось! Ну, не совсем так, как надо, но главное результат. Магией, конечно, там и не пахло, но результат впечатляющий: двухметровый пролом в стене и никаких проблем. Зачем резерв тратить, если голове уже далеко фиолетово, что ломать?! Правильно, нужно экономить. А хуже Малышу уже быть просто не может. Или может?

— Малыш, у тебя что, папа молот, а мама наковальня?! Чем тебя в детстве поили,

дитятко? Свинцом и немножко драконьей кровкой? А, чтоб расстройство не было, молочко нюхать давали, а в ротик ни-ни?

Я конечно в курсе, что стены дворца только специальными артефактами разрушить можно, но видимо стенке об этом сказать забыли. Откуда знаю? Да так, с эльфийским дворцом баловалась. Эти эстеты остроухие до сих пор меня без сопровождающих во дворце не оставляют. А я им говорила, восстанавливать сложнее, лучше новый построить. Они почему-то восприняли это как угрозу и шесть полных лун меня к дворцу не подпускали. Да еще сопровождающего мне назначили, дескать, опасно человеку в городе эльфов гулять. Вопрос только кому опасно? На что мне в ответ приставили постоянного телохранителя, а по правде говоря, няньку. Сама нянька был очень зол на меня, но естествоиспытатель, воспитанный научником, никак не умирал во мне, несмотря на чинимые препятствия. Без них ведь не интересно, без препятствий. Мой научник всегда говорил: «Чем выше скала, тем больше желание ее преодолеть и безграничнее радость преодоления». Жаль, эти снобы не вняли к моему стремлению познать все вокруг. Они только закрыли проход к Хрустальному дворцу. Он у них в хрустальной скале вырезан. После этого, я четко для себя уяснила, что для эльфов существует только прямой смысл и никаких переносных и завуалированных. Прямые они, леший возьми, как палки.

Но вернемся к нашей бронированной единице. Стоит и смотрит на меня своими щенячьими глазами, только что не плачет.

— Чего встал, двигайся вперед давай, они ждать не будут, — и повернулась в сторону преследователей, — ничего себе!

Вся честная компания, включая и особей королевских кровей, хаотично вышагивала по коридорам дворца. Абсолютно бесцельно и как-то однообразно. Вот один из стражников схватился за дверь, а его ноги продолжали идти на месте. Все чудесатее и чудесатее. Меня начал пробирать смех, когда стражник не удержался и бухнулся на пол, при этом его ноги все еще двигались. Через мгновение все начали цепляться друг за друга, и вот зря они это сделали. Так как от результата захохотал даже мой болезный. Все незадачливые, кто успел схватиться, начали водить хороводы, а кто не успел, крутился волчком в центре всего этого безумия. Всю эту картину дополнял невнятный лепет несчастных. Полагаю, язык у них двигался в том же темпе, что и ноги.

— А что это с ними случилось? — перестав хохотать и уже опасно поинтересовался Ван.

— Ты с ними случился, а точнее, твой незадачливый ум и незаурядные способности.

Всевышние, Ван же одним словом и глупым движением заставил весь замок двигаться так же сумбурно, как и мысли в его голове. У меня по спине холодок пробежал. Сколько раз он меня уже прикопать в уголке мог. «Мог, но не прикопал же!» — бесцеремонно вклинился внутренний голос. Ох, где только наша не пропадала?

— Так, представление окончено, быстро покидаем сие пристанище душевнобольных. В идеале стоит в комнату за пожитками наведаться. Может ход и выведет.

И я шмыгнула в проломленный проход. Как не странно, здесь было светло, что настораживало. Поднявшись по первой же лестнице наверх, мы вышли недалеко от моих покоев. Повезло. Быстро схватив сумки и свою одежду, мы снова двинулись к потайному ходу. Уже внизу нас постигла дилемма. Лево или право. Вперед как-то не хотелось, там темно.

— И-и-и, что говорит твое чутье?

— Какое чутье? — растерялся Мальш.

— По-видимому, мифическое. Ладно, куда идти, выбирай наугад.

— Давай туда, — и он ткнул пальцем вправо. Удивительно, впервые право победило лево в мужской голове.

— Хорошо, ты первый.

— А почему я?

— А потому! — Гениально, правда?

— Но я не хочу.

— Может, прогуляться на виселицу хочешь?

— Нет.

— Тогда двигай направо, пока она сама к тебе не пришла.

— А она может? — и искренний испуг в глазах. Бедняга, за что ему я попалась на жизненном пути. У ребенка все мировоззрение перевернулось с ног на голову. Между прочим, и так больную.

Не успел мой подопечный и шагу ступить, как раздался взрыв и заверещала магическая серена. Опа, вот кто-то под шумок и дворец громит. Ясенько, а свалят все на нас. Тем более надо бежать, куда глаза глядят, и потом спрятаться где-нибудь. Я схватила за руку перепуганное дите и побежала, как и собирались, направо. Где-то через дюжину поворотов мы снова оказались у развилки. Я стала прислушиваться. За стеной бегали люди, взрывались магические заклинания, и звенело железо. Теперь не оставалось сомнений, что нас ждет смерть, если попадемся. Нас подставили и очень качественно. Сам того не зная, герцог выбрал идеальные кандидатуры. После представления в коридорах дворца, ни у кого не возникнет сомнений в нашей причастности. Темень! Нас не оставят в покое. Мало, что припишут разрушения, так еще и покушение на всю высшую аристократию. Мрак!

Я сорвалась на бег и бежала до тех пор, пока не почувствовала свежий воздух. Сколько раз я сворачивала без разбору, уже и не упомнить. «Бежать, бежать отсюда» — было моей единственной мыслью. Слава Всезнающим, Ван не отстал от меня. Через пару вар мы вышли на какую-то поляну, где паслись шесть лошадей. Откуда они взялись, меня мало интересовало, главное, что они здесь. Я закинула свои седельные сумки на ближайшего вороного жеребца и вскочила в седло.

— Ван, чего стоишь? Залезай в седло любой лошади и поскакали. Нам надо срочно покинуть королевство!

— Я не умею ездить верхом.

О нет, только не это. Да, упырь с ним. Я его знаю три дня всего и не стану подставляться из-за какого-то раба.

— Извини, Мальш, теперь каждый сам по себе, желаю удачи, — и я пришпорила коня.

Во мраке ночи, шестеро наемников пробирались сквозь лес к месту стоянки. Путь им освещали два факела. Они выполнили приказ, диадема принцессы украдена. Осталось доставить ее заказчику, чего Салван никак не собирался делать лично.

Выйдя на поляну, наемник сразу оценил ситуацию и нашел в ней выигрышные для себя стороны. Он останется в живых и выполнит заказ до конца. Исчезновение лошадей ему на руку. Скорее всего, их увели те самые «злобные некроманты». Просто идеально. Патруль

проехали шестеро всадников, и скрываться будут тоже шестеро. А вот он сам и Вартек спокойно уйдут в сторонку. Вне подозрения. Все простое — гениально.

— Кокой труп увел моего коня? Живьем сожру, мразь! — заорал полу тролль и сплюнул кровь на землю, — хребет вырву голыми руками!

— Заткнулись все, — спокойно сказал главарь, и всех будто заморозило. Страх сковал лучше любых криков, — близнецы, Бар и Рангвар берите лошадей и доставьте заказ к порталу. Вартек, ты со мной. Без мага мы не отобьемся.

— Проклятье. А как же вознаграждение?

— Успокойся Бар. Место встречи — таверна. Все, вперед.

То, что оплата проводилась после выполнения заказа и в совершенно другом месте, никак не связанном с пунктом доставки диадемы, сильно настораживало наемников. Вот только против Салвана не рискнул бы пойти даже полутролля.

— Не сдохните тут, — грозно рыкнул Рагнвар, — зря я, что ли, руки марал о всякую мерзость. Порву за серебро. Так и знай Салван, у Всенизшего откопаю, — и он направил указательный палец прямо в грудь главному.

— Закрой клыкастую пасть, тролль. Не доставите заказ, сами будете умолять отправить вас в самый низший из миров, — больше слов не потребовалось.

Поляну окутала тьма. Четыре всадника скакали галопом к границе королевства Ритар. Два наемника, которых связывали узы крепче сотрудничества, вновь выжили, не смотря ни на что.

— Может, стоило предупредить про ловушку?

— Это задание — сплошная ловушка. Или ты сам хочешь передать диадему? Так я не против, Вартек. Красивая будет смерть, с фейерверками.

— Да уж, я ведь был прав насчет заготовки, — эльф шелкнул пальцами, подтверждая жестом правоту, — это охранка, но отнюдь не дворцовая. Ее специально поставили, чтобы наделать много шума. Кто-то очень хотел устроить полноценное представление.

Салван не сомневался в этом с того момента как пришло сообщение от заказчика о новых действующих лицах. Двое некромантов, которых качественно подставили, легко скроют личность истинного кукловода.

Наемник нехотя вернулся к событиям этой ночи. Они, не напрягаясь, прошли охрану и сломали стену. В коридорах была стража, которую без проблем устраняли полутролля и близнецы. Но подход к сокровищнице был свободен. Это насторожило Салвана, но не остановило.

Взрыв был не мощным, но жутко громким. Не было даже шанса остаться незамеченными. Рагнвару рассекло голову и сломало пару ребер, близнецы отделались парочкой рваных ран, Бару сломало руку. В момент взрыва Вартек незаметно накрыл себя и наемника куполом, так что они получили лишь парочку ушибов. Все произошедшее лишь убедило Салвана, что свидетели герцогу не нужны. Кто не умрет на задании, добьют после него.

— Кто-то очень хотел устроить полноценное представление, — пришел к окончательным выводам наемник.

— И мы прекрасно его отыграли, — самодовольная улыбка не могла не появиться на лице эльфа, — герцог Олсана очень осторожный человек, но он недооценил нас, глава тайной охраны Марона.

— Совершенно верно, командир элитного разведывательного отряда Хрустальных

лесов.

Предрассветную тишину нарушил дружный хохот двух представителей разных государств и рас. Двух союзников и двух друзей.

[1] Хейши — растение с плодами лилового цвета и алым соком. Очень редкое. Чаще всего встречается в горах. Из его сока делают вкуснейший напиток — хейшин, а так же более дешевый вариант — настойку на корнях хейши. А в свежем состоянии корень растения сильнейшее снотворное.

Глава 5 Эльфы, а мы идем к вам!

Ничему жизнь нас не учит. Так, пинает для профилактики.

Где я? Кто я? Что со мной? Ой, как голова раскалывается. Чем это меня так? Открываем один глазик. Ой нет, зажмуриваемся сильнее. Сгинь, сгинь, сгинь нечистый! Открываю снова глазик. Не сгинул. Сгинь, ну пожалуйста! Не сгинул, увы!

— Ну что пялишься, мой несостоявшийся убийца? Добить решил? — смотрю на этого амбалушку, и так его стукнуть охота.

— Извини, мне просто страшно было.

— Страшно ему было, а вот мне что прикажешь теперь делать? Ты не ездок, а я теперь даже не ходок. Лошадь хоть цела? — и я попробовала сесть. Получилось, но в глазах помутнело.

— Ага, вон в лесу пасется.

А голос-то какой счастливый. Радуется, что хоть тут не напортачил.

— Рада за нее, бедная животинка.

Мало того, что такого громилу волокла, так еще и столкновение пережила. Мировая кобыла.

Как вы уже догадались, пришибленного я не бросила. Просто, как только тронула коня, так прям его малахитовые глазки и примерещились. Да такие несчастные. Пришлось развернуться и помочь Ванюшке залезть на самую покладистую кобылку. Зря, конечно, вернулась, но сделанного не воротить.

Залезть-то он залез, а вот как ехал, это не поддается описанию. Кобыла несла его, как хотела, и он решил взять бразды правления в свои свинцовые руки. Тут пожалели уже мы вместе; я и кобыла. Все его попытки править привели его прямо моему коню в з... кхм, под хвост. Такого надругательства жеребец не выдержал и встал на свечку. А такого поворота уже не ожидала я, за что и поплатилась жестким падением на землю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты лечить умеешь? У меня, похоже, вывих и легкое сотрясение. Тут лекарь нужен, само никак, — вставать я даже не пыталась, и так рой черных мушек перед глазами скачет.

— Не умею, — печальный вздох.

— А что ты вообще умеешь, катастрофа ходячая?

— Чистить лошадей умею, седлать, дрова рубить, рыбачить и охотиться.

— Отлично, разводи огонь и готовь обедозавтрак, а я попробую вправить лодыжку сама, — уже даже потянулась к ней, но при этом жутко боялась трогать. Судя по виду, болеть будет нещадно.

— Может, я магией помогу.

— Поможешь. В гроб загнать сможешь.

Похоже, кто-то обиделся. Ах, какие мы нежные. Но уже через мгновение стало стыдно. Мне больно, вот я и срываюсь, однако он в этом не виноват. Его разум слеп. Изменить свое состояния Малыш не в силах.

— Ванюшаааа, а ты уже лечил когда-нибудь? — решила пойти на мировую.

— Нет.

Я об этом пожалею, как же я об этом пожалею. Хотя, если ногу мне уничтожит, то хоть болеть перестанет. И все равно я пожалею. Похоже, у кобылы были те же мысли, так как она с таким сочувствием взирала, как будто меня на бойню везут.

— Ладно, давай свою магию, пока я не передумала. Если что, ты, ему копытом промеж глаз, ясно? — тыкнула я пальцем в пострадавшее животное.

Вы не поверите, кобыла мне кивнула, четко так, медленно. Ну, теперь хотя бы знаю, что за меня отомстят.

Тариван присел передо мной на корточки и положил ладони на лодыжку. Стало на удивление тепло и спокойно. Я даже закрыла глаза.

— Шел по дорожке, сломал себе ножку...

— Чего сломал? — я подскочила как ошпаренная, но меня удержали. Какая, к вампирьим клыкам, сломанная ножка. Он что, специализируется на переломах, причем их создании, а не устранении? Мама, мамочка-а-а!

Следующие события повергли меня в краткий, но глубокий шок. Наша страдальца, завидев мой ужас, подошла поближе и-и-и... и собственно занесла копыто для удара. И может я бы все еще была во власти шока, но она занесла ЗАДНЕЕ копыто! Такое не переживет даже его безголовая головушка (простите за тавтологию). Я выставила руки вперед и закричала:

— Не двигаться! Стой! Пру! Я все еще надеюсь на сохранение ноги, пусть и сломанной! Рано еще, рано.

Кобыла фыркнула, мол, как знаешь, но я бы не надеялась, и отошла в сторону, повернув к нам снова свою более лицеприятную часть. Ван в нашем диалоге не участвовал, хотя именно ему и собирались сделать лоботомию. И через ван[1] я поняла почему. Мой раб был в легком, но ошутимом трансе.

— Оторвешь листок, не вернешь в поток...

— Оторвешь?! Упырь на празднике цветения! Помогите-е-е!

— ... верни русло, на место, что пусто.

— Чего?

И тут меня пронзило молнией, сильно, резко, но лишь на мгновение. Потом я боялась открыть глаза, поскольку существование моей ноги было под большим вопросом. Заржала кобыла и потрепала меня губами по волосам. Наверное, не все так плохо, если удара копытом не последовало. Пока. Решившись, я резко распахнула глаза и увидела интереснейшую картину. Ваня сидел на том, на чем обычно сидят и удивленно смотрел на мою здоровую ногу. Вороной жеребец, наклонившись через плечо белокурого, с таким же выражением морды, только лошадиной, пялится туда же. Прелестно. Хорошо, что кобыла не страдает теми же приступами, что и эти двое. Обернувшись, я поняла, что златогривая со мной солидарна. Она, кстати, палевой масти. Красивая, ничего не скажешь.

— Долго гипнотизировать будете? Прахом не рассыплется, если только Ванюша не постарается.

— Это я сделал? — и такая смешная мордашка у него была, что я улыбнулась.

— Ну не я же.

— Ничего себе, я и в правду маг, — восторженные вздохи по этому поводу явно надолго.

— А когда по дворцу хороводы пускал, то сомневался в этом?

— Я думал, это не я.

— Что-то мне не верится, что есть еще один ненормальный маг во дворце, что кричит «двигайся», как клич к бою.

— Я за тебя испугался, — и повесив голову, продолжил, — я не хотел.

— Не хотел, не хотел. А что произойдет, когда ты захочешь. Всемирная засуха, потоп, огненный дождь по всем империям и королевствам? — Ох, как он загрустил. Я тут же прекратила отчитывать его, — ладно, не обижайся. Я знаю, что ты помочь хотел. Я это ценю. Кстати, спасибо, что спас мою ногу.

— А я не помню, как это получилось, — и снова это детское наивное выражение.

— Знаю, Малыш, знаю. В трансе ты и не мог ничего запомнить. Так что, не волнуйся. Ты сильно устал?

— Нет.

— Тогда принеси дров, а я разожгу костер, — вспомнила, что не ела со вчерашнего дня, — и седельные сумки. Посмотрим, что съестного было у наших благодетелей.

Обед прошел тихо и мирно. От дворца мы проскакали почти девяноста тат по лесу. Для тринадцати ват это просто великолепно. Лошади нам попались на удивление выносливые. Легко переносили нагрузку и почти не уставали.

Несмотря на кажущуюся легкость нашего путешествия, все понимали, что это не увеселительная прогулка. Наш путь будет большей частью пролегать по лесным дорогам и непроходимым чащам. В поселки мы поедем только в случае полного истощения запасов. Я слишком хорошо усвоила правила, когда приходится скрываться. Пункт нашего назначения я определила еще утром. Больше нам негде скрыться, и никто другой нам не поможет.

Хрустальный лес. Прекрасное место. Безопасная, надежная, а главное самая близкая мне земля. Скрываясь в разное время и от разных преследователей, я, не задумываясь, сбегала к эльфам и просила убежища. Ни разу я не получала отказ. Надеюсь и сейчас ничего не изменилось.

Владыка Хрустального леса, Алибаскаэль, из Старшего Дома Кранэ, император всех светлых эльфов — мудрый и милостивый правитель. Он всегда прощал мне выходки, а иногда даже поддерживал меня в моих естествоиспытаниях. Ему нравилась моя живость и страсть ко всему странному и необъяснимому. Он для меня всегда был чем-то большим, чем просто Владыка. Наверное, что-то вроде заботливого братишки.

Вообще, за все время моего пребывания у эльфов, у нас сложились странные отношения. Для меня они не делились на высокопоставленных и обычных. С самого первого дня, Баск старался убедить в том, что для меня они все равны, как листочки на эльфийском дубе. Они одинаково рождаются и одинаково умирают. И это, то равенство, которое я должна запомнить. Оно всех ставит на один социальный уровень.

Чем вызвано было столь особое отношение, я не знала. Возможно, то, что я беженка как-то повлияло. Однако, сами эльфы признают свое социальное неравенство. Так почему мне позволено его игнорировать?

Тогда я не знала. А когда узнала? В тот день, как близко познакомилась со смертью. Когда осознала, что ее власть не щадит ни королей, ни рабов. Смерть — великая уравнивающая сила, ставящая всех на одну ступеньку. Последнюю.

— А-а-а... БУХ!

— Сорок четыре — ноль.

— Чвяк, чвяк! — кто-то по кому-то прошелся.

— А это уже подло, Паля.

Кобыла фыркнула, выражая свое несогласие, мол, если издевается этот патлатый над ней сидя в седле, и по бокам колотит без причины, чего б этого нахала не скинуть, да еще и не потоптаться, для успокоения души, так сказать.

— Ладно, твоя правда. Но он ведь и так болезный. Вдруг еще и калечный станет. Тебе оно надо, Палевая?

Кобыла застыла, забыв поставить занесенное для шага копыто, и помотала головой.

— То-то и оно. Скидывать, скидывай, так даже веселей ехать, а ходить по нему не нужно.

Кобыла кивнула. Она вообще на удивление понятливое и сообразительное животное. Просто прелесть. Вон как учит Вана в седле держаться. Кстати, успешно. Он уже не падает по два раза за вар. Глядишь, и к эльфам уже достойным наездником приедет. А кобылку я Палевой назвала. Из-за ее цвета. Она, вроде, не против.

— Тариван, вылезь из кустов немедленно! Мы...трм-м-м... — слово «торопимся» так и не сумело сформироваться во что-то членораздельное.

Мой неуклюжий недомаг не просто вылез из кустов, он их перепрыгнул, притом, что самый низкий кустик достигал моей шеи. Темень! Переходя на ускоренный бег, он догнал кобылу, подпрыгнул, оперевшись руками о круп, и взлетел в седло. Как это было красиво! Идеальная посадка в седле, ровная спина! Мощные икры ног мягко обхватывают бок Пали, сильные руки плавно ложатся на ее шею и крепко зажимают поводья между пальцев, при этом создавая видимость расслабленности всего тела. Я пустила слюнку! О, Паля тоже пустила пенку! А Ванька, а что Ванька!? Сидит, вперед смотрит и не шевелится.

— Э-э-эм... Тарчик?

Резкий поворот головы, плавное движение руки и я на земле, придавленная грузным мужским телом. Все произошло так быстро, что я толком и не увидела всех движений Вана. Результат: я на земле, дыхание сбито, и вдохнуть никак под его весом. А воин спокойно и равномерно дышит. Предплечьем придавил мне горло, коленом зафиксировал грудь. Все еще лоя ртом воздух, слышу рык и слова, сказанные сквозь сжатые зубы.

— Как ТЫ! — вой, — посмела меня назвать?!

Мне стало страшно. Резкий озноб вдоль позвоночника сковал лучше любых магических или физических оков. Я медленно, но верно начала осознавать, что мне конец. Я не знаю этого воина! И для него я — никто! Если бы у него был хотя бы нож, возможно, я даже не успела бы осознать своей смерти. Но как раз-таки смерти я не боялась, мы давно с ней на короткой ноге. А вот существо, которое с ненавистью и презрением смотрело сейчас на меня и решало мою судьбу, приводило в неконтролируемый ужас.

Глаза. Его глаза, прежде ясные и благородные как хризолит — камень дракона, теперь рождали в своей глубине алый огонь, как завораживающий, аристократичный александрит. Дикая, необузданная мощь драконьего камня и холодная, обжигающая ярость возвышенного александрита. Иней, мои ресницы покрылись инеем от его взгляда. Лед, сухой лед в его глазах. Этот лед не морозит, он выжигает изнутри саму жизнь. Холод, что рождает жар. Лед, что разжигает огонь. Заиндевший страх, охватывает пламенем мужество, уничтожая его последние остатки.

— Хрусть...

У меня треснуло ребро, я отчетливо слышала хруст своих костей. Мой кошмар тоже знал, что означает этот звук, и как-то по садистски, наслаждаясь, улыбнулся мне. Мое тело поддается натиску и не за горами тот момент, когда колено проломит грудную клетку. И он

упивался моими страданиями и своей мстостью, за только ему известное преступление.

— Малыш... хр-р-р...

Я еле смогла выдавить из себя хриплые звуки. Монстр дернулся. Ослабил нажим. Его глаза сощурились и пристально всматривались в мои. Там плескалось недоверие и борьба. Борьба зверя и человека, ребенка и мужчины, война и раба, ясного разума и потерянного.

— Кто ты? — спросил неизвестный воин.

— Смерть... кх-х-х — и я почти не врала.

Дальше все происходило как в тумане. Вот его изумрудные глаза горят неверием, и в следующую секунду я вижу подкованное копыто и красивый полет воина. Чувство легкости и ворвавшийся в легкие воздух наполовину с болью приводят меня в некое подобие вменяемости. Я попыталась сесть. От боли выступили слезы, и весь так тяжело добытый воздух вырвался со свистом.

— Паля, — я прокашлялась, кровью кстати, — подойди скорей, — очередной кровавый кашель, и я уже на коленях, — бежать надо, девочка, бежать.

Кобыла и сама все поняла и нетерпеливо переступала с ноги на ногу, ожидая, пока я залезу в седло. Не получилось. Еще одна попытка и здравствуй земля, привет рассеченная бровь. Палевая решила, что от живой меня будет больше толку, чем от мертвой и опустилась на передние ноги. Кое-как поднявшись, я перекинула ногу и села в седло. Облегченно вздохнула, мучение закончено. Не тут-то было. Когда Паля пошла шагом, было терпимо, но когда она перешла на рысь, я начала заваливаться на правый бок. Боль была нестерпимая. Перед глазами все поплыло и начало темнеть. Плохо, очень плохо. Внутреннее кровотечение. Значит, все-таки сломал, сукин сын. Что Суардана, весело тебе было? Скуку решила развезать, поиграть. Хорошо тебе теперь, а? Обхохочешься. Доигралась девочка. Нечего сумасшедших с собой таскать.

Очередная кочка и моей последней мыслью было: «Только б не на голову!», — нечего пополнять ряды пристукнутых.

Предрассветную тишину нарушил взрыв нестабильного телепорта. Две тени скользнули вдоль кромки леса в тате от кровавого тумана. Они стали свидетелями того, как четверо наемников превратились в пыль, активизировав телепорт, находящийся в стазисе.

— Да уж, фейерверка не получилось, — худая фигура, явно молодого мага, разочарованно вздохнула.

— Расстроен? — второй собеседник, судя по хриплому голосу, был уже в возрасте.

— Ужасно, не люблю красный.

— А какой любишь?

— Золотой, конечно! — будто само собой разумеющееся, сообщил маг.

— Ха-ха-ха.

И на некоторое время наступила тишина.

— Меня волнует один вопрос, почему четверо? — голос юноши выдавал легкую тревогу.

— Двое прорываются на юг. За ними идут солдаты Ритары и каратели.

— Проклятые?! — выкрик был похож на визг, настолько потрясен был маг.

— Кажется мне, что здесь замешана рыбка крупнее повстанцев. Неудивительно, что все приказы через посредников.

— Полностью согласен, — кивнул юноша.

— Давай за наградой и в кабак.

Молодой маг, что так искусно ставил ловушку для наемников, легким пассом руки открыл заготовленный заранее и напитанный энергией накопителей портал. Ни у кого, кроме архимага, своих сил на портал не хватило бы никогда.

— Прошу, — шутовски поклонился он своему старшему коллеге, предлагая пройти первым.

Во второй раз взрыв прозвучал ничуть не тише первого. Земля вздрогнула, птицы слетели с веток. Кровавый туман плавно оседал на молодую траву.

[1] Ван — секунда

Глава 8 Никогда не жалейте розовых и пушистых!

Жизнь — это юмор. Иногда черный, иногда белый, а иногда плоский.

Вот уже пять рассветов, как мы слоняемся по степи. Ну почему у меня все через одно место? Вот как я не заметила, что свернула не туда? Ума не приложу. В результате ищем другой путь, который упорно не хочет находиться. У нас на хвосте злющий эльф, лучший воин Хрустальных лесов, и парочка оборотней с наемником неизвестного назначения. Думается мне, сверни мы правильно, уже мучительно раскаивались бы в этом. Только по этой причине я все еще ищу другой ход.

— Ванька, я есть хочу-у-у-у...

— Остановимся и сварим кашу?

— Ненавижу кашу, умру, если еще хоть ложку придется проглотить!

Вам интересно, почему у меня сформировалось столь сильное негативное чувство к бедной каше? Да потому что мешки с овощами, хлебом, мясом и сливовицей на груженной вещами лошади остались. Какой идиот предложил облегчить мою лошадь? Знаю, то огонек клыкастый, оборотень его покусай...э-э-э... упырик погрызи. Из-за этой «гениальной» идеи я вынуждена пятые сутки давиться кашей неизвестного происхождения, без соли, без перца и без масла. Темень! Я убью оборотня! Одна радость, когда навешали мешки с продовольствием и оружие на бедную животинку, места для одежды наших пушистых не осталось, и ее на Палю взвалили. Надеюсь, эти изверги околеют нагишом в степях. В противном случае обмен не равноценен. Как же кушать хочется.

— Ванюша, может ты создашь какую колбаску, а? — щенячьими глазками смотрю на него.

— А как?

— Из воздуха.

— Я не умею

Не подействовали телячьи нежности. Да уж, умильная мордашка, это козырь Мальша. Мне далеко до него. Практики не хватает.

— Все, если через пол рассвета не найдем чего поесть, я перейду на подножный корм.

— Это как?

— Встану на четвереньки и вместе с Палей буду жрать сочную травку, мням. Она намного привлекательнее каши, — кобыла аж с шага сбилась. Конкуренции боится что ли? Ну так вполне обоснованно. Все сожру! Паля, кстати, сразу после преобразования маньяка в Мальша к нам явилась. Где пряталась эта трусливая предательница, не знаю, но рожа больно довольная была. Не меньше чем поле ромашек прикончила, заедая стресс.

Предаваясь унылым мыслям, мы подъехали к перекрестку. И куда дальше? Всего ван и меня охватило отчаяние. Я закричала во все горло. Плохо дело. Кто-то умрет, и этот кто-то по левую сторону от нас. Я его чувствую. Решено, едем налево!

— Ты как?

— Нормально, поехали туда. Там умирающий наш, — и я тронула коня.

Около вата мы ехали по узкой дороге, кое-где сужающейся до тропки, и тогда мы пристраивались друг за другом цепочкой. Впереди виднелось небольшое озеро и странная

фигура на его берегу. Непонятное существо сидело, опустив ноги в воду. И все бы ничего, но это нечто было розововолосым. Как такое возможно? Длинные, до талии, розовые волосы! Упитья и не жить!

— Э-э-э-э... это что? — растерялся маг. Я разнообразием речи в тот момент мало отличалась от Вана.

— Ну-у-у-у... э-э-э... простите... э-э-э... дух?

Незнакомец повернул голову и грустно посмотрел на меня своими абсолютно розовыми глазами.

— Э-э-э... призрак? — он покачал головой, — маг, жертва неудавшегося эксперимента, эксцентричный некромант?

Он печально вздохнул.

— Не трудитесь, не угадаете.

— А вдруг... хотя чего это я? Ван, поехали, хватит нам и одного ненормального в нашей развеселой компании.

— Они так же сказали, — безразлично произнесло нечто.

Мне не интересно, мы едем дальше. Любопытству нет, силе воли да-да-да! Да упырь с ней, с силой, которая воли.

— И кто это они?

— Все мои сородичи. Они тоже не хотели иметь со мной ничего общего, — и розовый поднялся.

Не спеша, он пошел вдоль берега. Чуть выше меня ростом, худой, едва там мышцами пахнет, но фигура пропорциональная. Лицо миловидное, красивое, с мягкими чертами, как у девушки. Однако орлиный нос и более грубый подбородок дают закрасться подозрениям относительно его женственности. Одет изысканно — кожаные, расшитые золотыми узорами, а может и золотыми нитями, штаны и камзол для верховой езды, черного цвета. Белоснежная рубашка, так же расшитая и с оборочками у ворота. На манжетах рубиновые запонки, предполагаю, настоящие. Из обуви высокие начищенные сапоги, что сейчас сиротливо остались стоять чуть в стороне. Под камзолом виден пояс с ножнами, где спрятана сабля. По поверхности рукояти тянется вязь из белого и желтого золота, думаю, и лезвие так же расписано. В волосах, ранее мной не замеченная, инкрустированная розовыми рубинами золотая, тончайшей работы заколка, удерживающая собранные у висков пряди на затылке. И это утонченное существо продолжало своими аристократичными шагами мерить уступ берега. Через пару шагов раздался хруст под его босой ногой и обреченный стон «опять».

Что значило это опять, я не знаю, да и не до него как-то было. Тут такое случилось. Наш случайный встречный просто-напросто сгорел в розовом пламени и осыпался пеплом. Оригинальная смерть. А через ван меня потянуло петь. Значит, вот кто наша запланированная жертва. Я спешила, чтоб не сбиться с ритма, и запела.

Я в гробу живу давно

Но бессмертен я зато.

Упырем меня зовут,

И зомбякой кличут.

Я не злое существо,

И хорошим был я до.

Но ужасный некромант
Здал меня на провиант.

А я Машеньку люблю,
Каждый день я ей пою.
А она мне в сердце кол,
И от этого я зол.

Я подарок ей нашел,
И к порогу подошел.
А она меня долой.
Не по нраву дар ей мой.

Я ей почку подарил,
Не свинячью, говорил.
Из своих запасов личных,
Отодрал у птичек хищных.

Не поверила она,
Не поверил бы и я.
Почку из себя достал,
И с посыльным отослал.

Не взяла подарок мой,
Из сердца вон, с дум долой.
Раз не хочет быть моей,
То останется ничьей.

Ночью в домик заглянул,
И придвинул к двери стул.
Как же бегала она,
И убилася сама.

Я лишь коготь подточил,
И об этом я забыл.
И разрезал когтик мой.
И сердце вон, и жизнь долой.

— Что за бред? — возмущению моему не было предела. Я вообще черным юмором не страдаю. Так откуда вот эта песенка взялась?

— А-ха-ха, коготь подточил, ах-ха-ха... — да уж, иногда у болезного с юмором все в порядке, но почему именно сейчас?

— Хватит гоготать, ничего смешного в этом нет, тут чело... кхм... неизвестно что пеплом осыпалось, а ты над его останками слезы от смеха проливаешь, — попыталась прекратить я приступ.

— Гы-га-га, кхм... ха-хм-хм-ха... ах-ха-хмх!

И что это за предсмертные хрипы? Поворачиваюсь, а розовое нечто, что пять вар назад горело розовым пламенем, держится одной рукой за живот, а второй безуспешно пытается закрыть себе рот. Не, я ошиблась, это послесмертное гоготание.

— И что, зомби сгрызи, здесь творится? — и новый приступ хохота с обеих сторон, слаженно так.

— Ну ты даешь... ах-ха... я прям не поверил, что ты банши, когда петь начала... ха-ха, — возвестило это нечто, — да за такое я готов хоть каждый ват с жизнью прощаться.

— Ты уже с ней попрощался. Вали отсюда, дух эксцентричного существа, куда там вас уносит? Вот прямо туда и побыстрее.

— Прости, плакальщица...

— Дана.

— Дана, но я не унесусь в райские кущи пинать облачных пони и упиваться запахом божественных цветов.

— Само собой. Всевышние тебя и на десять тат к своей обители не подпустят. На кой им розовое пожарище в Светлом мире.

— Жестокая ты, — обиженно сказало нечто.

— Мне говорили. Так что это все значит? Тут и духу твоего быть не должно, в буквальном смысле, а ты вот стоишь и на смех меня поднимаешь, — грозно смотрю на духа, которого и след простыть должен был.

— Туго соображаешь банши...

— Дана!

— Я не дух, я вполне жив, здоров и осязаем. Можешь проверить, — и он протянул мне руку, а я попятилась. Тут непонятно что творится, а он мне руку тянет. Я не самоубийца.

— Ваня, дотронься до него, будь другом.

— А зачем?

— Ну, понимаешь, он поздороваться хочет, а я, как бы это... — и вот что ему сказать, что тебе уже все равно хуже не будет, а я жить хочу. Грубо как-то, — я леди и со мной за руку не здороваются, — пришло мне в голову, — короче, пожми ему руку и все!

— Хорошо.

И он подошел к розовому. Тот, ранее протянутую тыльной стороной ладонь, повернул ребром для рукопожатия, и их руки встретились. Я даже дышать перестала. Увы, рука Вана не прошла сквозь протянутую ему в ответ руку духа. А значит, никакой он не дух. Плохо, просто ужасно. Что же такое нам попало на пути? Так, спокойно. Хватаем Вана и бегом отсюда. А то пока будем разбираться, что же он такое, нас быстренько закапают и пеплом могилку посыплют, тем самым... э-э-э... тем, которого уже нет. Что за ерунда? Куда пепел делся? Если только...

— Ван, тащи-ка его сюда! — розововолосый попытался выхватить свою руку у Вана, но не тут-то было. Малыш одним рывком притянул его к себе, схватил за плечо и повел ко мне.

— Слушай, возрожденный, а где пепел? — заискивающе интересуюсь у изрядно побледневшего шутника.

— Так развеяло его. Раз и нету, — неуверенно улыбаясь, попытался он обмануть меня. Ага, уже поверила, аж раз десять как.

— Ты мне зубы не заговаривай, сама это умею. Ты, значит, из пепла возродился? — молчит, — а кто у нас из пепла возрождается? — как партизан молчит, и зло глазами в меня молнии метает.

— Какой же ты не образованный, — обожу Ваньку и насупившегося пленника по кругу, и, издеваясь, продолжаю, — что, никаких вариантов? Жаль, как жаль. Так и быть, я тебе открою этот секрет. Единственные, кто возрождается из пепла, они же и бессмертные, это фениксы. Правда, вот не задача, встретить в наше время феникса невозможно, так как они вымершими по меньшей мере весен пятьсот как считаются. А тут раз и феникс. Да еще ты что-то про сородичей говорил. Ну и конспирация!

— Хочешь перья содрать? Так тебе еще меня заставить истинный облик принять придется. А тут ты не справишься, и никто не справится, — ехидно скалится феникс. И что интересно, нет страха в его глазах.

— Дана?

— Да Малыш — переключилась я на Вана.

— А он феникс?

— Да.

— Ух ты! А что он может.

Вот чувствую, в интересах сохранности тушки розового не стоит рассказывать Вану о фениксах. Он же его на обереги разорвет. Исключительно из любопытства.

— Малыш, давай потом, а? — он кивнул, соглашаясь.

— Какие-то странные у вас отношения, — подал голос, слегка удивленный феникс.

— Какие есть.

— А вы кто вообще?

— Меня Дана зовут, его Ваном, он мой друг.

— А больше на ребенка или любимого раба похож, — не знал он, как точно описал наши отношения, а я его просвещать не собиралась.

— А ты кто такой? — феникс дернул плененным плечом, видимо затекшим от лапищи моего раба, — Ванюша, дапусти ты его, сбежит, страдать не стану, — и мой недомаг отпустил плечо розового. Тот осторожно отстранился от Ваньки, опасливо косясь на него и растирая плечо.

— Мое имя Ласкан зи Верт Налю, я изгой, — на последнем слове он скривился как от зубной боли.

— И что это значит?

— Что меня изгнали из клана, — нехотя пояснил он.

— Слушай, меня мучает вопрос. А все фениксы розовые? — как он покраснел, если б чуть другой оттенок, то с волосами слился бы.

— Нет, я единственный, — буркнула птичка в ответ.

— Тебя из-за этого изгнали? — опять пуляет молниями в меня.

— Слушай, а ты всегда так над трупами глумишься? — бросила на него испепеляющий взгляд. Розовый, а такой колючий.

— Один-один, Ласка, — зарычал. А я думала фениксы — это птички. Хищные что ли?

— Ласкан! Я, между прочим, из знатного рода, простолюдинка!

— Ага-ага, — покивала как болванчик, — это из которого тебя турнули?

Кто-то обиделся.

— А тебе чего вообще от меня надо, плакальщица-извращенка? — сложил руки на груди и грозно смотрит.

— Да, собственно, ничего, — пожалала я плечами, а он удивился. Еще бы, как это я его пернатое высочество ободрать не хочу. Ведь перо феникса, а точнее пепел от сгоревшего

пера излечивает любые раны.

— Хотя, — он презрительно ухмыльнулся, — зря делаешь поспешные выводы птичка, оставь при себе свои перышки. Мне бы дорогу узнать.

— А куда вам надо? — уже более дружелюбно спросил Ласкан.

— В Хрустальный лес.

— А зачем? — нахально интересуется.

— А тебе все знать надо. Идем, значит, есть причина.

— Я вот о чем подумал, ты ведь банши, вымирающий вид, — я скривилась, говорит обо мне как о животном, — а раз к эльфам идешь, значит, они тебя приняли.

— Необязательно, — протянула я, — так к чему ты клонишь?

— Если я прав, то они тебя укроют. А я ведь тоже... — договорить не дала.

— А ты тоже птичка редкая, и одной летать — значит пеплом землю посыпать каждый рассвет. Так? — он кивнул.

Смотрю на розовое чудо, а оно мне слезную мордочку строит. И ведь внутри ни капельки не розовый и не пушистый, а все равно жалко. Ну что за жалостливая у меня натура. Вон Широ же не пожалела. Хотя жалость к этому извергу он сам же у меня и отбил.

— Ладно, огненный наш, пойдешь с нами. Но если доставишь проблемы, мигом браконьерам сдам, — лихорадочно закивал, — так куда идти?

— А вы правильно шли, вот по этой тропинке через тринадцать рассветов до самой заставы и дойдем.

— Тринадцать? Так мы только шестой рассвет в степях, а до лесов минимум двадцать два. Ты что-то пугаешь.

— Нет, это короткий путь. О нем никто почти не знает, — и Ласкан самодовольно ухмыльнулся, — его мои предки проложили, чтоб незаметно по степям передвигаться.

Понятно, как целый клан фениксов скрывался от мира.

— Русалку гному в жены! Так это же великолепно!

Получи Широ, распишись под поражением. И я крепко сжала феникса в объятьях. А отпустила уже пепел. Удивляться своей силе, раздавившей птичку, времени не было, так как песенка полилась в тот же момент.

У вампира клык отпал,

И куда-то ускакал.

А на ужин у бессмертной знати,

Девственница в льняном халате

Как кусать теперь прикажешь,

И на дверь ей не укажешь.

Плакать собралась она,

В пасть полезла и сама.

И спросил ее вампир:

— Что это за номер?

Доставая с пасти шею

Что не сделал он своею.

— Коль тебе я не нужна, -

Осветила пол луна, -
— То кого любить я буду,
Ведь тебя я не забуду.

Ошарашен был вампир,
Сума сошел егонный мир.
Куда катится земля?
Кровопийца и дитя.

— Ты послушай малышня,
Ноги уносила б от меня.
Потрошить не стал пока
Потому что нет клыка.

Истерить она изволит
Чувство мести ее гонит
И девица с горяча,
Дала в лоб и стрекача.

И остался наш вампир
Ополчившись на весь мир,
Без девицы для себя,
И с улыбкой без клыка.

— Ха-ха-ха, ой убейте меня снова, это нужно повторить! Ха-ха, — смотрю на две валяющиеся фигуры, и так убить их хочется, что сил терпеть нет. Да только одного убьешь, песенки похабные петь будешь, а второго сил убить не хватит, быстрее сама убьюсь.

— Может, хватит ржать, как кони. Ты мне, Ласка, лучше объясни, как так получилось, что сил меч держать у меня нет, а тебя прикончить — есть?

— Ну-у-у... я нежный.

— Ага. На сколько нежный?

— Хм, очень нежный. Одной царапины или большого синяка достаточно, чтоб я сгорел, — грустно как-то он это сказал.

— И что, все фениксы от насилия так застрахованы, или с синяками не модно гулять?

— Нет, это скорее особенность моего организма...

— Ага, розовая, — перебила его я, — заметили уже.

— Розовые волосы и глаза — это подарок, — печально произнес он.

— Чей?

— Моей мамы. Понимаешь ли, Дана, я не чистокровный феникс. Моя мама нимфой была, — держите меня, я проваливаюсь сквозь землю. Нимфы такие же часто встречающиеся существа, как и банши. И вот где его мифический папаша-феникс нашел не менее мифическую нимфу-мамашу?

— Да как такое возможно? Ты либо нимфа, либо феникс, а ты...

— А я и то и другое. Моя мама была нимфой...

— Сладкоежкой, — снова перебила я.

— Нет, нимфой светлой мечты. Эти нимфы самые редкие и их цвет — розовый, —

слышала что-то о том, что нимфы разноцветные существа. К примеру, у нимфы надежды волосы и глаза зеленого цвета, у нимфы веры — желтого и так далее, — вот мне и передался ее цвет, а так же...

— Ее нежность? — не удержалась от смешка я.

— Нет, чувствительность. Нимфы не терпят к себе прикосновений, только от любимых. В противном случае они умирают. Поэтому нимф так сложно найти, они принимают облик деревьев, травы и цветов, некоторые ручьев и облаков. Если нимфа не покажется тебе сама, то ты ни в жизнь не найдешь ее.

— Получается, что от любого прикосновения ты мрешь? Но тогда, как же Ван тебе руку пожал? — закономерный вопрос, согласитесь. Догадка меня просто убила, — или он тебе настолько понравился? — и я загоготала во весь голос.

— Нет, просто ты мне синяк поставила, а он нет. Я ведь феникс, я не умираю от прикосновений, только от синяков и ссадин, — но все его объяснения бес толку, я все равно заливисто хохотала, корчась в приятных муках на земле.

Две насупившиеся фигуры, что коршунами нависли над валяющейся в припадке мной, все сильнее расплывались от слез. Они молчали, но весь их вид обещал, что месть будет ужасной. От этого стало еще смешнее. Мстя от вечно мертвой птички и придурковатого воина с раздвоением личности, что даже рубашку без меня ни снять, ни одеть не может. Прямо вижу, как Ван, запутавшись в рукавах, во время приведения плана мести в действие, случайно выбивает дух из феникса, который тот час же сгорает и ветерком уносится в неизвестном направлении, с предсмертными словами «Я буду мстить, и мстя моя будет страшна!».

Не знаю, сколько длилось мое забвение, да только очнувшись я от невероятно аппетитных запахов, что принес мне милостивый ветер. Как они посмели? Я отлучилась ненадолго (как мне кажется), а они сразу хомячить пошли. Изверги, это уже слишком жестокая месть, оставить меня голодной. Или еще хуже — оставить мне только кашу.

Оказывается, наш феникс весьма запасливое существо. У него в седельных сумках чего только не завалилось. Даже вяленое мясо! Я люблю фениксов! Даже розовых.

— Шлушай, Лашка, а жа што тебя фце шаки иж кфана фыкнули?[1] — да уж, как-то сама не поняла, что сказала, но оторваться от куска ароматного, вяленного и столь желанного от долгого лишения мяса выше моих сил.

— Ты б прожевала сначала, а потом в душу ко мне лезла, — скривился феникс, наблюдая за моей кровожадной расправой над несчастной гастрономией. Если честно, даже знать не хочу, как сейчас выгляжу.

— Ижвини, не жаметила куда флегла, наверно, в нещущештвующую фещь[2], - и скривилась в улыбке. Думается мне, что с куском мяса во рту, как с добычей, при этом вгрызаясь в нее и улыбаясь одновременно, я выглядела жутко. Даже Вана проняло, он от этого зрелища аж отшатнулся в сторону. А нечего людей на кашевую диету сажать. Я сейчас и покусать могу.

— Так я услышу ответ или как? — так и быть, я оторвалась от мяска.

— Или как, — вот же ж упрямая птица.

— Ванюша, радуйся, мы выезжаем, садись на Палю, — такую гримасу боли и праведного страха я в жизни не видела. А теперь смотрим на розового. Тот с бесстрастным лицом начинает собираться.

— Одни! — но вот мимолетная расслабленность от того что пытаться не стали сменяется

осознанием.

— Ты меня бросить хочешь, — щурит глаза и с вызовом смотрит на меня, — так и знал, что ты такая же подлая. Набила живот, поняла, что перышки с меня не сдерешь, и решила выкинуть. Ты ничем от них не отличаешься, — и он отвернулся, но скрытую в глубине его души боль, что отразилась в глазах и словах, сложно было не заметить.

И снова он сравнивает меня с «ними». Но кто эти «они», и что же сделали с Ласканом? Он сказал сородичи, но мне кажется, что здесь кто-то конкретный имеется в виду. Вроде. он хочет обобщить всех, подстроив под одного человека. Поразмышляв, я не нашла ничего лучше, как вгрызться в свое лакомство.

— Мошет рашкажешь, о ком ты шейчаш? — и он снова повернул ко мне свое лицо. Но это не было то искреннее и богатое эмоциями выражение, это была изящная, благородная, полная собственного достоинства и величия фарфоровая маска аристократа.

— Знаешь, я сейчас себя животным чувствую. Ты не мог бы лицо по проще сделать, а то по сравнению с Вашим Великолепнишейством я сейчас на зомби похожу. Уже к земле тянуть начинает и жутко покусать кого-то охота.

— Тебе ничего не даст мой рассказ, — с высоко поднятой головой произнесло это гордое изящество.

— Ошибаешься, я не собираюсь путешествовать со странным существом, при этом ничегошеньки про него не зная. Так рисковать я не намерена. И если ты благоразумный, должен это понять.

— Тогда и ты Расскажи мне о себе, — снова с вызовом, но уже с нотками ребяческого упрямства. Похоже, феникс возрождается из своего холодного и мертвого пепла.

— А с чего это? Это ты к нам навязался в спутники, и это ты не хочешь нам доверять. Так с какой стати должны мы, — говоря все это, я даже глаз на него не подняла, просто смотрела на лакомство, которое упорно уничтожала. Думаю, такая непринужденность намного лучше, чем напористость. Или нет? Куда это розовое недоразумение собралось, да еще и без своих сумок?

— И куда ты? — как можно безразличнее спросила я.

— К эльфам.

— Да что ты, неужели? — притворно удивилась я, — и ты, конечно же, знаешь, как пройти патруль, что сказать стражникам и как попросить защиты у Владыки. Ты же у нас принц.

Феникс остановился как вкопанный. Его ладони были крепко сжаты в кулаки, а на предплечьях проступили вены. Ей богу ребенок. Своей выходкой он сам же загнал себя в угол. Теперь или гордость, или благополучие. И что же ты будешь делать?

— А ты знаешь? — ух как злобно!

— Само собой!

Сижу, все так же развалившись на травке и оперевшись о дерево, но теперь посербывая горячий отвар из трав. А что я? Мне ведь все по барабану. Дай только слабину, и, серена поцелуй, ты из него потом хоть словечко вытянешь.

— А что ты о своей собачке знаешь? — это он так Вана решил обозвать. Хоть бы лицом ко мне повернулся, а то, как собрался уходить, так свой тыл мне и демонстрирует.

— То, что он слегка не от мира сего, добрый, доверчивый и добродушный.

— Это, конечно же, самое важное в его прошлом, — и он усмехнулся, но мертвой была эта ехидная пародия на сарказм.

— Все так, да только он с самого начала был милашка, и мы многое с ним прошли. А ты высокомерный упрямец, с которым меня ничегошеньки не связывает. Ванюша мне все бы о себе рассказал, если б мог, — даже как-то грустно от своих слов стало, — ладно, тащи сюда свой пернатый зад и рассказывай герою-спасителю, что за бяка-потрошитель тебя обидел.

Конечно он воспользовался моим предложением. Я ему только что дала возможность вернуться и не уронить свое пепельное достоинство. Пряма сама доброта и благородство. Малыш, кстати, вообще ушел в свои фантазии и ничего вокруг не замечал. Лежит и смотрит в небо, а что ему там видится, одним Всевышним известно. Ласка, тем временем, уселся рядом со мной, оперевшись спиной все о то же дерево только с другой стороны. Я милостиво дала ему деревянную мисочку с настойкой. Почему мисочку? Так зачем с собой еще и кружки таскать, когда уже миски есть.

— Как ты догадалась, что я принц?

Честно, я аж подавилась и рукой попыталась зажать рот. Не помогло, расплевала всю настойку по траве и штанам.

— Кха-кха, чего? Кха-кха, принц?

— Так ты не знала? — и мордашка такая растерянная.

— Неа, я это так лягнула, кха... просто больно вид у тебя высокомерный был, не дать не взять королевских кровей.

— Ну что ж, лягнула ты в точку, я принц клана Нало.

— А есть еще кланы фениксов? — думаю глаза у меня сейчас точно как блюдца.

Надо же, мы их вымершими считаем, а они живут себе припеваючи. Ласкан тяжело вздохнул и повесил голову.

— Были, сейчас только мы.

— Если вас так мало, то, какого голодного кельпи, тебя изгнали? Тут самого недобитого и задрыпаного хранить как зеницу ока должны, не говоря уже о принце! — возмущению моему не было предела. Я даже забыла про испачканные штаны, только усердно вытирала лицо тряпицей.

— Ты права. Многие были не согласны с приговором. Но правитель не способный править и без наследников, никому не нужен.

— В чем проблема, отказался бы от трона, — на меня тут же уставились два грозных розовых глаза. Правда, их цвет вызывал скорее улыбку, нежели страх, но я поняла намек — сглупила.

— Давай ты все расскажешь по порядку, а то у меня от твоих розовых угроз рябь начинается, — ну что ж, сама виновата, хотя пара лишних пятен на штанах уже ничего не изменит, все равно обидно, когда на тебя выворачивают что-нибудь, — настойка между прочим вкусная. Была.

Ух ты, мы даже соизволили улыбнуться, прям редкость сегодня.

— Как ты уже знаешь, я особенный, — киваю, очень особенный, — естественно меня воспитывали отлично от остальных. Я мало общался со сверстниками. Мой отец всячески старался скрыть факт моей неполноценности, но он понимал, однажды все узнают о моей ущербности. Не скажу, что детство было плохим, скорее скучным и однообразным, — Ласкан сорвал травинку, покрутил ее, изучая, но я почти уверена, сознание его сейчас далеко в прошлом. Еще немного помолчав, он взял стебель зубами и начал перекачивать его на языке, изредка прикусывая.

— Когда я был подростком, меня начали водить на заседания старейшин. Там

собирались все знатные фениксы, а так же главы других кланов, что спаслись после уничтожения своего народа. Естественно, они тоже брали с собой своих сыновей. Ребята уже давно знали друг друга, а я, проживши затворником, никак не мог вписаться в их компанию. Этому поспособствовала и зависть со стороны наследника другого клана. Прознав о моем секрете, они стали издеваться надо мной и всячески подставляли. Однажды, на очень важном заседании один из ребят подсел ко мне и предложил стать друзьями. В самый ответственный момент, когда я должен был выступить со своим предложением и закончить заседание церемонией посвящения меня в члены совета, мой новый друг схватил мою руку и крепко сжал. Я до сих пор помню его злорадную ухмылку и слова, что он произнес: «Удачи, мой принц». Они прозвучали как пожелание смерти, коя не заставила себя ждать. Сквозь розовые всполохи пламени я видел лица пораженных советников и гневное, ненавидящее лицо отца.

После этого я часто сгорал на собраниях и пропускал важную информацию. В конце концов, меня исключили из совета старейшин, так и не посвятив в него. Справедливо, ведь я вскоре вообще перестал понимать ситуацию в клане. Несмотря ни на что, я оставался наследником и принцем. Как только я повзрослел, мне сосватали принцессу из другого клана, что чудом уцелела со своей семьей, — он снова замолчал, а на его лице появилась печальная улыбка. Улыбка, отражающая радость обладания и скорбь потери одновременно. Не нужно было даже спрашивать, как сложились их отношения. Одно его присутствие здесь и сейчас говорит само за себя. Это история с печальным концом, но может у нее будет и новое начало. Он внезапно продолжил.

— Она была прекрасна, но совершенно не знала меня. Как и остальные дети старейшин, не общалась со мной раньше. Ее зовут Энге. Постепенно мы подружились, но присутствие другого наследника, принца клана Вран рядом с ней тревожило меня. На одной из прогулок она ни с того ни с сего позвала меня в лес. Будучи влюбленным, я согласился. Я шел очень аккуратно, старался ни за что не цепляться, но все же дважды умудрился умереть. Энге терпеливо ждала моего возрождения, и мы шли дальше, — руки крепко обхватили голову, а пальцы запутались в волосах. Ласкан не хотел продолжать, но пересилил себя, — я до сих пор не знаю, было ли это случайностью или спланировано, — он поднял голову и я увидела застывшие в глазах слезы, его рот скривился от муки.

— На нас напал ликан, — он повесил голову между колен, одна рука закрывала глаза, вторая упиралась в спасительную опору земли, — у Энги было много ран, ее лицо было изуродовано, но зверь не убил принцессу. Вовремя подоспел принц Врана и спас мою невесту. После этого никто не хотел иметь со мной дела. Ни один старейшина не хотел выдавать за меня своих дочерей. Я ненавижу себя за то, что даже не успел закрыть Энге от первого прыжка зверя. Я просто оцарапался о ветку и смог лишь наблюдать то мгновение, когда ликан разрывал грудь девушки своими когтями. Розовое пламя собственного огня впервые полыхало алым цветом, окрашенное ее королевской кровью. Лучше бы она умерла и переродилась в тот же миг, но зверь будто знал, кто перед ним и не спешил её убивать. Он долго мучил девушку. Почему я не возродился на протяжении такого большого периода времени для меня загадка. Полагаю, кто-то наложил печать, чтобы я не вмешался. Когда я снова твердо стоял на своих ногах, я увидел принца и свою Энге, истекающую кровью на его руках. В это же время пришли старейшины. Как они узнали, где мы, я не знаю. Время их появления как будто было рассчитано. Моя невеста почти бездыханная, бледная как первый снег, окропленный багровым соком озимого цветка хейши, на руках раненого другого,

мертвый ликан у его ног и я позади них абсолютно невредимый. Все было ясно, как божий день. Никто не проронил ни слова, но я тонул в их отстраненности, горел под их осуждающими взглядами и растворялся из-за их безразличия. Я существовал, но уже был отринут своим народом. Мужчина-ничтожество, не способный защитить свою женщину. Позор всей королевской семьи. Изгой. Урод, — я услышала судорожный вздох. Феникс одним быстрым движением обтер глаза. Я не видела его лица, он все так же смотрел в землю, не поднимая головы, а его волосы розовым покрывалом укрывали голову, храня в тайне все эмоции огненного существа.

— Раны принцессы зажили, — уже спокойно и однотонно продолжил принц, — но она была обезображена шрамами. Мы не можем убивать себе подобных — это грех. Поэтому никто не позволил Энге переродиться. Тогда она нашла меня и на моих и отца глазах всадила себе кинжал в сердце по самую рукоять и уже сквозь догорающее рыжее пламя мы слышали голос «Это ты убил меня». Я принял ее проклятие и перед всеми я был убийцей соплеменника. За это меня изгнали из клана. Собственный отец прочитал приговор и просто ушел, не одарив меня и взглядом. Из поселения я уходил ночью, и никто не посмел меня проводить, никто не посмел заговорить со мной, никто не посмел выйти на улицу в эту ночь. Таков закон. Я более не существую, для них я умер. На мне нет клейма изгнанника и убийцы только потому, что я бы умер от одного только прикосновения магического предмета.

Я не знала, что сказать. Чем можно помочь человеку, потерявшему все, и хочет ли он этой помощи? Мне не пришло в голову ничего лучше, чем просто молча сидеть рядом. Я не смела коснуться этого гордого существа, не говоря о том, чтобы обнять его. Любые действия означали бы жалость. Благородный и стойкий принц не вынесет жалости, он не примет ее. Поэтому я просто сидела рядом, всматриваясь в облака. До боли я желала, чтоб он почувствовал, что я рядом, ощутил поддержку, понял, что теперь он не один. Здесь некого защищать, здесь все в опасности, все обречены. Все уже много прекрасных мгновений как мертвы. Здесь все потеряли все.

Словарь

[1]. Шлушай, Лашка, а жа што тебя фще шаки иж кфана фыкнали? — Слушай, Ласка, а за что тебя все-таки из клана выгнали?

[2]. Ижвини, не жаметила куда флежла, наверно, в нешущештвующую фещь — Извини, не заметила куда влезла, наверно, в несуществующую вещь.

Глава 9 Цель — настичь банши!

К вечеру мы добрались до небольшой проплешины в степных кустах. А как добирались, лучше умолчать. Сумки то у Ласкана были, а вот конь дня два как издох. Под дружное фырканье и недовольство Пали с птичкой я целенаправленно перекладывала барахло с кобылы на своего коня. Естественно я посадила феникса к Вану. Паля, конечно, не простит, но своя персона дороже. В результате безумно злая кобыла и две отнюдь не грациозно летающие птички с совершенно неотработанным и дрянным приземлением. А мне от этого представления ужасно весело. Было, пока и мне порция гнева не досталась. Палевая с завидной регулярностью скидывала своих седоков. А как мы знаем, синячок у феникса равно пепел плюс похабные песенки. Первые пять раз я пела в гриву вороного, но наглотавшись волос, начала открыто напевать это извращение. Вот скажите мне, насколько испорченной может быть душа, что репертуар этого ужаса не заканчивается. Как оказалось, мои всхлипы слышит и Паля. Когда эта садистка просекла, почему меня так корежит, она, если феникс выживал, его копытами добивала, с особой, маниакальной жестокостью. Мне даже жалко пернатого стало. Честно говоря, я бессовестно рыдала от этого зверства надо мной, но держалась. Ибо гордость не позволяла уступить, тем более кобыле. Она тоже уставать начала. Наконец-то! Частота падений потихоньку стала убывать, а вот упертость прибывать. Но слава Всевышним, меня спасли раньше. Феникс — умничка, раза с пятидесятого истинный облик принимать стал и просто пикировал назад в седло. Увы, у Вана крыльев не выросло, и он все так же бездарно подметал собой землю. А разъяренное животное, потеряв такой действенный способ мстить мне, нашла другой. Эта палевая пакость куснула вороного за зад и тот, как не обремененная умом живность, понес меня, куда его испуганные глаза глядят, то есть, дохлый тролль знает куда, но не туда, куда надо. Я целый ват потом вернуться назад пыталась, а конь ни в какую. В конце концов, просто спешила и потащила этого упертого под уздцы.

— Слава Всевышним, привал, — простонал пернатый, он, наверное, за всю жизнь столько не летал.

Да, Паля злобствовала во всю. Мы все теперь на сборище зомби особо разложившегося типа походили. Ласк весь чумазый и мокрый от напряжения, Ван весь в синяках и подранной одежде, Паля с подрагивающими от частого вскидывания ногами, и я, охрипшая до невнятного сипа, и с распухшими, краснющими глазами. И вся эта красота как попало и где попало валяется на песке. Таких мертвяков даже особо одаренный некромант поднять не сможет. Как не старайся, а сейчас мы были способны только упокоиться с миром. И тут что-то меня дернуло, и я захрипела из последних сил.

Звали сваху на смотрины,
В домик миленький из глины.
Там девицу хоть куда,
Чтоб сосватала она.

Сваху в двери заглянула,
Чем-то вкусным потянуло.
Та на запах побежала,

И невесту увидала.

На окне сидит девица,
Что захочешь утопиться.
И сам черт прекрасней будет,
Пусть родители осудят.

И к двери тихонько пятясь,
— Будет славный мужем витязь!
Деве сваха обещала,
Не прощаясь, убежала.

Год с того прошел давно,
И забылось все само.
Но слушок один прошел,
Муженек ко дну пошел.

Стала сваха узнавать,
У кого топился зять.
Да у той девицы страшной,
Пятый муж ушел бесстрашно.

— Ну как ты умудрился умереть? Какая сволочь посмела руку на бедную нимфу поднять? — отчаянно вопрошала я пустоту.

— Прости, я от перенапряжения. Само как-то получилось, — виновато залепетал феникс.

— Само!? Тебя и так каждый встречный поперечный прикончить хочет, а ты еще и сам убиваешься! Убью! Буду страдать, но убью, чтоб душу отвести. Своими руками придушу! — просипела невнятно я. Но судя, как побледнела птичка, у меня все на лице было написано.

Для идущих в Хрустальный лес наступила ночь семнадцатого дня. Четыре тени неимоверно быстро двигались через заросли пустынного кустарника. Двое из них ехали верхом. Они еще пять дней назад поняли, что сбежавшие выбрали другую дорогу и опережают их. Единственным способом догнать, было вернуться к исходной точке в степях.

Хоть Пустынные степи имели такое название, они отнюдь не были пустынно. На всей территории степей раскинулись холмы, покрытые высоким кустарником, что напоминали лес, и долины, с высокой, сочной травой. Название произошло от того, что в степях нет городов и больших поселений. Фактически это ничейная пустая территория, которую прибрали к рукам всевозможная нечисть и орки.

Чтобы нагнать Дану и ее компанию, всадники и оборотни не сбавляли темпа и двигались даже ночью. Как только альфа взял след и они перестали плутать, запах банши становился все отчетливее.

«Еще чуть-чуть, и я догоню тебя, моя melda[1]. Я слишком долго ждал, naice nua[2]. Теперь я не упущу свой шанс». Голос, что давно звучал в голове всадника, становился все

громче и увереннее.

И вот рассветные лучи освещают стоянку трех путешественников. Костер тлеет, угли изредка охватывает оранжевое пламя. Лицо девушки освещено лишь наполовину, а вторая его половина спрятана на груди беловолосого раба. Она плавно качается в объятьях Морфея и не ведает, что легкий холод, приведший к сладостным сновидениям на груди у воина, что стал роднее всех, сломил того, кто так долго старался держаться в тени. Ее тени.

Высокий первородный встал на колени перед спящей девушкой и положил свою ладонь ей на голову. Проведя ею по волосам, щеке и губам, он, наконец, узнал, как шелковисты ее волосы, как нежна кожа и мягки ее губы. Как же он хотел коснуться их своими, но воин, так не кстати лежавший рядом, не давал ему и шанса осуществить желаемое.

— Спи, melda. Im arann ale naice nua, altoga nim gwain, maquet! — и он медленно поднялся, чтобы присесть недалеко от костра и ждать пробуждения. Светлый в душе и темный снаружи, эльф не знал, что тот, кто приласкал у себя на груди драгоценность, был воином, который пришел в себя из-за опасности, исходящей от первородного. Опасности потерять дорогое сердцу. Он слышал слова, что теперь, как вой сирены звучали в его мыслях: «Спи, любимая. Я прощаю тебе свою боль, не причиняй мне новую, прошу!». Воин понял их, он знал их когда-то.

Ну почему мне досталась самая мстительная кобыла на свете? Она последние десять дней только и делала, что изводила меня. То ночью одеяло стащит, то сапоги в озеро закинет, а, бывало, посреди ночи Ласкану череп проломит. Бодренькая побудка тогда была у всех. И ничем ее нельзя было ублажить. Копытами она и без дозволения билась в разные стороны, хорошо хоть не в мою. Понимает, что этого я не переживу. Только сейчас я сдалась и пересадила болезного и птичку на вороного. А что? Я не говорила, что это решение повредит мне. А так и волки сыты и овцы целы. В нашем случае даже как-то буквально получается. Паля подо мной даже не брыкается. Просто наслаждается путешествием и перемирием. А ребята, как падали, так и падают. Только после первого же падения, я настояла на том, чтобы Ванька сзади ехал. Если уж разлагать дисциплину, так пусть я от этого хотя бы горло себе не надрываю, а то даже кобыле мои завывания надоели. Вот интересно, как вообще мои песенки теперь каждый слышать может? Или это потому, что Ласк не умирает, а находится в пограничном состоянии. Это объяснило бы, почему я концерты устраиваю на все степи. К нам даже ликаны больше не суются. Я им слух напрочь отбила, они теперь не то что нас, они себя не слышат.

А возможно ли, что Ванюша тоже в пограничном состоянии находится? Вдруг у него та же проблема, что и у пернатого, только другого характера. Может его личности убивают друг друга. И он, как бы, не существует как личность, но существует как разрозненный разум в одном теле. Я даже не заметила, что уже вар пять Малыша разглядываю. Пришлось отвернуться, а то Ласк уже на меня коситься начал.

— Ну что, привал на скорый обед? — меня тут же прожгли голодные, жаждущие еды, три пары глаз, это если коня считать. Палю я, втихаря, сухофруктами подкармливала, хватит с нас боевых действий. Поняли уже, что упрямство наша слабая сторона.

— А зачем так хищно смотреть-то? Подумаешь, завтрак пропустили, — грозные взгляды, — ну и ужин вчера, но ведь обед по расписанию, — попыталась смягчить я. Не

ВЫШЛО.

И вот зачем я надеялась на мирное поглощение пищи. Ведь ни разу мои надежды не оправдались. Они как будто чувствуют, что я о них вспоминаю, и сразу машут мне ручкой. Мол, не наглей, подруга, мы вообще не твои надежды, так заблудились. Жива и на том спасибо скажи.

А вот что так беспардонно разбило мои надежды, так это неудачное падение (не мое, слава свету). На голову. О камень. С потерей сознания. Не радуйтесь, петь не буду. Это Ванюша в очередной раз земельку головой пропахал и, как говорится, нашла коса на камень! Сошлись, как лед и пламень! А победил... победил воин, то есть вообще третий лишний. Вот так в жизни бывает. Бьешься головой о стену... тьфу ты, камень, а кто-то другой все лавры себе забирает.

— Малыш, ты последнюю личность выбить решил, так я не против, только можно по гуманнее как-то.

— Убивать вообще не гуманно, — раздался спокойный и безэмоциональный голос, — а это мое призвание, как воина. Так что, не упоминай это слово при мне.

Приехали!

— Дам. И что тебе не сидится внутри, там тепло уютно, а здесь дождик скоро пойдет, будет мокро, сыро и противно. Давай ты баиньки пойдешь, а? — не надеясь на успех попросила я.

— Ты бы следила за тем, что вылетает из твоего грязного рта. Может жизнь спасти. Я не твой Малыш, который разве что в попу тебе не дует, я могу только меч туда всадить. Так, чтоб посмотреть, что из этого выйдет.

— Твой труп из этого выйдет, — на самом деле я была в шоке, а когда я в шоке, то огрызаюсь. Но это как-то не очень грозно, а он почему-то вздрогнул. Неужели испугался. Но чего?

— Дана, что с ним? Он на тебя даже голоса поднять не может, а сейчас до угроз скатился, — встревожено спросил из-за Пали феникс. Боится, как пить дать, почуял холод и силу, исходящую от этого маньяка.

— Вот именно, что скатился. Это вторая маньячная натура в нем проснулась.

— Вы оба ненормальные! — выкрикнул он и вышел из-за Пали. Осмелел, кажись.

— А ты у нас образец нормальности и традиционности. Вон, какие традиционные розовые волосы и глаза. Аж, тошно от их нормальности и твоей обыденности, — фыркнул, но возражать не стал. Просто руки на груди сложил, выражая недовольство ситуацией. Как будто я была довольна.

— И где мы сейчас? — требовательно посмотрел на меня. Почему я крайняя, вот птичку доставай, она у нас бессмертная, хоть и стрессоустойчивая.

— В Пустынных степях, в двух днях от границы с эльфийскими землями.

— Что? — взревело это нечто, а я пообещала сама себе крепко обнять Ванюшу, за то, что он такой ненормальный. Потому что нормальным он мне не нравится. Ни капельки. Только пристукнуть хочется.

— Что слышал, мы в степях.

— Я же сказал идти в долину.

— Мало ли что ты там сказал! — вспылила я, — хочешь, вперед, никто не держит. Ласк, ты держишь? — тот отрицательно замотал головой, — не держит. Иди.

— Ты пойдешь со мной, — сквозь сжатые зубы процедил явно взбешенный воин.

— Мечтать не вредно. Нам не по пути.

— А с ним по пути, — и он указал пальцем на себя, имея в виду моего Мальшца.

— С ним да, с тобой нет.

— Ты не боишься, что я уйду, — он сощурил глаза, и начал ими буравить во мне явно лишние дыры, — ведь он все равно потащится за тобой, ничтожество.

— Все именно так, кроме ничтожества, — не было смысла юлить и отбрыкиваться, мы оба знали, что он прав.

Маньяк подошел ко мне почти вплотную. Не знаю, в чем была причина, но я видела борьбу в нем и ненависть. Он медленно поднял руку на уровень моих плеч, а в его глазах мелькнула нежность. Леший знает, что твориться. Но прежде чем я смогла хоть что-то понять, он одернул руку и его взгляд снова наполнился ненавистью, но теперь я знала, что это ненависть к себе самому, за то, что позволил себе подойти к пустышке.

— Что он в тебе нашел? Лишь симпатичная оболочка, прогнившая внутри.

Он говорил, а я кое-что вспомнила. У него ведь с памятью проблемы. В прошлый раз его аж подкосило, когда вспомнить что-то попытался. А если... попытка не пытка.

— Слушай, а ты помнишь о себе хоть что-нибудь? — и невинные глазки при этом, сплошное бесхитростное любопытство.

— Конечно, — ага, удивился, но быстро взял себя в руки. Ну, от воина я другого и не ждала.

— Так расскажи, а то мы не в курсе, — поворачиваюсь к ничего не понимающему фениксу и подмигиваю. Понял, молодец.

— Да, а то если мы с тобой пойдем, то надо же хоть что-то знать, — умничка моя розовая. Я даже начинаю любить этот цвет.

— Хорошо, меня зовут... — он схватился за голову, как и в прошлый раз, — Ай!

— Что-то не так? — сочувствующе спрашиваю, выпятив нижнюю губу, а потом ехидно улыбаюсь.

— Что? — вопрошают у меня чистые и искренние изумруды.

— Здравствуй Ванятко, не верится, но я по тебе скучала, — и я крепко обняла его, надеясь, что он не исчезнет. И только я знала, насколько страшно мне было от того, что его второе я все чаще брало над ним верх. Он менялся, я чувствовала это. Сначала юмор, потом он стал подмечать детали и запоминать слова. Сейчас он стал все чаще понимать, что смысл слов иногда разниться с его формой. Его преобразования заводили меня в тупик. С одной стороны, он выздоравливал, с другой, я не хочу, чтоб хоть одна черта характера маньяка передалась Вану. Но они одно целое и это убивает меня, иссушает душу. Ван мне как ребенок, друг и брат. Я не хочу лишаться столь многого, потеряв всего одного. Я загнала себя в ловушку, не имеющую выхода.

— Мальшц, — и когда я успела заплакать? Пару капелек еще висели на щеках, остальные впитались в рубашку на плече моего друга. Друга, за которого я отдам свою душу. Смерти я не боюсь, поэтому моя жизнь не стоит ничего, чтоб ее отдать. Ведь я боюсь всего, кроме дамы с косой, что приходит лишь раз и не остается на чай. А вот за душу страшатся все. А чего боится он? Я посмотрела в его горящие тем же беспокойством глаза и поняла все без слов. Того же, что и я. Остаться одному в этом мире.

— Мальшц, давай ляжем спать, а?

— Ты что, сейчас же только вечер, мы, кстати, так и не пообедали, а ты спать. Нетушки, пока не поедем никакого спать, — и Ласкан пошел разжигать костер.

Пообедали мы поздно, это не смотря на то, что остановились мы на обед в полдень. Решили не ехать сегодня дальше, а просто хорошенько выспаться и пораньше двинуться в путь. Я нагло завалилась в обнимку с Ванюшей возле самого костра. Он был только за и крепко обнял меня. Сегодня ночью мне снились самые прекрасные сны на свете, и счастьем моему не было предела, пока я не разомкнула веки. Шла семнадцатая ночь в степях.

Словарь

[1]. melda — любимая

[2]. naice пуа — боль моя

Говорила мама: «Больше одного мужика — можно вешаться».

А что с шестью делать? Повешать что ли?

Тепло, хорошо и не поддувает. Неужто Паля одеяло не стянула. Мягкое что-то под головой, и сердце у него бьется. Надо просыпаться, хотели же раньше встать. Открываю глаза — подбородок, и знакомый такой, щетинистый. А-а-а-а, я же Ванюшу уже два дня не брила, зарос бедняга. Фокусирую взгляд на дальней фигуре, взгляд отказывается выполнять трудные спросонья задачи. А это кто?

— Мама!

— Не поможет. И как далеко ты собиралась без меня? — высокий златовласый мужчина двинулся в мою сторону, хотя как по мне, то он еще в подростковом возрасте двинулся, но меня не слушали.

— Как можно дальше, чтоб глаза мои тебя не видели.

— Какие вы женщины не постоянные, да и слово свое не держите. Ты же обещалась не видеть меня больше никогда, — эльф присел на корточки возле меня и положил руки на бедра, соединив кисти между ними.

— Так мне из-за того, что у тебя комплекс неполноценности, и ты вымещаешь свою мужественность на мне, гоняешься за мной, как за ребенком, теперь глаза себе выколоть, чтоб сдержать обещание. Прости, что разочарую, но себя я люблю больше, чем ненавижу тебя, — как же давно я хотела ему это высказать. Мучителю, что гонял меня по плацу днем и ночью, что опускал меня при всем отряде воинов. Тому, кто ненавидел меня и всячески унижал. Возился со мной как с калекой и ставил мне мою беспомощность в упрек. Вот так глубоко он задел меня. И не важно, насколько большой будет куча навоза, что он вывернет на меня сейчас, я гордилась собой за отпор.

Да только не было этой кучи, не было ни оскорблений, ни унижений. Он лишь грустно улыбнулся, и я увидела печаль в его глазах, то, чего не ожидала увидеть когда-либо вообще. Он слишком любит жизнь, чтоб опускаться до грусти.

Все так же улыбаясь, он, молча, ушел. И что это было? Да ни разу за всю мою сознательную жизнь этот гордый и непоколебимый эльф не спустил оскорбление или нападки с рук. А что сейчас? А сейчас вместо того, чтобы не спускать с рук, он их умыл. Нет, это не мой учитель. Верните нахала и забияку, я привыкла к нему. А как вести себя с этим меланхоличным эльфом я не знаю. Хочу унижений и оскорблений. Где мои помои, леший побери, в горле застряли что ли? И я решила вправить вислоухому мозги. У меня это хорошо получается. А если нет, применим шоковую терапию копытом, безотказная процедура. Сто процентный успех. Я оглядела стоянку в поисках мастера. Его не было нигде. Аж обидно стало, что промывка мозгов откладывается.

— Как спалось? — это птичка поднялась.

— Хорошо. А тебе?

— Так же, пока глаза не открыл. Вот объясни мне, ты их что, ночью наколдовала? — шепотом поинтересовались у меня.

— Если бы, — прям стон великомученицы, — сами нарисовались. Я от них сбежала,

надоели они мне. А они, похоже, соскучились.

— Сильно соскучились, как погляжу, — и пальцем тыкает в разгуливающих голышом оборотней.

— И не говори, сама в шоке. Эй, Алкай, хватит народ смущать, твои вещи у Пали.

— Ты тут одна девушка, а ты, как я погляжу, не сильно смущена. А то, что вещи у этого монстра, мы знаем, — и он продемонстрировал отпечаток челюстей на своей левой ягодице, — и это еще цветочки, ты не видела мягкое место у Грога. Я его несколько раз посылал, потом пожалел. Он аж прослезился от такого зверства.

— Ах-ха-ха, меня не перестает удивлять твоя кобыла... — проговорил сквозь смех пернатый.

— А меня вот ничто уже не удивляет, — и я направилась в сторону где паслась Паля. Надо же спасать голых и покусанных. Пока шла, не заметила, что ко мне присоединились.

— Утро доброе, — и опять льдом обдало. У него внутри личный ледник что ли?

— Не сказала бы.

— А что так?

— Слушай Салван, — я остановилась и, уперев руки в бока, повернулась к преследователю лицом, — я тебя не знаю, мы не друзья, и ты вообще непонятно что здесь делаешь, так что говори, что хотел, и я займусь сбором в гордом одиночестве.

— Довольно честно.

— По-другому и не действуем.

— Почему тогда не скажешь Вартеку, что он дорог тебе, и ты не ненавидишь его.

— Опа, — а вот теперь он начал меня раздражать, — ты прости, но я действительно его ненавижу, хотя он мне все равно дорог. Как бы я не отрицала, но он часто спасал мне жизнь и многому меня научил. Просто то, как он это делал, мне не нравится. А в наши отношения тебе лучше не лезть, свихнешься. Как я уже говорила, у нас и так хватает чокнутых, — я повернулась, чтобы уйти.

— Ты права, но объясни мне, почему он ругается, унижает тебя, но все равно спасает и ходит за тобой. Мне это непонятно.

— Он на половину светлый эльф, поэтому не может бросить деву в беде, но он также на вторую половину дроу, поэтому такая сволочь. Я понятно объясняю? — естественно это сказочка для приставучего наемника. А истинных причин такого поведения эльфа даже я не знаю.

— Вполне.

— Отлично, — я только дернулась в сторону полянки, где должна пастись кобыла, как раздался рык. Волколак. Сейчас день, а значит, ликаны никак не могут быть в зверином облики.

Наемник осторожно заступил мне дорогу, тем самым убрав меня из зоны предполагаемого удара. Мгновение и волколак, визгливо поскуливая, пятится назад, а его густую шерсть покрывает толстый слой инея. Смотрю на наемника, а у того глаза как лед и с вертикальным зрачком. Тут же холодок пробежался и по моей спине.

— Что т-т-ты... т-т-такое? — у меня даже зубы дробь отбивать начали от холода.

— Плохо, что ты видела. Но если попрошу сделать вид, что ничего особенного здесь не произошло, ты согласишься.

— Правильно мыслит-т-те, т-т-так что вы т-т-такое?

— Я василиск, — я вздрогнула, — только на половину, — попытался успокоить он

меня. Да только все зря, будто я не знаю, кто такие василиски.

Чистокровный василиск может одним взглядом заморозить до состояния камня три жертвы одновременно. Сила полукровок варьируется в зависимости от силы и расы родителей. Наемник, похоже, достаточно силен, и если бы у него было больше времени, то была бы у нас статуя волколака.

— Держит-т-есь от меня под-д-дальше, — и я поспешила ретироваться. Ну их, василисков. Слишком они не постоянные существа.

У костра уже собралась вся честная компания, и, я так понимаю, ждали только меня и Салвана. Паля, кстати, тоже не на своем мини пастбище была.

— Выдвигаемся?

— Да, садись, — и Широ подвел ко мне кобылу. В этом не было необходимости. Паля прекрасно соображает. Но я все равно поблагодарила. Наверное, совесть за утро замучила.

— Спасибо.

— Мы подъезжаем к границе, будьте внимательны, здесь полно патрулей.

— Широ, а как мы прорываться будем? — подвела я кобылу к его жеребцу.

— Там около дюжины орков, не прорвемся. Через болота не выйдем, там еще и патрули ходят кроме трясины.

— А если замаскироваться? — не ну хорошая идея.

— У них артефакт читающий ауру.

— Вот недоеденный зомби, руку на отсечение даю, это троллем приласканный герцог постарался, — Широ и наемник одновременно уставились на меня.

— Какой герцог? — спросил эльф, но по лицу видно, этот же вопрос терзал василиска.

— Какой-какой, малеванный. Олсана который, чтоб у него мужское достоинство отсохло, некромант не добытый. Чтоб собственноручно поднятые мертвецы его сожрали с особой жестокостью.

— Ого, ты его явно недолюбливаешь, — высказался феникс и его тут же пихнули.

— Не перебивай...

— Ну заче-е-е-ем? — только и успела простонать я. Ну а дальше все по сценарию. Огонь, пепел, ритуальные песнопения и наш феникс как новенький. А вот у остальных морды вытянулись, кроме Вана, и они рыбок напоминать стали.

— Чего смотрите, уже ват как здесь топчитесь, а не соизволили узнать, с кем в путь собрались? — виновато повесили головы.

— Ты хоть имя им сказал?

— Да, его Ласкай зовут, — радостно выдал Алкай.

— Молодец, садись два.

— Ласкан я, — обиженно поправил только что возродившийся.

— Ты феникс? — это уже Широ блеснуть решил.

— Ага, но ты его не трогай, он от сильных прикосновений мрет как мухи. У него мама нимфа. Короче, у него спроси, он расскажет.

И следующий ват мы дружно слушали грустную историю частого успокаивания феникса и его причины. Прямо лекция у научника. А потом как-то незаметно переключились на тему «как же пройти эту лешачью границу и надрать оркам пятые точки». Кто-то хотел их спалить, кто-то загрызть, тут оркооборотень взбрыкнул, ну оно и понятно, сородичей не жрут. Я через болота предлагала, меня обещались тогда лично утопить за такие бредовые идеи, еще и понаблюдать, как мой хладный трупик ко дну идет. Уверена, ко дну он кверху

одним знаменитым местом пойдет. К нынешнему моменту все варианты закончились.

— А если поменять? — и все четырнадцать разноцветных глаз уставились на Малыша. Четырнадцать, так как Паля у нас мыслящее существо и тоже заинтересовалась, что же болезному в его дырявый котелок натекло и не исчезло в тот же момент.

— Ты о чем, Ванюш? — мне ж тоже интересно.

— Ну я про... — про что, мы так и не узнали. Наш идейный центр с лошади свалился. Ну сколько можно. Уже второй месяц в седле, а все упорно метет собой землю.

Кое как нашего валяшку подняли, и снова его пронзили перекрещивающиеся взгляды жаждающих. И ведь почти все уверены, что глупость сказанет, но всем до смерти интересно какую же. Да уж, любопытство не порок, а большое свинство. Похоже, мы любопытные свиньи.

— Ну-у-у, — не выдержал Ласкан.

— Что?

— Что поменять? — уже и орк вмешался, а я думала ему на все плевать с высокой колокольни. Ошиблась, он тоже массовым порокам поддался.

— А, это. Ну так ауры поменять, — и с надеждой на нас всех сгрудившихся над ним как мухи над... кхм... понятно над чем, смотрит. А мы нависли и застыли. Потому что не один здравый ум не придумал этого, а больной родил. Мы все попятнулись к своим лошадям, а кто просто в сторону, опустив низко головы. И не потому, что Ван сглупил, а потому что нам банально стало стыдно за свою тупость. Да уж, Ванька нас превзошел. Маразм крепчал, шиза косила наши ряды.

— Только один вопрос, — и я горда, что он пришел на ум мне первой, потому, что все до него дошли бы, так или иначе, — а как это сделать?

Все оживились, поняв, что не совсем тупики и еще не потеряли все позиции.

— Эльфам запрещено менять структуру существ и их духовных составляющих. Уж такие они снобы, — скосила взгляд на Широ, — имеют огромный потенциал в магии метаморфоз и такой же по размерам запрет на ее использование. Равновесие, мать его! — не удержалась от ругательства я.

— Я могу поменять, — отозвался Ван, и всем так от этого плохо стало. А я, если честно, обрадовалась. Ровно до мысли «недоделанный маг», отчего мне взгрустнулось. Но ведь Малыш меня еще ни разу не подвел. Просто все выходило не так, как задумано, но результат был всегда положительным. Ну, хорошо, совершенно не так и не там, но главное результат. Подбодрила себя, и легче стало, не смотря на то, что кого-то мы не досчитаемся завтра. Будет хороводы по степи водить или ящерку изображать, это в крайнем случае. Главное — положительный настрой, то есть, чтоб этим кем-то не была я, а все остальное мелочи.

— Хорошо, пусть Ван с утра нам ауру поменяет на ауру ликанов, тогда же и двинемся к заставе, — все закивали. Я прям императрица! Надо поработить всех, пока народ в благоговении перед своим лидером, а потом тирания и огромные налоги. Жизнь прекрасна!

— Чего улыбаешься, как умалишенная? — вот Шир, пакость. Да уж, не быть мне тираном. Кто ж меня бояться-то будет? Если только свиту из орка потрошителя и Таривана маньяка создать. Ах, мечты-мечты, а в реальности мы в большом и страшном междупоии.

Да уж, компания собралась, на диво, красочная. Ненормальный маг земли, он же воин-маньяк и пришибленный. Кобыла с ужасным характером и по совместительству дух земли. Рыжий оркооборотень — это вообще без комментариев. Альфа стаи рыжих оборотней и хозяин таверны — просто смех берет. Ведь оборотни не селятся в городах. И это только

упырчки, а вот упыри дальше. Полу светлый, полу темный эльф, глава разведки. Вообще не существует в природе. А розововолосый феникс, он же полу нимфа, с нестабильной физической формой, которая чуть что прахом обращается, просто ядерная смесь. Что уж говорить о бездарном менестреле, то бишь банши, что петь толком не умела, а теперь похабщину выдает на каждом углу. И только Салван был нормальным в этом театре абсурда. Но нет, он у нас человек на половину с василиском. Парад монстров в действии. Может, где-то мир еще вращается в нужном направлении, у нас он спятил и скачет, как ему вздумается. Наша банда просто бьет все законы мироздания. Но может судьба свела нас, таких необычных, для какой-то своей цели?

Место для стоянки нашли быстро. С магом мы лагерь разбили в считанные вары. Ван у нас не по лагерной части дел мастер, другое дело эльф. Поужинали и спать. Только странно как-то с Широ разговор прошел.

— Ты спать Суара? — он сидел на размытом речкой камне и жевал травинку, одна нога в воде, другая под собой. Рубаха расстегнута, штанины закатаны, а с распущенных волос стекает вода, впитываясь в уже и так изрядно промокшую ткань. Теперь ясно, что так смущало. Я распущенными и не ухоженными его волосы никогда не видела. Красивые и длинные, они всегда были расчесаны и высушены. А сейчас это был водопад мокрых и спутанных шелковых нитей. Сразу руки зачесались, так боевую косу сплести захотелось. Именно на Широ я ее и научилась плести.

— Вспомнила, как косу мне плела, — улыбнулся он.

— Вспомнила, как ладони зашивали после твоей косы, — не совсем соврала же. Так, перевернула с ног на голову и все.

— Злишься? — грустно спросил он.

— Нет. Прошло то время, когда я видела эти иглы у тебя в глотке, сердце, печени, легких, сонной артерии...

— Я понял, можешь не продолжать, — грубовато прервал он меня.

— Странно, сейчас понял, а раньше тупил что ли? Или я вопила слишком мало и тихо?

— Достаточно, просто глаза на многое открылись, — он опустил взгляд в воду и за чем-то там следил.

— Отлично, ты их главное снова не закрывай, — и я решила, что на дружеской ноте пора и честь знать.

— Ты встречалась с герцогом, не так ли? — вопрос настиг меня в процессе разворота, и я малость пошатнулась, потеряв равновесие. Какого именно герцога он упомянул, и так понятно.

— Допустим. А ты, я погляжу, в курсе всей истории? — я снова повернулась к нему лицом, а эльф все так же наблюдал за кем-то. Я же видела лишь блики и отражение полубога на поверхности воды, пошедшее рябью.

— Я принимал в ней непосредственное участие. Когда ты со своим рабом дворец на уши ставила и коней крала, я стены подрывал.

— А-а-а...так это из-за вас, олухов, за мной каратели по пятам идут. Ну спасибо, учитель, удружил ученику.

— Да кто ж знал, что ты такая ненормальная во дворце окажешься, да еще и герцогу

приглянешься. Ты вообще какого гребанного зомби там делала. Тебя в такие места только силой затащить можно было, а тут сама.

— А ты у нас в воры нынче затесался?

— Это поручение от Владыки, твоего обожаемого Баска, — наигранно гнусавым голосом пролепетал он, — тут государственный переворот на носу. Гарна под себя весь Ритар подмять хочет. А это никому не выгодно, вот мы с правительством Марона и сотрудничаем. Сама уже догадалась, не дурочка, что Олсана не просто так свадьбу племянника сорвал. Сейчас он регент и правит в Гарне на законных основаниях. Но вот стоит кронпринцу жениться до своего совершеннолетия, и корона перейдет к Лему. Вывод?

— Герцог захватил власть в Гарне. Вот только не всю, раз так боится бракосочетания наследника. И убивать Лема, похоже, еще опасно для него, — я рассуждала вслух и ходила туда-сюда, вытаптывая сочную и явно незнавшую такого обращения ранее траву.

— Да, дорогая. Олсана еще не собрал достаточное войско, чтобы наверняка после переворота стать королем. Однако, ему мало Гарны. Войска герцога уже вошли в Ритар под предлогом поиска злоумышленников, что украли диадему. Сама понимаешь, без этого артефакта свадьба невозможна. Вот и нашел король-регент изящный предлог для отсрочки восхождения на престол Лема и ввод войск в столицу чужого государства.

— Всевышние! Да он убьет всю высшую аристократию и Ритар будет частью Гарны.

— Скорее, убьет принца и женится на принцессе. Так он получит власть официально, а не резней. Однако, маленький кронпринц Ритара обречен. Соперники Олсано не нужны.

— Всезнающие, куда я влезла! — связь с реальностью медленно обрывалась, но я заставила себя выйти из этого состояния, — знаешь, сотрудничайте дальше с Мароном, а у меня в этом участвовать вообще нет никакого желания, так что сами разбирайтесь. Я и в Хрустальном лесу прекрасно себя чувствую, — и я решительно была настроена прямо сейчас уйти, как меня осенило. Салван! Я уже видела это грубое ледяное лицо! Но где?

— Салван наемник? — и смотрю на Широ.

— Да, — он поднял голову и пристально всмотрелся, — а что?

— Ты с ним сокровищницу потрошил? — я все еще не понимаю, куда ведет меня моя логика, но реакция эльфа весьма интригующая.

— Допустим.

— Кто еще был с вами? — уголки губ первородного дрогнули. Похоже, он гордится своим учеником за догадливость.

— Два наемника близнеца, бывший стражник и полу тролль.

Горгуля отгрызи мне ногу! Даю голову на отсечение, это те же любители помоев, что Ваньке черепушку проломить хотели. Теперь я отчетливо помню Салвана. Он стоял в сторонке и безразлично взирал на все эти беспорядки.

— Какого упыря? Ты что, теперь и людей без причины убиваешь и даже беспомощных женщин насилуешь?

— О чем ты? — и искреннее удивление на влажном смуглом лице.

— Салван с вашими наемниками чуть меня с Ваном на тот свет не отправили. А то, что моя отправка туда затянулась бы ровно настолько, насколько понадобилось бы вашему троллю наиграться, я уверена. И где, темень, тебя фурии носили, когда твоя банда бесчинствовала? — под конец я уже просто начала кричать. Только сейчас поняла, что почти не вдыхала воздух во время речи, и теперь, как после пробежки, тяжело дышала. Мой собеседник явно был растерян.

— Я знал, что они на кого-то наткнулись, но Салван сказал, что все обошлось. Пойми, я был под прикрытием, как и он, мы не могли раскрыть себя. Салван ни за что не поставил бы миссию под угрозу. Это задание, Суара. Ты как никто должна знать, что это значит.

— Я поняла. Все поняла. Если бы не моя смекалка, эта ледяная рептилия позволила бы наемникам сделать с нами все, что взбрело бы в их извращенные головы. А где был ты? — он опустил голову, но я успела заметить, как сжались его челюсти и заиграли желваки. Его скулы были предельно напряжены. Он явно не хотел говорить мне причину.

— Мне нужно было навестить кое-кого, — глухой голос, виноватый. Впервые я слышу такое откровенное раскаяние в его словах.

— Ты ходил к женщине, — мне даже не нужно было спрашивать, я просто говорила о факте. Мы часто с ним путешествовали. В городах и поселках, где мы останавливались, он периодически куда-то отлучался. Естественно, я узнала куда. На его беду. У Широ чуть ли не в каждом городе была женщина, которая всегда готова была приютить его. Причем все они были несказанно рады, что он изредка навещался к ним. Глупые бесхребетные создания. В них нет ни капли гордости. Я ненавижу таких женщин, принижающих себя до случайной ночлежки. И эльф знает это. Сколько раз я крушила мебель в таких домиках, сколько раз таскала за волосы этих идиотов, равна столько же раз я вышвыривала за шкуру Широ из их объятий. Безответственный похотливый кобель. Ох, как же сейчас кипела кровь. Как быстро знакомое чувство ненависти заполнило душу и закрыло своей черной, как уголь пеленой глаза. Как же я его ненавижу. Он на задании. Его наемники убивают невинных, а этот высокомерный эльф развлекается. Да пусть идет все к упырям на завтрак.

— Су, я не знал, что они напали на вас.

— А если бы на кого-то другого, то можно? — я просто разжигала и без того ревущее пламя.

— Су, успокойся. А конце концов, ты сама отказалась работать со мной.

— И чья это вина? Кто, зомби подери, заботился больше о том, что в штанах, нежели о заданиях? Женись, наконец, гребанный извращенец! Из-за твоей распущенности я почти получила приглашение на завтрак к Всевышним, — мне срочно нужно отдышаться. Пусть я старалась не кричать, но экспрессия была выдающаяся. Однако, не дай Всевышние, я покажу ему, насколько я взволнована.

— Прости, я знаю, что виноват. И сейчас, и тогда, на наших миссиях. Но стечение обстоятельств весьма непредсказуемая штука. Так что прости, но будущее я не могу предсказывать. А по сему, любой день мог принести неприятности. Мы больше не работаем вместе, Суара, так что нет необходимости отказывать себе в маленьких развлечениях. Что касается женитьбы, то пока это не возможно, — его взгляд стал твердым, — а теперь посмотри на меня и скажи, почему я должен жить по твоим правилам? Я живу так, как хочу. Я убиваю кого хочу и делаю что хочу. Так было всегда. Никто не мог этого изменить, так почему ты решила, что сможешь?

— Я надеялась, что ты стал ценить чужие жизни и уважать других хоть немного. Я ошиблась, — во мне что-то оборвалось. Эльф попал в точку. Я пыталась изменить его, не имея на это никакого морального права. Но! Это не значит, что я не права, а он не виноват! Оба хороши.

— Ты все такой же высокомерный, самовлюбленный убийца, не более того, — добила я.

— Разве? — он снова отвернулся, но все его тело было напряжено, как стрела, натянутая тетиву и готовая сорваться в полет в любой момент. И мне совершенно не

улыбается поймать эту стрелу. Пора уходить. Вот только последние слова говорить не стоило. Я ведь не думаю так. Но оправдываться не стану, не я одна погорячилась.

— Я сожалею, — и он снова сделал шаг первым. Как всегда.

— Знаю.

Я точно знаю, что он никогда не позволил бы такому случиться, если бы все было в его руках. Он может убивать и пытаться, но только не меня, если это не касается тренировок. Как бы сильна не была моя ненависть и неодобрение, он единственный, кому я безоговорочно доверю свою жизнь. Напряжение спало. Все снова как раньше. Всего два слова успокоили огонь во мне. И теперь я могу только уйти, говорить больше не о чем.

— Постой! Где ты будешь спать, Суа? — он поднялся с камня, но не спешил приближаться.

— Где и все, у костра, — меня стала пугать не свойственная ему забота обо мне. Нет, не поймите не правильно, он спасал меня, но предварительно попинав от души. А тут простая, бескорыстная забота и никаких затрецин.

— Замерзнешь, давай я куполом накрою, — он двинулся ко мне.

— Насколько я помню, ты во сне только свой купол держать можешь. Не думаю, что ради моего удобства ты всю ночь не будишь спать. А ложиться с тобой, ну-у-у, как бы ни вариант. Ты и сам не с кем не спишь, — он замер на подходе, нервно сжимая и разжимая кулаки, будто удерживал себя на месте, чтоб не подойти. Водяной в облаках, что вообще происходит?

— А ты бы легла под мой купол? — я аж слюной подавилась, которой по определению было мало, — или ты решила воспаление горла с соплями подхватить? — вдруг зло добавил он.

— Заболею, не к тебе приду их вытирать, — он покраснел. Так сильно злится из-за ерунды?

— К Малышу пойдешь своему? — прорычал Широ.

— А что, если так? Остановишь, вызовешь на бой, свяжешь, в конце концов? Уже не страшно и не работает, вислоухий. Все, я спать, испортил мне все будущие сновидения своим характером, — и я быстрыми шагами направилась в сторону стоянки.

Не тут-то было, он нагнал меня и силой развернул. Я выставляю блок на его вялый удар, отступаю и контратакую ногой в печень. Он пропускает удар и прижимает мою ногу к своей талии. Я в захвате. Заношу руку для удара в челюсть и (о чудо!) попадаю. Впервые я врезала мастеру по роже, так сказать. Он, правда, даже не дернулся от этого, но все же.

— Успокоилась? — хрипло спросил он, потеряв скулу. Все же я ему чувствительно заехала.

— Это тебя на драку понесло, успокоился?

— Нет, — и все так же держит мою ногу. Он бросок готовится сделать и ждет, пока я бдительность потеряю? Так с его силой и скоростью, он в таком захвате даже при всем моем сопротивлении уложит меня на обе лопатки.

— Иди сюда, — и он медленно притянул меня к себе и обнял. И мне может даже приятно было бы, да только ногу он не отпустил. Чувствую себя как пленница, держит ногу в заложниках и обнимается. Бойтесь, что убегу? Так теперь точно убегу, если раньше и не собиралась. Пугает он меня, сильно так, до судорог в руках и ногах. Это, наверное, память мышечная вспоминает все зверства, учиненные надо мной, и предупреждает, от кого больно бывает. Защитный рефлекс.

— Ты боишься? — как-то обреченно спросил он.

— Есть такое. Ты ногу отпусти.

— Ты уйдешь.

— Неа.

— Правда? — усмехнулся он.

— Правда, я убегу как ошпаренная, — он рассмеялся, но было в его смехе что-то самокритичное. Как будто он смеялся не над моей шуткой, а над собой.

— Честно, — и он отпустил мою ногу, а я осталась стоять. Тепло, хорошо и опора на две ноги многое меняет в восприятии реальности.

— Ты соврала, сказала, что убежишь, — со странной надеждой не понятного мне назначения резко выдохнул Широ, сжимая объята на моей спине и талии.

— Так я разбег набираю, ты немного отойди, и меня как не было, — печенка зачесалась, истошно вопя об опасности.

— А если я хочу, чтоб ты была, — он поцеловал плечо, предварительно немного стянув мою рубашку, — здесь и сейчас, — прошептал и снова поцеловал, но уже в ключицу. Здравый смысл, а ну вернись, я тебя не отпускала, — со мной, — и очередной поцелуй в шею. Предатель, путающий мои мысли, хватит упиваться нежностью и пьянеть от ласки. Знаем, плавали. Пора отшвартовываться и уходить на всех парусах подальше в открытое море.

— Широ, я спать хочу, пусти, — я попыталась оттолкнуть его. Ага, то же самое, что мизинцем Хрустальную гору сдвинуть. Ишь, присосался к шее, как вампир.

— Хочешь спать?

Ох и не понравился мне его вопрос, но я кивнула.

— Пойдем, — и он поднял меня на руки, при этом направляясь в сторону от костра. Мама!

Я не нашла ничего лучше, как приобнять его за шею и прижаться губами к пульсирующей сонной артерии. Как же приятно от него пахло прелой листвой после дождя. Я невесомо проложила дорожку губами вниз и с сожалением надавила на нужную точку, немного задержавшись на ней. Все же эльф шикарный мужчина.

Широ обмяк, как только я отстранилась. Пока его тело медленно оседало, я ловко скатилась с его рук на траву. Ничего, двигать не буду, пусть на мокрой траве поспит, соблазнитель недоделанный. Все равно мокрый с головы до ног.

На освещенной полумесяцем лужайке, близ речного берега, безмятежно спал эльфийский воин. Черты его обычно строгого лица смягчились в объятиях сонной неги. Рассыпанные, как золотые листья в разгар теплой осени, волосы переплетаются с молодой травой. Сейчас конец лета, но здесь, в степях, на этой самой полянке вступила в свои права чарующая осень. Сила этого мужчины всегда поражала меня. Мысли его сейчас далеко отсюда, а его аура все равно превратила ночь в день. Светлый, он истинный светлый, и кто бы, что не говорил, дух первородного в нем сильнее, чем у сотни его соплеменников. Его бронзовая кожа отличается своей мягкой теплотой, а не темной грубостью, как у всех дроу. Широ, как закатное солнце, так же обнимает своим теплом все, на что попадают его прямые лучи. Кокон из этих эмоций окутывал меня с самого первого дня, когда я попала в плен его очищающего пламени, что стерло все остатки моей памяти, а с ней и моей боли.

От этих знакомых чувств, накатили воспоминания. Нестерпимая боль снаружи, даже и близко не могла сравниться с болью внутри. Она выжигала меня. Я не хотела больше жить. Я

лишилась всего, ради чего это стоило бы делать. Мое существование никому больше не принесет ни радости, ни горя.

— *Latya hin, lelya lumbule!* [1]

Прекрасное лицо склонилось надо мной, согревая своим светом. Его голос мягко обволакивал, и я нежилась в объятиях согревающего света и безграничной нежности. Боль ушла. Я больше не знала кто я, что потеряла, и как важно это было для меня. Пришло умиротворение. Это было новое начало. И первым моим воспоминанием был он. Мужчина, что сейчас мирно спит у моих ног. Мое спасение и мое проклятие.

Только сейчас я поняла, что только что Широ полностью и безоговорочно доверился мне. Он обнимал меня и был абсолютно беспомощен. А позволить мне прикоснуться к шее, так вообще нонсенс! Если подумать, то я впервые к ней прикоснулась. Эту часть каждый воин яро охраняет, как самое слабое место. И Широ спокойно подставил незащищенную шею? Несуразица какая-то. Он точно знает о точке, усыпляющей при надавливании. Он сам мне ее показал. Выбор остаться сегодня с Широ или остановить его полностью принадлежал мне. И мой мастер принял его без сопротивления. Да уж, он всегда был благороден. Я знала это. Соблазнить, силой утащить в глубь леса, но не оскорбить своего достоинства, дав право выбора.

Повернув эльфа на спину, сходила за его плащом и накрыла этого самоуверенного грубияна. Надо уйти, а ноги не идут. И какого лысого гнома, я начинаю жалеть, что вырубил его. Да, он красив как бог, да, силен, но внутри изверг, деспот и садист. Вот пусть ему жестко спиться теперь. И успокоенная своими же мыслями я вернулась к костру.

Утро встретило нас теплом, солнцем и стоном сопливого Широ. Его шморганье носом во время завтрака грело мне душу. Знаю, что мстительная, но ничего не поделаешь.

— Чего это сопливый эльф бесится, как дракон в клетке? — осторожно поинтересовался розовый.

— А у него купол ночью упал, вот и бесится. Старость, не радость знаешь ли, сложно уже такие вещи как ветронепроницаемый и теплосберегающий купол поддерживать всю ночь.

— Так вот чего он сопливит.

— Ага, совсем расклеился бедняга. Глядишь, и меч скоро не поднимет, — сзади кто-то сдержанно усмехнулся. Решила повернуться. И зря. Видеть безразличного василиска — это одно, но видеть слегка ухмыльнувшегося василиска с пляшущими ледяными смешинками в замерзших глазах — это жутко! Я быстренько отвернулась, ну его. А вот мой розовый собеседник вообще испарился. И я знаю почему. У нашего вислоухого обсуждаемого слух острее, чем у любого другого существа. И после такого взгляда только полоумный не поймет, что разговор подслушан. Ну извини, мастер, лучше быть чуть постаревшим, чем извращенцем. А в моей интерпретации он бы им и был. Вампира с два я признаюсь, что у меня был выбор. Не было его. Вы о чем вообще? Какой такой выбор, да я из последних сил вырывалась и только благодаря своему мастерству спаслась. Я бедненькая девочка, а он бяка-закаляка, извращуга и тиранюга.

— Распинаешь меня по чем зря? — я позорно подпрыгнула, поскольку этот спокойный, вкрадчивый голос за моей спиной, означал только одно, он все прочел по моему лицу, и его

слова это подтверждают. Прибавляем, что он все слышал и вчерашний инцидент. Мне конец. Он в бешенстве. Я дважды была свидетелем, как убивали тех, к кому обращался этот журчащий эльфийский голос. Похоже, что его светлая часть гораздо кровожаднее темной. Ибо столь очаровательный светлый облик предшествует горам трупов. Лучше бы он кричал.

— Вартек, собирай вещи... — не, василиск самоубийца!

— БАБАХ! — оглушительный взрыв, и пыльный туман следом.

Я втянула голову и зажмурилась. И вот кого он прибил? Или, точнее, скольких? Осторожно открываю глаза. Стоянки больше нет. Вообще НЕТ! Вместо нее зияет огромная дыра три тара [2] в глубину и десять в ширину. Интересно, чем он так шарахнул. Судя по стеклянным стенкам новоиспеченного озера, чем-то огненным и весьма мощным. Оглядываюсь, все в ступоре, а кто-то и в спячке, но, вроде, живы. Пронесло.

— В следующий раз это будет чей-то длинный и невоспитанный язык, — прошептал возле самого уха мастер, взрывоопасный в своей нестабильности. А потом как ни в чем не бывало начал собирать обуглившиеся остатки лагеря.

— Ну что, Малыш, приступай, — и все семеро встали в круг, а в центре стоял Ван. Он что-то лепетал, махал руками и качал головой. Через вар семь, он открыл глаза, которые уже не раз успел закрыть и открыть, и вздохнул.

— Ну, что? — поинтересовался эльф.

— Все, я поменял нам ауры.

Не смотря на его уверенность, я сильно в этом сомневалась.

— Отлично, а ты переживала, — заметил-таки, вислоухий. А у меня все равно плохое предчувствие. Печенка бьет тревогу.

Моя интуиция вообще со вчерашнего дня вся как на иголках. Шорох не в тех кустах, и я уже готова отрывать головы ликанам, как оказалось, в лице каких-то безобидных грызунов. Мы, замаскированные непонятно как, непонятно кем, едем непонятно куда, надеясь непонятно на что! Весело, правда. Даже Паля смирно себя ведет. Хотя после сегодняшнего представления пиротехнических способностей эльфа, все присмирели. Каждый волнуется и сомневается исключительно про себя. Ибо быть горсткой пепла на дне ямищи — вещь неприятная.

— Алкай, меня уже давно мучает вопрос.

— Какой? — оборотень резко оживился, радуясь возможности разрядить обстановку.

— Что вы здесь забыли? — ступор, причем у всех. Даже лошадей остановили. Ну все кроме орка. Ему лошадки не досталось. Алкай сразу кобылку с вещами присвоил себе.

— Ты имеешь в виду, зачем дальше блокпоста пошли?

— Именно. Как только я сбежала, вам не было никакой необходимости пересекать границу. Убедились бы, что я прошла, и восвояси. Так зачем?

— Ох, ну там, как бы, проблемка есть... накладка получилась. Каратели нас заметили. А ты же знаешь, если попал в их поле зрения, то они ни за что не забудут тебя. По запаху найдут, мертвяки проклятые. Так что у нас был только один путь, подальше от поселка, пока эти недообглодыши оттуда не уйдут. Ну и лучшим решением на тот момент были степи. Да и с магом поспокойнее.

— Так ты не от большой любви ко мне сюда подался? Ты свой зад в целости и

сохранности решил оставить. Вот не было предвзятого отношения к оборотням, теперь есть, — и я тронула Палю, демонстративно отвернувшись.

Сбоку хихикал феникс с Ваном. Ванюша вообще на редкость сообразительным становится. Они с птичкой сдружились на почве не предвиденных полетов, или буквально на почве, пропахивая ее носами, руками, ногами и головами. И от той сплоченности Малыш удивительно быстро стал развиваться. Аж передергивает от такого контраста между до и после нашего путешествия. Каждый вечер, во время приведения его гривы в порядок, Ван учит всеобщий. Он задает мне вопросы, спрашивает о моих интересах и экспериментах. На самом деле, как я уже говорила, я образованная личность, и эксперименты занимали важное место в моей жизни. Например, как можно преодолеть нерушимые стены не применяя магии. Если честно, то я искала пути преодоления магии и магических предметов при помощи обычных средств, чего греха таить, и грубой силы. Примером служит эльфийский дворец. А всего-то проверка нерушимых стен предполагалась. Кто ж знал, что дриады по дешевке материалы сбагрили глупым эльфийским прорабам. А те на радостях и взяли. За что теперь на рудниках пахнут, временно, конечно. Вот обо всем этом я и рассказывала своему рабу по вечерам, а он жадно ловил и запоминал каждое слово. Прямо сборник моих мемуаров. Что не спроси, все в подробностях расскажет. Обидно было, что я так же не могу его обо всем расспросить. При чем ни одного из них.

Словарь

[1]. *Latya hin, lelya lumbule* — Открой глаза, покинь тьму!

[2]. *Tar* = 1 метр.

Дуракам закон не писан. Если писан, то не читан.

Если читан, то не понят. Если понят, то не так!

Поговорка

Вскоре на горизонте замаячили орки-пограничники и небольшие здания заставы. Ну, не подведи сила магов недоделанных.

Наша разношерстная компания подъехала к полуразвалившемуся посту. Всего охранников было тринадцать. Прямо не по себе от этого стало. Широ выехал вперед, как наш вожак. Да-да. Мы же ликаны, а они у нас стайные животные. Кандидатуру супер вожака одобрили единогласно. Только розовый наш решил подшутить, сказав, что Ван покрупнее и посильнее будет. Вот и горло с утра пораньше прочистила и настроение всем подняла.

А сейчас мы на блокпосту. К нам подошли два упитанных орка. Один был почти весь брит, только одна косичка спускалась вдоль виска, а второй имел три таких косы. Значит, старший второй. У них по количеству кос можно узнать, кто главный. Чем больше плетений, тем выше статус.

— Кто? — спросил первый.

— Ликаны, — громко возвестил Широ.

— Куда?

— В лесок близ границы с эльфами, сородичи там, — как убедительно лапшу на уши вешает, невольно загордишься.

Орк наклонился к мешочку на поясе и вынул, кто бы сомневался, артефакт. Поводил им от одного к другому и обратно. Раздался гул искажающегося пространства и открылся небольшой магический экран, на котором стала проступать истинная суть каждого из нас. Ну это они думают, что истинная. А нам ничего не было видно, кроме прозрачной ряби экрана, застывшей в воздухе. Так что результат вмешательства Вана неизвестен. Спустя вар тишину разорвал хохот.

— Что смешного? — спросил Грог. И вот лучше бы молчал.

— Он еще спрашивает, Зарг, — прогрохотал главный, — ты у нас, — и тыкает беспардонно в грудь оркооборотню, — оказывается феникс... ха-ха, или не, нимфа... ха-ха-ха!

Выражение возмущения и крайней растерянности на рыжем громиле просто добила не только стражников, но и феникса с Ваном. Мне если честно было совсем не до смеху, как и остальным. И леший понял бы, мы попались!

— О, а вон тот, с розовыми волосами — орк. Ой не могу... да еще и оборотень... ах-ха-ха.

Феникс перестал смеяться и схватился руками за свою грудь и голову, потом пощупал лицо. От этого у орков новый приступ ржания случился. А я совсем забеспокоилась, Широ тоже. Даже перевязь поправил и руку на рукоять клинка положил.

— А ты, красавица, у нас маг земли? — спросил меня тот, что с тремя косами, — упе! Красавец, ах-ха-ха! Гы-гы!

Никто не знал, сколько продлится их веселье, но уже вся чертова дюжина открыто

ржала и беспардонно тыкала в нас пальцами и не только. Это лишь вопрос времени, когда шутки перерастут в открытое нападение.

— Не-не, смотри, остроухий-то оборотень. Ой держи меня, не могу больше...га-га-га! Остроухий оборотень!

— Ты на рыжего посмотри, ха-гы-га... булаву мне в зад, рыжий василиск... га-га-ха!

— А человечиска этот у нас оказывается эльф, ха-ха... причем темно-светлый, гы-гы... пятнистый что ли? Ах-ха-ха!

— Ой, не могу, ха-ха... только не говори мне белобрысый, что ты банши, — обратился главарь к Вану, — ах-ха-гы-ха! Где же ты грудь спрятала... ха-ха... банши недоделанная? Оторвал кто? Ха-ха!

Ван тут же посмотрел на свою грудь и так внимательно, как будто на самом деле ждал, что она вырастет. Мне его даже жалко стало, так надежды разбились о плоскую мужскую грудь.

— Кто ж вас так подставил-то. Гы-гы! Убейте этого безголового мага. Ха-ха.

И шесть жаждущих убийства глаз впялились в «белобрысую банши». Орк точно описал мага — безголовый. В переносном смысле он давно голову потерял, а в прямом мы ему сейчас поможем и с пытками.

— Все, шутники, — и мы все резко повернулись к орку, — даю вам вар, чтоб испариться.

— Но Жгир?! — попытался возразить младший.

— Молчать, Зарг, — рыкнул он на однокосичного, а потом снова повернулся к нам, — я не смеялся так, уже много весен. За это я не прикончу вас, ребята, прямо на месте. Сматывайте, пока я добрый.

Нас дважды просить не нужно было! Все как по команде сорвались на ускоренный галоп с препятствиями. Даже Грог не отставал от нас, хоть и бежал на своих двоих. Лошадей загнали мы знатно, только Паля с вороным пробежались особо не напрягаясь. Привал устроили недалеко от границы степей с болотами южнее заставы.

— Вы хоть понимаете, что нас никто не отпустит, они просто поохотиться решили! — в панике затараторил Ласкан.

— Да что ты? И откуда у нашей нимфы такие глубокие познания в образе мышления степных жителей? Неужто, знаком с тонкой орочьей натурой? — я сидела на коленях и нервно вырывала пучками несчастную траву, которой не посчастливилось расти здесь. Все понимали, что никто нас не отпустит, и от того, что феникс это озвучил, легче не стало.

— Вартэк, нужно что-то решать, — полностью согласна с василиском.

— А нечего здесь решать. Они все в погоню не кинутся, часть на посту останется. Подмогу тоже не позовут — слишком жадные. Попытаются сами загнать нас как дикого зверя. Я предвидел такой вариант событий. Выход только один. Прорываться с боем через блокпост, когда охраны там по минимуму. То есть, прямо сейчас. Если сделаем все быстро, то подкрепление не успеет, и мы проскочим. Пока эти горе пограничники обхохатывались с вас, я парочку занятых вещей им понаставил, будут веселые подарочки оркам.

— Ты хочешь прямо сейчас атаковать? — оборотень явно был растерян.

— Именно.

— Но Широ, лошади в полуживом состоянии. Они не протянут долго, а если и протянут, то как только пересечем границу, рухнут замертво, — и это знала не только я.

— Твоя кобыла не сильно устала, как и конь твоих дружков. Остальные меня не

волнуют. Ты останешься верхом, это самое главное. Мы можем и пешком.

— Кто-кто может пешком? Вы решили концерт на все степи устроить? — это я на феникса намекала.

— Вороной твой не испустит дух, так что наша неженка не замарает свои ножки о грешную землю. Все остальные достаточно выносливы и способны дойти до Хрустальных лесов пешком. Главное сейчас — пересечь границу.

— Не говорите обо мне, как будто меня здесь нет. Я, между прочим, достаточно вынослив.

— Ага, до первого синяка. У нас не будет времени ждать твоего возрождения. Мы не можем позволить себе терять ни вар, — сказал, как отрезал. А с эльфом птичка вообще не часто спорит. Вот и сейчас спор себя исчерпал. Все молча разошлись по седлам и гонка снова началась.

Во избежание столкновений с патрулем мы взяли чуть западнее. На удачу, разминулись с преследователями. Второй раз за сегодня я вижу эти полуразвалившиеся постройки, но никого вокруг.

— Эм, Широарт, ты уверен, что они оставили кого-то на посту? Выглядит безлюдно, — Ласкан, с Ваном за своей спиной, неуверенно потянул вороного чуть вперед, пытаясь разглядеть больше.

— Ты что-то чувствуешь, Алкай? — не сводя глаз с построек, спокойным ровным голосом спросил эльф.

— Я не слышу никого, да и инстинкты молчат. Постой... — все встали как вкопанные, никому не хотелось нарваться на орочий ятаган, — я чую кровь, много крови.

— Но тел не видно, — руки покрылись гусиной кожей. Я нервно начала озираться. Как же я рада, что не одна.

В тишине раздался стук сапог о землю. Вздروгнули почти все. Как оказалось, это всего лишь Салван. Василиск спешил, прошел чуть вперед и всмотрелся вглубь ближайшего здания. Я слышала, что одна из способностей василисков видеть сквозь твердую материю. Они вроде как видят тепло, излучаемое живыми существами.

— Дело плохо, все мертвы, — все так же безразлично, как и всегда. Думаю, говоря о кончине любимой матери, он был бы не более эмоционален, чем сейчас. Истинная хладнокровная рептилия.

— Что значит, мертвы? Они что, сами убились? — Ласкан явно начинал скатываться в истерику. Еще с первой нашей встречи он походил на избалованного ребенка. Полагаю, я не ошиблась, он еще очень юн.

— Ласкан, замолчи, твои крики только обнаружат нас, — честно говоря, у меня у самой поджилки тряслись. Кто мог положить всех стражей? По следам на дороге было видно, что орки не успели броситься в погоню, их перебили до того. И ой как мне не хочется встречаться с этими убийцами.

Мы медленно двинулись через блокпост. Снаружи все выглядело обычным. Просто покинутая застава. Не знаю зачем, но мне жутко захотелось заглянуть в окно одного из зданий. Просто убедиться, что это, к примеру, волколаки постарались. Я придержала Палевую и пропустила вороного вперед. Широ, ехавший рядом, даже не заметил, что я отстала. Воспользовавшись общей заикленностью на преодолении границы, я подвела кобылу к старому, с проломленной в нескольких местах крышей, зданию. Окно без ставней и петель, являющее собой простой квадратный проём, как раз было на уровне холки Пали.

Чуть наклонившись, я заглянула внутрь. От резкого перепада света в темноте помещения я оказалась практически слепой. Поморгав немного, начала улавливать свет лучей, что пробивались в окно, обтекая мой силуэт как вода, и освещали отдельные участки комнаты. Слегка наклонив голову, я заглянула в дальний угол. Солнечные лучи, повинаясь моим движениям, плавно перетекли вглубь комнаты. И они были последним светлым видением на сегодня. Жуткий озноб, холодный пот на лбу. Я не могла пошевелиться. Они нашли меня.

В глубине комнаты, друг на друге, лежало три тела. Ни капли крови не было пролито, но их черные как смоль глаза и искривленные в мучительной конвульсии лица, были более очевидной меткой смерти. Так убивают проклятые! Я стала задыхаться. Мысли как рой мух беспорядочно кружились в голове. Крови нет. Крови нет. КРОВИ НЕТ!

— КРОВИ НЕТ! ЕЕ НЕТ! — я закричала во все горло. Все резко обернулись. Салван Широ обнажили клинки. Никто из них еще не осознал всей опасности. Я что есть мочи прищорила Палю, которая и так неслась вдогонку товарищам, что успели отъехать к краю границы.

— Проклятые! Это проклятые! — вот теперь все поняли меня. Я виновата, что не смогла связно мыслить и четко описать всю ситуацию. От страха я не могла правильно отреагировать. Паника охватила все мое существо. Бесполезные слезы текли по щекам. Беспомощность. Это то, что ощущал сейчас каждый из нас. Алкай ведь почуял кровь. Нс каратели не оставляют крови, они питаются ей, как и болью умирающего. Остается только горький запах полыни, как насмешка. Полынь, что отгоняет нечисть, стала тем самым ароматом черной смерти проклятых. Запах крови был оставлен специально. Нас заманили в ловушку.

— Ловушка... это... это ловушка! — сипло всхлипывала я. Не было сил даже крикнуть. Я видела только дюжину черных всадников, что безжалостно нападали на моих друзей. О нет, они не убьют их сразу. Они замучают их так, что смерть будет даром. И, несмотря на такую участь, я фанатично неслась к ним. Если так суждено, то мы умрем все вместе.

Время замедлило свой ход. Я четко видела, как всадники валят на землю Вана с Ласканом. Феникс тут же сгорает, а Вана берут в кольцо и под испепеляющими взглядами он теряет опору и заваливается на бок. Жуткая боль отражается на его враз побледневшем лице. Сердце пропустило удар. «Он больше не встанет», — эта мысль билась в голове все время, пока губы выкрикивали невнятные слова заупокойной песни по возрождающемуся фениксу. Они поймут кто он. Это неизбежно.

Посреди поля вижу Широ. Эльф все еще в седле и до сих пор отбивает все атаки. Его щиты пока держатся, но четверо проклятых, это слишком много, даже для архимага. Обратней же поразили в первую очередь. Как только проклятые появились, они сразу обездвижили их, послав волну адской боли.

Василиск без сознания, с кровоточащей раной лежит под копытами вороного, что в испуге гарцует на месте. Один из карателей уже тянет свои серые, костлявые руки к голове Салвана. Он почуял кровь. А я все несусь в середину этого безумия и понимаю, что мне нечем помочь. Сейчас мы все умрем. Это было моей последней мыслью, поскольку Палевая резко затормозила, как перед обрывом, но было поздно. Мы обе кувыркком полетели по земле. Еще мгновение и жуткий грохот заполнил весь блокпост. Земля задрожала, а я почувствовала, что лечу. Приятное чувство подъема и ужасающее падения. Непереносимая боль и тьма.

Глава 6 Оборотень ликану не родня

Опять извечный вопрос: За что? К нему еще парочка имеется. Где я? И насколько все плохо? На удивление, ребра не болят. Так, в груди саднит, и прокашляться хочется. И куда меня занесло? Листья шуршат, много листьев. Значит, в лесу или роще. Что-то шумит чуть левее от меня. Вроде вода, но какая-то... скрипучая что ли? Вокруг темно, что неудивительно при закрытых глазах. Мерцают приглушенные всполохи света. Костер!

Открываю глаза. Чистое звездное небо и полная луна. Уже ночь. И в правду горит костер. Слева речка, а шумела водяная мельница. Тишина, спокойствие, Паля пасется на небольшой поляне. В воздухе витает запах жареной рыбы и каши. Обнаженный по пояс воин плавно движется в сторону стоянки. С его волос, что шелковым каскадом струятся по спине и плечам, стекают хрустальные капельки речной воды. Ощущение, что воин мерцает и переливается в лунном свете. Потрясающее зрелище. Романтика!

Темень и ее твари! Что вообще со мной творится? Какая к лешему романтика? Я чуть концы не отдала, а меня волнует луна и звезды, да полуголый мужик с шевелюрой. Шевелюрой?! Ой, нехорошо-то как. Кажись, знаю я этого белого и пушистого, который на самом деле темный и колючий. Оборотень обрати меня, я покойница!

— Паля, дура, ты чего жрешь, предательница? — кобыла повернула ко мне голову, взглянула из-под длинной челки и снова вернулась к трапезе. Я опешила от такой наглости!

Недалеко от костра лежал пустой мешочек, раньше вмещавший сухофрукты в сахаре.

— Парочка сладостей и ты переметнулась? Да он тебя пустит на колбасу в первом же поселке. Спасай меня, тупая скотина, и я все прощу!

Ноль реакции, минимум движений! И что это значит? Она ведь умная кобыла, тогда что не так? Почему она спокойна и не спешит завершить лоботомию моего почти убийцы?

А мой личный кошмар на много весен вперед обратил на меня свое внимание. Ко мне идет, маньяк.

— Тронешь меня, и Палевая голову тебе откусит!

Кобыла явно была не согласна. Вся ее поза говорила: «ты тронулась подруга, как ты себе это представляешь, я похожа на того, кто мясом балуется, тем более протухшим?».

— Могла бы и поддержать, — в ответ мне презрительно фыркнули и углубились в не хитрое занятие, то бишь, поедание травы.

Вот интересно, она на дуру, предательницу или скотину обиделась. Наверное, на все вместе. А воин медленно, но верно приближался.

— Ты шею сверни и все, не мучай, а?

— Ты о чем? Кому шею свернуть? — а глаза зеленые-зеленые, чистые и светятся.

— Малыш!?

— Что? — и смотрит на меня растерянно и как-то глуповато, но так от этого взгляда тепло.

— Что вообще случилось?

— Ну, меня кобыла скинула, очнулся, тебя нет. Испугался и пошел искать. Ты на земле лежала, изо рта кровь текла. Тебя тоже она скинула? — и опасливый кивок в сторону Пали.

Ого, так он ее боится! Неудивительно после стольких-то падений, не считая той

ненормальной реакции. Похоже, власть сменилась, и власть имущие решили подкрепиться травкой и накопить силы перед возможным новым восстанием.

Повезло, что Ван не помнит ничего, не нужно нам конфликта личностей.

— Тебе больно?

— Честно говоря, нет. Хотя точно помню, что сломано ребро, — поворочалась немного, помяла бока — ничего, в смысле, не болит.

— Я полечил тебя немного. Ведь кровь ртом, это очень плохо. Я думал, умрешь, — и что-то мокрое, явно не речное, по щеке скатилось, медленно и почти незаметно.

Передо мной сидел растерянный ребенок, который чуть не потерял все в своей жизни. И я была этим всем для него. Страх от увиденного до сих пор читался в его глазах. Как же Ван боялся остаться один. В этот момент, он предпочел бы свою смерть моей.

— Не дождетесь! Раз уж и раньше уворачивалась от твоих попыток прикончить меня, то и дальше буду.

Вы, наверное, посчитаете меня ненормальной, но я не брошу Вана. Что-то глубоко внутри не давало мне это сделать. Оно же и шептало, Малыш мне не враг, а родная душа. Почти лунный цикл — это достаточный срок, чтобы стать, пусть, не родными, но близкими друг другу. Мы вместе попали в эту переделку, вместе и выберемся. Передо мной снова беззащитный ребенок, хоть и смертельно опасный. Как его оставить? Раньше не смогла и теперь не смогу. К тому же, у всех нас свои причуды и тараканы в голове. Приютили же меня, такую ненормальную, эльфы.

На ужин и в самом деле был речной окунь и рисовая каша. Как его ловил Ван, я даже знать не хочу. Понятно, что он не ванну принимал в штанах, следовательно, процесс ловли был бурным. Мне даже здешних рыбешек жалко стало. Они еще целый лунный цикл в себя приходиться будут от такого вандализма. Думается мне, что наш несчастный окунь был выдан Ваньке как жертвоприношение, только б он убрался от реки подальше. Как это ни прискорбно, но рыбки поступили мудро. Пожертвовали одним, чтобы спасти многих.

Спать легли поздно. День был полон переживаний и впечатлений. Каждому было чего страшиться и о чем подумать. Я, конечно, решила разграничить Ванюшу Малыша и Таривана маньяка, и воспринимать их как две абсолютно разные и не имеющие отношения друг к другу личности, но все равно побаивалась спать с ним у костра. Прошлую ночь я, подперев Ваньку спиной и повернувшись к костру лицом, проспала, на удивление, сладко. Но сегодня повторять приобретенный опыт хорошего сна мне расхотелось. Пока. Думаю, со временем я привыкну, а сейчас и тепла от костра хватит. Ван тоже так решил и лег с противоположной стороны от огня. Он явно хотел спать рядом, но то, как я отшатнулась от него, не произвольно, конечно, когда он проходил мимо, сказало ему лучше любых слов. Я не готова подпустить его ТАК близко.

На следующий рассвет мы почти достигли границы королевства Ритар и Пустынных степей. Степи — это кратчайший путь к Хрустальному лесу, однако, и самый опасный. Никто точно не скажет, сколько разнообразной злой нежити и жити живет здесь. К тому же, по территории степей постоянно рыщут отряды орков. Никогда не знаешь разбойники они или официальный патруль. А чаще всего и то и другое. Будь у нас больше времени, я никогда не проложила бы свой путь через степи. Но время, это та роскошь, которой у нас, к сожалению, нет.

В степях есть несколько скрытых троп. По ним мы и пойдем, предварительно заскочив в ближайший город за продовольствием. Опасность в том, что не я одна знаю эти скрытые

лазейки. Мало ли кого подкинет судьба в попутчики, а путь не близкий. Городов там нет, только орочьи поселки. Степи довольно большая территория и идти по ней не меньше двадцати двух рассветов. Многие преступники нашли приют в жаре и сухости степных равнин.

Дорога предстояла опасная. В любой момент мы должны быть готовы рвануть на всех парах, поскольку вступать в бой со степными жителями — верная смерть. С самого утра меня не покидала мысль, что я что-то упускаю. Что путь нынче опаснее, чем обычно. Но о чем мне пело чувство самосохранения, я так и не поняла.

— Пол мешка гречки, столько же риса и любой другой каши, овощи и бутылку сливовицы.

— Хорошо, юная госпожа. Могу ли я поинтересоваться, сколько вы пробудете в городе, я мог бы вам подешевле предлагать товар в будущем, — и торговец улыбнулся одними губами, но так искренне. Сухенький старичок повернулся к большому ящику с крупами и стал насыпать их содержимое в мои мешки.

— Сегодня вечером я покидаю ваш город, но спасибо за предложение, — этот седой карлик мне понравился, добрый.

— Как сегодня вечером?! — ужаснулся он, — одна!?

— Со спутником, но да, мы заехали только пополнить запасы.

На сморщенном как пожухлая листва лице отразился ужас. Я не впечатлительная, но меня проняло. Тем более что и сама я ощущала напряжение, витавшее в воздухе сегодня. Некстати вернулось чувство, что я забыла о чем-то важном. Важном, как вопрос жизни и смерти.

— Юная госпожа, вы что! Сегодня же второй день полнолуния. Вы попросту погибните со своим спутником.

Вот и уехали мы из города. Темень. Да разве что полный идиот или самоубийца выйдет на улицу в полнолуние близ границы Пустынных степей.

— Совсем безголовая стала, чуть не погубила нас, спасибо вам, милейший. Возьмите плату за товар.

Торговец взял медяки и взамен предал мне мешки с крупами, котомку с овощами и бутылку спиртного.

— Но здесь больше чем нужно, — догнал меня низкий голос старика.

— Считайте это благодарностью за спасенные жизни, избежать вам тьмы.

— Остаться на свету! — крикнул он в ответ.

Красиво все-таки звучат прощания и приветствия на чисто человеческом языке. Слегка суеверно, но это королевство по определению само ходячее суеверие. Да только, восхищаться языками, мне недолго осталось. Что теперь прикажете делать? В путь нельзя, остаться здесь — риск. Дальше заставы мы все равно не уйдем, съедят заживо. А кто съест? Да все те же ликаны треклятые, чтоб им троллиха в жены досталась. Обратни тоже свирепствуют, как-никак их время. Но эти хоть меру знают. Погрызть погрызут, потаскают за шкуру немного и все. На этом буйство второй ипостаси заканчивается. Обратни редко убивают людей, да и представителей других рас, и поверьте, делают это вполне осознанно.

А вот ликаны безумны в зверином облики. Как люди они так же потеряны. Добрый ликан, что милосердный орк — не существуют в природе. Ликаном становятся если выпить крови обратня. Рожденные же ликанами, навсегда теряют человеческую ипостась. Их зовут волколаками. Существуют целые поселения ликанов, особенно много их в степях. Эти твари

днем выглядят как любой другой человек, но стоит зайти солнцу и неконтролируемое превращение рождает кровожадных монстров. Полнолуние для ликанов своеобразный усилитель силы, и на третий день их сила достигает пика. От такого не сбежишь и не скроешься. Можно лишь спрятаться за городскими стенами, и то существует риск.

Да уж, такие опасные рассветы наступают лишь в конце месяца — полного лунного цикла. От полнолуния до полнолуния. Каждый месяц начинается с убывания нашего спутника Руи и длится сорок два рассвета. А месяцев у нас тринадцать. По три у каждого сезона и один перед зимой — месяц затишья. В этот период природа замирает и готовится к заморозкам. На небосклоне так же появляются еще два спутника, Уна и Тона и почти потухшая звезда Затха. Они сменяют друг друга, иногда освещая ночи несколько месяцев, а потом уходя во мрак на целый сезон. В отличие от своих сестер, Руи покидает небосклон только в проклятую ночь, когда весь мир окунается в кромешную темноту на сутки. В противоположность проклятой ночи существует весеннее равноденствие, когда ночь столь же светла, как день. В этот рассвет все четыре сестры делят небосвод поровну. Ведь Затха видна лишь изредка и, из-за своего слабого света, только ночью, а потому ее воспринимают наравне с Уной и Тоной.

Сегодня ночью Руи будет делить небо с Тоной. Но полной будет только первая сестра, тем самым знаменуя предпоследний рассвет лунного цикла. Очень опасный рассвет. Решено, остаемся в городе. Нужно срочно искать постоянный двор, иначе рискуем остаться на улице.

В конце торговых рядов виднелась коновязь и привязанные к ней кони. Я легко нашла среди них вороного и Палю. А вот где белобрысый?

— Вот скажи мне, Паля, где твой подопечный?

Кобыла удивленно заржала.

— Не понимаешь? Вот у тебя мозгов явно больше чем у Вана, а все равно безответственная скотина. Не найдем его, на дороге заночевать придется.

Паля фыркнула и повернулась ко мне задом. Все ясно, ее мало волнует, где мы будем ночевать.

— Кажется, я погорячилась насчет мозгов. У тебя их тоже отродясь маловато, — кобыла развернулась и попыталась меня цапнуть, — не нравится, да? А теперь ответь, какой сегодня день, колбаска ходячая?

Паля застыла, подвигала губами, а потом в ужасе всхрапнула.

— То-то, не найдем блаженного, я — закуска, ты — гарнир, — будущий гарнир вопросительно на меня посмотрела, ожидая продолжения, — а он как всегда выживет, — развела я руками.

Не удивительно, что она со мной согласилась. Я отвязала вороного и Палю. У меня был план по поимке глупого Вана, но согласится ли со своей ролью кобыла?

— Даю тебе свободу действия, ищи, — на меня посмотрели как на умалишенную, думаю, никто раньше не использовал лошадь в качестве ищейки, — что смотришь, ты чаще всех к нему прижималась, вот и вынюхивай, давай.

Паля демонстративно встала и запрокинула голову, извещая о том, что дальше она и шагу не ступит.

— Когда найдешь его, дам сухофруктов, — даже не шелохнулась, — ладно, копытом промеж глаз, один раз, но только передним.

Вон как поскакала, чуть ли не галопом. Ну что за садистская компания. Хлебом не корми, дай напакостить или треснуть кого-то. Может и не такие страшные эти ликаны, у

Пали то целых четыре копыта. Да уж, и только их и оставят.

Темнеет, надо поскорее найти убежище. Демон с ним, с пристукнутым. Его трогать, ликанам дороже, не пропадет. Тем более в кобыле я не сомневалась. Не знаю, что она такое, но явно что-то разумное и с паршивым характером. А еще Паля сильно привязана к Малышу, что настораживает, но повода для беспокойства пока не дает.

В конце улицы виднелась вывеска «Цветок волка» на двухэтажной таверне презентабельного вида и с вымощенной булыжником дорогой к самому входу. Дорога — вещь не дешевая, а значит, и место для порядочных постояльцев. Второй этаж свидетельствует о наличии комнат для ночлега. То, что надо.

Тишина и не единой души вокруг. Неудивительно, все же вторая ночь полнолуния. Только почему пустынна только улочка, в конце которой приглянувшаяся мне таверна? Да какая разница, наверное дорогая для простого обывателя. А нас сейчас из-за сложившейся ситуации и презентабельный постоялый двор для аристократии ценами не смутит. Ведь лучше быть нищим, но живым, чем погрызенным зомби при деньгах. А именно им и станет любой, кто от глупости своей рискнет ходить по улицам в полнолуние близ Пустынных земель. И больше не тратя время на раздумья, я отдала вороного мальчишке конюху, что выскочил при моем приближении из пристроенной к основному зданию конюшни, и смело потянула на себя входную массивную дверь, на поверку оказавшуюся сосновой.

— Ясного вечера, — громко поздоровалась, подходя к стойке регистрации. Тут даже такое имеется. Явно таверна из дорогих, — где можно хозяина найти?

Щуплый рыжий подросток с покрытыми мозолями грязными руками вряд ли мог бы претендовать на роль хозяина, но помочь мне он может.

— Он в подвал спустился за вином, — отрапортовал явно произнесенную не раз про себя фразу.

— Скажи, а где переночевать у вас есть?

— Есть пара свободных комнат на втором этаже и еще...

— Дарк!

От этого грубого баса даже я подпрыгнула, не говоря уже о мальчишке. Тот и вовсе голову руками закрыл и пропотеть уже раз пять успел, пока владелец баса шел к нам. Огромных размеров орк с густой рыжей щетиной, кривыми клыками и гладкой, как начищенное серебро, головой, весьма плавно двигался. Удивительно, эта неуклюжая глыба должна при ходьбе, чуть ли не стены раздвигать по бокам от себя. А он ничего, даже плечом косяк не задел, когда в проем входил. Какой-то неправильный орк.

— Светлого будущего вам, — сказал, как послал. Далеко и надолго. А рожато-какая страшная при этом была. Бр-р-р. Но я пугаться и сдаваться не собиралась

— Ясного вечера, вы хозяин таверны?

— Комнат нет, — и грозно зыркнул на изрядно перепуганного мальчика.

— Может все-таки есть? Мы щедро оплатим свой постой.

— Мы? — орк поискал взглядом за моей спиной этого неизвестного «мы».

— Да, я и мой спутник. Нам хватит и небольшой коморки. Нам даже... — договорить мне не дали, поскольку я снова позорно подпрыгнула от этого рыка.

— Комнат нет!

Да-да, теперь это был рык. А Дарк вообще под стойку залез и не подавал признаков жизни. И что делать? Понятно и голодному вурдалаку, что крови здесь ему не дадут. Но снаружи еще хуже.

— Послушайте, сегодня полнолуние. Если вы не приютите нас, то приютят в своих желудках ликаны и волколаки!

— А мне до драконьего зада, чего там вас съест. Мест нет, вали...

— Грог, чего орешь на посетителей?

Приятный, немного хриплый голос раздался откуда-то снизу, за спиной орка. Невежда повернулся, и я смогла лицезреть молодого темнокожего мужчину с рыжими волосами, даже красными, и татуировкой под правой ключицей. Как я ее разглядела? Так этот мужчинка-огонек в одних штанах и босиком вылез из подвала с ящиком вина в мускулистых руках.

— Найти свет во тьме, красавица, — огонек поставил ящик на табуретку за прилавком и выпрямился.

— Остаться на свету.

Рыжий положил локти на стойку и почти перегнулся через нее, так, что между нашими лицами было не больше десяти тан[1]. Я дернулась в противоположную сторону, а он медленно вдохнул воздух в том месте, где еще ван назад было мое лицо.

— Чужая, — толи вопросительно, то ли утвердительно произнес он. Глаза его, тем не менее, выражали легкое замешательство. Он повернулся к орку, тот кивнул. Тогда рыжик вытянул откуда-то снизу рубашку и, повернувшись ко мне спиной, надел ее, застегнув под самый ворот. Мне кажется, или я единственная ничего не понимаю. Только сейчас до меня дошло, что после слов огонька в таверне стоит неестественная тишина. Осматриваюсь, так и есть, все пялятся на нас.

— Красавица, зачем пожаловала? — и улыбка приторно-сладкая.

— Я комнату снять на ночь хотела... — и это мой голос? Да уж, как-то совсем не уверенно звучит.

— Правда? — улыбка ширится. Теперь понимаю, чем она мне не нравится. Двумя небольшими, но на вид достаточно острыми клыками. Простите, ошиблась, четыремя. Темень!

— Д-да... уже поздно, и искать другой постоянный двор опасно...

Огонек посмотрел мне за спину и махнул рукой. Тут же живой шум наполнил обеденный зал.

— Опасно, красавица. Ты одна? — притворно сочувствующий голос, а в глазах золотой блеск. Они у него вообще желтые.

— Нет, у меня есть спутник.

— И где же он? — медленно, наслаждаясь каждым словом, как лакомством, спросил рыжий.

— Скоро найдет меня, — вот теперь мне не просто не по себе, мне жутко.

Огонек откинулся назад, убрал руки со стойки и обошел ее. Нарочито медленно, грациозно и удивительно плавно он двинулся на меня. Именно на меня, а не ко мне. Где-то я уже видела такие экономные и первобытно хищные движения. Я сглотнула, так как спазм, сдавивший горло, уже невозможно было терпеть. Почти упершись в меня своей грудью, нежно обнял меня левой рукой, стараясь как можно ближе прижать к себе.

— Успокойся, а то стук твоего трепыхающегося, как птица, сердца разве что на другой улице не слышно, — прошептал огонек мне прямо в ухо, изрядно пощекотав мне нервы своим частым дыханием.

Все той же левой рукой он нашел мою правую и взял за ладошку. Я, конечно, храбрая, но вздрогнула, как последняя трусиха, когда он поднял руку над головой и крутанул мое

тельце против часовой стрелки. Так как кисти остались сцеплены, я оказалась в ловушке из его и своих объятий, при этом упираясь спиной ему в грудь. Мне даже шевельнуться было страшно. Кажется, я начинаю понимать, почему здесь еще есть свободные комнаты.

— Эта красавица — моя гостья, — к моему виску прижались щекой, — относитесь к ней, как ко мне, — возвестил он на всю таверну. Удивительно, но его услышали и более того, даже закивали, не слаженно, конечно, не солдатики, но все же. Думаю, я нашла хозяина таверны. Поначалу меня испугало его «как ко мне», оказывается, зря. Его явно здесь уважают.

— Ну что, милая, пойдем наверх, покажу комнаты, — и он отпустил меня, сделав приглашающий жест рукой в сторону лестницы. Я бежать вверх к праотцам не спешила. Рыжий это понял, неопределенно хмыкнул и пошел первым, я за ним. Честно говоря, позорно приклеилась к его спине, так как внизу меня все еще прожигал гневным взглядом орк.

— Что? Решила совместить приятное с полезным, — ехидно выдал он.

— Нет, выбрала меньшее из зол, — буркнула я.

— А здесь, красавица, ты погорячилась. Кто сказал тебе, что я меньшее?

Я даже оступилась, вследствие чего непроизвольно отлепилась от огонька.

— Поздно бояться, теперь только принимать все, как должное, — вампиры клыки, СПАСИТЕ!

Мы поднялись на второй этаж. Две ближние к лестнице комнаты были абсолютно идентичны. Слева кровать, рядом тумбочка, справа пара вешалок, стул и трехногий столик.

— Устраивает?

— Более чем.

Если бы здесь оказалась лишь солома на полу и миска с водой, мой ответ не поменялся бы. Я просто до дрожи хотела сбежать отсюда и плевать, что за порогом может ждать смерть.

— Тогда пошли вниз, покормим тебя. Позже вещи занесешь.

Он меня с ложечки кормить решил? Не удивлюсь, если так. Когда снова вошла в зал, на меня обратили не больше внимания, чем на пыль с подоконника. Это радовало. В самом углу был свободный столик, вот туда я и понесла свои бранные мощи. Подходящее время осмотреться и найти пути отступления, а если честно, то бегства. Таковых оказалось всего два. Главный вход и окна. К заднему выходу не пробраться, там орк-потрошитель, а со второго этажа травмоопасно — брусчатка внизу.

Окинув столовую еще одним рассеянным взглядом, заметила одну странность. У всех присутствующих желтые глаза, и они отражают свет бликами. Василиск парализуй меня! Могу поклясться, раньше у тех двоих за стойкой были бирюзовые, как морская волна, глаза. А сейчас у всех они светятся золотом. Догадка просто прирастила меня к стулу. Пошевелиться — значит привлечь внимание. А мне ой как не хотелось их внимания.

— Самый вкусный ужин для самой красивой женщины.

От неожиданного появления хозяина таверны сильно прикусила губу, которую покусывала до этого от волнения.

— Что случилось? — не знаю, что огонек увидел, но лицо у него было весьма озадаченное. Бойтся, что ужин паникует раньше времени? Так поздно, ужин в истерике!

— С-с-с...с-с-с...спас-с-с...спасибо!

— Красавица, тебя никто не тронет, не посмеют. Ешь спокойно.

— Ты еще приятного аппетита пожелай, я тебе такой же вежливостью не отвечу, когда ужином буду я!

Растерялся на ван. Снова улыбнулся и спокойно так, с остановками, как умалишенному, начал:

— Красавица, ты чего? Какой ты ужин? Здесь ты в безопасности. Никто сюда не залезет, поверь мне.

Ага, уже раз десять поверила. Неужели я так дуру напоминаю. Хотя, только дура и могла так глупо попасть в неприятности.

— Сними рубашку, — улыбка медленно сползла с лица.

— Зачем, красавица? Давай попозже и в другой обстановке. Я не против.

— Зато я против, попозже я увижу только твои клыки, — прошипела я. Знаю, что глупо возмущаться, но лучшая защита — это нападение.

— Какие клыки? Давай ты поешь, и мы поговорим, хорошо? Нечего на голодный желудок беседу начинать.

— Конечно, лучше поесть, так сбежать сложнее будет, или это последний ужин?

— Успокойся, кошечка, спрячь коготки. Никто не претендует на твою шкурку, — слегка сухо ответил он. А мне стало еще страшней.

Пусть огонек мне чего-нибудь откусит, но неизвестность страшней всего. Я аккуратно встаю из-за стола и подхожу к нему. Ноги затряслись. Не бойсь, прорвемся. Медленно ложу руки ему на грудь и тяну в темноту угла, за моим столиком. А этот смотрит на меня в упор и ехидно скалится. Весело ему, паршивцу. Еще бы, кошка тоже с мышкой поиграть любит. Вот сейчас все и узнаем. Резко вскидываю ногу, удар в пах. Знаю, что подло, но людей жрать тоже не благородное занятие. Стон и хрип, значит попала. Выхватываю нож из голенища и приставляю к горлу.

— Подними голову, иначе глотку перережу.

— Какая грозная красавица, это твоя благодарность? — и он медленно разгибается.

Недолго думая, достаю второй нож из другого голенища и разрезаю рубаху снизу до самого ворота. Отвожу ножом край рубашки. Когтистая лапа волка. Дракон сожри меня! Все! Руки сами безвольно опускаются. Мне конец. И на этот раз, я на самом деле покойница.

— Красавица, если убить хотела, то ножи в руках куда эффективнее, чем на полу. Я, конечно, могу случайно наступить и порезаться, но ты же понимаешь, что все зарастет в тот же момент?

Понимаю. Все понимаю. Не понимаю только, когда ножи успела выронить. Теперь даже порезать его не могу. Это бесполезно, конечно, но болезненно. Так, маленькая месть за себя любимую.

А все почему? А потому, что я в таверне «Цветок волка» полной волков. Точнее оборотней. Татуировка в виде когтистой волчьей лапы под ключицей — метка стаи оборотней. Повезло же мне из всех постоянных дворов города прийти именно в логово оборотней. Вот не понравился мне этот орк, говорил же мне убираться. Так нет же, как это нас выгнать решили.

— Долго еще убиваться будешь?

— Пока не убьют.

— Ха-ха-ха, — мне паршиво, а он хохочет. Вот оборотень, — хватит хандрить, красавица, не съедем.

— Правда? — как-то безразлично у меня получилось, аж самой себя жалко стало.

— Мы людьми не питаемся, особенно такими хорошенькими, — и снова хохочет.

А ведь и правда, не питаются. Только если кого убить захотят. Они ж не ликаны. А кто сказал, что не ликаны? Ведь татушку я видела только у огонька. И снова себя жалко стало. Может я и дальше придавалась бы жалости к себе, но меня привлек шум снаружи. И не только меня.

— Пусти, пусти, ну пожалуйста! — лучше бы мне не был знаком этот несчастный голос и грозное фыркание.

Спустя ван таверну сотряс грохот выбиваемой двери. Все подскочили. Я бросилась к проходу в попытке сбежать и замерла у выбитой двери. На несчастной деревянной защитнице виднелись вмятины от копыт. Пока я рассматривала повреждения, в проеме показалась высокая фигура в капюшоне и лошадиная голова, что зубами держала за шкуру несчастного. Бесцеремонно впихнув фигуру в таверну, лошадь развернулась и дала залп по застывшему в изумлении мужчине. Снеся пару столиков и распластавшись посреди зала, фигура потеряла капюшон и явила оборотням моего ненормального Ваньку. Паля тем временем, решив, что долг выполнен, пошла штурмовать конюшню. Еще вар пять раздавались крики конюхов и треск дерева. Бесстрашное животное. Вокруг стая оборотней, а ей хоть бы хны. И ведь никто не напал на нее. Видимо, демонстрация копытоприкладства действует на всех существ одинаково.

— И что это было? — первым пришел в себя огонек.

— Бесстрашную скотину, что выбила двери, и, похоже, разнесла конюшню, зовут Палевая. А вот это недоразумение, — и пальцем показываю на сидящего на полу, и покусанного Вана, — что столь ловко проложило себе путь к стойке, зовут Ваном. Он мой друг.

— Слушай, Алкай, я теперь понимаю, чего она так бесстрашно к нам в полнолуние пришла. А чего ей, собственно, бояться-то с духом земли и магом земли? — прогрохотал орк, или оборотень? Вампир в крови только и разберется.

— Каким-каким духом? — не, ну я знала, что Ванька у нас маг, а вот про духа в первый раз слышу.

— Дух земли. Они часто в животных вселяются.

— И?

— И равновесие в мирах поддерживают. Правда, они, как правило, людей избегают, да и характер у них отвратный, — растолковал непонятливой мне Алкай. Да-да, теперь он Алкай, а не огонек. И безмозглому зомби понятно, что он вожак.

— Так я что, с телохранителями теперь?

— Ну ты скажешь. Может маг тебе и поможет, а вот кобыла твоя просто кобыла с ужасным характером. Духи не вмешиваются в круговорот вещей.

— Какой умный оборотень, — и мертвая тишина вокруг. Третий раз за сегодня.

— Вот что мы тебе сделали? Я тебе даже защиту предоставил от самых надоедливых, которые максимум поприставали бы, а ты сразу «оборотень», — и обиженная мордашка передо мной. Оглядываюсь, и стая обиженных мордашек вокруг. Чего это они?

— И что не так? — растерянно развожу руками.

— Ну мы же тебя человечком не обзываем, — рыкнул обиженно оркооборотень. Как-как? Обиженно? Смотрю, точно, скала пустила слезу. Знаете, что я сделала? Да хохотала как ненормальная.

— И что смешного? — настойчиво спросил Алкай у хохотавшей меня. И вот чего я его

боялась, как зомби некроманта?

— Да вы... хи-ха-ха... смешные... ха-ха...

— Слушай, друг, который маг, забирай-ка ты ее в комнату. Ей похоже впечатлений на сегодня достаточно, а мы еще перекидываться будем. Услышите вой, не паникуйте, все будет под контролем, можете спать спокойно.

— А чем перекидываться? Можно с вами?

— Красавица, он что, оборотень? — повернулся ко мне вожак, и пальчиком в болезного тыкает.

— Он идиот, хотя и оборотень в своем роде. Ван, пошли спать, а то здесь скоро слишком много клыкастых и волосатых будет.

— Кого?

— Песиков, мальщ, — дружный рык.

— Правда? А я всегда собачку хотел, можно мне одну, — и около дюжины злющих желтых глаз впялились в моего белобрысого. Некоторые даже встали.

— Спокойно песики, говорю ж ненормальный он, по-другому не объяснить, — еще парочка поднялась. Ну что ж, помирать так с песней, — сидеть ребята, слюнки на стол не пускать, магов блаженных не обижать. Спасибо, что приютил, Алкай.

Хватаю Ваню за руку и со скоростью ветра влетаю в комнату на втором этаже. Последние слова я уже кричала почти со второго этажа, во избежание массового мщения. Фух, надеюсь, перебесятся в своей звериной ипостаси, да и подобреют. Транспортировать Малыша в соседнюю комнату не рискнула, так как отчетливо слышала парочку неконтролируемых смен ипостаси.

— Ванюша, давай их больше собачками и песиками не будем называть.

— Почему?

— Потому что иначе ходить нам покусанными, — при упоминание укусов белобрысик весь побледнел. Вот Паля садистка, скоро до заикания его доведет. — Ты, кстати, где был?

— Меня женщина позвала, сказала, что расслаблюсь, в облаках полетаю, — даже не хочу знать в каких именно.

— И что? Расслабился? — как-то грозно получилось. Ванька аж поник сразу. Или полетал плохо?

— Нет, она меня в какую-то комнату с дымом привела, — допустим, благовония.

— А потом раздеваться начала, — даже не сомневалась.

— Я попросил ее остановиться... — опять-таки, не сомневалась.

— А она сказала, что я могу ее сам раздеть, раз я так... таков шавун, — «такой шалун», но это тоже понятно.

— Я сказал «нет», и хотел встать, но она села на меня, — какая бойкая девица.

— И...и... — и дураку ясно, что было «и».

— Ну, что и?

— И начала раздевать меня, — плавали, знаем, одна пыталась. Даже не хочу знать, что с девицей стало.

— А я испугался и...

— Стоп, дальше опасно для моих нервов, — и он обиженно замолчал.

— А как тебя Паля нашла? — зря спросила.

Как оказалось, летание в небесах и срочная доставка связны между собой. Пришлось выслушать всю историю. Как же я не умерла от смеха, не знаю, но вот пресс подкачала, да и

охрипла совсем. А Малыш обиделся. Сильно, аж на пять вар. Прямо жуткая обида по сравнению с прошлым разом.

Молодой, красивый, высокий и мускулистый мужчина стоял около коновязи. Как оказалось, он был блондином с удивительно красивыми изумрудными глазами. Жоржета всегда питала слабость к сильным представителям противоположного пола, да и блондины приводили ее в трепет одним только своим видом. Последней мыслью, перед тем как она окликнула бело волосое божество, было: «Как мне повезло сегодня».

— Светлого будущего, воин, — будучи девой из увеселительного заведения, Жоржета всегда подмечала мелочи, чтобы полнее удовлетворить потребности клиентов. Очертания длинных волос, скрытых под плащом, в сочетании с мощным телосложением совершенно точно говорили о его воинственном прошлом.

— Спасибо, — мужчина явно был растерян.

Девушка из дома терпимости сразу оценила ситуацию. Ждать притязаний со стороны воина не стоит. Ну что ж, если она хочет заполучить его, нужно действовать наглее.

— Такой шикарный мужчина и один.

— Но я не один...

Девушка перебила его, принципиально не дав увести разговор в столь ненужную сторону, как отношения и верность.

— Вам наверное хочется отдохнуть и расслабиться. Вы, вероятно, сильно устали, — пауза, за которую женщина продемонстрировала свое глубокое декольте и влажные пухлые губы, — пойдём со мной, воин, и я тебе обещаю, ты будешь летать в облаках и наслаждаться каждым мгновением. Ты не забудешь этого никогда.

Резкий переход от официального обращения к более интимному в сочетании со словами, скрывающими наслаждение, было безотказным трюком этой женщины легкого поведения.

— Правда? — на лице воина было предвкушение, и Жоржета улыбнулась. Он уже принадлежал ей.

— Конечно, пойдём, — и воин послушно шел за своей повелительницей.

Как горда собой она была. Жоржета уже представляла перекошенные от зависти и злобы лица соремесленниц. Как будут рвать на себе волосы более зрелые девицы от собственной ненужности и бессилия. Эти картины вызывали восторг и чувство превосходства в очерствевшей душе нимфы.

Добравшись до особняка на окраине города, Жоржета сполна насладились своим триумфом и отвоевала лучшую комнату у своей вечной соперницы, Анабель. Как же бесилась врагиня, когда узрела белокурого воина. Всем и каждому было известно, что таким мужчинам нет нужды ходить в бордель, и раз уж такое случилось, то у Жоржеты вскоре появится покровитель, а может и муж.

Пропустив воина в комнату, затуманенную легким дымом благовоний и свечей, Жоржета скользнула за ширму. Если она хочет покорить его полностью, ей нужен особый наряд. В мгновение ока она переделалась и предстала перед мужчиной, что держал в руках ее будущее, во всей красе. Она только медленно начала спускать наряд с плеча, когда раздался встревоженный голос с кровати.

— Что вы делаете?

— Т-ш-ш, любимый, все узнаешь, все увидишь, — и плавно покачивая бедрами в такт движениям рук, что все больше оголяли верхнюю часть ее аппетитного тела, двинулась к своему избраннику, как хищница к жертве.

— Не надо раздеваться... — беспокойство в глазах воина не понравилось Жорж, но она не придала ему должного внимания.

— Можешь раздеть меня сам, если ты такой шалун, — и она подошла к самой кровати, — чего ты ждешь, мой повелитель? Сорви с меня все это тряпье, я хочу почувствовать твои руки на своем голом, изнывающем теле-е-е.

Чем больше говорила девица, тем шире становились глаза воина, и тем больше непонимания и испуга читалось в них. Но Жорж не видела этого, она самозабвенно пела свое соло там, где возможен только дуэт.

— Я не буду... не надо, — не обращая внимания на содержание фраз, она слышала лишь его будоражащий голос. Поднявшись на кровать, она легко села на него верхом и принялась стягивать плащ. Над причиной, почему он не снял его при входе, Жорж не задумалась тогда, не задумалась и сейчас. Еще одна ошибка ослепленной своей самоуверенностью и целью алчной женщины.

— Хватит! Не надо! — крик беловолосого мужчины не достигал предназначенных для него ушей, зато достиг других ушей.

Спустя пару мгновений в двойные двери дворца утех раздался мощный стук, от чего задрожали стекла. Многие повыходили из своих комнат, как нимфы любви, так и их мужчины. На второй громopodobный стук вышли все, в том числе и дворецкий, который усиленно делал вид, что это не по его душу. А за душу уже начали переживать все. Как-никак полнолуние. В это же время раздался третий и последний в существовании двустворчатой двери удар. Одна сторона оторвалась вместе с петлями и косяком, вторая раскрошилась и осыпалась на покрашенный желтой краской пол. Порыв ветра погасил почти все огни в здании, создавая атмосферу отчаяния и ужаса. За то время, пока оседала пыль, не было произнесено ни звука. Только цокот приближающихся копыт, как похоронный марш, обрекал всех обитателей небогоугодного заведения на страшные мучения и расплату.

В это время молодой воин, сбегая от настырной девицы, извернулся и соскочил с кровати. Растерявшаяся Жорж не сразу поняла, что случилось. Дверь с грохотом распахнулась, потушив свечи, а в ней неизвестное существо, с вывернутыми ногами и длинными волосами спереди. Комната погрузилась в полумрак. Как только последняя преграда была сломана, в темное пространство ворвался свежий воздух и причитания:

— Это Всенижний!

— Нам всем конец!

— Он пришел за нами, грешниками!

— Его пламя сожжет, нас! Мы обречены!

— Всенижнему нужна Жорж! Она — распутница, совратила праведника!

— Да, он был чист душой, она убила его благочестие!

— Она убийца!

— Воровка!

— Ведьма!

— Некромантка!

Все девицы орали как одна, обвиняя Жорж. И каждая из них была в той же степени

грешна. Но кто оклеветает сам себя? Дураков нет.

Жоржета видела перед собой чудовище. Она слышала все, о чем кричали снизу. Неужели она совратила этого праведника. Неужели Всенизший пришел за ней из-за ее грехов.

Тем временем чудовище развернулось, и Жорж узрела его вторую морду. Такую же уродливую и мерзкую, как первая. Ведь никто и предположить не мог, что одна из девушек, испугавшись, насадит свой лучший корсет, что был в этот момент у ее спутника в руках, прямо на морду «Всенижнему».

Медленно двигая копытами, исчадьё низших миров приближалось к Жоржете. Женщина в ужасе не могла пошевелиться, только немигающе смотрела на свою кару. Чудовище полыхнуло горячим паром и вновь развернулось первой мордой. Удар двумя вывернутыми наружу конечностями, и кровать погребла под собой одну из искуснейших нимф дворца утех.

Спустя неполный лунный цикл, никто и не вспоминал о нимфе Жоржете. Все знали послушницу Всевышних, Жоржету Очистившуюся.

Около двадцати человек той ночью стали свидетелями жестокой расправы над согрешившим праведником. Двумордое исчадьё спустило несчастного с лестницы. А настигнув его внизу, оно начало копытами выбивать из него дух, топчась. Когда же грешный смог подняться, вторая морда чудовища попыталась проглотить его, но воин извернулся и содрал с него кожу. О том, что это предмет женского нижнего белья так никто и не узнает.

От зрелища снимаемой кожи все дамы лишились чувств и не были более свидетелями того, как монстр все-таки схвати зубами обреченного и, изрыгая ядовитый пар, поскакал в ночь, освещенную полной луной.

В это беспокойное время полнолуния многие по всему городу видели несущееся нечто, что тащило по брусчатке тело почти мертвого грешника, бывшего праведником.

Посреди ночи раздался душераздирающий крик, от которого кровь стыла в жилах. От него я и проснулась. Все еще пытаюсь отдышаться и прийти в себя, взглядом поискала Вана. Он сидел на расстеленном на полу одеяле и пораженно смотрел на меня своими хризолитовыми глазами. И я поняла, кричала я. Осознание накрыло удушающей волной. Кто-то умрет. Я была в этом уверена. Сегодня ночью мне снова придется петь скорбную песнь.

Блок спал раньше на три весны. Я надеялась больше никогда не чувствовать смерть и страдания. Как наивно для плакальщицы. Я обхватила колени руками и оперлась на них подбородком. Теперь сон еще долго ко мне не придет.

— Дана, что случилось? — Малыш был сильно взволнован. Хорошо, что пока не боится меня, другие в ужасе от моего крика бежали как можно дальше.

— Кто-то умрет сегодня, я уверена.

— Кто? — и искренний, ничем не затуманенный интерес.

— Не знаю, Ваня. Я никогда не знаю этого до момента смерти.

— А после?

— А после я вижу их смерть, боль и страдания, но помочь не могу, только проводить их души в другой мир песней.

— Ты поешь? — и удивленно смотрит на меня.

— Да, но ты не услышишь.

— Почему? — обиженно спросил Малыш. Я отпустила колени и спустила ноги с кровати. Ван тут же подсел ближе, скрестив свои ноги перед собой, и в ожидании уставился на меня. Прямо любознательное дите.

— Потому что мои песни слышит только умирающий, и больше никто.

— Когда я умру, я тоже услышу твою песню? — меня прошиб холодный пот. Только не это. Я больше не хочу оплакивать друзей.

— Нет, Ван, ты не умрешь. По крайней мере, пока. И про песни я даже слышать не хочу!

Мы замолчали. Говорить больше не хотелось. Как же я ненавижу ожидание чьей-то смерти. Ужаснее этого, для меня нет ничего. Знать, что кто-то, неподозревающий ни о чем, сегодня лишится жизни, и ты ничем не можешь ему помочь. Ведь ты не знаешь, над кем простерла свои костлявые руки дама с косой. Это чувство сродни с отчаянием, только намного сильнее.

Ванюша почувствовал мое состояние. Он подполз поближе и положил свою голову мне на колени, при этом крепко обняв их руками. Я была ему благодарна за это. Никто раньше не рисковал подходить ко мне после крика банши. Мое мрачное и скорбное настроение распространялось на таты вокруг. Никто не решался нарушить мое молчание или коснуться меня. И только сейчас я понимаю, насколько мне не хватало дружеского плеча в такие моменты. Спасибо тебе, неизвестный воин, что подарил мне моего ненормального Малыша.

Из задумчивости меня выдернула душа, что была притянута моим жестоким даром. Началось. Нежно поглаживая своего друга по бело-пепельным волосам, слегка спутанным ото сна, и чувствуя его спокойное, равномерное дыхание, я начала свою песнь.

Услышь мою песнь, уходящий.

Покой свой душою прими.

Голос мой, для всех вещей,

Поможет тебе отойти.

Солнце жизни твоей заходит,

Но прекрасен закат твой.

Смерть твоя рядышком бродит,

И завет моя песнь за собой.

Ты услышь меня, душа.

Будь готова принять судьбу.

И лети за грань не спеша

В новую жизнь свою.

Вместе с последними словами пришло долгожданное облегчение. Душа ушла ко Всезнающим. Груз отчаяния спал. Я тяжело вздохнула, все закончилось.

— Красивая песня.

— Какая песня, Малыш? — он повернул голову так, чтоб его лицо смотрело на мое.

— Которую ты пела. Я слушал ее, и мне становилось так хорошо и легко-легко.

Не могу в это поверить. Он слышал песню банши. Невозможно. Если только...

— Ваня, как ты себя чувствуешь? Что-нибудь болит, тебе плохо? — я лихорадочно начала ощупывать его, заглядывать в глаза и даже рубашку стянула. Он, на удивление, не сопротивлялся. Темень знает что! Он в порядке. Да и душа умершего уже ушла, а этот вроде с

душой пока. Ничего не понимаю.

— А ты точно слышал песню, может, приснилось? — подозрительно присматриваюсь к нему.

— Услышь меня, уходящий. Покой свой душою прими. Голос мой для...

— Все-все поняла. Ты слышал, но как?

— Как? Ну, я уши не закрывал, а ты достаточно громко пела.

Я в прострации. Мало того, что это недоразумение меня не испугалось, так еще и песни мои слышит. Нет, он однозначно что-то уникальное, или ненормальное. Хотя, и то и другое.

— Знаешь, а я банши.

— Правда? — и только живой интерес, никакого ужаса и паники. Горгулья разорви меня. Где ж ты жил все это время, в подвале?

А ужаса я жду от него по одной простой и довольно древней причине. Около четырехсот пятидесяти весен назад нас, банши, заклеямили нечистью и приписали нам массовые убийства. Дескать, мы ради прихоти народ сотнями положить можем. А то, что этот народ воует и сам себя вырезает, никого не волновало. Дошло до того, что наш крик расценивался как проклятие смерти. Будто мы сами кричим, когда нам вздумается, и убиваем того, кого захотим. Никто больше не верил, что банши лишь предсказывают смерть и оплакивают умерших.

Как следствие массового безумия, нас начали целенаправленно истреблять. Тогда-то я и вкусила жизнь в бегах. К счастью, эльфы, что светлые, что темные, не страдали суеверием, а почитали великих плакальщиц. Были еще водные народы, дриады и драконы, кто не поверил в чушь, что несли люди, орки, тролли и вампиры. Хотя, кто слушал вампиров, их самих нещадно вырезали. Были и те, кто просто избегал нас, например гномы и оборотни. Многие племена воинов также сохраняли нейтралитет. А вот маги свирепствовали. Именно из-за них нас так мало осталось. Меня как раз отряд таких фанатиков преследовал, когда глава тайной разведки Хрустальных лесов в засаде сидел. Я, если честно, вообще ничего не помню, до того момента как очнулась во дворце светлых. Мне рассказали, что один сильный некромант меня темной молнией по голове приложил. А принес мое бессознательное тельце именно глава разведки, который этих самых магов и спровадил с эльфийской территории. Первое время я даже не знала, что я такое. Просто Баск блок поставил, и я жила как обычный человек с огромной продолжительностью жизни. Спустя весен эдак десять, Светлый Владыка обновить блок забыл. Ну и начались мои мрачные будни. Тогда-то я и узнала, что я такое и чем мне это грозит. А грозило, ни много, ни мало, смертью, причем моей. Вот и ошивалась я у эльфов довольно часто. Уходила, проблемы находила и назад в эльфийские кусты, под рясу Владыки. Вот и сейчас путь держу все в те же кусты.

Рассвет. Можно подниматься и приводить себя в порядок. Ах да, на коленях белокурая голова. Прислушалась, спит. Ладно, итак всю ночь со мной возился. Пусть поспит, можно еще ват побездельничать, только вот ноги бессовестно затекли.

Стук в дверь. Ну и как прикажете мне открывать, я, между прочим, в одной рубаше до колен, на которых беспробудно дрыхнет тяжеленный маг. Стук повторился. Ладно, скромностью никогда не отличалась.

— Входите, — ручка опустилась, а дверь не шелохнулась. Еще одна попытка привила к полному игнорированию того, кто снаружи наглой дверью.

— Заперто, — раздалось с той стороны от деревянной упрямыцы. Знаю, что заперто, сама приложила к этому руку.

— Я открыть не могу, — и ведь не соврала.

Недовольное фырканье, возня за дверью и, вуаля, в проеме стоит одетый с влажными волосами, похоже, только после ваннх процедур, Алкай. Рубашка липнет к еще влажному телу, очерчивая сбитые, рельефные мускулы и узкую талию. Растерянно смотрю на него, а он не менее удивленно на меня, и не двигается.

— Я... это...помешал? — и легкий румянец на щеках. Не знай я ситуацию, решила бы, что это он после ванны распарился, а так.

— Он спит, не помешал. Я его посреди ночи случайно разбудила, кошмар приснился, так он меня успокаивал, — и вот чего оправдываюсь? Голос и так позорно срывается.

— Ну да, кошмар, — хмыкнул огонек, — это тот, после которого у меня пол стаи перекинулись в людей и молиться стали? Тогда понимаю, почему он не спал, — спокойно пояснил Алкай.

— Э-э-эм... пол стаи?! — как-то не верится, неужели я так громко кричала. Наверное, нынешний покойник за пределами города был. Странно, я раньше так далеко на смерти не реагировала, только те, что в пределах одного тата от меня. Ой как это не хорошо.

— Да, красавица, мы в двух татах от города охотились, а тут такое. Не до охоты уже было. Особенно, когда убитого крестьянина нашли.

— Ликаны? — грустно поинтересовалась. Ясно, кто нынче преставился.

— Нет, хорошая моя, тело целое. А вот лицо от ужаса перекошено и глаза черны, как уголь. Понимаешь, о ком я?

Волколак покусай, я покойница. Понимаю, что я часто нынче упокоеваюсь, но что поделать, если столько существ мне этого желают. Почерневшие глаза, лицо искаженное гримасой боли и беззвучного крика следствие воздействия особых существ. Такое сделать могут лишь Проклятые, или по-другому — каратели. Они получают цель и не успокаиваются, пока не уничтожат ее. Натравить карателя можно только на согрешившего, или кого выставили грешником. Они потому и каратели, что не просто убивают, а именно карают за злодеяния. Мучают до тех пор, пока не посчитают правосудие свершившимся. Ходят слухи, что есть один отряд карателей на королевской службе у Гарны. Использование силы проклятых строго запрещено. Это ужасные потусторонние твари, которых контролирует некромант. А так как некроманты уже давно считаются нечистью, то и каратели вне закона.

Не сложно догадаться, кто решил замести следы. Но вот откуда знает об этом оборотень? С чего он вообще взял, что они за мной?

— Думаешь, с чего я взял, что они за тобой, — удивленно моргаю.

— Именно так и думаю.

— Они по твоему следу шли. Я немного пропетлял и походил за ними. Так они точнехонько по запаху одной красавицы идут, что к нам с запада прискакала. И вот интересно, прямо со стороны столицы, где нынче парочка некромантов и группа наемников сокровищницу разорили. Странно, правда. А еще страннее, что отряд королевских войск сегодня с утра мимо городских ворот прошел, а вот каратели, которых здесь вообще быть не должно, по городу шастают. Кому ж ты так насолить успела, плакальщица? — я испугалась.

Что он теперь делать будет? Сдаст меня им и спасет стаю? Конечно, сдаст! Оборотни к банши нежных чувств никогда не испытывали, не говоря уже о том, что у них проклятые на пороге топчутся.

Книги на сайте - Книголюб.нет

— Хватит хмуриться, красавица. Я не за тем сюда пришел и все рассказал, чтоб карателям тебя на блюдечке подать, — он усмехнулся, оперся о косяк спиной и сложил руки на груди, — давай рассказывай, будем вместе думать, как тебя из города вывести незаметно.

— Правильно, прямо в пасть степным ликанам. Как раз третий день полнолуния. Даже косточек не останется, чтобы засвидетельствовать мою кончину.

— Опять царапаться пытаешься, кошечка? Успокойся. Я помочь хочу.

— С чего бы это? — и недоверчиво поднимаем правую бровь.

— С того, что одна баши когда-то давно очень помогла мне. Хочу вернуть долг.

— Я не та банши.

— Знаю. Ту убили, а значит, вернуть долг я могу только ее соплеменнице.

— И что же она такого сделала? — Ван на коленях пошевелился, причмокнул во сне и снова засопел.

— У тебя ноги еще не отвалились? — и подозрительно глянул на Вана.

— Тебя мои ноги вообще не должны волновать, рассказывай.

— Ну что ты опять шипишь на меня, я же не рычу.

— Еще чего не хватало.

— Злая ты, — и обиженная мордочка, — ладно. Когда мне было двенадцать весен, к нам на постой пришла женщина. Моя мать, как хозяйка, помогла ей устроиться. На пятый рассвет мы услышали истошный крик. Он как ледяной тайфун сковал наши сердца. Отец сказал тогда: «Смерть пришла». Я не понял смысла. Не понял и, когда мама не вышла работать в таверну, а осталась со мной и младшим братом на весь день. Она пела нам песни, рассказывала сказки, играла с нами и каждую минуту старалась обнять или поцеловать. Отец пришел только вечером, обнял мать и так и остался стоять. Впервые я видел, как по его щекам текли слезы. К полуночи спустилась та странная женщина. Она подошла к отцу с матерью и положила маме руку на голову. Моя мама безвольно осела в объятия мужа. Мы с братом кинулись к ней, а женщина закрыла глаза и не двигалась. Мы слышали лишь собственный плач и всхлипы, но когда банши открыла глаза, пришло облегчение. Не было ни скорби, ни отчаяния, только спокойствие и безмятежность. До сих пор я вспоминаю о маме с улыбкой, а не тоской. Позже я узнал, что мать была больна, и если бы не эта странная женщина, мы так и не смогли бы провести самый чудесный день вместе. Песнь банши не просто помогает душе уйти, но и уносит с собой скорбь, принося облегчение. Я понял это на собственном опыте. Мне незачем желать тебе смерти, плакальщица.

И я поверила. Каждый, кто хоть раз испытывал нашу силу на себе, уже с трудом верил в весь тот бред, что распространяли маги.

— Хорошо, как нам уйти из города и не попасть в лапы к ликанам? Проще завоевать королевство или эльфов ругаться заставить, — оборотень улыбнулся.

— Думаю, я заслужил право узнать твое имя, красавица.

— А чем тебе красавица не нравится?

— Тем, что это не имя. Меня зовут Алкайна Вайне из стаи рыжих волков. Я альфа по праву рождения и самого сильного в стае.

— Суардана Дэнитар, банши. По праву плакальщицы уже четыреста пятьдесят весен в бегах.

— Арк Тариван...м-м-м... Атар... вохм-м-м-ка... шир... — я даже не сразу сообразила, что это Ванюша во сне представиться решил. Он значит Арк Тариван Атар и какой-то там шир. Интересно.

— Чего это с ним?

— Он тебе тоже представился, — и посмотрев на растерянного оборотня, добавила, — не бери в голову.

И мы начали строить план моего бегства. Вскоре к нам присоединился орк и Ванька. Через множество споров, криков и ругани мы пришли к самому оптимальному решению. Меня будут сопровождать самые сильные оборотни стаи, каковых оказалось пятеро, не считая Алкая. Они доведут нас до первого поста, что как раз займет всю ночь. А дальше Руи пойдет на убыль, и опасность от ликанов будет минимальная. Они вновь забьются в свои логова и будут крутиться возле него, не рискуя заходить в поселки и маленькие города до следующего полнолуния.

[1] Тан = сантиметр

Глава 7 Лучше старый враг, чем новый друг

Закат. Последние лучи касаются поверхности зданий, перед тем как скрыться за горизонтом до следующего рассвета. К воротам приграничного городка Лорк, что был последним островком цивилизации перед Пустынными степями, подъехали два всадника в плащах. Окинув чужаков нервным взглядом, и не решившись провести досмотр, стражники пропустили их. Войдя в город, сомнительные личности в капюшонах спешили и попросту растворились в толпе спешащих по домам горожан. Прошло не более пятнадцати вар, когда двое мужчин снова встретились в переулке не далеко от таверны «Цветок волка». Прирожденные разведчики великолепно знали свое дело.

— Вчера в город прибыла девушка с беловолосым воином. Они остановились вон в той таверне. По слухам, эта таверна принадлежит оборотню, и там принимают только своих.

Количество собранной за несколько вар информации поражало. Но на то они и тайные службы.

— Ты хочешь сказать, что герцог подставил парочку оборотней? Ха, да уж! Я был лучшего о нем мнения.

— Не спеши с выводами, Салван. Они вошли туда, но может их очень быстро оттуда спровадили, — эльф не сводил цепкого взгляда с таверны.

Его мучало нехорошее предчувствие. Именно оно толкнуло обоих наемников в погоню за двумя «некрмантами», искусно подставленными Олсано.

— Нет, они там. Сегодня утром тут ошивались каратели, но войти, как ты понимаешь, не решились. Как-никак стая оборотней. Видимо, решили, как и ты, что девицы там уже нет.

— Думаю, ты прав. Но как она со спутником прошла? — это был животрепещущий вопрос.

— Есть еще кое-что, — наемник подождал, пока маг обратит на него внимание, — сегодня ночью весь город слышал крик банши. Причем впервые за много десятков весен.

— Нам надо подобраться к девчонке. И как можно быстрее, — беспокойство заглушило все остальные чувства. Но эльф сдержался. Не время показывать личную заинтересованность.

— Знаешь, в начале я не видел смысла в преследовании, но теперь готов признать, ты был прав. Они не простые горожане. То, что произошло во дворце, не дело рук герцога. Эти ребята умудрились пошуметь и нанести больший ущерб, чем мы. И как неординарно у них это получилось, аж зависть берет.

— И не говори, отличились, ничего не скажешь. Мало за кем отряд карателей пошлют. Должно быть, они изрядно герцогу насолили.

— Темнеет, может в таверну зайдём? — и наемник с еле заметной улыбкой заискивающе посмотрел на своего напарника.

— Открыто хочешь действовать? Давно я не разминался, — и полу эльф прогнулся назад, потянул спину, поднял вверх руки и несколько раз наклонился в стороны и вперед. Но и упырю ясно, что под разминкой понималось что-то более агрессивное.

Две широкие мужские фигуры, отличающиеся ростом, уверенными шагами направились ко входу таверны «Цветок волка».

Вот и вечер. Я сидела за столиком в обеденном зале и смотрела в занавешенное окно. Шестеро оборотней, полностью экипированные, заканчивали последние приготовления. Единогласно, а скорее единооборотнево, было решено, что отряд будут сопровождать воины в волчьей ипостаси. По их словам, так они сильнее и быстрее, да и луна полная. Хотя и так ясно, последний аргумент оказался самым весомым. Как это песики в третий день луны по лесу не побегают и каждый кустик не пометят. Не выдержит оборотень такого издевательства над волчьей натурой. И поэтому нам выделили еще одну лошадь для вещей. Не могут же они на своих шкурках оружие и одежду тащить. Когда я спросила, зачем им все это в волчьем обликии, получила исчерпывающий ответ. На всякий случай. На какой такой случай, мне даже думать не хотелось. По идее, ликаны к группе из шестерых истинных оборотней вряд ли сунутся. Но как обычно у нас все через нелицеприятные места.

Вану, кстати, меч всучили. Как же радовалось это дите, и радости его не было предела. А проще говоря, она ломала все эти пределы. Стулья, столы, стены, двери, пол и оборотней. Больше никто не рискнул вызвать радость у Ваньки. Оборотни просто забрали меч от радости подальше. А Малыша даже уважать стали, когда он стену проломил. Не потому, что мечом хорошо владеет, а потому, что после погрома, орк ему школу полетов устроил. Ван стену головой сломал, и ничего, встал, даже не пошатнулся. Вот тут его даже орк уважал и вернул меч. За что орка массово проклинали, попинали и заставили меч отобрать. Не тут-то было. Ванюша сдаваться не спешил, и орк вернулся с полным и безоговорочным поражением. Точнее его на носилках вернули. Одна отрада, один из амбаров уже несколько полных лун снести пытались. Больше пытаться не будут.

— Уже темнеет, — Алкай кивнул, — Ван скоро должен привести лошадей. Пора.

— Перекидываемся, — возвестил он на всю таверну.

Звук разрываемой плоти и хруст ломающихся костей заполнил зал. Мне стало дурно.

— Э-э-э... Алкай...

— Что р-р-р-р, — ко мне повернулась искаженная трансформацией морда, — Р-р-р-р...

Из-з-звини... р-р-р.

Легко сказать, я уже готова попрощаться с ужином. Неужели нельзя было сделать свое грязное дело без меня. Еще пара вар жутких звуков в паре с накатывающей тошнотой и передо мной стоят шестеро шикарных рыжих волков. А вот по сторонам смотреть не стоит. Обрывки окровавленной кожи и другого разнообразного месива устилают пол по всей таверне. Жуть какая-то, отвратней некуда. Картина прямо для фрески в замок Всенижнего.

Скрипнула дверь и шесть пар золотых глаз уставились на две вошедшие фигуры в плащах. Лица их были скрыты под капюшонами.

— И кто такой умный оставил входную дверь открытой? — поинтересовалась я, окидывая зверинец осуждающим взглядом. Один из оборотней, самый крупный с кривыми клыками, опустил морду и прикрыл ее лапами. И так мило это было, что даже ругаться расхотелось. Да только орк, которым был этот волк, отнюдь не милый. Крепкий и мускулистый зверь, что стоял возле меня, сердито рыкнул на провинившегося, отчего милаха попытался залезть под стол. И так это смешно выглядело, что я расхохоталась. Представьте себе зверюгу размером с небольшую корову, пытающуюся залезть под ма-а-а-аленький, по сравнению с ней, столик.

Мистер мускул подошел ко мне и ощутимо укусил за руку, мол, тут два

незапланированных свидетеля, а ты хохочешь. А потом еще и рыкнул так, что мне закопаться на месте захотелось

— За что? — я потеряла укушенную конечность. И вот причем тут я вообще? Он же альфа, вот и должен был проверить заперта ли дверь, перед тем как перекидываться, а тут разве что вывески не хватает «заходи, кто хочет». Если так и дальше пойдет, то до заставы донесут только мой хладный и покусанный трупик. И еще неизвестно, от укусов или заикания я издохну.

Алкай снова подошел и потянул меня за рукав, показывая глазами на вход.

— Хочешь, чтоб я их чаем угостила? Да запросто! — каюсь, не удержалась.

Грозный рык со всех сторон. О, а когда это волки успели взять в кольцо наших гостей. Двое стояли перед лицами незнакомцев, готовые в любой момент заблокировать любую атаку. Еще двое стояли за их спиной, тем самым отрезая путь к отступлению. Как слаженно работала стая, аж зависть берет.

— Зачем пожаловали, господа?

— А если за тобой? — насмешливо поинтересовался тот, что был выше своего спутника.

— А если только через ваши трупы? — попыталась скопировать его тон.

— Тогда пострадают твои пушистики, — он развернулся и нагло пошел ко мне. Этот хам смог сделать всего несколько шагов, прежде чем ему преградили путь двое оборотней.

— Не щенки, не заскулят. Перед тобой самые лучшие воины стаи рыжих волков вместе со своим альфой, — и меня поддержали одобрительные подвывания и рычание.

— И что же ты забыла среди них, плакальщица?

У меня упало сердце. Кровь отхлынула от лица, и я почувствовала липкие и влажные руки страха на своей спине. Откуда он знает?

Алкай медленно обошел меня и закрыл своим телом. Другие волки начали сжимать круг. Удар сердца и мощная волчья пасть уже у самой шеи высокого. А я стою и не понимаю, почему не могу поверить в смерть незнакомцев. Да потому, что я не кричала по ним, а значит, никто не умрет. Стало немного легче. Почему он так нагло со мной говорил, как будто мы знакомы? Этот голос я где-то слышала. Пусть его явно изменили, но я знаю эту манеру говорить.

Все еще находясь в задумчивости, я все же не упустила момента, когда темная фигура, уворачиваясь от клыков, откинулась назад, падая на пол и прижимая колени к груди, чтобы в то же мгновение ударом обеих ног откинуть альфу вглубь зала. Двое оборотней в это время опрокинули вторую фигуру. Извернувшись немыслимым способом, невысокий незнакомец оказался на ногах и с мечом в руке. Теперь волки на полусогнутых ногах осторожно ходили кругами, выжидая подходящий момент для нападения.

Высокий же с легкостью разбрасывает лучших оборотней. Шаг назад, захват летящего в его сторону зверя за холку, разворот и волк по инерции летит дальше, снося на пути уже перевернутую мебель. Он не шутил, когда говорил, что стая пострадает. Альфа тоже понимал это и принял единственно верное решение, он рыкнул на оборотней, что нападали на незнакомца. Те покорно отошли в сторону. Сейчас посредине таверны два достойных противника оценивали друг друга. Легкие атаки, направленные на изучение врага, вскоре сменились более серьезными.

Я стояла у стенки и замороженно наблюдала за сражением. То, как двигался наглец, не давало мне покоя. Шаг назад — блок, шаг вперед — атака. Шаг в сторону — уклонение, разворот и контратака. Алкай вовремя увернулся, и удар прошел по касательной, но то, как

рыжий отступал, говорило, что досталось ему изрядно. А я, наконец, поняла, откуда знаю эту технику.

Сейчас фигура в плаще вела не бой, а танцевала танец смерти со своим врагом. Плавные движения, подчиненные ритму схватки. Молниеносные атаки, как очередное сложное па. Я слишком хорошо знаю этот стиль ведения боя. Ведь я сама выступала партнером по этому танцу. Лишь один мастер владел этой техникой. Он сам придумал ее, подстраивая под себя. Искусство вести схватку, как партнера в танце, было подвластно лишь ему. Он мог танцевать танго с многими партнерами, как пару вар назад, а мог вести бой с одним противником, кружа его в вальсе, как он поступал сейчас с Алкаем. Ритм и последовательность его движений невозможно отследить, так как он постоянно меняет их, комбинируя новые. Завораживающий стиль. Настоящее произведение искусства, созданное лишать жизни.

Со спины к высокому крался оборотень, что метил ему точно в сонную артерию. Промедление смерти подобно. В данном случае так и было. Здесь и сейчас для меня был только один враг, преданнее самых верных друзей. И я, что есть мочи, закричала. Реакция была мгновенной. Массовый ступор. Да только волк уже прыгнул. Растерявшись, он просто снес фигуру в плаще.

— Хватит!

— Как властно, — раздался голос где-то снизу, — не замечал за тобой замашек руководителя.

— А я надеялась, что больше никогда тебя не увижу, Широварт ла Эк. Как неприятно ошибаться.

— И тебе светлого и ясного чего-то там, Суара. Успокой своих пушистиков, а то в массовую истерию скатятся, — поднимаясь с пола, сказал мой враг.

— Я просто так крикнула, Алкай. Никто не умрет. Они не враги нам, — фигура в плаще хмыкнула. Дождавшись кивка от альфы, я снова обратила свое внимание на высокого.

Он медленно скинул свой плащ, и все присутствующие узрели высокого светлого эльфа. Его сапфировые, кошачьей формы глаза смеялись. Мягко очерченные, полные губы, с более узкой верхней, растянулись в предвкушающей улыбке. Мощный квадратный подбородок, который никак не мог принадлежать светлому, придавал мужественности первородному. Слегка смуглая кожа, стройное, но крупное и мускулистое тело не слишком соответствовало образу эльфа из Хустальных лесов. Его золотые волосы были заплетены в боевую косу дреу, с десятками вплетенных хрустальных игл, и он прекрасно умел ей пользоваться. Последний раз я видела этого полуэльфа около пятидесяти весен назад. Он почти не изменился.

— Какого недобитого упыря, ты здесь делаешь?

— Вот этого я и ждал, а то не враги, не враги. Я, между прочим, твою шкурку спасти решил.

— А кто тебя просил, эльф недоделанный? Приперся и всю мою охрану в негодность привел? Ты скорее меня угробишь, чем спасешь, — как же я его ненавижу, сил моих нет.

— О как. Ты считаешь, что парочка блохастых тебя спасет? Ты всегда туго соображала, но чтоб настолько, — и этот разрушитель моего спокойствия поднял стул и, как ни в чем не бывало, сел на него.

— Какого расселся, я тебя не приглашала. Зад свой подними, ошибка недальновидной эльфийки.

— И это мне смертью обласканная истеричка говорит. Забавно. Так куда собралась, проблема глобального масштаба?

— От тебя подальше.

— К дядюшке Баску под юбочку, значит. Вот и хорошо. Ноги в руки и вперед. Нам до рассвета к заставе попасть надо, — и он спокойно поднялся и зашагал к двери.

— Вот и шуруй, чтоб тебе ликаны уши обгрызли, — я демонстративно повернулась к нему спиной, — меня оборотни больше устраивают.

— Я не понял, ты снова на вызов нарваться хочешь. Так мне не сложно, пять вар и бой окончен. А можем не тратить драгоценное время из-за твоей фантомной гордости и двинуться в путь. С нами идут только двое блохастых, — и он пальцем указал на избранных, — альфа и тот с кривыми клыками. Все, двигай, причина моих мигреней, — и, позвав своего спутника, который так и не открыл нам личико, вышел.

А я уже успела позабыть, за что так ярко его ненавидела. Теперь вспомнила.

— Простите, я не думала, что так все обернется. Нам лучше поторопиться, а то связанной на лошади жутко неудобно ехать, — попыталась я оправдаться перед оборотнями. Вышло как-то не очень.

На улице я встретила сонного Ваньку, который все время разборок просидел в конюшне, а точнее проспал, если судить по виду. Повезло. Рядом стоял полу эльф со своим другом и наши лошади. Я решила игнорировать Широ и говорить с ним только в случае необходимости. Вот и сейчас я просто села верхом на коня.

— Ван, садись на Палю, мы выдвигаемся, — в это время оба оборотня присоединились к нашей веселой компании.

— Хорошо, а кто это? — и он указал пальцем на незнакомых ему личностей.

— Да так, обуза. Не бери в голову. Садись в седло, — и тут я услышала слова низкого.

— Твоя знакомая с характером, Вартек, — его голос был низким и каким-то холодным.

— Она не знакомая, — безразлично бросил Широ.

— А кто?

— Naice ore пуа [1], - и естественно эту эльфийскую фразочку я не поняла, но готова дать голову на отсечение, это что-то ругательное и в мою сторону.

— Раз так, может, представишь меня? — и мужчина снял капюшон. Темноволосый, крепко сложенный наемник. Ничего особенного, кроме ледяных серых глаз.

— Суардана — Салван, Салван — Суардана, вечная заноза в моей заднице, — и отвернувшись, эльф пошел к своей лошади.

— Светлого будущего, Суардана, — он явно хотел быть вежливым, но лужица под копытами вороного все равно коркой льда покрылась.

— Ясного настоящего, моего спутника зовут Ван, а двух оборотней, Алкай и Грог, — я решила сразу представить своих сторонников. Наемник кивнул, выражая приветствие.

— Долго болтать будете? Поехали.

И мы тронулись к выходу из города. Луна ярко освещала узенькие улочки и крыши домов. Наверно, поэтому мы сразу заметили карателей, движущихся к нам. Широ повернулся и приложил указательный палец к губам. Потом сделал несколько пассов рукой, и нас накрыло рябью заклинания невидимости. Вот только если кто-то из карателей заденет границу полога, она тут же рассеется. Это касалось и тех, кто был внутри, поэтому все замерли, а кто-то даже дыхание задержал. Подозреваю, это была я. Оборотни грозно скалили зубы, но не производили ни звука.

— Они ушли. Будем прорываться к восточным воротам, двигаемся шеренгой по двое. Я и Салван впереди, ты и твой раб за нами. Оборотни замыкающие. Все ясно? — мы дружно

закивали. Сейчас перед нами был глава разведки и искусный стратег. Даже я не рискнула бы оспорить его решение.

— Тогда не отставать и быть начеку.

Через два квартала и узкий переулок мы вышли к небольшому открытому пространству перед воротами. Здесь спрятаться возможности не было. Прорваться можно только боем, если заметят. Я украдкой глянула на эльфа. Первородный напряженно думал и прикидывал в уме наши шансы. Как же давно мы не виделись, а я до сих пор могу догадаться, какие мысли посетили его, лишь по лицу.

Снова он ведет меня в Хрустальный лес, да только ситуация намного серьезнее. Эльф даже разговаривать со мной не стал. Так, перекинулся парой фраз, узнал все, что ему было нужно, схватил за шкуру и потащил в родные пенаты. В этом весь Широ. Он всегда был максимально сосредоточен, когда грозила опасность, и никогда не тратил время на пустые разговоры. У нас еще будет время поговорить, а сейчас все эти существа рискуют ради меня жизнью. Ну, допустим Ван исключение, он еще и свою шкуру спасает. Но как же мне не хочется, чтоб меня снова спасали. Опять позорно явиться к Владыке в сопровождении телохранителя, это так унижительно. Будто я вечно в нем нуждаюсь и не могу без него. Неоплатный долг получается. Широ всегда говорил, что я не могу нормально постоять за себя. Впервые я докажу ему обратное и откажусь от его помощи. Но если просто попрошу его оставить меня, получу кляп в рот и попой кверху прибуду к эльфийскому двору. Так еще ужасней получится. А вот если...

— Ван, ты можешь заставить всех двигаться как во дворце? — Малыш задумался.

— Наверное, а что?

— Сделай, а, — и уже ему на ухо, — для всех, кроме меня, тебя и оборотней.

— А кони? — шепотом спросил он.

— Вороного и Палю не трогай.

— Хорошо, я попробую.

Как же мне не нравится его «попробую». Этот план и так дырявый до нельзя. Авантюра, ничего не скажешь. Или получится или кляп и позорная транспортировка. Но не могла я не рискнуть. Ванька тем временем закрыл глаза и снова сделал тот же жест руками, что и в прошлый раз, но уже без крика. Ух ты, учится на своих ошибках, прям не верится.

Я посмотрела на эльфа и наемника, никакой реакции. Аж плакать захотелось.

— Не сработало, — обреченно вздохнула я, повесив нос.

— И не могло сработать, — я подняла глаза на говорившего и наткнулась на мрачную эльфийскую морду, — на мне блок, а Салвана и лошадей я закрыл щитом, когда почувствовал сырую магию. Но на стражу и карателей подействовало. Проблема решена, — и он победно оскалился, — стараниями твоего раба.

Вот же сволочь! Конечно он услышал наш разговор, вон какие уши отрастил. Ждет меня теперь расплата за глупость.

— Дракон меня задери, — выругался на всю улицу светлый. Я не сразу поняла, что произошло. Оказывается, магия моего сломанного мага такая же ненормальная, как и он сам. Не спасли эльфенка блоки!

— Чешуйчатая морда василиска, получилось! Ванюша ты золото, — с боку раздался рык. Понятно, оборотней зацепило все-таки, — низкопробное золото. И что теперь без волков делать? Да нас еще на подходе к заставе схрумкают. Темень! Паля, вы с вороным сможете до рассвета скакать без остановок?

Кобыла задумалась, а потом энергично закивала.

— Отлично! Малыш, скачем во весь опор. Что бы ты ни услышал, не останавливайся. Понял меня? — он кивнул, а я повернулась к отплясывающим — пока Ширчик, буду изо всех сил стараться больше никогда не лицезреть твою вислоухую мордашку.

Эльф аж зарычал от бессилия. Он ненавидел это состояние всей душой и не привык терять контроль над ситуацией. Широ всегда все подмечал, но сейчас не учел лишь одного: Ван не раб и далеко не человек, за что и поплатился.

Как долго будет действовать заклинание, я не знала, а значит, нужно как можно быстрее бежать из города. Мы вылетели за ворота, как будто за нами сам Всенижний гнался. Не сбавляя темпа, лошади проскакали почти до самого рассвета. Дикий вой, скрежет клыков и завывания ветра остались позади. Несколько раз нас нагоняли отдельные особи ликанов, но нам удалось избежать встречи с их пастями. Впереди уже виднелась застава. Небольшая полянка, на которой стояла хижина. Два орка топтались снаружи и, завидев нас, тут же выхватили оружие. Значит, пропускать не собираются. Да, собственно говоря, они никогда и не пускают на территорию степей чужаков. Увы, пройти болота, окружающие степи по всему периметру, можно только в нескольких местах, где и расположились заставы. Что же делать?

— Выхода нет, придется напролом, — и я пришпорила и так бегущего на пределе коня. Пена из его рта уже струйкой стекала по подбородку. Потерпи милый, скоро передохнем.

Из хижины выскочило еще два орка. Всевышний помощи. Паля и вороной почти одновременно влетели на поляну, а дальше Ван поскакал один. Кто-то из орков схватил меня за ногу и сдернул с коня. Совершенно точно, что-то отбила. Лежу на боку, поджав колени, и пытаюсь прийти в себя. Орки тем временем начали окружать меня. Извернувшись, выхватила два ножа и попыталась подняться, одновременно выглядывая Вана. Его не было видно. Хорошо, значит прорвался. И я натянуто улыбнулась. Четверо громил неумолимо приближались, позвякивая железом. Ну что ж, готова признать — план был дрянной. Но зато перспектива не видеть больше Широ и не слушать насмешки с его стороны, откровенно радовала. За мыслями я пропустила пинок в живот и грохнулась на колени. Надо мной занесли огромный меч. Вот и все. Прости меня, Баск.

Я ждала удара по голове, но его не последовало. Пришлось поднять глаза. Орк застыл и смотрел куда-то мне за спину, как и его соплеменники. Обернулась я мгновенно и увидела высокую белокурую фигуру, что стремительно приближалась к нам. Что ж ты творишь, дурак? Бежать надо было. Орки явно были более заинтересованы в Ване, чем во мне. Этим я и воспользовалась. Не поднимаясь с колен, я нанесла два удара в бок ножами на одной незримой вертикальной линии, один чуть ниже другого, а потом, не вынимая оружия из плоти, и чувствуя, как теплая кровь течет по ладоням, протянула их к другому боку, почти разрезая жертву пополам. Не будь мои ножи идеально заточены, мне никогда не хватило бы на это сил. Согнувшись пополам, хрипя от боли и истекая кровью, орк упал на землю. Трое других с удивлением смотрели на все это. Да, я умею убивать, и делаю это профессионально, если такова необходимость. Ведь меня учил Широ.

Скучать оркам не дали. Малыш сходу, прямым в челюсть, уложил одного. Тот даже янычар поднять не успел. Ничего себе скорость. Уход от булавы влево, прогиб назад и он увернулся от ятагана. Быстрое движение и ятаган в руках у воина. Разворот, и очередной противник падает на землю немного позже своей головы. Двое оставшихся (сбитый нокдауном, шатаясь, поднялся) с дикой злобой кинулись на Малыша. Вот он исчез, а через

мгновение снова стоит на том же месте. Орки, пропоровившие воздух, где стоял и сейчас стоит Ван, остановились спинами друг к другу. Неужели они его ранили. И тут оба врага закашлялись и упали, как подкошенные. У одного было перерезано горло. Он почти сразу распластался по земле, заливая ее своей кровью. А другого пронзило насквозь в области сердца. Это было видно по выходному отверстию, когда он лежал лицом вниз. Невероятно. Как ему удалось?

Малыш медленно повернул ко мне голову. Больше я не хочу знать почему и как. Только бы начать снова двигаться. Его ледяной и высокомерный взгляд опять поверг меня в ужас.

— Не... не... — он легким, отточенным движением оказался возле меня, а я не могла выговорить и слова, только пялиться на него снизу вверх. Вот это скорость!

— Я не знаю кто ты. По мне, так пыль под ногами, не стоящая внимания. Но уже дважды из-за тебя я прихожу в себя. Почему?

Вопрос прозвучал как приказ, а я поняла, что просто обожаю своего придурковатого Ваньку и безумно хочу его назад. А еще мне стало обидно за себя так, что страх куда-то ушел. Меня так никто не унижал раньше, даже Широ.

— Это твоя голова с катушек съехала, не моя. Вот и поинтересуйся у нее, — его левая бровь чуть дернулась вверх и это все, что выражало его удивление. Не лицо, а непроницаемая маска.

— Дерзкая, такие долго не живут.

— Нашел чем удивить. Так убивай, давай. Чего медлишь? Я тут, как бы, не сопротивляюсь даже. Ты же любишь безоружных и беспомощных душить, так вперед, — демонстративно развожу руки в стороны и запрокидываю голову. Слышу шипение и скрежет зубов. Сразу улыбнуться захотелось. А он что думал, я его любопытство поспешу удовлетворить. Нетушки. Мучайся неизвестностью.

— Ты отнюдь не беспомощная, — прорычал он, указывая на почти разрубленного орка, точнее, его труп. А мне вот о чем подумалось. Во-первых, где Паля? А во-вторых, чего это он вернулся? Размяться решил?

— А что ты вообще тут делаешь?

— Ты притащила сюда, забыла? — язвительно так, чуть наклонив голову, напомнил воин.

— Да что ты? Неужели? Ты вроде как уже за пять тат отсюда должен быть, — снова полу рык, полу вой. А я совсем смелеть стала. Раз до сих пор жива и здорова, то не убьет и сейчас.

— Меня он попросил, — нехотя призналось это самоуверенное существо, — сказал, что только ты сможешь нам помочь, — уже прошипел он.

— Он это...

— Мое второе, бесхребетное я. Вопить начал, что ты умрешь, и я опять засну.

— Как интересно. А ты помнишь все, что делает твое второе я? — не, ну надо же знать. А то вдруг, когда я с Ванюшей спала или в рубахе одной разгуливала, этот монстр все видел и чувствовал. Бр-р-р-р.

— Нет, только то, что он захочет мне показать, — как-то зло он это произнес. С чего бы? Или Малыш — это его активное я, а маньяк — пассивное? Ха-ха. Ну и попал мужик Сумасшедший диктует на что тебе можно смотреть, а на что смотреть мал еще. Или выгуливает тебя раз в полнолуние. Ха-ха.

— И что смешного?

— Да вот думаю, какой же Ванятко могущественный оказывается. Такого маньяка подавил в себе, аж гордость берет.

— Я ведь не мое ничтожное второе я...

— Скорее ты второе, а он первое, — перебила я.

— ... я и покалечить могу, даже не задумываясь.

— И чем это тебе поможет, позволь узнать?

— Это мой маленький каприз.

— Капризный ты наш, где кобылу посеял? — спросила, вставая на ноги.

— Она попыталась меня скинуть.

— Она не пытается, она скидывает, — и я пошла вглубь степей подальше от кровавой заставы.

— Мне нужно в долину.

— И что дальше? — все еще иду, а он стоит.

— Это в другой стороне, сверни.

— Даже не подумая, я иду куда надо.

— Ты же не знаешь где долина? — медленно двинулся за мной.

— И знать не хочу, — пошел чуть быстрее, но так, чтоб гордость окончательно не уронить.

— Стой, я сказал, мы идем в долину.

— Ага, уже бегу, падаю, поднимаюсь и опять бегу, — на самом деле еле ковыляю прихрамывая, а этот догоняет.

— Я не собираюсь идти туда, я иду в долину и ты со мной.

— Счастливого пути, и чтоб ликаны тебя покусали, — как будто его «не собираюсь идти» меня в какую-то там долину ползти заставит, — Паля, девочка, ты где?

— Кого ты зовешь? — воин сравнялся со мной.

— Кобылу, которая тебе мозги вправит, пока ты еще кого-нибудь за компанию не порешил.

— Хватит, — он встал передо мной, заставив остановиться, налетев на него.

— С ума сошел, я и так часто с землей сталкиваюсь, а тут еще и со стенкой обниматься, увольте, — и я вырвалась из его рук.

— Ничтожество, ты даже мизинца моего не стоишь. И зачем я вообще опустил до общения с тобой, — он развернулся и пошел в другую сторону.

— И правда, зачем? Боишься очнуться в следующий раз с ножом у твоих драгоценных волос? — он аж споткнулся, а я кое-что поняла. Каждый раз, когда Вана пытались остричь, он не помнил, как умирали те, кто пытался это сделать. И убивал их явно не мой Ванька. Логично предположить, что Малыш никогда не помнит своих приступов раздвоения личности, как и в последний раз.

— Откуда ты знаешь?

— А ты не помнишь? — провокационно начала я, — как так?

— Я почти ничего не помню после определенного момента, — растерянно произнес он. О, а это что-то новенькое. Растерянность у такого типа. Держите меня семеро.

— А ты попытайся вспомнить, вдруг у тебя третья личность имеется, — продолжила издеваться я.

Тариван, ни с того, ни с сего, вскинул руки и схватился за голову. Я подошла ближе и встала перед ним. А он застонал и опустился на колени. Осторожно наклоняюсь и

заглядываю в глаза, которые уже открылись, а там... пусто, девственно пусто и взгляд щенячий.

— Ванька! Ура, наконец-то!

— Дана, у меня голова болит...

— Еще бы после столь длительного паразитизма маньяка.

— Что случилось? — он приподнял голову и убрал руки от головы. Я тоже встала на колени, и взяла его лицо в свои ладони, при этом купаясь в бездонном изумрудном море, что плескалось в глубине его глаз.

— Раздвоение личности, Малыш. У тебя раздвоение личности. И поверь, ты лучшая своя половина.

Предраассветный туман окутал дорогу, что много столетий пролегла через лес. Единственная возможность не попасть в трясины, держаться ее (дороги). По дороге, усыпанной песком и камнем, стремительно скакали два всадника. Путь их лежал к восточной заставе.

Дикий вой раздавался набатом в лесной глуши. Беловолосый маг нервно вздрогнул. Нет, он не боялся умереть, иногда он даже желал этого в глубине души, но сейчас его волнение было направленно на спутницу. Ее судьба волновала его гораздо больше, чем должна была. Когда воин успел настолько привязаться к этой женщине, что стал жить ею? Жить ради нее.

— Дай мне выйти, и я уничтожу всех наших врагов, — раздался голос в голове мага, — тебе нечего будет бояться.

— Я не боюсь.

— Правда? А я чую твой страх, выпусти меня, — слегка раздраженно потребовал голос.

— Я страшусь не за себя.

— За нее? — с отвращением выплюнул голос, — не смей меня. Она не что иное как пресмыкающееся, у наших ног.

— Она спасла нас.

— И как же? — зло бросил голос, он терял терпение. Слишком долго не мог воин взять контроль. Сейчас он жаждал этого больше всего.

— Не знаю, но ты пробудился благодаря ей. И мы в долгу за свою спасенную жизнь.

— Она никогда не спасала нас, — взревел запертый воин, — я бы убил всех, кто попытался бы хоть взглянуть не так на нас.

— Она не дала нам умереть от безысходности, — спокойно ответил маг, — мы были в глубоком сне, мы умирали внутри своего тела, медленно и мучительно. Она пробудила нас. Мы начинаем вспоминать.

— Нет! Она ничто. Она не существует. Я убью ее...

— И убьешь нас, — перебил маг, — мы погибнем без нее. Мы погибнем от тоски по ней.

Воин замолчал. Он давно чувствовал связь, что тянулась от девчонки к ним. Тогда, в лесу, он впервые сомневался в правильности своего решения. Он желал убить ее и ненавидел себя за нерешительность. Ее глаза были полны непонимания и надежды. Никогда его жертвы не теплили надежду. В их глазах он видел обреченность. Так почему та немочь смогла одним взглядом уничтожить всю его стальную, возвращенную на лишениях, волю? Почему он хотел

оправдать ее надежду? Почему он знал, что разожмет хватку на ее шее? Власть этого существа над ними вызывала жгучую ненависть к ней и себе. Воин горел этим чувством и ждал их следующей встречи, где его воля победит ее. Он знал, что врет сам себе, но никогда не признается в этом.

— Спаси ее.

— Нет! — яростно взвыл воин.

— У нас нет выбора, она дорога нам, если не поторопишься, все будет потеряно. Я отпускаю тебя.

— Наконец-то!

— Она в опасности! — испуганно закричал маг.

— Кто посмел? — рык вырвался из горла обрядшего контроль воина, — Они уже мертвы! Разорву!

От этого рева, взбрыкнула кобыла и сбросила воина. Кашир грациозно извернулся в полете и приземлился на ноги. Не теряя ни минуты, он ринулся в сторону, где от рук степных орков медленно, но верно погибало его проклятье и его спасение.

Словарь

[1] Naice ore нуа — боль души моей

Глава 8 Никогда не жалейте розовых и пушистых!

Жизнь — это юмор. Иногда черный, иногда белый, а иногда плоский.

Вот уже пять рассветов, как мы слоняемся по степи. Ну почему у меня все через одно место? Вот как я не заметила, что свернула не туда? Ума не приложу. В результате ищем другой путь, который упорно не хочет находиться. У нас на хвосте злющий эльф, лучший воин Хрустальных лесов, и парочка оборотней с наемником неизвестного назначения. Думается мне, сверни мы правильно, уже мучительно раскаивались бы в этом. Только по этой причине я все еще ищу другой ход.

— Ванька, я есть хочу-у-у-у...

— Остановимся и сварим кашу?

— Ненавижу кашу, умру, если еще хоть ложку придется проглотить!

Вам интересно, почему у меня сформировалось столь сильное негативное чувство к бедной каше? Да потому что мешки с овощами, хлебом, мясом и сливовицей на груженной вещами лошади остались. Какой идиот предложил облегчить мою лошадь? Знаю, то огонек клыкастый, оборотень его покусай...э-э-э... упырик погрызи. Из-за этой «гениальной» идеи я вынуждена пятые сутки давиться кашей неизвестного происхождения, без соли, без перца и без масла. Темень! Я убью оборотня! Одна радость, когда навешали мешки с продовольствием и оружие на бедную животинку, места для одежды наших пушистых не осталось, и ее на Палю взвалили. Надеюсь, эти изверги околеют нагишом в степях. В противном случае обмен не равноценен. Как же кушать хочется.

— Ванюша, может ты создашь какую колбаску, а? — щенячьими глазками смотрю на него.

— А как?

— Из воздуха.

— Я не умею

Не подействовали телячьи нежности. Да уж, умильная мордашка, это козырь Мальша. Мне далеко до него. Практики не хватает.

— Все, если через пол рассвета не найдем чего поесть, я перейду на подножный корм.

— Это как?

— Встану на четвереньки и вместе с Палей буду жрать сочную травку, мням. Она намного привлекательнее каши, — кобыла аж с шага сбилась. Конкуренции боится что ли? Ну так вполне обоснованно. Все сожру! Паля, кстати, сразу после преобразования маньяка в Мальша к нам явилась. Где пряталась эта трусливая предательница, не знаю, но рожа больно довольная была. Не меньше чем поле ромашек прикончила, заедая стресс.

Предаваясь унылым мыслям, мы подъехали к перекрестку. И куда дальше? Всего ван и меня охватило отчаяние. Я закричала во все горло. Плохо дело. Кто-то умрет, и этот кто-то по левую сторону от нас. Я его чувствую. Решено, едем налево!

— Ты как?

— Нормально, поехали туда. Там умирающий наш, — и я тронула коня.

Около вата мы ехали по узкой дороге, кое-где сужающейся до тропки, и тогда мы пристраивались друг за другом цепочкой. Впереди виднелось небольшое озеро и странная

фигура на его берегу. Непонятное существо сидело, опустив ноги в воду. И все бы ничего, но это нечто было розововолосым. Как такое возможно? Длинные, до талии, розовые волосы! Упитья и не жить!

— Э-э-э-э... это что? — растерялся маг. Я разнообразием речи в тот момент мало отличалась от Вана.

— Ну-у-у-у... э-э-э... простите... э-э-э... дух?

Незнакомец повернул голову и грустно посмотрел на меня своими абсолютно розовыми глазами.

— Э-э-э... призрак? — он покачал головой, — маг, жертва неудавшегося эксперимента, эксцентричный некромант?

Он печально вздохнул.

— Не трудитесь, не угадаете.

— А вдруг... хотя чего это я? Ван, поехали, хватит нам и одного ненормального в нашей развеселой компании.

— Они так же сказали, — безразлично произнесло нечто.

Мне не интересно, мы едем дальше. Любопытству нет, силе воли да-да-да! Да упырь с ней, с силой, которая воли.

— И кто это они?

— Все мои сородичи. Они тоже не хотели иметь со мной ничего общего, — и розовый поднялся.

Не спеша, он пошел вдоль берега. Чуть выше меня ростом, худой, едва там мышцами пахнет, но фигура пропорциональная. Лицо миловидное, красивое, с мягкими чертами, как у девушки. Однако орлиный нос и более грубый подбородок дают закрасться подозрениям относительно его женственности. Одет изысканно — кожаные, расшитые золотыми узорами, а может и золотыми нитями, штаны и камзол для верховой езды, черного цвета. Белоснежная рубашка, так же расшитая и с оборочками у ворота. На манжетах рубиновые запонки, предполагаю, настоящие. Из обуви высокие начищенные сапоги, что сейчас сиротливо остались стоять чуть в стороне. Под камзолом виден пояс с ножнами, где спрятана сабля. По поверхности рукояти тянется вязь из белого и желтого золота, думаю, и лезвие так же расписано. В волосах, ранее мной не замеченная, инкрустированная розовыми рубинами золотая, тончайшей работы заколка, удерживающая собранные у висков пряди на затылке. И это утонченное существо продолжало своими аристократичными шагами мерить уступ берега. Через пару шагов раздался хруст под его босой ногой и обреченный стон «опять».

Что значило это опять, я не знаю, да и не до него как-то было. Тут такое случилось. Наш случайный встречный просто-напросто сгорел в розовом пламени и осыпался пеплом. Оригинальная смерть. А через ван меня потянуло петь. Значит, вот кто наша запланированная жертва. Я спешила, чтоб не сбиться с ритма, и запела.

Я в гробу живу давно
Но бессмертен я зато.
Упырем меня зовут,
И зомбякой кличут.

Я не злое существо,
И хорошим был я до.

Но ужасный некромант
Здал меня на провиант.

А я Машеньку люблю,
Каждый день я ей пою.
А она мне в сердце кол,
И от этого я зол.

Я подарок ей нашел,
И к порогу подошел.
А она меня долой.
Не по нраву дар ей мой.

Я ей почку подарил,
Не свинячью, говорил.
Из своих запасов личных,
Отодрал у птичек хищных.

Не поверила она,
Не поверил бы и я.
Почку из себя достал,
И с посыльным отослал.

Не взяла подарок мой,
Из сердца вон, с дум долой.
Раз не хочет быть моей,
То останется ничьей.

Ночью в домик заглянул,
И придвинул к двери стул.
Как же бегала она,
И убилася сама.

Я лишь коготь подточил,
И об этом я забыл.
И разрезал когтик мой.
И сердце вон, и жизнь долой.

— Что за бред? — возмущению моему не было предела. Я вообще черным юмором не страдаю. Так откуда вот эта песенка взялась?

— А-ха-ха, коготь подточил, ах-ха-ха... — да уж, иногда у болезного с юмором все в порядке, но почему именно сейчас?

— Хватит гоготать, ничего смешного в этом нет, тут чело... кхм... неизвестно что пеплом осыпалось, а ты над его останками слезы от смеха проливаешь, — попыталась прекратить я приступ.

— Гы-га-га, кхм... ха-хм-хм-ха...ах-ха-хмх!

И что это за предсмертные хрипы? Поворачиваюсь, а розовое нечто, что пять вар назад горело розовым пламенем, держится одной рукой за живот, а второй безуспешно пытается закрыть себе рот. Не, я ошиблась, это послесмертное гоготание.

— И что, зомби сгрызи, здесь творится? — и новый приступ хохота с обеих сторон, слаженно так.

— Ну ты даешь... ах-ха... я прям не поверил, что ты банши, когда петь начала... ха-ха, — возвестило это нечто, — да за такое я готов хоть каждый ват с жизнью прощаться.

— Ты уже с ней попрощался. Вали отсюда, дух эксцентричного существа, куда там вас уносит? Вот прямо туда и побыстрее.

— Прости, плакальщица...

— Дана.

— Дана, но я не унесусь в райские кущи пинать облачных пони и упиваться запахом божественных цветов.

— Само собой. Всевышние тебя и на десять тат к своей обители не подпустят. На кой им розовое пожарище в Светлом мире.

— Жестокая ты, — обиженно сказала нечто.

— Мне говорили. Так что это все значит? Тут и духу твоего быть не должно, в буквальном смысле, а ты вот стоишь и на смех меня поднимаешь, — грозно смотрю на духа, которого и след простыть должен был.

— Туго соображаешь банши...

— Дана!

— Я не дух, я вполне жив, здоров и осязаем. Можешь проверить, — и он протянул мне руку, а я попятилась. Тут непонятно что творится, а он мне руку тянет. Я не самоубийца.

— Ваня, дотронься до него, будь другом.

— А зачем?

— Ну, понимаешь, он поздороваться хочет, а я, как бы это... — и вот что ему сказать, что тебе уже все равно хуже не будет, а я жить хочу. Грубо как-то, — я леди и со мной за руку не здороваются, — пришло мне в голову, — короче, пожми ему руку и все!

— Хорошо.

И он подошел к розовому. Тот, ранее протянутую тыльной стороной ладонь, повернул ребром для рукопожатия, и их руки встретились. Я даже дышать перестала. Увы, рука Вана не прошла сквозь протянутую ему в ответ руку духа. А значит, никакой он не дух. Плохо, просто ужасно. Что же такое нам попало на пути? Так, спокойно. Хватаем Вана и бегом отсюда. А то пока будем разбираться, что же он такое, нас быстренько закапают и пеплом могилку посыплют, тем самым... э-э-э... тем, которого уже нет. Что за ерунда? Куда пепел делся? Если только...

— Ван, тащи-ка его сюда! — розововолосый попытался выхватить свою руку у Вана, но не тут-то было. Малыш одним рывком притянул его к себе, схватил за плечо и повел ко мне.

— Слушай, возрожденный, а где пепел? — заискивающе интересуюсь у изрядно побледневшего шутника.

— Так развеяло его. Раз и нету, — неуверенно улыбаясь, попытался он обмануть меня. Ага, уже поверила, аж раз десять как.

— Ты мне зубы не заговаривай, сама это умею. Ты, значит, из пепла возродился? — молчит, — а кто у нас из пепла возрождается? — как партизан молчит, и зло глазами в меня молнии метает.

— Какой же ты не образованный, — обожу Ваньку и насупившегося пленника по кругу, и, издеваясь, продолжаю, — что, никаких вариантов? Жаль, как жаль. Так и быть, я тебе открою этот секрет. Единственные, кто возрождается из пепла, они же и бессмертные, это фениксы. Правда, вот не задача, встретить в наше время феникса невозможно, так как они вымершими по меньшей мере весен пятьсот как считаются. А тут раз и феникс. Да еще ты что-то про сородичей говорил. Ну и конспирация!

— Хочешь перья содрать? Так тебе еще меня заставить истинный облик принять придется. А тут ты не справишься, и никто не справится, — ехидно скалится феникс. И что интересно, нет страха в его глазах.

— Дана?

— Да Малыш — переключилась я на Вана.

— А он феникс?

— Да.

— Ух ты! А что он может.

Вот чувствую, в интересах сохранности тушки розового не стоит рассказывать Вану о фениксах. Он же его на обереги разорвет. Исключительно из любопытства.

— Малыш, давай потом, а? — он кивнул, соглашаясь.

— Какие-то странные у вас отношения, — подал голос, слегка удивленный феникс.

— Какие есть.

— А вы кто вообще?

— Меня Дана зовут, его Ваном, он мой друг.

— А больше на ребенка или любимого раба похож, — не знал он, как точно описал наши отношения, а я его просвещать не собиралась.

— А ты кто такой? — феникс дернул плененным плечом, видимо затекшим от лапищи моего раба, — Ванюша, дапусти ты его, сбежит, страдать не стану, — и мой недомаг отпустил плечо розового. Тот осторожно отстранился от Ваньки, опасливо косясь на него и растирая плечо.

— Мое имя Ласкан зи Верт Нало, я изгой, — на последнем слове он скривился как от зубной боли.

— И что это значит?

— Что меня изгнали из клана, — нехотя пояснил он.

— Слушай, меня мучает вопрос. А все фениксы розовые? — как он покраснел, если б чуть другой оттенок, то с волосами слился бы.

— Нет, я единственный, — буркнула птичка в ответ.

— Тебя из-за этого изгнали? — опять пуляет молниями в меня.

— Слушай, а ты всегда так над трупами глумишься? — бросила на него испепеляющий взгляд. Розовый, а такой колючий.

— Один-один, Ласка, — зарычал. А я думала фениксы — это птички. Хищные что ли?

— Ласкан! Я, между прочим, из знатного рода, простолюдинка!

— Ага-ага, — покивала как болванчик, — это из которого тебя турнули?

Кто-то обиделся.

— А тебе чего вообще от меня надо, плакальщица-извращенка? — сложил руки на груди и грозно смотрит.

— Да, собственно, ничего, — пожала я плечами, а он удивился. Еще бы, как это я его пернатое высочество ободрать не хочу. Ведь перо феникса, а точнее пепел от сгоревшего

пера излечивает любые раны.

— Хотя, — он презрительно ухмыльнулся, — зря делаешь поспешные выводы птичка, оставь при себе свои перышки. Мне бы дорогу узнать.

— А куда вам надо? — уже более дружелюбно спросил Ласкан.

— В Хрустальный лес.

— А зачем? — нахально интересуется.

— А тебе все знать надо. Идем, значит, есть причина.

— Я вот о чем подумал, ты ведь банши, вымирающий вид, — я скривилась, говорит обо мне как о животном, — а раз к эльфам идешь, значит, они тебя приняли.

— Необязательно, — протянула я, — так к чему ты клонишь?

— Если я прав, то они тебя укроют. А я ведь тоже... — договорить не дала.

— А ты тоже птичка редкая, и одной летать — значит пеплом землю посыпать каждый рассвет. Так? — он кивнул.

Смотрю на розовое чудо, а оно мне слезную мордочку строит. И ведь внутри ни капельки не розовый и не пушистый, а все равно жалко. Ну что за жалостливая у меня натура. Вон Широ же не пожалела. Хотя жалость к этому извергу он сам же у меня и отбил.

— Ладно, огненный наш, пойдешь с нами. Но если доставишь проблемы, мигом браконьерам сдам, — лихорадочно закивал, — так куда идти?

— А вы правильно шли, вот по этой тропинке через тринадцать рассветов до самой заставы и дойдем.

— Тринадцать? Так мы только шестой рассвет в степях, а до лесов минимум двадцать два. Ты что-то пугаешь.

— Нет, это короткий путь. О нем никто почти не знает, — и Ласкан самодовольно ухмыльнулся, — его мои предки проложили, чтоб незаметно по степям передвигаться.

Понятно, как целый клан фениксов скрывался от мира.

— Русалку гному в жены! Так это же великолепно!

Получи Широ, распишись под поражением. И я крепко сжала феникса в объятьях. А отпустила уже пепел. Удивляться своей силе, раздавившей птичку, времени не было, так как песенка полилась в тот же момент.

У вампира клык отпал,

И куда-то ускакал.

А на ужин у бессмертной знати,

Девственница в льняном халате

Как кусать теперь прикажешь,

И на дверь ей не укажешь.

Плакать собралась она,

В пасть полезла и сама.

И спросил ее вампир:

— Что это за номер?

Доставая с пасти шею

Что не сделал он своею.

— Коль тебе я не нужна, -

Осветила пол луна, -
— То кого любить я буду,
Ведь тебя я не забуду.

Ошарашен был вампир,
Сума сошел егонный мир.
Куда катится земля?
Кровопийца и дитя.

— Ты послушай малышня,
Ноги уносила б от меня.
Потрошить не стал пока
Потому что нет клыка.

Истерить она изволит
Чувство мести ее гонит
И девица с горяча,
Дала в лоб и стрекача.

И остался наш вампир
Ополчившись на весь мир,
Без девицы для себя,
И с улыбкой без клыка.

— Ха-ха-ха, ой убейте меня снова, это нужно повторить! Ха-ха, — смотрю на две валяющиеся фигуры, и так убить их хочется, что сил терпеть нет. Да только одного убьешь, песенки похабные петь будешь, а второго сил убить не хватит, быстрее сама убьюсь.

— Может, хватит ржать, как кони. Ты мне, Ласка, лучше объясни, как так получилось, что сил меч держать у меня нет, а тебя прикончить — есть?

— Ну-у-у... я нежный.

— Ага. На сколько нежный?

— Хм, очень нежный. Одной царапины или большого синяка достаточно, чтоб я сгорел, — грустно как-то он это сказал.

— И что, все фениксы от насилия так застрахованы, или с синяками не модно гулять?

— Нет, это скорее особенность моего организма...

— Ага, розовая, — перебила его я, — заметили уже.

— Розовые волосы и глаза — это подарок, — печально произнес он.

— Чей?

— Моей мамы. Понимаешь ли, Дана, я не чистокровный феникс. Моя мама нимфой была, — держите меня, я проваливаюсь сквозь землю. Нимфы такие же часто встречающиеся существа, как и банши. И вот где его мифический папаша-феникс нашел не менее мифическую нимфу-мамашу?

— Да как такое возможно? Ты либо нимфа, либо феникс, а ты...

— А я и то и другое. Моя мама была нимфой...

— Сладкоежкой, — снова перебила я.

— Нет, нимфой светлой мечты. Эти нимфы самые редкие и их цвет — розовый, —

слышала что-то о том, что нимфы разноцветные существа. К примеру, у нимфы надежды волосы и глаза зеленого цвета, у нимфы веры — желтого и так далее, — вот мне и передался ее цвет, а так же...

— Ее нежность? — не удержалась от смешка я.

— Нет, чувствительность. Нимфы не терпят к себе прикосновений, только от любимых. В противном случае они умирают. Поэтому нимф так сложно найти, они принимают облик деревьев, травы и цветов, некоторые ручьев и облаков. Если нимфа не покажется тебе сама, то ты ни в жизнь не найдешь ее.

— Получается, что от любого прикосновения ты мрешь? Но тогда, как же Ван тебе руку пожал? — закономерный вопрос, согласитесь. Догадка меня просто убила, — или он тебе настолько понравился? — и я загоготала во весь голос.

— Нет, просто ты мне синяк поставила, а он нет. Я ведь феникс, я не умираю от прикосновений, только от синяков и ссадин, — но все его объяснения бес толку, я все равно заливисто хохотала, корчась в приятных муках на земле.

Две насупившиеся фигуры, что коршунами нависли над валяющейся в припадке мной, все сильнее расплывались от слез. Они молчали, но весь их вид обещал, что месть будет ужасной. От этого стало еще смешнее. Мстя от вечно мертвой птички и придурковатого воина с раздвоением личности, что даже рубашку без меня ни снять, ни одеть не может. Прямо вижу, как Ван, запутавшись в рукавах, во время приведения плана мести в действие, случайно выбивает дух из феникса, который тот час же сгорает и ветерком уносится в неизвестном направлении, с предсмертными словами «Я буду мстить, и мстя моя будет страшна!».

Не знаю, сколько длилось мое забвение, да только очнувшись я от невероятно аппетитных запахов, что принес мне милостивый ветер. Как они посмели? Я отлучилась ненадолго (как мне кажется), а они сразу хомячить пошли. Изверги, это уже слишком жестокая месть, оставить меня голодной. Или еще хуже — оставить мне только кашу.

Оказывается, наш феникс весьма запасливое существо. У него в седельных сумках чего только не завалилось. Даже вяленое мясо! Я люблю фениксов! Даже розовых.

— Шлушай, Лашка, а жа што тебя фце шаки иж кфана фыкнули?[1] — да уж, как-то сама не поняла, что сказала, но оторваться от куска ароматного, вяленного и столь желанного от долгого лишения мяса выше моих сил.

— Ты б прожевала сначала, а потом в душу ко мне лезла, — скривился феникс, наблюдая за моей кровожадной расправой над несчастной гастрономией. Если честно, даже знать не хочу, как сейчас выгляжу.

— Ижвини, не жаметила куда флегла, наверно, в нещущештвующую фещь[2], - и скривилась в улыбке. Думается мне, что с куском мяса во рту, как с добычей, при этом вгрызаясь в нее и улыбаясь одновременно, я выглядела жутко. Даже Вана проняло, он от этого зрелища аж отшатнулся в сторону. А нечего людей на кашевую диету сажать. Я сейчас и покусать могу.

— Так я услышу ответ или как? — так и быть, я оторвалась от мяска.

— Или как, — вот же ж упрямая птица.

— Ванюша, радуйся, мы выезжаем, садись на Палю, — такую гримасу боли и праведного страха я в жизни не видела. А теперь смотрим на розового. Тот с бесстрастным лицом начинает собираться.

— Одни! — но вот мимолетная расслабленность от того что пытаться не стали сменяется

осознанием.

— Ты меня бросить хочешь, — щурит глаза и с вызовом смотрит на меня, — так и знал, что ты такая же подлая. Набила живот, поняла, что перышки с меня не сдерешь, и решила выкинуть. Ты ничем от них не отличаешься, — и он отвернулся, но скрытую в глубине его души боль, что отразилась в глазах и словах, сложно было не заметить.

И снова он сравнивает меня с «ними». Но кто эти «они», и что же сделали с Ласканом? Он сказал сородичи, но мне кажется, что здесь кто-то конкретный имеется в виду. Вроде. он хочет обобщить всех, подстроив под одного человека. Поразмышляв, я не нашла ничего лучше, как вгрызться в свое лакомство.

— Мошет рашкажешь, о ком ты шейчаш? — и он снова повернул ко мне свое лицо. Но это не было то искреннее и богатое эмоциями выражение, это была изящная, благородная, полная собственного достоинства и величия фарфоровая маска аристократа.

— Знаешь, я сейчас себя животным чувствую. Ты не мог бы лицо по проще сделать, а то по сравнению с Вашим Великолепнишейством я сейчас на зомби похожу. Уже к земле тянуть начинает и жутко покусать кого-то охота.

— Тебе ничего не даст мой рассказ, — с высоко поднятой головой произнесло это гордое изящество.

— Ошибаешься, я не собираюсь путешествовать со странным существом, при этом ничегошеньки про него не зная. Так рисковать я не намерена. И если ты благоразумный, должен это понять.

— Тогда и ты Расскажи мне о себе, — снова с вызовом, но уже с нотками ребяческого упрямства. Похоже, феникс возрождается из своего холодного и мертвого пепла.

— А с чего это? Это ты к нам навязался в спутники, и это ты не хочешь нам доверять. Так с какой стати должны мы, — говоря все это, я даже глаз на него не подняла, просто смотрела на лакомство, которое упорно уничтожала. Думаю, такая непринужденность намного лучше, чем напористость. Или нет? Куда это розовое недоразумение собралось, да еще и без своих сумок?

— И куда ты? — как можно безразличнее спросила я.

— К эльфам.

— Да что ты, неужели? — притворно удивилась я, — и ты, конечно же, знаешь, как пройти патруль, что сказать стражникам и как попросить защиты у Владыки. Ты же у нас принц.

Феникс остановился как вкопанный. Его ладони были крепко сжаты в кулаки, а на предплечьях проступили вены. Ей богу ребенок. Своей выходкой он сам же загнал себя в угол. Теперь или гордость, или благополучие. И что же ты будешь делать?

— А ты знаешь? — ух как злобно!

— Само собой!

Сiju, все так же развалившись на травке и оперевшись о дерево, но теперь посербывая горячий отвар из трав. А что я? Мне ведь все по барабану. Дай только слабину, и, серена поцелуй, ты из него потом хоть словечко вытянешь.

— А что ты о своей собачке знаешь? — это он так Вана решил обозвать. Хоть бы лицом ко мне повернулся, а то, как собрался уходить, так свой тыл мне и демонстрирует.

— То, что он слегка не от мира сего, добрый, доверчивый и добродушный.

— Это, конечно же, самое важное в его прошлом, — и он усмехнулся, но мертвой была эта ехидная пародия на сарказм.

— Все так, да только он с самого начала был милашка, и мы многое с ним прошли. А ты высокомерный упрямец, с которым меня ничегошеньки не связывает. Ванюша мне все бы о себе рассказал, если б мог, — даже как-то грустно от своих слов стало, — ладно, тащи сюда свой пернатый зад и рассказывай герою-спасителю, что за бяка-потрошитель тебя обидел.

Конечно он воспользовался моим предложением. Я ему только что дала возможность вернуться и не уронить свое пепельное достоинство. Пряма сама доброта и благородство. Малыш, кстати, вообще ушел в свои фантазии и ничего вокруг не замечал. Лежит и смотрит в небо, а что ему там видится, одним Всевышним известно. Ласка, тем временем, уселся рядом со мной, оперевшись спиной все о то же дерево только с другой стороны. Я милостиво дала ему деревянную мисочку с настойкой. Почему мисочку? Так зачем с собой еще и кружки таскать, когда уже миски есть.

— Как ты догадалась, что я принц?

Честно, я аж подавилась и рукой попыталась зажать рот. Не помогло, расплевала всю настойку по траве и штанам.

— Кха-кха, чего? Кха-кха, принц?

— Так ты не знала? — и мордашка такая растерянная.

— Неа, я это так лягнула, кха... просто больно вид у тебя высокомерный был, не дать не взять королевских кровей.

— Ну что ж, лягнула ты в точку, я принц клана Нало.

— А есть еще кланы фениксов? — думаю глаза у меня сейчас точно как блюдца.

Надо же, мы их вымершими считаем, а они живут себе припеваючи. Ласкан тяжело вздохнул и повесил голову.

— Были, сейчас только мы.

— Если вас так мало, то, какого голодного кельпи, тебя изгнали? Тут самого недобитого и задрыпаного хранить как зеницу ока должны, не говоря уже о принце! — возмущению моему не было предела. Я даже забыла про испачканные штаны, только усердно вытирала лицо тряпицей.

— Ты права. Многие были не согласны с приговором. Но правитель не способный править и без наследников, никому не нужен.

— В чем проблема, отказался бы от трона, — на меня тут же уставились два грозных розовых глаза. Правда, их цвет вызывал скорее улыбку, нежели страх, но я поняла намек — сглупила.

— Давай ты все расскажешь по порядку, а то у меня от твоих розовых угроз рябь начинается, — ну что ж, сама виновата, хотя пара лишних пятен на штанах уже ничего не изменит, все равно обидно, когда на тебя выворачивают что-нибудь, — настойка между прочим вкусная. Была.

Ух ты, мы даже соизволили улыбнуться, прям редкость сегодня.

— Как ты уже знаешь, я особенный, — киваю, очень особенный, — естественно меня воспитывали отлично от остальных. Я мало общался со сверстниками. Мой отец всячески старался скрыть факт моей неполноценности, но он понимал, однажды все узнают о моей ущербности. Не скажу, что детство было плохим, скорее скучным и однообразным, — Ласкан сорвал травинку, покрутил ее, изучая, но я почти уверена, сознание его сейчас далеко в прошлом. Еще немного помолчав, он взял стебель зубами и начал перекачивать его на языке, изредка прикусывая.

— Когда я был подростком, меня начали водить на заседания старейшин. Там

собирались все знатные фениксы, а так же главы других кланов, что спаслись после уничтожения своего народа. Естественно, они тоже брали с собой своих сыновей. Ребята уже давно знали друг друга, а я, проживши затворником, никак не мог вписаться в их компанию. Этому поспособствовала и зависть со стороны наследника другого клана. Прознав о моем секрете, они стали издеваться надо мной и всячески подставляли. Однажды, на очень важном заседании один из ребят подсел ко мне и предложил стать друзьями. В самый ответственный момент, когда я должен был выступить со своим предложением и закончить заседание церемонией посвящения меня в члены совета, мой новый друг схватил мою руку и крепко сжал. Я до сих пор помню его злорадную ухмылку и слова, что он произнес: «Удачи, мой принц». Они прозвучали как пожелание смерти, коя не заставила себя ждать. Сквозь розовые всполохи пламени я видел лица пораженных советников и гневное, ненавидящее лицо отца.

После этого я часто сгорал на собраниях и пропускал важную информацию. В конце концов, меня исключили из совета старейшин, так и не посвятив в него. Справедливо, ведь я вскоре вообще перестал понимать ситуацию в клане. Несмотря ни на что, я оставался наследником и принцем. Как только я повзрослел, мне сосватали принцессу из другого клана, что чудом уцелела со своей семьей, — он снова замолчал, а на его лице появилась печальная улыбка. Улыбка, отражающая радость обладания и скорбь потери одновременно. Не нужно было даже спрашивать, как сложились их отношения. Одно его присутствие здесь и сейчас говорит само за себя. Это история с печальным концом, но может у нее будет и новое начало. Он внезапно продолжил.

— Она была прекрасна, но совершенно не знала меня. Как и остальные дети старейшин, не общалась со мной раньше. Ее зовут Энге. Постепенно мы подружились, но присутствие другого наследника, принца клана Вран рядом с ней тревожило меня. На одной из прогулок она ни с того ни с сего позвала меня в лес. Будучи влюбленным, я согласился. Я шел очень аккуратно, старался ни за что не цепляться, но все же дважды умудрился умереть. Энге терпеливо ждала моего возрождения, и мы шли дальше, — руки крепко обхватили голову, а пальцы запутались в волосах. Ласкан не хотел продолжать, но пересилил себя, — я до сих пор не знаю, было ли это случайностью или спланировано, — он поднял голову и я увидела застывшие в глазах слезы, его рот скривился от муки.

— На нас напал ликан, — он повесил голову между колен, одна рука закрывала глаза, вторая упиралась в спасительную опору земли, — у Энги было много ран, ее лицо было изуродовано, но зверь не убил принцессу. Вовремя подоспел принц Врана и спас мою невесту. После этого никто не хотел иметь со мной дела. Ни один старейшина не хотел выдавать за меня своих дочерей. Я ненавижу себя за то, что даже не успел закрыть Энге от первого прыжка зверя. Я просто оцарапался о ветку и смог лишь наблюдать то мгновение, когда ликан разрывал грудь девушки своими когтями. Розовое пламя собственного огня впервые полыхало алым цветом, окрашенное ее королевской кровью. Лучше бы она умерла и переродилась в тот же миг, но зверь будто знал, кто перед ним и не спешил её убивать. Он долго мучил девушку. Почему я не возродился на протяжении такого большого периода времени для меня загадка. Полагаю, кто-то наложил печать, чтобы я не вмешался. Когда я снова твердо стоял на своих ногах, я увидел принца и свою Энге, истекающую кровью на его руках. В это же время пришли старейшины. Как они узнали, где мы, я не знаю. Время их появления как будто было рассчитано. Моя невеста почти бездыханная, бледная как первый снег, окропленный багровым соком озимого цветка хейши, на руках раненого другого,

мертвый ликан у его ног и я позади них абсолютно невредимый. Все было ясно, как божий день. Никто не проронил ни слова, но я тонул в их отстраненности, горел под их осуждающими взглядами и растворялся из-за их безразличия. Я существовал, но уже был отринут своим народом. Мужчина-ничтожество, не способный защитить свою женщину. Позор всей королевской семьи. Изгой. Урод, — я услышала судорожный вздох. Феникс одним быстрым движением обтер глаза. Я не видела его лица, он все так же смотрел в землю, не поднимая головы, а его волосы розовым покрывалом укрывали голову, храня в тайне все эмоции огненного существа.

— Раны принцессы зажили, — уже спокойно и однотонно продолжил принц, — но она была обезображена шрамами. Мы не можем убивать себе подобных — это грех. Поэтому никто не позволил Энге переродиться. Тогда она нашла меня и на моих и отца глазах всадила себе кинжал в сердце по самую рукоять и уже сквозь догорающее рыжее пламя мы слышали голос «Это ты убил меня». Я принял ее проклятие и перед всеми я был убийцей соплеменника. За это меня изгнали из клана. Собственный отец прочитал приговор и просто ушел, не одарив меня и взглядом. Из поселения я уходил ночью, и никто не посмел меня проводить, никто не посмел заговорить со мной, никто не посмел выйти на улицу в эту ночь. Таков закон. Я более не существую, для них я умер. На мне нет клейма изгнанника и убийцы только потому, что я бы умер от одного только прикосновения магического предмета.

Я не знала, что сказать. Чем можно помочь человеку, потерявшему все, и хочет ли он этой помощи? Мне не пришло в голову ничего лучше, чем просто молча сидеть рядом. Я не смела коснуться этого гордого существа, не говоря о том, чтобы обнять его. Любые действия означали бы жалость. Благородный и стойкий принц не вынесет жалости, он не примет ее. Поэтому я просто сидела рядом, всматриваясь в облака. До боли я желала, чтоб он почувствовал, что я рядом, ощутил поддержку, понял, что теперь он не один. Здесь некого защищать, здесь все в опасности, все обречены. Все уже много прекрасных мгновений как мертвы. Здесь все потеряли все.

Словарь

[1]. Шлушай, Лашка, а жа што тебя фще шаки иж кфана фыкнали? — Слушай, Ласка, а за что тебя все-таки из клана выгнали?

[2]. Ижвини, не жаметила куда флежла, наверно, в нешущептвующую фещь — Извини, не заметила куда влезла, наверно, в несуществующую вещь.

Глава 9 Цель — настичь банши!

К вечеру мы добрались до небольшой проплешины в степных кустах. А как добирались, лучше умолчать. Сумки то у Ласкана были, а вот конь дня два как издох. Под дружное фырканье и недовольство Пали с птичкой я целенаправленно перекладывала барахло с кобылы на своего коня. Естественно я посадила феникса к Вану. Паля, конечно, не простит, но своя персона дороже. В результате безумно злая кобыла и две отнюдь не грациозно летающие птички с совершенно неотработанным и дрянным приземлением. А мне от этого представления ужасно весело. Было, пока и мне порция гнева не досталась. Палевая с завидной регулярностью скидывала своих седоков. А как мы знаем, синячок у феникса равно пепел плюс похабные песенки. Первые пять раз я пела в гриву вороного, но наглотавшись волос, начала открыто напевать это извращение. Вот скажите мне, насколько испорченной может быть душа, что репертуар этого ужаса не заканчивается. Как оказалось, мои всхлипы слышит и Паля. Когда эта садистка просекла, почему меня так корежит, она, если феникс выживал, его копытами добивала, с особой, маниакальной жестокостью. Мне даже жалко пернатого стало. Честно говоря, я бессовестно рыдала от этого зверства надо мной, но держалась. Ибо гордость не позволяла уступить, тем более кобыле. Она тоже уставать начала. Наконец-то! Частота падений потихоньку стала убывать, а вот упертость прибывать. Но слава Всевышним, меня спасли раньше. Феникс — умничка, раза с пятидесятого истинный облик принимать стал и просто пикировал назад в седло. Увы, у Вана крыльев не выросло, и он все так же бездарно подметал собой землю. А разъяренное животное, потеряв такой действенный способ мстить мне, нашла другой. Эта палевая пакость куснула вороного за зад и тот, как не обремененная умом живность, понес меня, куда его испуганные глаза глядят, то есть, дохлый тролль знает куда, но не туда, куда надо. Я целый ват потом вернуться назад пыталась, а конь ни в какую. В конце концов, просто спешила и потащила этого упертого под уздцы.

— Слава Всевышним, привал, — простонал пернатый, он, наверное, за всю жизнь столько не летал.

Да, Паля злобствовала во всю. Мы все теперь на сборище зомби особо разложившегося типа походили. Ласк весь чумазый и мокрый от напряжения, Ван весь в синяках и подранной одежде, Паля с подрагивающими от частого вскидывания ногами, и я, охрипшая до невнятного сипа, и с распухшими, краснющими глазами. И вся эта красота как попало и где попало валяется на песке. Таких мертвяков даже особо одаренный некромант поднять не сможет. Как не старайся, а сейчас мы были способны только упокоиться с миром. И тут что-то меня дернуло, и я захрипела из последних сил.

Звали сваху на смотрины,
В домик миленький из глины.
Там девицу хоть куда,
Чтоб сосватала она.

Сваха в двери заглянула,
Чем-то вкусным потянуло.
Та на запах побежала,

И невесту увидала.

На окне сидит девица,
Что захочешь утопиться.
И сам черт прекрасней будет,
Пусть родители осудят.

И к двери тихонько пятясь,
— Будет славный мужем витязь!
Деве сваха обещала,
Не прощаясь, убежала.

Год с того прошел давно,
И забылось все само.
Но слушок один прошел,
Муженек ко дну пошел.

Стала сваха узнавать,
У кого топился зять.
Да у той девицы страшной,
Пятый муж ушел бесстрашно.

— Ну как ты умудрился умереть? Какая сволочь посмела руку на бедную нимфу поднять? — отчаянно вопрошала я пустоту.

— Прости, я от перенапряжения. Само как-то получилось, — виновато залепетал феникс.

— Само!? Тебя и так каждый встречный поперечный прикончить хочет, а ты еще и сам убиваешься! Убью! Буду страдать, но убью, чтоб душу отвести. Своими руками придушу! — просипела невнятно я. Но судя, как побледнела птичка, у меня все на лице было написано.

Для идущих в Хрустальный лес наступила ночь семнадцатого дня. Четыре тени неимоверно быстро двигались через заросли пустынного кустарника. Двое из них ехали верхом. Они еще пять дней назад поняли, что сбежавшие выбрали другую дорогу и опережают их. Единственным способом догнать, было вернуться к исходной точке в степях.

Хоть Пустынные степи имели такое название, они отнюдь не были пустынными. На всей территории степей раскинулись холмы, покрытые высоким кустарником, что напоминали лес, и долины, с высокой, сочной травой. Название произошло от того, что в степях нет городов и больших поселений. Фактически это ничейная пустая территория, которую прибрали к рукам всевозможная нечисть и орки.

Чтобы нагнать Дану и ее компанию, всадники и оборотни не сбавляли темпа и двигались даже ночью. Как только альфа взял след и они перестали плутать, запах банши становился все отчетливее.

«Еще чуть-чуть, и я догоню тебя, моя melda[1]. Я слишком долго ждал, naice nua[2]. Теперь я не упущу свой шанс». Голос, что давно звучал в голове всадника, становился все

громче и увереннее.

И вот рассветные лучи освещают стоянку трех путешественников. Костер тлеет, угли изредка охватывает оранжевое пламя. Лицо девушки освещено лишь наполовину, а вторая его половина спрятана на груди беловолосого раба. Она плавно качается в объятьях Морфея и не ведает, что легкий холод, приведший к сладостным сновидениям на груди у воина, что стал роднее всех, сломил того, кто так долго старался держаться в тени. Ее тени.

Высокий первородный встал на колени перед спящей девушкой и положил свою ладонь ей на голову. Проведя ею по волосам, щеке и губам, он, наконец, узнал, как шелковисты ее волосы, как нежна кожа и мягки ее губы. Как же он хотел коснуться их своими, но воин, так не кстати лежавший рядом, не давал ему и шанса осуществить желаемое.

— Спи, melda. Im arann ale naice nua, altoga nim gwain, maquet! — и он медленно поднялся, чтобы присесть недалеко от костра и ждать пробуждения. Светлый в душе и темный снаружи, эльф не знал, что тот, кто приласкал у себя на груди драгоценность, был воином, который пришел в себя из-за опасности, исходящей от первородного. Опасности потерять дорогое сердцу. Он слышал слова, что теперь, как вой сирены звучали в его мыслях: «Спи, любимая. Я прощаю тебе свою боль, не причиняй мне новую, прошу!». Воин понял их, он знал их когда-то.

Ну почему мне досталась самая мстительная кобыла на свете? Она последние десять дней только и делала, что изводила меня. То ночью одеяло стащит, то сапоги в озеро закинет, а, бывало, посреди ночи Ласкану череп проломит. Бодренькая побудка тогда была у всех. И ничем ее нельзя было ублажить. Копытами она и без дозволения билась в разные стороны, хорошо хоть не в мою. Понимает, что этого я не переживу. Только сейчас я сдалась и пересадила болезного и птичку на вороного. А что? Я не говорила, что это решение повредит мне. А так и волки сыты и овцы целы. В нашем случае даже как-то буквально получается. Паля подо мной даже не брыкается. Просто наслаждается путешествием и перемирием. А ребята, как падали, так и падают. Только после первого же падения, я настояла на том, чтобы Ванька сзади ехал. Если уж разлагать дисциплину, так пусть я от этого хотя бы горло себе не надрываю, а то даже кобыле мои завывания надоели. Вот интересно, как вообще мои песенки теперь каждый слышать может? Или это потому, что Ласк не умирает, а находится в пограничном состоянии. Это объяснило бы, почему я концерты устраиваю на все степи. К нам даже ликаны больше не суются. Я им слух напрочь отбила, они теперь не то что нас, они себя не слышат.

А возможно ли, что Ванюша тоже в пограничном состоянии находится? Вдруг у него та же проблема, что и у пернатого, только другого характера. Может его личности убивают друг друга. И он, как бы, не существует как личность, но существует как разрозненный разум в одном теле. Я даже не заметила, что уже вар пять Малыша разглядываю. Пришлось отвернуться, а то Ласк уже на меня коситься начал.

— Ну что, привал на скорый обед? — меня тут же прожгли голодные, жаждущие еды, три пары глаз, это если коня считать. Палю я, втихаря, сухофруктами подкармливала, хватит с нас боевых действий. Поняли уже, что упрямство наша слабая сторона.

— А зачем так хищно смотреть-то? Подумаешь, завтрак пропустили, — грозные взгляды, — ну и ужин вчера, но ведь обед по расписанию, — попыталась смягчить я. Не

ВЫШЛО.

И вот зачем я надеялась на мирное поглощение пищи. Ведь ни разу мои надежды не оправдались. Они как будто чувствуют, что я о них вспоминаю, и сразу машут мне ручкой. Мол, не наглей, подруга, мы вообще не твои надежды, так заблудились. Жива и на том спасибо скажи.

А вот что так беспардонно разбило мои надежды, так это неудачное падение (не мое, слава свету). На голову. О камень. С потерей сознания. Не радуйтесь, петь не буду. Это Ванюша в очередной раз земельку головой пропахал и, как говорится, нашла коса на камень! Сошлись, как лед и пламень! А победил... победил воин, то есть вообще третий лишний. Вот так в жизни бывает. Бьешься головой о стену... тьфу ты, камень, а кто-то другой все лавры себе забирает.

— Малыш, ты последнюю личность выбить решил, так я не против, только можно по гуманнее как-то.

— Убивать вообще не гуманно, — раздался спокойный и безэмоциональный голос, — а это мое призвание, как воина. Так что, не упоминай это слово при мне.

Приехали!

— Дам. И что тебе не сидится внутри, там тепло уютно, а здесь дождик скоро пойдет, будет мокро, сыро и противно. Давай ты баиньки пойдешь, а? — не надеясь на успех попросила я.

— Ты бы следила за тем, что вылетает из твоего грязного рта. Может жизнь спасти. Я не твой Малыш, который разве что в попу тебе не дует, я могу только меч туда всадить. Так, чтоб посмотреть, что из этого выйдет.

— Твой труп из этого выйдет, — на самом деле я была в шоке, а когда я в шоке, то огрызаюсь. Но это как-то не очень грозно, а он почему-то вздрогнул. Неужели испугался. Но чего?

— Дана, что с ним? Он на тебя даже голоса поднять не может, а сейчас до угроз скатился, — встревожено спросил из-за Пали феникс. Бойтся, как пить дать, почуял холод и силу, исходящую от этого маньяка.

— Вот именно, что скатился. Это вторая маньячная натура в нем проснулась.

— Вы оба ненормальные! — выкрикнул он и вышел из-за Пали. Осмелел, кажись.

— А ты у нас образец нормальности и традиционности. Вон, какие традиционные розовые волосы и глаза. Аж, тошно от их нормальности и твоей обыденности, — фыркнул, но возражать не стал. Просто руки на груди сложил, выражая недовольство ситуацией. Как будто я была довольна.

— И где мы сейчас? — требовательно посмотрел на меня. Почему я крайняя, вот птичку доставай, она у нас бессмертная, хоть и стрессоустойчивая.

— В Пустынных степях, в двух днях от границы с эльфийскими землями.

— Что? — взревело это нечто, а я пообещала сама себе крепко обнять Ванюшу, за то, что он такой ненормальный. Потому что нормальным он мне не нравится. Ни капельки. Только пристукнуть хочется.

— Что слышал, мы в степях.

— Я же сказал идти в долину.

— Мало ли что ты там сказал! — вспыхнула я, — хочешь, вперед, никто не держит. Ласк, ты держишь? — тот отрицательно замотал головой, — не держит. Иди.

— Ты пойдешь со мной, — сквозь сжатые зубы процедил явно взбешенный воин.

— Мечтать не вредно. Нам не по пути.

— А с ним по пути, — и он указал пальцем на себя, имея в виду моего Мальшца.

— С ним да, с тобой нет.

— Ты не боишься, что я уйду, — он сощурил глаза, и начал ими буравить во мне явно лишние дыры, — ведь он все равно потащится за тобой, ничтожество.

— Все именно так, кроме ничтожества, — не было смысла юлить и отбрыкиваться, мы оба знали, что он прав.

Маньяк подошел ко мне почти вплотную. Не знаю, в чем была причина, но я видела борьбу в нем и ненависть. Он медленно поднял руку на уровень моих плеч, а в его глазах мелькнула нежность. Леший знает, что твориться. Но прежде чем я смогла хоть что-то понять, он одернул руку и его взгляд снова наполнился ненавистью, но теперь я знала, что это ненависть к себе самому, за то, что позволил себе подойти к пустышке.

— Что он в тебе нашел? Лишь симпатичная оболочка, прогнившая внутри.

Он говорил, а я кое-что вспомнила. У него ведь с памятью проблемы. В прошлый раз его аж подкосило, когда вспомнить что-то попытался. А если... попытка не пытка.

— Слушай, а ты помнишь о себе хоть что-нибудь? — и невинные глазки при этом, сплошное бесхитростное любопытство.

— Конечно, — ага, удивился, но быстро взял себя в руки. Ну, от воина я другого и не ждала.

— Так расскажи, а то мы не в курсе, — поворачиваюсь к ничего не понимающему фениксу и подмигиваю. Понял, молодец.

— Да, а то если мы с тобой пойдем, то надо же хоть что-то знать, — умничка моя розовая. Я даже начинаю любить этот цвет.

— Хорошо, меня зовут... — он схватился за голову, как и в прошлый раз, — Ай!

— Что-то не так? — сочувствующе спрашиваю, выпятив нижнюю губу, а потом ехидно улыбаюсь.

— Что? — вопрошают у меня чистые и искренние изумруды.

— Здравствуй Ванятко, не верится, но я по тебе скучала, — и я крепко обняла его, надеясь, что он не исчезнет. И только я знала, насколько страшно мне было от того, что его второе я все чаще брало над ним верх. Он менялся, я чувствовала это. Сначала юмор, потом он стал подмечать детали и запоминать слова. Сейчас он стал все чаще понимать, что смысл слов иногда разниться с его формой. Его преобразования заводили меня в тупик. С одной стороны, он выздоравливал, с другой, я не хочу, чтоб хоть одна черта характера маньяка передалась Вану. Но они одно целое и это убивает меня, иссушает душу. Ван мне как ребенок, друг и брат. Я не хочу лишаться столь многого, потеряв всего одного. Я загнала себя в ловушку, не имеющую выхода.

— Мальшц, — и когда я успела заплакать? Пару капелек еще висели на щеках, остальные впитались в рубашку на плече моего друга. Друга, за которого я отдам свою душу. Смерти я не боюсь, поэтому моя жизнь не стоит ничего, чтоб ее отдать. Ведь я боюсь всего, кроме дамы с косой, что приходит лишь раз и не остается на чай. А вот за душу страшатся все. А чего боится он? Я посмотрела в его горящие тем же беспокойством глаза и поняла все без слов. Того же, что и я. Остаться одному в этом мире.

— Мальшц, давай ляжем спать, а?

— Ты что, сейчас же только вечер, мы, кстати, так и не пообедали, а ты спать. Нетушки, пока не поедем никакого спать, — и Ласкан пошел разжигать костер.

Пообедали мы поздно, это не смотря на то, что остановились мы на обед в полдень. Решили не ехать сегодня дальше, а просто хорошенько выспаться и пораньше двинуться в путь. Я нагло завалилась в обнимку с Ванюшей возле самого костра. Он был только за и крепко обнял меня. Сегодня ночью мне снились самые прекрасные сны на свете, и счастьем моему не было предела, пока я не разомкнула веки. Шла семнадцатая ночь в степях.

Словарь

[1]. melda — любимая

[2]. naice пуа — боль моя

Глава 12 Сильный пожирает слабого

«Вставай!»

Какой-то очень настойчивый голос все никак не оставит меня в покое. Хватит, уже навставалась за свою жизнь. Не вижу смысла делать это после смерти.

«Вставай, дочь моя! Они ждут тебя!»

До этого ждали, ничего, если еще подождут. Отцепитесь, вампиры прилипали. Всю после смертную эйфорию убили.

«Открой глаза!»

«Неа!»

«Пора, вставай!»

«Только через твой труп.»

«Ха-ха-ха, меня не убить, девочка.» — вдруг перед глазами мелькнула черноволосая девушка с необычными голубыми глазами, и снова темнота.

«Вставай!»

— Суара!

— Да, учитель, еще пять вар.

— Су! Дракон обугли! Открой глаза! Если ты не сделаешь этого, я клянусь, я пойду за тобой к Всевышним и устрою месячный забег по пересеченной местности в эльфийских доспехах и во всеоружии. А из еды ты увидишь у меня только кашу, самолично приготовленную. Будешь помирать, а всю эту дрянь я в тебя впихну, чтоб аж из ушей лезть начала, — и кто это меня так ужасно проклиняет? — очнись, идиотка, что я Баску скажу? Суара, помрешь и не видать тебе эльфийских пирожных!

— Как? За что? — резко села, тут же в висках запульсировала острая боль. Только хотела помассировать их, как сделала новое открытие. Руки-то связаны, причем за спиной. Ноги, кстати, тоже. Открываю глаза — темно.

— Слава Всевышним, я уже думал, тебе конец настал, — и кто-то облегченно вздохнул.

— Широ, ты что-ли?

— Я, кто же еще.

— Ты мне за веселенькое пробуждение этих самых пирожных теперь должен. А мы где вообще?

— В плену.

— Ха-ха-ха, очень смешно! В чем интересно?

— А вот тут самое интересное. Как ты уже догадалась, не у карателей. Те в плен не берут, сразу убивают, — он замолчал.

И я все вспомнила. Последние события как во сне. Как что-то нереальное. Будто не с нами вовсе приключилось. «Сразу убивают» — что это значит? Нет! Не хочу знать. Просто не хочу. Они все живы, не может быть по-другому. Не имеет права быть по-другому.

— Мы... мы, — не могу заставить себя задать этот вопрос. В горле ком стоит, и челюсти спазмом сводит. А глаза сухие. Не могу заплакать, слезинку не выдавить, так напряжено все тело, — Широ мы...

— С нами только Ван. Он со мной спиной к спине привязан, — и снова тишина.

— Почему... почему мы не мертвы? — голос дрожит.

— О, это еще неизвестно. Но если ты о том, почему мы не у карателей, то нас выкинуло далеко от них. Ты со своей кобылой в мою ловушку «огненный вихрь» попала. Я как увидел, что тебя от взрыва вверх кинуло, тут же за тобой кинулся. А Вана твоего уже поднявшимся вихрем подхватило. Точно не помню, но, кажется, Салвана тоже зацепило. Есть вероятность, что его не схватили с нами, потому что просто не нашли. Он тоже может быть жив.

— Ты же сам сказал, наш статус пока не определен.

— Перестань нюни распускать. Главное, что есть шанс. Меня вот мучает вопрос. Феникс наш и к карателям так же устойчив, как к обычной смерти? Если так, то он точно жив, — пауза, — периодами.

Я тяжело вздохнула. И то верно, не все так плохо как могло бы быть.

— Кобыла твоя тоже жива. Ее наши хватчики к рукам прибрали. Не будет упрямиться, выживет.

— Ты вообще понял, что только, что сказал?

— Да уж. Значит колбаса.

— Широ!

— А что? Ведь правда, — так и хочется его стукнуть по темечку. Или нет, чтоб Паля ему врезала, тоже по темечку.

Я не успела ему ответить, как дверь распахнулась, и в проем ворвались лучи закатного солнца и свежий, нагретый воздух. Я с трудом могла разглядеть высокую фигуру, что направилась ко мне. Помещение, где нас держали, оказалось каким-то подвалом. От порога шла кривая, местами расколота каменная лестница. Именно по ней сейчас шел незнакомец. Шел, грубо сказано. Он плыл. Мягко, как вода стекал по ступеням. Складывалось впечатление, будто тень соскальзывает с горки, а не мужчина вышагивает по лестнице.

— Леди, прошу вас пройти со мной, — и этот черный силуэт подал мне руку. Я обернулась. Широ тоже смотрел на меня. Его лицо было наполовину залито кровью. Бровь рассечена, щека стесана, да и губа разбита. Одежда порвана и местами в крови. В разрывах виднеются ссадины и царапины. В остальном могло быть и похуже.

— Тормозил, видать, лицом? — съехидничала я. Но мне было на самом деле страшно.

— Ты бы на себя взглянула, синя девица в красные подтеки, — вот же паразит.

— Леди, — наш гость все так же стоял, протянув мне руку. Я снова посмотрела на Широ.

— Иди, Су. И помни все, чему я тебя учил, — я кивнула. Нам необходимо, чтоб хоть кто-то смог вырваться. А еще больше нам нужно разведать обстановку и понять какова ситуация. После этой небольшой перебранки, мне стало значительно легче. Мысли перестали хаотично носиться в голове, и я немного успокоилась. Все-таки он хорошо меня знает. И я снова обернулась к вновь прибывшим.

— Уважаемый, я, конечно, с удовольствием соглашусь сопровождать вас на выход, однако свою прекрасную длань я дать вам не в состоянии. Видите ли, они с некоторых пор находятся за моей спиной, без какой-либо возможности на высвобождение, — не знаю, как этот стекающий по ступеням, но Широ уже всхлипывал, правда, очень тихо.

Мужчина передо мной наклонился, взял меня за предплечье и поднял на ноги одним рывком.

— Ау! Темень! Больно же!

— Простите, леди. Я проверил, остались ли ваши длани все так же чувствительны, или онемели окончательно. Но они все так же в прекрасном состоянии, как и ваш язык. Хотя я

был бы не против его онемения, — и он ухмыльнулся, — на время, конечно же.

Широ снова всхлипнул, а меня потащили вверх по лестнице.

— Меняю свой онемевший язык на ваши бесшумные ноги.

— Не равноценный обмен.

— Вы правы, нужно еще и вашу голову в придачу, а то как-то дешево получается.

— Ха-ха-ха, обещаю, что ваш язык достанется исключительно мне в качестве деликатеса, — мы вышли на свет, и он повернулся ко мне.

Бирюзовые, будто наполненные водой глаза со зрачком звездочкой смотрели на меня с предвкушением. Тонкие, длинные губы улыбались, а на щеках проступили ямочки. В свете закатного солнца его бледная, слегка голубоватая кожа заметно контрастировала с длинными, ниже пояса, иссиня черными волосами. Они ровными нитями стекали, как вода, по контуру его лица. В некоторые прядки был вплетен речной жемчуг, разнообразные ракушки и бирюзовые камешки неизвестного мне происхождения. Его лицо было вытянутым, с заостренным подбородком, а шея длинная и изящная. Тело подтянутое, грациозное, как у гончей, и сильные, но гибкие руки. Он очень красив, но какой-то холодной и очень опасной красотой. Его стоит бояться.

Похоже, все это отразилось у меня на лице, так как незнакомец улыбнулся еще шире. Полагаю, сделано это было для большего устрашения, не как иначе. Ряд ровных, одинаковых по форме заостренных зубов, не считая клыков, мог ввести в ступор кого угодно. Даже сомнения не возникает, в их предназначении. Рвать жилы, вгрызаться в плоть, и разгрызать кости. А чьи, и так понятно.

— Что случилось леди, неужели язык проглотили? — сочувствующе поинтересовался он. И голодному кельпи понятна фальшивость такого сочувствия, — жаль будет потерять такое сокровище, — и он облизнулся.

Все очень плохо. Не зря я вспомнила голодного кельпи. Потому что именно он передо мной и стоит. Просто дико голодный водяной конь. И я в сегодняшнем меню его главное блюдо.

— А как у главного блюда у меня будет последний ужин? — может хоть покормят. Чего это он меня сверлит взглядом. Сам же слюнки на меня пускал, а теперь что, уже не подхожу для драгоценного главного блюда?

— Кто ты? — вот те раз, вначале чего-нибудь отгрызем, а потом поинтересуемся у кого.

— По-видимому, еда у речного народа.

— Ты не человек, — вот те два, конечно, не человек.

— А что, люди нынче повкусней?

Бледно-синий снова схватил меня за руку и потащил. Оказывается, мы на берегу реки находились все это время. Подойдя к краю, я уже начала пятками тормозить, а этот коняга, как шел, так и пошел. По воде! Дайте протру глаза. Точно по воде! Ни разу не слышала, чтоб кельпи по водичке, как водомерки бегали. О них вообще мало известно. Считается, что живут они исключительно в реках. Им текучая вода нравится, в стоячей грязно для них. Хотя, если озера связаны подземными каналами с рекой, то и туда коняшку занести может. И вроде ничего необычного, да только кушают они человечинку и не только. Мне это один встреченный охотник на кельпи рассказал. И вот куда он идет?

— Ты меня что, утопить решил? Утопленниками балуешься? Свеженькое не подходит? — я кстати, вполне оправданно возмущаюсь. Он-то топает себе по водной глади, а я бессовестно оставлена болтаться на его руке. По пояс в воде бултыхаюсь, а ему хоть бы

хны. Ни один мускул не дрогнул, совесть тоже. Посреди реки, в месте, где течение самое интенсивное он резко остановился. А злой, как демон. Злись-злись, так проще с тобой справиться будет.

— Мне тебя подарили. Ты мой ужин. Нашим ты не нужна оказалась, а я только вернулся с войны за территории, вот мне подарочек и сделали. Ха-ха. Какая ирония. Они от меня избавиться захотели, что ли?

— Ты сейчас о чем вообще? Я тут как червяк на крючке болтаюсь, вся беспомощная, а ты хочешь сказать, что я смертельно опасна для тебя? И вообще, куда ты меня тащишь?

— Простите, Ваше будущее эльфийское Величество, — он показательно мне поклонился, от чего я по подбородок ушла в воду, — можно было и по вашим речам догадаться, что вы принцесса, — и это тоже было издевкой. Какой колючий мне попался экземпляр. Но обдумать мне ничего не дали. Кельпи подхватил меня на руки и шагнул вперед.

В непроглядной темноте подвала, сооруженного народом кельпи на берегу великой реки Онра, сидели двое заключенных. Судьбу каждого из них уже решил король водяных лошадей. Сегодня вечером они послужат им едой, в честь победы в недавнем сражении. Но девчонка им не нужна. Опасно ее присутствие здесь. На ней метка эльфийской принцессы. Владыке легко далось решение сей проблемы. Убрать двух ненужных существ одним махом.

Но никто не мог предположить, что увлеченный этой странной женщиной сын жреца забудет запереть двери подвала. Просчет, который может все изменить.

Первородный сразу же заметил, что дверь не заперта. Будь он один, уже давно покинул бы это место, но раб, что мертвым грузом висел на нем, не позволял даже подняться. На магические путы их пленители не поскупились. Тут нужна филигранная работа, и обморок мага явно не способствует ускорению процесса освобождения.

— Орку ятаган в зад, какого она вообще тебя с собой потащила. Дура, мало ей своих проблем. Эй, умалишенный, пора вставать, — эльф попытался растряссти его, двигая руками и спиной, — да вставай ты!

Разозлившись, Широарт ла Эк что есть силы затылком нанес удар магу по голове. Никакой реакции не последовало.

— Да что же это, ты сдох там уже? — прорычал раздраженный ситуацией эльф. Ему и впрямь повесили балласт. Так близко свобода и так тяжело до нее добраться. И эта беспомощность вызывала жгучий гнев. Больше всего на свете этот мужчина ненавидел эту беспомощность.

— Кто-то точно умрет, и это буду не я, — сильный мужской голос застал эльфа врасплох.

— Ого, какая враждебность, с чего бы?

— И когда этот олух успел попасться? Идиот! — раздраженно ругая по чем зря неизвестно кого, воин попытался разорвать путы.

— Ты что делаешь, руки мне оторвать хочешь?

— А хорошая идея. Так даже быстрее будет.

— Ага, прям я тебе так и позволил, — и эльф в ответ начал тянуть веревки.

— Тебе же лучше успокоиться эльф. Я тебя не знаю и мне чхать на твою тушку. Так что

если будешь вести себя хорошо, так и быть: не оторву голову.

— Ха-ха, ты что, последние мозги потерял? За кого меня принимаешь, раб несчастный.

— Убью!

— Давай-давай! Посмотрим, как у тебя это выйдет, — и первородный всем весом навалился на мага земли.

— Р-р-р-р! Скажи-ка мне смер-р-ртник, как этого пр-р-ридурка сюда занесло?

— Какого придурка?

— Того что за девчонкой бегают как собака на пр-р-ривязи, аж тошно.

— Слушай парень, ты точно головой не сильно треснулся? Ты за ней таскаешься, от тебя все проблемы.

— Нет, покойник, не я. Это он ее обожает. Я с некоторых пор просто терплю девчонку. А стоило давно прикончить. Проблем меньше было б.

— Вот теперь я вообще ничего не понимаю. Ты кто такой?

— Воин. И как это ни прискорбно, мне нужна эта чокнутая девица. Натяни веревки как можно сильнее, так, чтоб я не попал тебе по ним. Глядишь, ты мне еще с руками пригодишься.

— И что ты собираешься делать?

— Натяни, сказал, или без пальцев останешься. Это в лучшем случае, — несмотря на то, что эльф был жутко зол и раздражен, по какой-то только ему ведомой причине он серьезно отнесся к словам воина. Какая-то сила исходила от него. Уверенность во всем, что он делал и говорил. Он серьезный противник. А первородный отнюдь не был дураком, чтобы так глупо нажать себе серьезных врагов.

Маг земли закрыл глаза, зажал веревку, что связывала Широ, указательным и средним пальцами обеих рук. Глубоко вдохнул, а на выдохе красноватое свечение тонкими нитями двинулось от груди воина вниз по рукам к кончикам пальцев. Там, где свечение касалось веревки, она перегорала. Через мгновение эльф был свободен.

— Отличный фокус, — Широ встал и начал отряхиваться, — и зачем тебе Суара?

— Тебя это не касается.

— Ошибаешься, я ее наставник, она моя ученица. Все, связанное с ней, касается меня, — эльф сел на корточки напротив воина. Его поразило выражение лица бывшего раба. Полное безразличие к сложившейся ситуации. Он ни капли не сомневался, что выберется, и уверен в том, что никакая смерть ему и в помине не грозила.

— Ты можешь заставить людей чувствовать себя не по себе, — и эльф зашел за спину мага. Несколькими движениями освободил его. Тариван встал, растер запястья и поднял взгляд на Широ.

— Как зовут тебя, lasleg?

— Широарт ла Эк, а тебя, ненормальный?

— А меня называй, как и раньше. Не тебе звать меня по настоящему имени, — и он зашагал к выходу.

— Ты собираешься один ее найти?

— Именно. Ты знаешь хоть к кому в плен попал, эльф? — воин повернулся к первородному, который совершенно спокойно смотрел на новую версию Малыша. И только ему самому было известно, какая ужасающая буря сейчас бушевала в его душе.

— Я так и думал. Вас лошадки схватили. Водяные такие, с глазами необычными. Они еще и людишек кушают. Знаешь таких? — хоть его голос и был абсолютно спокоен, тонкое

издевательство достигло адресата. Эльф стал убийственно спокоен.

— И с чего ты взял, что это кельпи. Они, между прочим, редко показываются. А наткнуться на их поселение и вовсе невозможно.

— Это для вас невозможно, — и замолчав на этом, воин направился прямо к реке. Не сбавляя ход, он что-то нашептывал себе под нос и изредка делал легкие, заметные только обученному магу движения руками. Первый шаг по поверхности воды встретил на своем пути маленький островок из песка, поднявшийся прямо со дна реки. Каждое последующее касание ступней с водяным покрывалом сопровождалось такими же островками. Следующий за воином эльф, осторожно, не сбавляя скорости, шел шаг в шаг за ним. Достигнув середины реки, маг земли остановился.

— Теперь не вынимай свой меч, Широарт ла Эк, пока я не скажу.

— И почему же?

— Потому что я так сказал. Хочешь здесь голову сложить, мешать не стану. Но обрадуется ли твоя ученица еще одной смерти?

— Так ты за меня беспокоишься, не ожидал такой любви от тебя, — заискивающе произнес эльф.

— Скорее, хочу без лишней истерики заставить ее пойти со мной. А так как ты мой должник, сам понимаешь. Пойдешь ты, она пойдет за тобой, — и маг Ван улыбнулся.

Широ же не считал себя обязанным кому-либо. Он с легкостью освободился бы, не переживая первородный о сохранности раба. А когда начались странности, глава разведки Хрустальных лесов поступил, как делал всегда в таких ситуациях. Эльф наблюдал. Но то, что он видел, не нравилось Широ.

Тариван, тем временем, не замечая изучающего взгляда, развернулся лицом к водной стихии, сложил пальцы в несколько непонятных фигур, после чего оба мужчины провалились под воду.

— А-а-а-а! Ненормальное кровожадное животное! Копытный маньяк! Уздечку тебе в зубы и седлом по голове!

— Успокойся! Достала уже. Живая, вот и радуйся, — и он попытался схватить меня под связанные руки, притом, что я беспардонно расселась на илистом дне реки. Да-да, вы не ослышались. Мы на ДНЕ! Все, опять кричать и истерить жуть как хочется.

— Скачи рысью от меня, речной падальщик, или, вернее сказать, плыви галопом отсюда, чтоб течением тебя в Пустые озера занесло!

Если кто не понял, то Пустые озера, это вроде как полу миф. Говорят, что вода в них легкая как воздух и такая же неосязаемая. Погружаясь в озеро, ты видишь кристально чистые воды, в которые тебя затягивает. Ровное зеркало озера и чувство пустоты вокруг. Заворожённая таким прекрасным зрелищем жертва не улавливает тот момент, когда погружается в водоем с головой и тонет. Как человек, интересующийся всем магическим и необъяснимым, я ужасно хотела бы их увидеть. Но зная себя, окажусь в ситуации аналогичной данной. То есть на дне.

— Какая ты шумная, может мне сейчас язык тебе откусить, и продолжим путь в тишине? — кельпи схватил меня за подбородок, притянул к своему лицу и медленно облизнул мою нижнюю губу. Жуть какая! Я так сильно стиснула челюсти, что даже зубы

заболели и в висках застреляло.

— Ну же, открой ротик. Ты только что не закрывала его.

Попыталась вырвать подбородок, что-то щелкнуло. Отлично! Вывихнула челюсть. Вообще должна была быть адская боль, но она у меня уже много раз страдавшая, так что просто выходит из сустава, как клинок из ножен. Правда, вправлять ее хлопотно, да и без помощи рук ни как. Похоже, эта коняга тоже не плохо осведомлена о вывихах. Он тут же отпустил меня.

— Вот так лучше. Когда понадобятся ваши изысканные речи, леди, я верну вашу очаровательную челюсть на место, а пока продолжим путь в тишине, — он уже открыто смеется надо мной. У-у-у-у! Оставлю одни копыта, гриву и хвост, пиявка речная!

И куда это он меня ведет? Неужели на суше полакомиться не мог. Зачем на дно тащить. Здесь, конечно, дышится не плохо, да и передвижение не тормозится водой. Думаю, это воздушный тоннель. Идем ровненько по коридору не искаженному движением речного потока. Есть у меня одна догадка. Если есть воздушный путь, то и воздушный карман имеет место быть. Сложив дважды два, получаем защищенное ото всех, кроме водяных существ, место, к которому можно пробраться только по специально обустроенному тоннелю. Или тоннелям, что вероятнее. Не надо быть ученым, чтобы дошло, мы идем в знаменитый Galad Isilme. Это эльфийское название города, который населяют водяные существа. На всеобщем звучит как «Отражение лунного света». Кто построил его, неизвестно. Знаю только, что за него часто воевали. Уже около пятисот весен этот почти никем из наземных не виденный город принадлежит кельпи. Экспериментатор во мне бьется в экстазе, а банши зауспокойную песенку готовит. Вот так с выражением «сейчас описуюсь от благоговения и спляшу от страха» мы и вышли из-за крутого завитка воздушной змейки. Резкий рывок и моя челюсть на месте. Вовремя, а то без ахов вздохов всю колоритность эмоций не выразить.

— О Всевышние! Не могу в это поверить! Этого просто не может быть.

Передо мной раскинулся невероятно прекрасный город, и где кончалась легенда всех миров, видно не было. Огромнейший подводный купол тянулся на десятки тат вокруг. Все здания мифического города округлой формы с витиеватыми узорами, инкрустированные речными камнями, жемчугом и (откуда ему здесь взяться) серебром. Никаких углов. Стены из нефрита, бирюзы и кремния переливаются всевозможными оттенками зеленого и карамельного цветов. Сейчас день и каменная поверхность отражает множество лучей, что смогли проникнуть сюда сквозь толщу воды, тем самым пуская неисчислимое количество зайчиков по всему воздушному карману. Именно эти лучи во множестве своих отражений и освещают эту подводную крепость. Забавно, все считают, что Galad Isilme стоит прямо на воде или берегу. И никому и в голову не пришло, что может существовать настолько сильный маг, который удерживает столь бурную реку и не дает ей прорвать созданный им воздушный муравейник под водой. Воистину чудо из чудес. Широ сейчас съязвил бы что-то вроде «не думаю, что после тебя это все еще будет чудом» или «хоть руины оставь для потомков». Я стою перед одним из самых прекрасных мест в мире и мне не с кем поделиться этой радостью, даже с неэстетичным эльфом (неэстетичный эльф — прям сопоставление не сопоставимого!). Восхищение этим необычным городом в одиночестве не дает того чувства чего-то невероятного, что хочешь испытать, видя такое. Хоть бы Ван ляпнул глупость и развалил из-за своей неуклюжести парочку зданий. Тогда и образцы откалывать не пришлось бы. Да и оборотни были б в шоке. Может даже птичку проняло бы. Вроде как он теперь не единственное уникальное, что встретилось на моем пути.

Мы шли вдоль узких, усыпанных галькой улочек, а из домов выбегали дети. Причем не только в человеческом облике, но и парочка прозрачных лошадок проплыла рядом.

— А где взрослые?

— На охоте, — ой, а что это мелкое по всей спине и рукам пробежалось, слаженно так и несколько раз. А этот пожиратель человеческих жизней оскалился, вновь продемонстрировав диковинный прикус, — на рыбу и дичь всякую.

— Что еще за всякая дичь, — меня даже попустило немного.

— Зайцы, олени, оборотни, люди, маги... — в этот момент из-за поворота показалась небольшая площадка, видимо торговые ряды. А на прилавках ожерелья и оружие из костей, одежда из кожи, разнообразные части тел в сыром виде и покупатели, что не отходя далеко от места покупки, начинают рвать кровоточащую плоть разумных существ. Тянущиеся за откушенным куском мяса жилы и сухожилия медленно поддаются натиску острых зубов и мощной челюсти. Окровавленные руки и измазанные запекшейся кровью и жиром оскаленные морды. Пытаюсь проглотить комок, никак не глотается, скорее вверх ползти начинает. Только не это.

— Как-то слабо. Я уже ожидал обморока или истерики, — о чем он? Меня и так знатно вывернуло.

Зачем? Зачем они делают это? Мысли путаются, ноги не слушаются. Холодный пот крупными каплями падает мне на сапоги. Новый спазм сдавил горло. Все еще не разгибаясь, стою оперевшись о здание. Животные! Они настоящие животные. Не прощу! Не будь руки связаны, я бы не задумываясь насквозь проткнула его гнилое сердце своими боевыми ножами. А потом и остальные, столько, сколько успела бы вырезать, разорвать, искромсать, пока не упала бы замертво.

Все тело начинает трястись, и ни что не может унять эту дрожь. Одно дело умереть от меча, другое — быть съеденным. Причем заживо! Эти твари любят отрезать по кусочку, пока жертва еще жива. Они наслаждаются теплой, бьющей живительным фонтаном кровью, наблюдают, как жизнь покидает тело. А потом рвут его на части, не беря в расчет, жива ли жертва. Плотоядные уроды! Зря ты привел меня сюда, тварь! Если я выберусь отсюда, то сравню эту живодерню с водой. Камня на камне не оставлю. Всех и каждого монстра лично сожгу. Устрою им крематорий, пусть плаваются, пусть вода станет их врагом. Пусть обратятся паром, убудки!

— Ну как? Теперь твоя тяжелая голова поняла, что здесь никто не шутит. Ты жива, только пока я не улажу свои дела, Л-Е-Д-И. - он по буквам четко произнес «леди», отчеканив каждый звук, как замогильный звон. Это слово звучало как насмешка, как унижение. Как кличка, для временной игрушки. О да, они играют со своей едой, иначе пропадает аппетит. Он специально привел меня сюда. Этот кельпи извращенно пытается ввести меня в крайний ужас. Запах страха возбуждает его, щекочет ноздри, рождает аппетитные варианты съедения. Он уже придумывает наилучший рецепт, чтоб получить максимум удовольствия от процесса. Основа из страха, приправленная отвращением к самому факту существования таких как они, и щепотка ненависти. Все это он зальет безысходностью и мучительным ожиданием смерти. Он долго будет дегустировать блюдо. Когда же оно достигнет нужного состояния, потихоньку начнет свою извращенную трапезу, а распробовав хорошенько, с животной яростью и безжалостностью расправится с ним.

Нет уж, я не предоставлю ему такого удовольствия. Если уж быть съеденной, то пусть его вывернет от омерзения, потому что я буду самой пресной едой, какую только можно себе

представить. Нет, я буду самой ядовитой пищей, что смертельно отравит его. Он не почувствует моих эмоций, я убью их, уничтожу на корню. Не дам зародиться и самой минимальной эмоции. Я стану тем, кто вызывает такие эмоции. Я стану безысходностью для них всех, стану их ужасом, их кошмаром, которого так боялись маги. Я стану смертью!

Широварт ла Эк

Кто, к упырям, такой этот воин? Он однозначно маг, и очень сильный. Я не знаю никого с такой убийственно мощной аурой. Да как вообще Су его умалишенным называла? Глядя на всю ситуацию со стороны, я бы сказал, что идиотами выйдим именно мы все. Группа из самых разнообразных и сильных существ так позорно прошлапила лорда магии. Я лично знаком только с двумя. Так откуда он вылез и где прятался все это время? Я точно знаю, что эту высокую степень в магии не получал никто в последние пятьсот лет, а местоположение тех, кто получил ее раньше, знаю достоверно. По крайней мере, тех двух, кто выжил.

— И зачем ты меня на дно потащил? — отчетливо чую запах своей малышки, но прикинемся дурачком.

— Помалкивай эльф, я веду тебя в Galad Isilme, самый прекрасный город юго-восточных земель.

Вроде нужно удивиться, но как-то сложно это после встречи с лордом магии. Тут архимагов раз и обчелся, не говоря уже о лордах. Лучшее решение: идти за ним по этому воздушному тоннелю и помалкивать. Проявлять сомнение, все равно, что оскорбить его силу. А я уважаю силу этого воина. Несмотря на то, что он жутко раздражает меня, он действительно мастер. И сейчас он ведущий, а я ведомый. Пока. Да уж, пренебрежение к рабу у меня точно исчезло.

— Войдем в город, держись позади. Если все пойдет по наихудшему сценарию, ты это поймешь. Тогда не заставляй свои стилеты ждать и напои их кровью речного народа. Неповиновение должно караться смертью! — как-то нехорошо это прозвучало. И, не поворачиваясь ко мне, маг первым вышел из тоннеля.

— Поцелуй меня сирена... — на этом слова кончились, остались только ругательства. Я жадно разглядывал все вокруг. Вот где проснулась светлая эльфийская кровь. Чувство прекрасного захлестнуло меня. Возникло непреодолимое желание коснуться всего, запомнить каждый изгиб и форму. И тут перед глазами всплыла ладонь. Я одним движением руки поставил блок и атаковал в ответ. Маг так же искусно блокировал мой удар.

— Не отвлекайся, а то я начинаю разочаровываться, — и он снова развернулся ко мне спиной.

Неужели он надеялся застать меня врасплох. Признаю, он хорош, почти так же хорош, как и я, но он боец дальнего боя, в отличие от меня. Завяжись драка между нами, ему и десяти минут не выстоять. Про дальний бой ничего не могу сказать, слишком мало я знаю о нем. Но недооценивать не стоит.

Мое внимание от мага отвлек шум. Оглядеться не помешает. Как-то беспокойно здесь. Почему народ не обращает на нас внимания. Даже наоборот, они разбегаются как от заразы, причем не от нас. Поток беженцев идет от центрального здания. По виду — это дворец, туда мы и направились. Перед самыми воротами нас затормозили. Отряд стражи сломя голову несся внутрь, и нас просто оттолкнули в сторону, не придав ни малейшего значения. Да что

здесь происходит, некромант упокой?

Я схватил за шкурку одного не удачно пробежавшего молодого кельпи. Тот в ужасе уставился на меня.

— Пацан, что здесь стряслось? — кельпи вцепился в держащую его руку и начал отчаянно вырываться.

— Говори, я сказал!

— Смерть, всех нас ждет смерть! Если не уберетесь подальше, все сдохните! Она никого не оставит в живых. Пусти! — изловчившись, паренек вцепился в мою руку зубами.

— А! Паршивец, — я разжал хват, да и смысла держать его больше не было, — сдается мне, что мы опоздали с помощью, — я приложил место укуса к губам и начал высасывать текущую кровь. Кто знает этого мелкого. Вдруг заразный.

Мой спутник невозмутимо зашел вовнутрь. Мог бы сказать что-то. На пути нам попадались целые отряды стражи, валявшиеся то тут, то там. Судя по количеству крови и нанесенным увечьям и ранам, все они безоговорочно мертвы. Я забеспокоился и прибавил шагу. Двери главной залы мы открыли вместе с Ваном. Вместе же и застыли на пороге. За всю мою жизнь меня часто удивляли, заводили в тупик, но настолько ошарашить, что ноги к месту приросли?! Воистину на такое способна лишь одна женщина.

На троне восседал, если говорить по внешнему виду, местный владыка. Он молился, не знаю кому, и был на грани обморока. Можно было с легкостью увидеть, как его страх начал материализовываться, черным туманом обволакивая почти прозрачное трясущееся в не прекращаемой истерике тело. К его сонной артерии было приставлено тонкое эльфийское лезвие боевого ножа, одного из пары. Твердой рукой в неподвижности его держала моя melda. Она гордо и бесстрашно стояла за спинкой трона на возвышенности и холодно смотрела на нас. У ее ног валялись обезглавленные трупы. Кровь, что медленно покидала тела поверженных, лужицей растекалась по всему залу. Все говорит, что эти мертвецы — недавно прибывшее подкрепление. Когда же она успела?

— Су...

— Не подходи! — передо мной встал подросток и крепко сжимал огромный меч двумя руками. Они дрожали от напряжения, но его взгляд был решительным. Мальчишка, как и Суара, был весь в крови. Сегодня он отнял жизнь в первый раз, я вижу это по его опалевшему взгляду. Экстаз от своей силы заполнил все его существо. Он уже не слышит и не видит угрозы, что исходит от нас. Чувство превосходства над своими жертвами, право отнимать жизни, все это затмило разум, закрыло шорами азарта его глаза, опустошило сердце. Он более не вменяем. Он безумный зверь, жаждущий убийств. И не важно, кто это будет, друг или враг. Я видел уже такое. Суара вела себя точно так же. Тогда она впервые познала пьянящее чувство отнимаемой жизни, когда ты держишь чужую судьбу в руках и только тебе решать жить или умереть. Она была безумна, как и этот мальчик сейчас. Нужно убить его и быстро. Я незаметно бросил взгляд на мага. Тот невозмутимо стоял в проходе и, похоже, ничуть не был озабочен ситуацией. Ему абсолютно начхать на всех и вся. Убийственное безразличие к чужим судьбам.

— Опустит меч, Кайа, — даже у меня пробежал холодок по спине от этого спокойного и ледяного голоса. Melda, что же тут произошло?

Удивительно, но подросток послушался и с видимым облегчением опустил меч.

— Дана, а кто они? — по-мальчишески просто, тыкая в нас пальцем, спросил этот оборванец.

— Да так, прицепились по дороге, — и банши махнула на нас рукой.

В этот раз ее голос звучал абсолютно обычно. А вот глава удивленно задрал голову. В его тупой башке явно не укладывалась столь явная перемена в облике этих двоих. У меня, если честно, тоже. А девочка выросла.

— И где твои мятежники? Струсили что ли?

— Не, щас придут, — и молодой кельпи закинул свой меч на плечо.

— Что, страшно? — это он уже побледневшему королю сказал, наклонившись набок и заглядывая в его лицо, — правильно боишься, тебя мои сородичи живьем сожрут за все, что ты творил со своим народом.

Ничего не понимаю. Стилет дракону взад, о чем вообще разговор?

Ван, тем временем, спокойно взял опрокинутый стул, провел над ним рукой, стирая пятна крови, и не обращая внимания на наши осуждающие взгляды, сел. Тут же в проем влетела группа вооруженных до зубов воинов. Полагаю, это мятежники.

— Вы опоздали, ребята. Тут уже небезызвестная банши постаралась. Медленно кладем оружие на пол, и тогда поговорим.

Маг даже не удосужился повернуться к компании прибывших. Он все так же боком к ним восседал на единственно чистой вещи во всем дворце. А вот мятежники пристально изучали его. И уже начало позвякивать железо при соприкосновении с каменным полом, как Су с диким воплем кинулась на стоящего чуть позади, самого выделяющегося своей внешностью, кельпи. Сверженный король, оставшись без присмотра, попытался ускользнуть, но не тут-то было. Его связующим заклятием связал Ван. И когда успел только, не шелохнулся же даже. А Суара стремительно сокращала расстояние. Первая атака не достигла цели, и девушка подключила обе руки. Я не знаю, зачем ей смерть этого кельпи, но если она так ярко этого хочет... Я схватил его одной рукой за шею сзади, дернул чуть вверх, при этом зажав нужные точки. Воин застыл, полностью парализованный. Су тем временем сцепила руки и всем весом летела на неподвижную жертву.

— НЕ-Е-Е-ЕТ! — мальчишка выскочил, как огненный вихрь из-под земли, и так же стремительно заслонил кельпи, блокировав удар банши.

— Ты что творишь, Кайа?! Он меня сожрать хотел! Да ты представляешь, сколько несчастных умерло в муках от его рук и клыков? Отойди! — но мальчишка не сдвинулся.

— Дана, он мой брат. Он мятежник. Да, он ел людей. Но он не мог иначе, его раскрыли бы. Подобраться к этому тирану можно было только став первоклассным охотником. Пойми, он не убивал невинных. Палан всегда искал убийц, насильников и воров. Он делал все, чтобы однажды иметь возможность жить без убийства разумных существ. Он на нашей стороне, — по щекам ребенка текли бессильные слезы. Он сильно любит своего брата.

— Он... он никогда не позволял ни мне, ни другим детям есть людей. Только благодаря его заботе мы все еще живы. Дана. Прощу тебя... пожалуйста... он моя единственная семья, — слезы застилали глаза подростка, он схватился за рукава рубашки Су и сжал их в кулаки.

— Пусти его, Широ, — и я отпустил. Это ее решение.

Кайа упал на колени и судорожно начал растирать соленые капли вперемешку с запекшейся кровью по всему лицу. Мой пленник отошел от меня и начал растирать шею. Похоже, все в порядке. Не тут-то было. Пока все успокаивались, Су подошла к Вану, беспардонно выхватила из-под него стул, (хотя рядом с десятком других валялось) после чего маг упал на пол, и, замахнувшись, пошла к все тому же кельпи, который в попытке

самоуспокоиться не замечал ничего кроме меня. Зря он так. Я конечно пострашнее буду, но женщина в гневе — это хуже. Особенно эта. И она не обманула моих ожиданий, со всей дури обрушила стул на спину этого дурака. Сильно же она его ненавидит. Стульчик разлетелся, а она все колотит его тем, что от него осталось.

— Тварь плотоядная, коняга безмозглая! Чтоб тебя горгульи разорвали. Кости твои обглодали! Чтоб некромант над твоей тушей поглумился, и не раз и не два! — ого! Вот лучше сейчас ее не трогать. Тут еще много чего можно разбить о наши головы.

Когда запал прошел, и девушка упала на колени, тяжело дыша, я осмелился подойти.

— Может, теперь расскажешь, что здесь произошло? Как вы вообще умудрились добраться сюда, перебить столько народу и устроить переворот? — она отрицательно покачала головой.

— Что видишь, то и произошло. Я не горю желанием вспоминать все это, — и Су повернулась к магу. Тот внимательно смотрел в ответ.

— Какого недоупокоенного мертвяка, ты тут делаешь? Скройся в тумане и основательно так, чтоб не нашла, — маг скривился в довольной улыбке.

— Поздно, теперь уже поздно.

— Верни назад мою неумеху. Сгинь нечисть. Тошнит уже от вас всех, — все так же сидя на полу, она пнула проходящего в себя кельпи, — я жутко устала делать за тебя работу, так что поднимай свой лошадиный зад и скачи устраивать нам ночлег, или я не ручаюсь за твою целостность! Не заметишь, как скопытишься!

Ну что ж, это снова *melda nyu*!

Наконец, можно расслабиться, а то после сегодняшней бойни уже не чувствую ни рук ни ног. Ладонки саднит. Это занозы от стула остались, вернее от щепок, которые были раньше мебелью. Смотрю на валяющегося рядом кельпи и снова злиться начинаю. Нетушки, нечего ему отдыхать. Сильно, насколько это возможно в полу лежащем состоянии, пнула Палана.

— Я жутко устала делать за тебя работу, так что поднимай свой лошадиный зад и скачи устраивать нам ночлег, или я не ручаюсь за твою целостность! Не заметишь, как скопытишься!

— А ты ничего не забыла? — я посмотрела на Вана, версия два. Ноль ответной реакции. Потом на заложника, которого еще не прирезали.

— Не моя забота, пусть творят, что хотят, а я спать, — у мага приподнялась одна бровь, выражая легкое удивление.

— А ты хладнокровная.

— А жрать людей это верх сочувствия, да? — и этот сидит себе на очередном отмытом стульчике и ухмыляется.

— А кто это людей жрет? — кажется, я отупела за последние пол часа, потому что ни орка не понимаю.

— О чем ты вообще? — воин продемонстрировал свои чудесные ровные зубы в отвратительной ехидной улыбке. Издевается гад. Смотрю на Широ, — о чем эта ошибка природы? — эльф пожал плечами.

— Жаль, буду скучать по твоим веселеньким песням, — заскрипел стул, и маньячина

направился к выходу.

По каким еще песням, я не пою. Разве что когда розовое чудо убьется.

— Ласкан! Горгулью в зад! Как я забыла. Алкай, Грог, как они там? Не дай Всевышние с ними что-то сделали эти некрофилы.

— Салвана забыла.

— Не забыла, сам сказал, он где-то недалеко валяется. Кайа, может ли ваша конница обыскать район вокруг реки. Там в кустах полу василиск ползает. Его б к нам доставить.

— Да без проблем сестрица. Наши копыта в твоём распоряжении, — и он передал мою просьбу страже.

Кстати говоря, о копытах.

— Кайа, у вас еще и кобыла должна быть. Вся палевая и характер отвратительный. Любит кусаться и бить копытом всех и вся.

— О-о-о-о, ты случаем не о том монстре, что в конюшне, в самом дальнем каменном деннике заперт. Это животное всех кобыл, что на продажу, искусила и деревянное стойло как карточный домик сложила. Пришлось ее изолировать.

— Она родимая, она. Верни мне ее, пожалуйста, — мальчишка кивнул и побежал на выход мимо эльфа.

Рядом с Широ стоял какой-то кельпи и о что-то оживленно вещал. А Вана я вообще не лицезрела в главном зале. И куда эта катастрофа всемирного масштаба делась?

— ... мы не претендуем ни на что, правда, Суара?

— А? — я не сразу поняла, что обращались ко мне, — ты о чем?

— Ты ведь не собираешься отстаивать права на владение частью города, — кельпи, что рядом с эльфом, разве что не обделался от напряжения.

— А, ты об этом, конечно буду отстаивать! Я тут пол вражеской армии положила, а они мне спасибо и пока. Нашли бесхребетную нимфу, — при слове «нимфа», аж сердце екнуло. Как там моя птичка держится? Должна держаться, все они должны. Не зря же я в кратчайшие сроки целый переворот устроила у речного народа.

— Су? — вынырнула из печальных мыслей. Пора взбодриться.

— Пока вы тут свои дела налаживать будите, мы за друзьями пойдём, по возвращении и разберемся, кому какую половину. Я имею в виду, что одна четверть моя, другая Кайи, а другую половину себе оставьте. Возражения есть?

Кельпи преклонного возраста, который и затеял дележ по горячим следам, сдержанно кивнул и ретировался. Вовремя, надоели мне их клыкастые морды. Еще свежи воспоминания о недавнем посещении местного рынка, а точнее живодерни. Как-то не верится в их внезапное просвещение и новую животную диету.

— Широ, что-то серьезное стряслось? — мой учитель обратил на меня свое рассеянное внимание.

— Да нет, подумаешь, ты почти в одиночку вот этих к праотцам сопроводила. Ты ж у нас каждую неделю партию из свежеприставившихся Всенижнему отсылаешь. Чего уж тут серьезного? — ехидничает, а голос взволнованный, видать сильно его зацепило.

— Прими как данность, я крутая убийца, а ты отстаешь по очкам, — и я победно улыбнулась. Без подсчетов ясно, что ему деревеньку волколаков минимум вырезать надо, чтоб меня догнать.

— Да уж, отличилась, нечего сказать.

— Чего это с тобой? Мой Широ уже давно возмущаться бы начал, защищая свою

гордость, — на слове «мой» эльф вздрогнул, — и вообще, стоишь тут стенку подпираешь. Еще утром ты бы уже всех построил, разработал план, меня отругал и за шкуру бы нас всех потянул спасать пленных. Ну и где инициатива? Сдулась за семь веков? Или это от старости? — прищутив глаза, откровенно начала его провоцировать.

— Деточка, границу переходишь, — он медленно двинулся ко мне, с грацией крадущегося таара (представитель кошачьих, размером со среднюю лошадь). Пора поднимать свои бранные мощи с пола и давать деру.

— Да? А я уж подумала, эта граница от стольких лет рассыпалась прахом, — ой, не надо было лить масло в огонь.

Я бросилась наутек из дворца. Широ за мной. Особой грациозностью мой побег не отличался. Я то и дело опрокидывала оставшиеся чудом стоять статуэтки и каменные вазы. Пару раз даже лавочки и тумбочки попадались. Приходилось падать в кувырку и, встав на ноги, ломиться сквозь этот беспорядок снова. Тишина позади, не считая грохота от меня самой же, настораживала. Но я знала, что эльфы весьма гибкие и тихие существа. А вот в чем я была уверена, так это в том, что преследователь ни за какие коврижки не оставит мои слова безнаказанными, да и азарт проснулся.

Еще несколько шагов и открытое пространство. Глядишь и скроюсь. Четыре, три, два...

— А-а-а-а...мфм-м...м-м-м-х-х, — я смотрела на желанный выход поверх мужской ладони, что зажимала мне рот, и стало так обидно. Всего-то шаг. Погодите-ка, какая-то маленькая ладошка для Широ. Его мне пол лица бы закрыла, а эта так, ротик прикрыла, да и нежно как-то. Прошла пара секунд, я стояла и ждала. А что? Не убивают, никуда не тащат, да и как-то ласково держат. О, уже не держат.

— Извини, что неожиданно, но если бы издала хоть звук, эльф засек бы в два вана, — конечно, я узнала этот ломающийся, переходящий из мальчишеского писка в мужской бас голос.

— Кайа, я вообще-то по прямой бежала. Как он, к вампирам, умудрился меня потерять? — вопрос закономерный, согласитесь.

— Ты забыла где находишься. Это город водяного народа. А что, как ни вода, умеет отражать предметы и искажать их форму своим движением. Galad Isilme принял тебя, он дал тебе защиту. Теперь это твой дом, который будет ждать твоего возвращения. Место, которое даровано тебе в сердце живого речного города. Согласись, это потрясающе, — его лицо светилось благоговением и гордостью за свое наследие.

— Ты хочешь сказать, что Широ сейчас всю бегает за моим двойником? — кельпи скривился, — ну, отражением.

— Да, — мне поплохело.

Широ и так злиться, а поносившись за мной с пол часика, так и вовсе придет в неконтролируемую ярость. Как это он меня поймать не может. Гордость такого не перенесет. И вообще, становиться между мужиком и его гордостью чревато членовредительством для тех самых, кто между.

— Эй, там. Galad Isilme, прошу тебя, рассеяй лже-меня, а то некому будет возвращаться в отведенное тобой местечко, — думаю, за мной было смешно наблюдать. Стою посреди холла с задранной головой и кричу в потолок, ожидая, что он снизойдет до ответа. Не снизошел.

— Как думаешь, послушал?

— Не знаю, дворец довольно эксцентричное здание, — обнадежили меня, — Дана.

— Аюшки.

— Меня старейшие расспрашивали. Я от них еле улизнул. Как раз думал на поверхность за твоей кобылой податься, когда тебя заметил, — я оторвалась от бесполезного созерцания потолка.

— Что ты им сказал? — как-то резко получилось.

— Н-ничего, говорю ж, убежал, — таки ошарашила коняшку.

— Это хорошо-о-о.

Так, надо подумать. Это проблема. Никто не должен знать, что на самом деле здесь произошло.

— Дана, — осторожно окликнули ушедшую в себя банши.

— А, прости, задумалась. Так о чем ты?

— Что мне ответить старейшим? Они не отстанут, — ох уж мне эти старейшие. Не было печали, орки накачали.

— Говори, что я твоих сородичей прокляла. Пусть думают, что я их своим криком обрекла на смерть. А ты жестко вырезал умирающих, впрочем, как и я, — я поразмышляла немножко и добавила, — и скажи, что половина стражи под моим гипнозом была. Так избежим не нужных вопросов. Им же невдомек, что я и пушинку не подчиню.

— Хорошо, — и Кайа двинулся на выход. А мне пора сдаваться Широ, а то хуже будет.

Вот как жизнь иногда извернется. Всего час назад я связанная готовилась стать обедом, а сейчас я владею четвертиной речного города и его благосклонностью. Чудеса, да и только.

— С-у-у-у, — ноги примерзли к полу от этого мелодичного голоса. Услышишь такое посреди ночи и не проснешься.

Из-за угла выскочила моя копия и замерла напротив меня. Печенка заныла. Скоро появился и мой совсем не эпический конец. Просила же рассеять отражение. Прав Кайа, ненормальное здание. Посмотрела на взбешенное лицо Широ, который осознал, что его вар эдак пятнадцать за нос водили, устроив марафон, и решение далось легко. Пойду-ка посмотрю, как там Паля. Уже на бегу подумала: жить во дворце ни за что не буду! Никогда!

Двадцатый вечер второго летнего месяца был спокойным и безмятежным. Легкий ветерок разносил по округе белый пух отцветших лугов. Он мягко оседал на воды великой Онры, устилая поверхность, как пушистое покрывало, защищающее водяную гладь от чужих любопытных глаз. Мало кому довелось увидеть то, что было скрыто в глубине реки, которой предназначено находиться в вечном движении, без возможности прекратить свой бесконечный бег. Круговорот вещей никогда не позволит мятежной водной стихии познать покой.

Глубоко под водой, на самом дне, редкие вечерние лучи освещали древний каменный город. Он видел множество войн и королей на своем долгом веку. Сегодня же ему предстояло стать свидетелем начала новой эпохи, нового события в упорядоченном течении времени, нового витка в непостоянности событий.

На площади, близ рынка, беспокойно озираясь, переминался с ноги на ногу юноша. Перед ним стояла тяжелая задача, но еще тяжелее было решение, которое ему нужно принять: спасти девушку от собственного брата или дать ей умереть, тем самым не послушавшись наказа. Ему нельзя было покидать своего дома. «Слишком опасно!» — всегда

говорил брат. Но он уже нарушил обещание сидеть дома. В любом случае будет порка, так почему бы не сделать хоть что-то стоящее, достойное великого рода кельпи. И молодой конь решил.

Незаметно для окружающих мальчишка подобрался к одиноко стоящей фигуре со связанными руками. Ее пленитель в пятнадцати шагах от нее что-то увлеченно обсуждал с продавцом. Это был их шанс. Осторожно зайдя за спину девушки, кельпи шепнул:

— Не двигайся, — его послушали. Вытянувшись в струну и задержав дыхание, девушка замерла, крепко сжав кулаки.

— Расслабь кисти и растяни веревку, чтоб я смог ее разрезать, — пленница дернулась, — быстрее!

Выполнив все, как было сказано, девушка через секунду была свободна.

— Теперь быстро уходим. За мной, — противиться никто не стал.

Зайдя за очередной угол, юноша снял свой плащ и передал его своей сообщнице.

— Надень, и капюшон тоже. Мы теперь с тобой повязаны. Вне зависимости кого поймают, обоим конец, — вопросительный взгляд и слегка приподнятые брови. Похоже, она решила не разговаривать, — запах. По моему запаху на тебе меня и вычислят. А без меня тебя через секунду обнаружат даже в толпе. Так что я твое прикрытие. Это на тот случай, если хотела сбежать.

— И как звать тебя, «О, спаситель»? — не то чтобы он не ожидал ее вопроса, но голос девушки завораживал и манил к себе непонятной силой, как под гипнозом.

— Кайя, — все еще находясь в прострации, ответил молодой кельпи.

— Меня Дана, и раз уж от тебя не отвяжаться, то скажи хотя бы, куда мы дальше? Обнадежь меня, — Кайя все больше поражался этой девушке. Ни капли страха или паники. Спокойное, рассудительное поведение с долей самоиронии и сарказма. Ее только, что чуть не съели, а она так бесстрашно реагирует.

— Ко мне домой, это на окраине...

— Там, где детишек тьма тьмушая и ни одного взрослого?

— Да, туда.

Больше вопросов не последовало. и, взяв за руку закутанную с ног до головы в плащ девушку, кельпи стремительно направился к выходу из города.

По пути проблем не возникло. Домик действительно был чуть ли не последней постройкой перед тоннелем. Маленький, все такой же округлой формы, как и все здесь построенное, он был все равно прекрасен в своей необычности.

— Мило. Ты один живешь?

— Да, — Дана присела на небольшую лавочку в углу и внимательно осмотрела комнату, единственную в этом домике. Лавочка, на которой она сидела, была каменной. Справа от входа стояла каменная нефритовая кровать и, что удивительно, деревянная тумбочка. Напротив расположилось что-то вроде умывальника, растущее прямо из стены, и все из того же камня шкаф до потолка. Все. Больше здесь ничего не было. Даже вазочки или ковра.

— И тебе комфортно? — девушка поежилась от такого количества холодного камня и отсутствия всякого уюта.

— Вполне. Это все равно ненадолго, — банши была крайне заинтересована в этом самом «ненадолго», о чем и не преминула сообщить.

— То есть? — мальчишка вздохнул.

— То есть живу так не я один, и не мне одному это надоело.

— Как интересно, продолжай.

— Ты заметила, что здесь одни дети да подростки, — кивок, — так было не всегда. Раньше у всех были родители. Но они вынуждены были подчиняться королю и идти на охоту. Но даже это не причина так ненавидеть нашего короля, — Кайа опустил полный боли взгляд в пол. Ему было тяжело рассказывать о своей жизни. Не все так радужно оказалось в великом граде.

— Но со временем стало хуже. Тех, кто возвращался с пустыми руками, самих приносили в жертву, то есть банально ели. Такими темпами почти все взрослые этого района закончили на столе у владыки. Мои родители тоже, — сжатые челюсти, ничего невидящий взгляд. Кельпи не хотел так много рассказывать, но будто провидение тянуло из него все больше и больше слов.

— Взрослых, что решили просто не возвращаться назад, наказывали по-особому. Все их родственники шли за дичь на празднике живота. Сейчас же любого сироту могут просто унести неизвестно куда. Временами сюда захаживает стража и прихватывает с собой парочку ребят и, естественно, никто не возвращается. Жить так стало невыносимо. Появилось много тех, кто перестал мириться со всем и слепо следовать приказам. Это и есть нынешние мятежники, — Кайа встревожено поднял глаза. Он сказал слишком много. Что теперь будет с мятежом. Юноша испугался.

— И когда ваши ребята хотят действовать? — кельпи сглотнул.

— Скоро. Нужно, чтоб что-то привлекло внимание стражи и отвлекло ее от дворца. Скоро праздник, это идеально для нас, — подросток в ужасе закрыл рот рукой. Слова вылетали в независимости от его желаний. Он просто не мог не рассказать все, о чем его просила эта странная человечка.

— Вот и хорошо. Значит, я пошла отвлекать внимание стражи, а ты зови своих сообщников. Скажи им, у них появился уникальный шанс все изменить. А кстати, почему ты меня не съел? — мальчишка даже руку ото рта отнял от удивления.

— Так мы не едим разумных. Ты что, не поняла до сих пор? — девушка покачала головой.

— Ладно, я пошла, — Дана встала и направилась к двери.

— Куда? Я с тобой.

— Ты своим лучше все передай.

— Так передал уже.

— Что? — удивилась человечка.

— Ребята под дверью сидели, они уже побежали все рассказывать.

— Отлично. Ты знаешь, где здесь печень достать можно? — и девушка ехидно усмехнулась. Кельпи от одного этого слова всего затрясло. Ну не переносят кельпи печень, никак. Она для них яд.

— Не далеко, тоже на окраине. Туда все отходы скидывают.

— Показывай, — и они дружно покинули свое маленькое пристанище.

Что за странный мальчишка? Костлявый весь, одет в странные облегающие тряпки. Дергается при каждом шорохе, но скорее из осторожности, чем страха, что радуется. Однако стоит ему глянуть в мою сторону и меня передергивает. Внимательный, все видящий взгляд

глаз цвета адуляра с синим отливом будто рассматривает твою душу. А угольно-черные волосы еле доходящие до талии с парой пепельных прядей у висков и еще тремя стекающими из-под общей темной массы длинной до бедер лишь дополняли и без того экзотический облик юноши. Да и вообще тут тролли знают, что творится. Оказывается, не все лошадки кровожадны. Однако.

Описывать процесс сбора печени не имею никакого желания. Хватило и того, что я эту самую печень из выгребной ямы вытаскивала. Мало того, что сам орган не первой свежести, так еще и все прилегающее вокруг приятных ароматов не добавляло. Но я справилась и получила бонус в виде печеночного камуфляжа. А что? Своеобразная защита от кельпи. Нужно будет над этим серьезно подумать на досуге. Ведь ТАКАЯ вещь может получиться. Вот только мальчишка теперь ко мне ближе чем на три тара не подходит, его, видите ли, тошнит от меня.

А если в общем, план был таков: наводим шумиху и делаем ноги, стража за нами, мятежники во дворец. И здравствуй свобода, смерть неверным.

Все шло как надо. Мы пошумели, привлекли внимание. Но, как всегда, есть «НО» с большой буквы! И самая главная ошибка была в том, что никому в голову не пришло проверить, где же сейчас ошивается стража. С этого момента все пошло наперекосяк. Если б могла выбраться со дна, уже была бы на пол пути к тоннелю. Но ах и увы, магией не обладаю. Да и, кажется, у них там супер стража стоит на выходе. Попали мы в собственноручно вырытую могилку.

Стража появилась аккурат позади нас. Единственный путь к бегству — прямая дорожка во дворец. В голове всплыл недавно придуманный план, когда я еще пленницей была. Присутствие кельпи делало этот план еще безумней, но и вероятность успеха сильно возросла. Ну что ж, или пан или слопают!

— Кайа, беги вперед. Как только услышишь, продолжай бежать и кричать: «Мы все умрем, мы обречены. Она нас всех убьет. Лишит разума!» и все в том же духе.

— А что услышу?

— Узнаешь, и поверь мне, не ошибешься. Беги прямо во дворец, но не смей нападать. Твоя задача сеять панику. Вперед, — и подтолкнула его.

— А ты? — он обернулся.

— А я прямо за тобой, — и да помогут нам Всевышние!

Я подождала, пока Кайа скрылся из виду, и повернулась к почти вплотную подошедшей страже.

— Ну что мальчишки, вам пора умирать, во благо общества, так сказать, — я набрала побольше воздуха в легкие и что есть мощи крикнула, предвещая множество смертей, и это отнюдь не было притворством. Сегодня очень многие умрут. С некоторых пор я чувствую смерть еще до того, как она оповестит меня о своих планах. Моя сущность явно становится сильнее. Вот и крик получился просто ужасающе-леденящим. Точно знаю, что глаза сейчас полностью черны как безлунная ночь. В причинах буду разбираться потом.

Нужный эффект был достигнут. Паника. Где-то вдалеке я расслышала крик Кайи. Пора. Я развернулась лицом к дворцу.

— Вы все уже мертвецы, как и ваш король! — и сорвалась с места.

Тренировки Широ не прошли даром, сейчас меня разве что кельпи в лошадином облике догнали бы. Но увы, в таком состоянии они могли только тащиться за мной, постоянно спотыкаясь и падая. Вот что значит разлагать дисциплину. Я бежала, а народ вокруг просто

шарахался в стороны, а потом и вовсе начал беспорядочно носиться и голосить во все свои водяные голосовые связки. Так-то у них приятные журчащие голоса, но когда эта водичка пытается журчать на ультразвуке! Бедные мои ушки. Но это сработало даже лучше, чем мой крик. Еще до того как я появилась кельпи уже во всю бились головами о свои прекрасные нефритово-кремнеевые стены. Любо дорого смотреть.

Впереди показался дворец. Кайа, молодчина, вон уже и стражу оповестил об одной очень страшной и опасной банши. Передо мной стояла линия из трех дюжин воинов. Дело плохо. Нужно срочно что-то придумать. Обернулась, за мной около двух дюжин. Еще повоюем. И с предвкушающей улыбкой крикнула, надеясь на нужную реакцию.

— Взять их, убить всех на месте, — воины впереди начали свое движение ко мне, как отклик на провокацию. А те, что сзади, поняли все по-своему. Каждый отряд был уверен, что перед ним загипнотизированный, управляемый мной, враг. Все хорошо, но как быть мне? Меня-то оба отряда прибить попытаются. Не нашла ничего лучше, как сломя голову нестись на шеренгу в надежде, что испугаются. Пока не пугались. Ладно, сами напросились. На этот раз крик был чуть менее пронзительный, но если вам прокричала разъяренная банши почти в ухо, дезориентация обеспечена. Подозреваю, этих самых контуженных первыми и убили. А еще не плохо помогал печеночный камуфляж. Стоило подобраться к кому-нибудь из коней вплотную и их начинало нещадно рвать.

Понятно, что победили парни из дворцовой стражи. Они же за мной и кинулись. А я не тороплюсь. Понаблюдала за бойней, подобивала недобитых, напевая в процессе зауспокойные песни, и ликовала. Я обещала, что стану вашей смертью. Зря мою внутреннюю угрозу не послушали.

Новый забег, но уже по дворцу. Дворец просто шикарен. И все, больше я ничего не успела разглядеть, так как уже приближалась к тронному залу. Кайа уже был там и голосил во всю. Умничка мальчишка. Спас нас. Вот здесь пришлось достать свои боевые ножи. Толку от меня как от воительницы ноль. Мой половинчатый эльф всегда говорил, что мне нужно избегать прямого боя. Моя тактика: убегай, прячься, не попадайся и бей исподтишка. А что? Ведь не я агрессор, а в защите самое главное нападение, пусть даже исподтишка. Меня, конечно, обучали боевым искусствам, но с моей физической оболочкой только мышкам угрожать. Для остальных, то же самое, что в дракона зубочисткой тыкать. С людьми, правда, еще куда не шло. Там я на уровне. В данной ситуации — я не боец. Хорошо, что Кайа этого не знает, а то точно бы в бой ввязался. Не надо нам мертвых детей, еще и совесть потом замучает.

Я почти достигла распахнутых в ожидании меня дверей, как в глаза бросился окровавленный стол. Человеческие останки разбросаны по всей его поверхности. За столом, на возвышенности в резном каменном кресле, видимо это трон, сидело чудовище. Все его руки были по локоть в крови. С пасти медленно стекал тягучий вишневым ручеек вперемешку с отвратительной голубоватой слюной. Я не могу припомнить его внешность, ее просто не было, на фоне всех этих зверств. Этот монстр обратил на меня внимание и отшвырнул большой кусок мяса, в который только что вгрызался. До вооруженных клинками кельпи осталось не более десяти шагов, когда я разглядела, что за кусок мяса валялся у ног этого ублюдка. Меня начало мутить, очертания зала поплыли.

Это была маленькая девочка кельпи. Ее горло было разорвано, по всему телу были вырваны клочки плоти. Но самое ужасное в том, что она была жива. Ее регенерация много выше чем у людей. Я только могу предположить, как долго он издевался над ней, что

некоторые раны успели покрыться коркой. Изверг! Теперь понятно, зачем ему такие строгие правила. Только так можно было законно получать кельпи. Они не так хрупки, как люди, и могут многое вынести, а благодаря регенерации не умирают от потери крови. Ненавижу! Для него собственный народ, это скот. Убью!

— Сукин сын! УБЛЮДОК! — я неслась на стену из воинов как сумасшедшая, я ничего уже не видела, кроме этой девочки и чудовища, что должно умереть в муках.

Я не поняла, как прорвалась к трону, но, похоже, Кайа все-таки вступил в бой. Стражники все так же дрались между собой, не понимая, где истинный враг. А им была даже не я. Это ОН! Эта тварь осознала ситуацию, в которой оказалась. Я попыталась пробраться к девочке, убить ЭТО я успею, а вот спасти.

Монстр на троне понял мою задумку, одним движением он схватил ребенка и перегрыз ей горло. Я почти успела, но меня снес очередной противник. Не помню, как поднялась, помню только жгучую ненависть и черный туман, исходящий из моих пальцев. Он душил сидящее на троне ничтожество. Позже я поняла, что это страх. Ужас, которым я отравила его сознание, и я упивалась его страданиями. Я жадно тянула из него жизнь одними лишь эмоциями.

Внезапно кто-то схватился за мою ногу. Я опустила взгляд. Маленькая кельпи, не способная даже поднять головы с лужи собственной крови на полу, крепко держала меня за лодыжку одной рукой. Ее ногти кое-где пробили мои сапоги насквозь. Это сколько же желаний жить в этом маленьком, но стойком существе. Ненависть и желание мучить и издеваться так же как поиздевались над этим чудесным созданием с золотыми волосами и когда-то зелеными глазами, возросло в сто крат. Видимо ребенок понял это. Еле слышным, прерывающимся голосом, меня попросили. И от этой просьбы хотелось разорвать всех вокруг.

— Эт... мое наказание... не убивай... мой дядя...

И удивительно чистые малахитовые детские глазки закрылись в последний раз. Я чувствовала пустоту, отсутствие всяких эмоций. Оставалось лишь бродить по залу и добивать выживших. На них я могла отыграться. Я не задумывалась, а так ли виновата вся стража, может, были и просто верные слуги короля, которые при этом не разделяли его взглядов. Мне было это не важно. В конце концов, любой допустивший такое с этой маленькой жизнью, виноват ничуть не меньше.

Добив всех, я поняла, что тварь, прячущаяся за короной, все еще объята моим черным туманом ужаса. Славно, он все равно мучился. Я не горела желанием развеивать этот туман, да и не имела ни малейшего понятия, как это сделать. Надеюсь, соплеменники изуродуют его так, что даже Всенижний ужаснется, увидев эту тварь по прибытии в его царство.

Не вытирая отяжелевшие в моих изможденных руках ножи и позволив свежей крови капать с тонких лезвий, я приставила сталь к горлу монстра, объятого страхом, тихо напевая чистой душе уходящей в свет.

Словарь

1. lasleg — остроухий

2. Galad Isilme — Отражение лунного света

3. melda nua — моя любимая

4. Таар — представитель кошачьих, размером со среднюю лошадь. Имеет коричневый окрас.

Глава 13 Сила духа

Сила духа превосходит любую физическую.

Не прошло и полчаса, как наш небольшой отряд появился на берегу реки. Последние закатные лучи будто подбадривали нас, перед тем как погрузить в темноту ночи. Идти к проклятым в темное время суток — ритуальное самоубийство. Они дети тьмы. Ночь их время. Во тьме они сильнее, умнее и опаснее. Но ждать утра, то же самое, что подписать смертный приговор пленникам. Если они еще живы, на что я искренне надеюсь, то держатся на чистом упрямстве. Однако даже самое упрямое в своем упрямстве существо не доживет до рассвета. Это было известно всем.

Я повернулась к остальным. Широ сидел верхом на одном из воинов кельпи и расслабленно, абсолютно безэмоционально смотрел перед собой. Тариван же просто развалился на земле и, заложив руки за голову, любовался закатом. Никакого интереса к сложившейся ситуации. Лишь неосознанная улыбка, навеянная игрой света и красок на небосводе. Да уж, на такого не положишься в разгар схватки. Помимо нас троих были еще трое кельпи, не считая того, что встал под седло Широ. Одного черноволосого я уже хорошо знала, как и его отвратительный характер. Только не пойму, зачем его понесло с нами?

Кайа тоже очень рвался со мной. Пришлось напомнить, что только по чистой случайности и из-за крайнего идиотизма мы вообще живы. Кому расскажи, обхохочутся. Стравили кельпи между собой и любовались получившейся неразберихой, а все племя считает нас великими воителями, которые вдвоем разгромили армию лучших бойцов всех водных народов. Не думаю, что самоуничтожающиеся армии в моде, так что нынешняя вылазка намного опаснее. На чувствах карателей не сыграешь, если у них вообще таковые присутствуют. Здесь на кон поставлены не только наши жизни, но и наши души.

Паля нервно жевала удила и периодически вскидывала голову, выражая крайнее недовольство ситуацией. Вся радость нашей встречи (летающие и покусанные кельпи) улетучилась, как только стало ясно, что днем мы к карателям не подберемся. Как будто ночью сможем? По мне, так я найду их только когда свалюсь им на головы. Кобыла снова дернула поводья и недовольно фыркнула. Да, милая, я тоже не в восторге дожидаться ночи и идти в темноте неизвестно куда, полагаясь на чудесный нюх кельпи. Вообще не могу понять, почему они так чувствительны к запахам. Кайа пытался мне объяснить. Вроде они по запаху определяют чистая вода или чем-то загрязнена. А почуять тонкий аромат воды способен только обостренный нюх. Да уж, по сравнению с запахом воды остальное просто устойчивая вонь.

Последний лучик ярко сверкнул и исчез за горизонтом. Берег погрузился в сумерки.

— Пора, — эльф дал отмашку, и мы стартовали.

Впереди шли кельпи в истинном облики и осторожно принюхивались, выискивая особенный запах, запах полыни. Смешно было смотреть, как здоровые кони обнюхивают все вокруг, притворяясь ищейками. Даже настроение улучшилось.

Далее шли мы с Палей, точнее, я ехала. Не особо мне нравилось идти за кельпи. В их силе я откровенно сомневалась. А вот Широ с маньяком, похоже, подстраховались. Они замыкали шеренгу. А может и в самом деле меня берегут? Сомнительно, конечно —

жертвовать выгодной позицией ради чьей-то одной жизни. А моя позиция была самой выгодной.

Темнота сгущалась вокруг нашей разношерстной компании. Еле заметные тени деревьев и кустов мягко скользили по лицам моих спутников, что прибавляло загадочности их взглядам. Редкий ветерок подлетал к нам и порывисто взвивал распущенные волосы, путался в гривах скакунов, настойчиво вплетая в них пух и редкие, сорванные с деревьев листочки. Он танцевал вокруг нас, то качая кроны молодых березок, то проскальзывая юрким зверьком в траве между лошадиных копыт, норовя привлечь всеобщее внимание. Игра бликов света, тени и озорного ветерка навеивала мистическое настроение. Видение на грани реальности и сновидений. Доверчиво следуя за чувством нереального спокойствия и нирваны, я не сразу осознала, что так не может происходить на самом деле. Потерев глаза и встряхнув головой, наткнулась на немигающий взгляд Таривана, внимательный и пронизывающий. Когда только успел подъехать ко мне вплотную? Я даже отклонилась в противоположную от него сторону.

— Слишком быстро ты пришла в себя. Это необычно, — Тар снова устремил свой взор вперед и немного отстал от меня, — лучше бы понежилась еще с ват.

Я впервые была с ним согласна. Потому что реальность грубо ворвалась в мое сонное сознание. Холодный, режущий ветер, скрип шатающихся деревьев и вой ликанов не придавали мне оптимизма. И почему я такая гипнозостойчивая? Да и вообще не понятно с чего мне такая честь оказана. Великий и ужасный снизошел до заботы о ближнем своем. Нонсенс.

В глубине леса раздался душераздирающий крик. Испугаться и занервничать мне попросту никто не дал. Я только вовремя успела перейти на шепот.

Жизнь жестока и трудна,
И у всех она одна.
Исключений не дано,
Только нимфе повезло.

Ее режут, ее бьют,
Пальцы отрывают.
А она из неоткуда
Восстает из пепла чудом.

Банши, орки побери,
Если раньше, до зари,
Не спасет поганка птицу
Проклянну, сею девицу!

Идиотка, поспеши!
Если хочешь, запиши:
Третий кустик под березой
У овражика с мимозой.

Шагов с десятков влево
Наткнешься ты на древо.

Без единого листочка
Почило на краю лесочка.

Трупик дерева оставь,
Пробираться будешь вплавь.
Через, озеро у луга
Меня мучают, подруга!

Оба оборотня в спячке.
Уступают лишь жвачке
По помятости своей,
Даже тролли красивей.

А коняга твой чернявый,
Оказалось, воин бравый.
Полюбились ему трупы,
Он их грыз нещадно группой.

Жаль зарезали коня.
Помочь не смог ему, друзья!
Своей малой силой
Наши жизни спас ретивый.

Умоляю тебя, Дана,
Посети меня нирвана,
Невидно здесь ни зги,
Заклинаю, помоги!

— Они все живы! — от радости вскрикнула я. На меня тут же набросились.

— Тише ты! — шикнул Широ, — как близко мы к ним?

— Примерно два тата, может три. Получается, где-то на окраине есть мертвое дерево, за ним озеро и луг. Там их и держат.

— Почему ты так в этом уверена? — присоединился к обсуждению Палан. А он-то куда лезет?

— Я так чувствую. Если ты оглох и не слышал, о чем я пела, это твоя проблема, — меня переполняло волнение, никак не могла сосредоточиться. Я схватила Широ за руку и попыталась ему все объяснить, — Ласкан каким-то образом передал все через свои эмоции и они сформировались у меня в слова песни. Понимаешь? — Широ, видимо, не до конца все осознал, но все равно кивнул, — думаю, он давно негласно посылает нам эмоциональный зов о помощи и...

— Мы почуяли проклятых, — меня перебили, но я не жаловалась, новости отличные.

Все оказалось в точности, как передал Ласкан. За очень старым засохшим деревом оказалось большое озеро, но переплывать мы его не стали. Обойдя по наименьшей дуге, прибыли к тому самому лугу. Выскакивать на открытое пространство с криками «Убью, тварей!» было не разумно. Да и вообще на данной местности спрятаться можно было только в небольшом пролеске, что мы, собственно, и сделали.

— Ну и где они? — я напряженно всматривалась в темноту. Ни орка не видно.

— Кхм, леди, — это ко мне чернявый обратился, и что он хочет? — позади вас, — и, ухмыляясь, эта коняга показала мне за спину.

Ну откуда я знала, что луг с той стороны. Кельпи так петляли и водили нас всевозможными кустами и оврагами, что я уже не знаю где небо, а где земля. Подумаешь, мы только что оттуда вышли. Так еще и по просеке покружились, вот и дезориентация у меня.

— А я не страдаю гиперчувствительным нюхом, — и уже себе под нос, — дожدهшься ты у меня печенки за шиворот.

Я медленно, почти ползком прокралась через заросли и высунула свою мордашку на свет. Точнее, в ночь.

— Не шуми.

От неожиданности я потеряла равновесие и бухнулась. Благо трава заглушила грохот моего приземления.

— Темень и ее твари! Ты мог предупредить?

— А я что сделал? — возмутился эльф, — но, похоже, тебя опасно предупреждать — делаешь все наоборот.

— Очень смешно, я тебя не видела, мог бы и пошуршать, что-ли. А то не слышно и не видно, — я решила не вставать, только устроилась поудобнее.

— А что, в засаде нынче песни кричат и шуршат по поводу и без повода? — раздраженно отчитал меня эльф.

Конечно, он прав. Последнее время в окружении стольких сильных спутников я потеряла всякую осторожность. А зря.

— Я вижу свет впереди, это они?

— Да. Ты остаешься здесь.

— Что? С какой это стати? — он чего, белены объелся?

— Я согласен с эльфом, — а этот печени объелся?

Палан стоял у меня за спиной и переглядывался с Широ. И когда они спеться успели?

— Но почему? — без веской причины они меня здесь не оставят и Широ это знает. Вон как напряженно думает.

В наше молчаливое противостояние ворвался крик, смешивающийся с хрипами, а под конец и вовсе булькающими звуками. Луг озарил яркий розовый свет.

Феникс в ящичек сыграл
Очень помощи он ждал.
Но никто его не спас,
Терпенья кончился запас

Эта дура заблудилась?
Лучше б сразу утопилась.
Столько банши эту ждал,
Лучше б сразу закопал.

За такую вот заботу
Паля пусть копытом в морду
И потопчется еще.
Расцелую горячо!

Может Ван тебя задушит,
Отведет себе он душу,
Потрясет тебя маньяк.
Поболтайся как червяк!

И еще, меня в могилу
Не загонишь даже силой.
Не старайся так малышка,
Быстрее тебе настанет крышка.

Если к эльфам не доставишь
И вину ты не загладишь.
Не прощу тебе, тогда
Свои смерти никогда!
— Еще вопросы есть?

— Нет, — вот жиж поганка, если б Ласкан так не вовремя снова не сгорел, я бы от эльфа не отцепилась. А теперь пришлось признать, начини я так голосить прямо за спиной карателей, всем нам крышка настанет, причем, как по пророчеству, раньше феникса. То-то обрадуется пернатый.

— Я и Палан идем вперед, все остальные за нами и чтоб ни звука. Главная задача освободить пленников. Мы отвлечем внимание карателей, — он указал на Палана, — а вы трое с магом заберете оборотней и феникса. Как только они будут у вас, скачите во весь опор в город. Су, ты с ними, нас не ждать. Поняла?

— Поняла, поняла, чай не маленькая, — раскомандовался тут.

А то я не знаю, что буду только мешаться. Только вот бросать Малыша я точно не собиралась. Почему этот маньячина ведет себя сейчас так спокойно, да еще и помогает, не понятно. Раньше он меня в какую-то долину все тащил, да злился на все. Перемены на лицо, а что они означают, уже другой вопрос. Во всяком случае, переклинить Таривана может в любую секунду, и сражаться придется Вану. Может он и не уязвимый для магии, да только по опыту знаю, что каратели на него весьма плохо влияют.

Пока размышляла, спасательная команда уже выдвинулась. Ох и пожалею я об этом. На всякий случай, завязав себе рот платком, поползла навстречу неприятностям. Сзади кто-то фыркнул. Поворачиваюсь.

— И что ты тут забыл? Ты за кельпи должен был идти, — смотрю на развеселившегося от созерцания моих поползновений маньяка и диву даюсь. Абсолютно другой человек.

— Кто сказал?

— По плану так. Широ же объяснял, — Тар сложил руки на груди и облокотился на тоненькую березку, которая чуть накренилась от его веса и заскрипела.

— Не помню, чтобы соглашался.

Отлично. А я все думала, когда же пакостная сущность проявится. Вот она родимая, собственной персоной.

— Да ну тебя к вампирам на завтрак. Еще расшаркиваться здесь перед тобой, — и я развернулась в траве, снова встала на четвереньки и приготовилась к марш ползку.

— Можешь попробовать.

— Ага, щас. То же самое, что метать бисер перед свиньями.

И не оборачиваясь, поползла, ориентируясь на свет от чего-то. Возможно, магический. На удивление быстро достигла небольшого куста прямо перед вытоптанной площадкой, где расположились каратели. Хорошо, что Широ нам всем запах убрал, не то нас обнаружили бы еще на подходе к озеру. Жаль эффект не продолжительный, так что до утра задерживаться здесь определенно не стоит.

Осторожно легла на живот и, ухватившись за землю, аккуратно подтянулась к краю куста. Вставать я пока не намерена. Будем просто наблюдать за развитием событий. Да только через секунду я забыла обо всем на свете. Пусть песни Ласкана были веселыми и смешными, частичка страданий в них улавливалась. Он явно пытался оградить меня от переживаний, поскольку расскажи он все, что сейчас творится, я бы мчалась сюда сломя голову, наплевав на всякую осторожность. Сейчас же я с трудом удерживала себя на месте от того, чтобы просто не выскочить из кустов и не погромсать проклятых. Что, естественно, у меня бы не получилось.

На освященном пяточке стоял мой розовый феникс, окруженный четырьмя вооруженными карателями. Все его тело была крупная дрожь, челюсть ходила ходуном так, что звук стучащих друг о друга зубов эхом разносился по всему лугу. Кожа его была бледнее обычного, а рубашка на груди вся пропиталась потом. Несмотря на затравленный, ошалевший взгляд, он стоял прямо, высоко подняв голову. Ноги его были расставлены шире обычного. Полагаю, поставь он их нормально, то упал бы от головокружения.

Всевышние, что же эти мертвяки сделали с ним? Как довели до такого состояния. И я получила ответ на свой вопрос.

Резко отведя руки с мечами для замаха, каратели синхронно, как отражения друг друга, проткнули Ласкана насквозь с четырех сторон. Я вскрикнула. Хорошо, что кляп и потрескивание розового пламени заглушили мой голос. Из шока меня вывело собственное мычание. Я крепче сажала рот обеими руками и старалась сдержать подступившие слезы, но при каждом взгляде на пепел у ног проклятых меня начинало трясти. Крупные соленые капли то медленно, то ускоряясь скользили по моим щекам, застывая на подбородке и снова срываясь с места, но уже в полет, где беззвучно упав на траву, они достигали земли и впитывались в ее теплые объятия.

Он снова возродился. Приняв такую же, как и раньше, позу, он все еще гордо держал голову, стараясь изо всех сил подавить свой ужас и унять дрожь.

О Всезнающие, за что вы так жестоко поступаете со своим созданием? Сколько же раз вы допустили это безумие. Ведь ему всего-то нужно поцарапаться, но эти чудовища ранят его слишком сильно. Они специально заставляют его чувствовать невыносимую боль перед смертью и опять возрождаться, зная, что будешь вновь и вновь переживать этот ужас. Как он еще не сошел с ума? Прошло около десяти ват с их пленения, неужели все это время... Нет, не может быть. Соленый ручеек вновь стекал по уже проложенной влажной дорожке.

Каратели отступили на шаг от феникса и пропустили проклятого с секирой. Мамочки, что они собираются делать? Ну где же Широ, когда он так нужен. Быстрее, прошу, быстрее!

Я неотрывно смотрела на Ласкана, до крови прокусывая губу через платок. Феникс не двигаясь, полагаю, он даже не мог этого сделать, и не закрывая глаз, ждал своей очередной жестокой смерти. Мертвец подошел ближе и одним резким движением снес Ласкану голову.

Я ничего не могла с собой поделать. Уткнувшись лицом в землю и закрыв крепко уши, беззвучно произносила слова и до икоты рыдала в траве. Я не могла себя заставить

посмотреть на феникса. Знаю, что он уже сгорел, знаю, что скоро снова будет жив, но я не в силах больше смотреть на это. Пусть я слаба, но я не смогу снова это перенести.

Что-то мокрое капнуло мне на руки. Новая скорбная песня не оставляла сомнений, что именно сейчас растекалось по моим рукам и волосам. Новый спазм сдавил горло, делая меня абсолютно не способной издать хоть звук. Беззвучно рыдая, напевая одними лишь губами слова, я так и не отняла рук от головы. Сколько еще раз я пыталась выговорить хоть слово из песни, не помню. Пришла в себя только от того, что кто-то грубо поднял меня и начал трясти. Как только моя душа не покинула тело от такой тряски? Острая боль в ладони привела меня в чувство. Передо мной стоял Малыш. Нет, Тариван, и что-то говорил мне, но я не слышала. На руке красовался глубокий порез. Не обращая внимания на попытки воина донести до меня что-то важное, повернулась к полянке, выискивая Ласкана. Его не было, как и оборотней. Девять карателей из дюжины остервенело атаковали Широ и Палана. Палан явно был ранен, но держался, как и щиты Широ. А где трое остальных? Неужели бросились в погоню?

— Да! — крикнули мне прямо в ухо. Похоже, я произнесла это вслух, и я снова слышу.

— Их убьют, — рассеяно показываю ватной рукой на сражающихся.

— Определенно убьют, а теперь уходим, — и он подхватил меня на руки.

— НЕТ! Надо помочь им! Я никогда себя не прощу!

Тар остановился, опустил меня на землю, а я просто сползла по его рукам и села.

— Ты просишь меня?

— Умоляю! Я умоляю тебя! — я крепко держалась за рубашку Тара и пыталась трясти его, что абсолютно не получалось. Тело не слушалось меня, а всю силу будто выкачали.

— Хорошо, я все сделаю. Только сиди тихо.

Маг отцепил мои руки от своей рубашки и сделал пару шагов к стоянке карателей. Сейчас там кипел бой, и не было секретом, кто будет повержен. И только один человек, которого я не знаю, кому не доверяю и кого боюсь, сейчас может хоть что-то изменить. Маньяк!

Он поднял правую руку. Ладонь была открыта и направлена прямо на карателей. Маленькие зеленоватые змейки начали сползаться со всего тела мага к его протянутой руке. Каждая из них начала увеличиваться и искрить. Когда все до последней зеленые нити стеклись в ладонь, Тариван встал на одно колено и со всей силы впечатал ладонью заклинание в землю. Под ногами все задрожало, а к карателям по земле побежали дорожки зеленоватого свечения. Каждая достигла цели. Как только свет соприкасался с мертвецом, того охватывало зеленое свечение и он иссыхал до состояния песка. Проще говоря, все проклятые рассыпались на глазах.

Мне нечего было сказать. Столько шокирующего за раз, это тяжело. Тар подошел ко мне и стал поднимать.

— Давай быстрее, мы уже должны быть на полпути к реке.

— Ты мог сразу их всех убить, — я не спрашивала, я утверждала.

— Да мог, вставай. У нас нет времени, — я внимательно изучала стоящего передо мной мужчину и начинала тихо злиться.

— Так почему не убил? — он перестал тянуть меня с земли.

— Потому что мне начхать на них, довольна? Теперь-то ты встанешь? — я покачала головой.

— О Всевышние, дайте мне сил с этой упрямницей. Я не могу использовать магию, она

сокращает время моего пребывания в теле в качестве доминантной личности. Я спас их только потому, что ты меня попросила. Теперь ты мне должна аж две жизни. И я надеюсь, без проблем согласишься пойти туда, куда я тебя попрошу. Все, вставай с земли, и побежали. Твоя кобыла совсем рядом.

— А как же остальные трое карателей?

— Да никуда они не пошли, — раздраженно рыкнул Тар.

— Как так?

— А вот так. Они на тебя напасть хотели. А ты как бревно, ни на что не реагировала и ничего не слышала. Пришлось идти спасать. Можешь догадаться, что с теми троими теперь.

Все это он говорил, пока тянул меня к пролеску, при этом ни разу не посмотрев в глаза. Паля радостно заржала, увидев нас, и побежала навстречу. На двойную нагрузку кобыла не жаловалась. С Таром она вообще вела себя смирно, прям как со мной, только более осторожно и опасливо. От равномерного шага меня начало клонить в сон. Удобно оперевшись о грудь маньяка, я медленно уплывала в страну сновидений. Видимо, Тар почувствовал мое состояние и мягко обхватил меня одной рукой за талию. Может мне это приснилось, но, кажется, меня нежно гладили по волосам и называли «упрямой малышкой». Забавно, я не была против.

Проснулась я на широкой каменной кровати, в зелено-коричневой комнате. Было достаточно светло. Похоже, это Galad Isilme, и уже день. Вот только как я здесь оказалась? Наверняка, Широ уже знает о моих ночных подвигах. А Ласкан... Ласкан! Как он там!? Как Алкай и Грог? Все вопросы о моей чудесной транспортировке в город отпали, появились гораздо более важные.

Не задумываясь над собственным состоянием, соскочила с кровати, тут же грохнулась, поцеловалась с полом. Но даже такое холодное приветствие со стороны дворца не убавило моего рвения. Пошатываясь и спотыкаясь на ровном месте, я все-таки вышла из комнаты и пошла на запах гари. Почему именно на гарь, не знаю. Чувство, что пропускаю что-то весьма важное, неизменно гнало меня из замка на улицы города. Редкая стража пыталась вернуть меня, что у них, естественно, не получилось. Я целенаправленно, как таран, шла напролом.

У все той же базарной площади, что сейчас была расчищена, я остановилась. Идти дальше не было никакого смысла. Посреди рынка горел огромный костер. Отрывающийся от пламени и продолжающий свой путь вверх дым рассеивался магией, так и не доходя до радужного купола. Зачем посреди водяного города разжигать костер, да еще такой большой? Кельпи всем табуном из ума выжили, им город совсем не жалко? А вдруг сгорит? Пространство то закрытое.

Мысли скачут в голове как зайцы по лужайке. Вопросы в голову лезут самые неожиданные и странные. Никак не получается сосредоточиться на важном. Будто разум играет со мной, уводя от главного. Защищает? Или просто я схожу с ума?

Горький запах чего-то подгоревшего тут же привлек мое внимание. Что они там жарят? Почему тут так тихо? Все зачарованно и как-то слишком внимательно смотрят на пламя. Я рискнула подойти ближе, хотя запах гари все больше отталкивал меня, навевая таску и боль. Странные ассоциации.

На меня никто не обратил внимания. Пользуясь всеобщей загнипнотизированностью,

осмотрелась. Через рыжие языки пламени и едкий дым на меня смотрели абсолютно розовые глаза, а рядом мерцала такая же рыжая как огонь, голова. Они живы! Слава Всевышним! Две фигуры, одна более рослая и мускулистая, другая тонкая и стройная не высокого роста, немигающе смотрели на пожирающее поленья пламя. Радость была всепоглощающей, как и опустошение, следующее за ней. Они только вдвоем!

Резко развернувшись, я опрометью бросилась назад во дворец, но ноги меня подвели, и я медленно осела на гальку. На усыпанную камнями улицу падали крупные капли. Дождь? Здесь? Я подняла голову вверх, но увидела лишь прозрачный мерцающий купол, отражающий искры ненавистного мне пламени. Зато что-то мокрое тут же стекло по шее за шиворот и враз намочило рубашку. Смотрю на себя, одна лишь длинная до колен сорочка из плотного серого материала. Как я так вышла, неужели я могла не заметить? Ногам стало мокро и холодно. Две лужицы образовались на моих бедрах. Я плачу? И тут на меня мощной волной нахлынули чувства.

Сколько не пытайся подавить страдания, разум, в конце концов, не выдерживает постоянный наплыв эмоций. Безразличие недолго властвовало во мне. Я все знала и все понимала. Еще в замке я осознанно шла на запах смерти. Подсознательно уже все стало ясно. Сейчас же я не смогла защититься от боли. Она все равно настигла меня. Оставалось лишь замерев сидеть спиной к погребальному костру и ронять скорбные слезы. Стремление попасть сюда было вызвано лишь одним мучительным вопросом: кто?

Так я и просидела, не имея возможности даже моргнуть. Скованное тело не хотело двигаться. Не один мускул на лице не двинулся, чтобы хоть как-то показать эмоции. Мраморная маска, омываемая солеными змейками слез. Это все, что я из себя представляла сейчас. И пусть Грог так и не стал мне другом, но он был близким товарищем. Не имею понятия, как теперь смотреть Алкаю в глаза. И смогу ли я когда-нибудь это сделать спокойно?

Меня мягко подняли. Не было сопротивления, не было криков и истерик. Была тишина и пустота. Было темно, но не страшно. Безразлично.

— Какого демона ты с ней сделал? — спокойный, звенящий, как хрусталь, эльфийский голос обращался к магу.

— Я ничего не делал, я только вытащил ее из кустов близ карателей. Полагаю, она увидела то, что не должна была. Зная банши, мог бы догадаться, что сидеть на месте эта малышка не умеет, — Тариван расслабленно сидел в каменном кресле, обитом шкурами, и мелкими глотками попивал рубиновую жидкость из изящного серебряного кубка.

Первородный медленно зашел за кресло и наклонился к самому уху мага. Если бы не эльфийская певучая речь, можно было бы сказать, что следующие слова прошипели.

— Ты слишком спокоен, недоумок. Ты точно виноват в ее теперешнем состоянии, — отметины на шкуре, что покрывала спинку кресла, где ее прихватил эльф, давали повод усомниться в отсутствии когтей у первородных.

— А если и так, что дальше? — не выражая ни малейшего интереса к сей беседе, Тариван продолжил наслаждаться терпким вином.

— Дальше твой труп, — пропел голос.

— Силенок не хватит еще веков десять. Не трать их на болтовню, я могу и ответить. Не

зарывайся, щенок.

— У щенка бывают клыки больше, чем у взрослой собаки.

— Ты со мной даже рядом не валялся. Обращать на тебя внимание ниже моего достоинства, — и сделал очередной глоток, что закончился кашлем и огромным пятном на брюках и рубашке мага. Да уж, воин не ожидал такой открытой враждебности. Маг воды готов к бою в любой момент и не собирается его избегать. Это заинтересовало Таривана. Вступить в противостояние с воином кашир могли или уверенные в своей силе, или полные идиоты. Эльф не простой первородный и уж точно не дурак. Тар посмотрел прямо в глаза остроухому принимая безмолвный вызов, несомненно, сильного врага.

— Я не так слаб, как ты думаешь, — ухмыльнулся Широарт. Он все так же стоял в семи шагах от кресла и лукаво улыбался. Может перед ним и лорд магии, но Широ уже пять веков как архимаг. Только из осторожности первородный не принял звание лорда сотню лет назад. Слишком известной личностью бы он стал. И прощай тайные операции и работа под прикрытием. Эльф слишком дорожил своей свободой и Суарданой. Ведь именно тогда она еще работала в паре с ним. А компанию банши он не променял бы и на силу архилорда. Широарт никогда не признается, но каждое его действие так или иначе связано с благополучием Су с самого ее появления. Она ворвалась в его мир как тайфун, а потом медленно утекла прочь, как вода сквозь пальцы. Но теперь он не отпустит ее так легко. Он будет бороться даже с Владыкой Хрустальных лесов.

— Хорошо, ты привлек мое внимание, — в голосе мага земли звенели стальные нотки. Напряжение повисло над головами всех присутствующих. Ласкан и Алкай даже не пытались вмешиваться. Им и так недавно досталось.

— Оставь Су в покое!

— А она этого хочет? Не думаю. Еще вчера, Дана спала в моих объятьях и крепко обнимала в ответ, — маг злорадно посмеивался.

Им обоим было известно, что это так. Суару привез Тар. Она беспокойно спала на его руках и крепко держалась за его талию. Широ не знал, что это было неосознанно. Он видел лишь факт, а ревность дорисовала все за него. От этого эльф еще больше ненавидел лорда.

— Она никогда не будет твоей, — прожурчал первородный, что говорило о крайнем бешенстве.

Маг не внял угрозе, все так же злорадствуя. Легкое, еле ощутимое движение воздуха, и лезвие четырехгранного клинка впилося в горло лорда, а его владелец невообразимым образом оказался за спиной мага. Шок! Тариван за всю свою долгую и полную боев жизнь, ни разу не попадался.

— Так про какие там объятья ты говорил? — маг не мог прийти в себя, еще никогда он не встречал достойного противника. Широарт был великолепен в боевом искусстве и явно выигрывал в ближнем бою. Насколько силен маг воды, лорд не имел понятия. Но заметку быть начеку себе поставил.

— Я понял твою точку зрения. Я ничего ей не делал и не собираюсь. Но если она захочет, — многозначительная пауза, — ты не станешь препятствовать, — на его лице отразилась решимость осуществить задуманное и уверенность в успехе. Самодовольная усмешка вновь заняла свое место на мужественном лице.

— Но если нет, ты исчезнешь из ее жизни — Тар кивнул, а эльф был уверен в одном — он сделает все возможное, но не даст этому чудовищу добраться до его девочки. В конце концов, он ее наставник и защитник. Так всегда было, так есть, и так всегда будет.

Стилет был опущен. Временное перемирие установлено. Оставался один вопрос, почему Дана так измотана? Ее специально не будили на ритуальное сожжение, но она сама пришла. И ее реакция, мягко говоря, была странной и пугающей, даже притом, что умер их товарищ. После этого банши впала в спячку на два последующих дня. Широ начал беспокоиться за ее душевное состояние. Ведь если последние события вскроют старые раны, их так просто уже не сотрешь из ее сознания.

Говорила мама: «Больше одного мужика — можно вешаться».

А что с шестью делать? Повешать что ли?

Тепло, хорошо и не поддувает. Неужто Паля одеяло не стянула. Мягкое что-то под головой, и сердце у него бьется. Надо просыпаться, хотели же раньше встать. Открываю глаза — подбородок, и знакомый такой, щетинистый. А-а-а-а, я же Ванюшу уже два дня не брила, зарос бедняга. Фокусирую взгляд на дальней фигуре, взгляд отказывается выполнять трудные спросонья задачи. А это кто?

— Мама!

— Не поможет. И как далеко ты собиралась без меня? — высокий златовласый мужчина двинулся в мою сторону, хотя как по мне, то он еще в подростковом возрасте двинулся, но меня не слушали.

— Как можно дальше, чтоб глаза мои тебя не видели.

— Какие вы женщины не постоянные, да и слово свое не держите. Ты же обещалась не видеть меня больше никогда, — эльф присел на корточки возле меня и положил руки на бедра, соединив кисти между ними.

— Так мне из-за того, что у тебя комплекс неполноценности, и ты вымещаешь свою мужественность на мне, гоняешься за мной, как за ребенком, теперь глаза себе выколоть, чтоб сдержать обещание. Прости, что разочарую, но себя я люблю больше, чем ненавижу тебя, — как же давно я хотела ему это высказать. Мучителю, что гонял меня по плацу днем и ночью, что опускал меня при всем отряде воинов. Тому, кто ненавидел меня и всячески унижал. Возился со мной как с калекой и ставил мне мою беспомощность в упрек. Вот так глубоко он задел меня. И не важно, насколько большой будет куча навоза, что он вывернет на меня сейчас, я гордилась собой за отпор.

Да только не было этой кучи, не было ни оскорблений, ни унижений. Он лишь грустно улыбнулся, и я увидела печаль в его глазах, то, чего не ожидала увидеть когда-либо вообще. Он слишком любит жизнь, чтоб опускаться до грусти.

Все так же улыбаясь, он, молча, ушел. И что это было? Да ни разу за всю мою сознательную жизнь этот гордый и непоколебимый эльф не спустил оскорбление или нападки с рук. А что сейчас? А сейчас вместо того, чтобы не спускать с рук, он их умыл. Нет, это не мой учитель. Верните нахала и забияку, я привыкла к нему. А как вести себя с этим меланхоличным эльфом я не знаю. Хочу унижений и оскорблений. Где мои помои, леший побери, в горле застряли что ли? И я решила вправить вислоухому мозги. У меня это хорошо получается. А если нет, применим шоковую терапию копытом, безотказная процедура. Сто процентный успех. Я оглядела стоянку в поисках мастера. Его не было нигде. Аж обидно стало, что промывка мозгов откладывается.

— Как спалось? — это птичка поднялась.

— Хорошо. А тебе?

— Так же, пока глаза не открыл. Вот объясни мне, ты их что, ночью наколдовала? — шепотом поинтересовались у меня.

— Если бы, — прям стон великомученицы, — сами нарисовались. Я от них сбежала,

надоели они мне. А они, похоже, соскучились.

— Сильно соскучились, как погляжу, — и пальцем тыкает в разгуливающих голышом оборотней.

— И не говори, сама в шоке. Эй, Алкай, хватит народ смущать, твои вещи у Пали.

— Ты тут одна девушка, а ты, как я погляжу, не сильно смущена. А то, что вещи у этого монстра, мы знаем, — и он продемонстрировал отпечаток челюстей на своей левой ягодице, — и это еще цветочки, ты не видела мягкое место у Грога. Я его несколько раз посылал, потом пожалел. Он аж прослезился от такого зверства.

— Ах-ха-ха, меня не перестает удивлять твоя кобыла... — проговорил сквозь смех пернатый.

— А меня вот ничто уже не удивляет, — и я направилась в сторону где паслась Паля. Надо же спасать голых и покусанных. Пока шла, не заметила, что ко мне присоединились.

— Утро доброе, — и опять льдом обдало. У него внутри личный ледник что ли?

— Не сказала бы.

— А что так?

— Слушай Салван, — я остановилась и, уперев руки в бока, повернулась к преследователю лицом, — я тебя не знаю, мы не друзья, и ты вообще непонятно что здесь делаешь, так что говори, что хотел, и я займусь сбором в гордом одиночестве.

— Довольно честно.

— По-другому и не действуем.

— Почему тогда не скажешь Вартеку, что он дорог тебе, и ты не ненавидишь его.

— Опа, — а вот теперь он начал меня раздражать, — ты прости, но я действительно его ненавижу, хотя он мне все равно дорог. Как бы я не отрицала, но он часто спасал мне жизнь и многому меня научил. Просто то, как он это делал, мне не нравится. А в наши отношения тебе лучше не лезть, свихнешься. Как я уже говорила, у нас и так хватает чокнутых, — я повернулась, чтобы уйти.

— Ты права, но объясни мне, почему он ругается, унижает тебя, но все равно спасает и ходит за тобой. Мне это непонятно.

— Он на половину светлый эльф, поэтому не может бросить деву в беде, но он также на вторую половину дроу, поэтому такая сволочь. Я понятно объясняю? — естественно это сказочка для приставучего наемника. А истинных причин такого поведения эльфа даже я не знаю.

— Вполне.

— Отлично, — я только дернулась в сторону полянки, где должна пастись кобыла, как раздался рык. Волколак. Сейчас день, а значит, ликаны никак не могут быть в зверином облики.

Наемник осторожно заступил мне дорогу, тем самым убрав меня из зоны предполагаемого удара. Мгновение и волколак, визгливо поскуливая, пятится назад, а его густую шерсть покрывает толстый слой инея. Смотрю на наемника, а у того глаза как лед и с вертикальным зрачком. Тут же холодок пробежался и по моей спине.

— Что т-т-ты... т-т-такое? — у меня даже зубы дробь отбивать начали от холода.

— Плохо, что ты видела. Но если попрошу сделать вид, что ничего особенного здесь не произошло, ты согласишься.

— Правильно мыслит-т-те, т-т-так что вы т-т-такое?

— Я василиск, — я вздрогнула, — только на половину, — попытался успокоить он

меня. Да только все зря, будто я не знаю, кто такие василиски.

Чистокровный василиск может одним взглядом заморозить до состояния камня три жертвы одновременно. Сила полукровок варьируется в зависимости от силы и расы родителей. Наемник, похоже, достаточно силен, и если бы у него было больше времени, то была бы у нас статуя волколака.

— Держит-т-есь от меня под-д-дальше, — и я поспешила ретироваться. Ну их, василисков. Слишком они не постоянные существа.

У костра уже собралась вся честная компания, и, я так понимаю, ждали только меня и Салвана. Паля, кстати, тоже не на своем мини пастбище была.

— Выдвигаемся?

— Да, садись, — и Широ подвел ко мне кобылу. В этом не было необходимости. Паля прекрасно соображает. Но я все равно поблагодарила. Наверное, совесть за утро замучила.

— Спасибо.

— Мы подъезжаем к границе, будьте внимательны, здесь полно патрулей.

— Широ, а как мы прорываться будем? — подвела я кобылу к его жеребцу.

— Там около дюжины орков, не прорвемся. Через болота не выйдем, там еще и патрули ходят кроме трясины.

— А если замаскироваться? — не ну хорошая идея.

— У них артефакт читающий ауру.

— Вот недоеденный зомби, руку на отсечение даю, это троллем приласканный герцог постарался, — Широ и наемник одновременно уставились на меня.

— Какой герцог? — спросил эльф, но по лицу видно, этот же вопрос терзал василиска.

— Какой-какой, малеванный. Олсана который, чтоб у него мужское достоинство отсохло, некромант не добытый. Чтоб собственноручно поднятые мертвецы его сожрали с особой жестокостью.

— Ого, ты его явно недолюбливаешь, — высказался феникс и его тут же пихнули.

— Не перебивай...

— Ну заче-е-е-ем? — только и успела простонать я. Ну а дальше все по сценарию. Огонь, пепел, ритуальные песнопения и наш феникс как новенький. А вот у остальных морды вытянулись, кроме Вана, и они рыбок напоминать стали.

— Чего смотрите, уже ват как здесь топчитесь, а не соизволили узнать, с кем в путь собрались? — виновато повесили головы.

— Ты хоть имя им сказал?

— Да, его Ласкай зовут, — радостно выдал Алкай.

— Молодец, садись два.

— Ласкан я, — обиженно поправил только что возродившийся.

— Ты феникс? — это уже Широ блеснуть решил.

— Ага, но ты его не трогай, он от сильных прикосновений мрет как мухи. У него мама нимфа. Короче, у него спроси, он расскажет.

И следующий ват мы дружно слушали грустную историю частого успокаивания феникса и его причины. Прямо лекция у научника. А потом как-то незаметно переключились на тему «как же пройти эту лешачью границу и надрать оркам пятые точки». Кто-то хотел их спалить, кто-то загрызть, тут оркооборотень взбрыкнул, ну оно и понятно, сородичей не жрут. Я через болота предлагала, меня обещались тогда лично утопить за такие бредовые идеи, еще и понаблюдать, как мой хладный трупик ко дну идет. Уверена, ко дну он кверху

одним знаменитым местом пойдет. К нынешнему моменту все варианты закончились.

— А если поменять? — и все четырнадцать разноцветных глаз уставились на Малыша. Четырнадцать, так как Паля у нас мыслящее существо и тоже заинтересовалась, что же болезному в его дырявый котелок натекло и не исчезло в тот же момент.

— Ты о чем, Ванюш? — мне ж тоже интересно.

— Ну я про... — про что, мы так и не узнали. Наш идейный центр с лошади свалился. Ну сколько можно. Уже второй месяц в седле, а все упорно метет собой землю.

Кое как нашего валяшку подняли, и снова его пронзили перекрещивающиеся взгляды жаждущих. И ведь почти все уверены, что глупость сказанет, но всем до смерти интересно какую же. Да уж, любопытство не порок, а большое свинство. Похоже, мы любопытные свиньи.

— Ну-у-у, — не выдержал Ласкан.

— Что?

— Что поменять? — уже и орк вмешался, а я думала ему на все плевать с высокой колокольни. Ошиблась, он тоже массовым порокам поддался.

— А, это. Ну так ауры поменять, — и с надеждой на нас всех сгрудившихся над ним как мухи над... кхм... понятно над чем, смотрит. А мы нависли и застыли. Потому что не один здравый ум не придумал этого, а больной родил. Мы все попятнулись к своим лошадям, а кто просто в сторону, опустив низко головы. И не потому, что Ван сглупил, а потому что нам банально стало стыдно за свою тупость. Да уж, Ванька нас превзошел. Маразм крепчал, шиза косила наши ряды.

— Только один вопрос, — и я горда, что он пришел на ум мне первой, потому, что все до него дошли бы, так или иначе, — а как это сделать?

Все оживились, поняв, что не совсем тупики и еще не потеряли все позиции.

— Эльфам запрещено менять структуру существ и их духовных составляющих. Уж такие они снобы, — скосила взгляд на Широ, — имеют огромный потенциал в магии метаморфоз и такой же по размерам запрет на ее использование. Равновесие, мать его! — не удержалась от ругательства я.

— Я могу поменять, — отозвался Ван, и всем так от этого плохо стало. А я, если честно, обрадовалась. Ровно до мысли «недоделанный маг», отчего мне взгрустнулось. Но ведь Малыш меня еще ни разу не подвел. Просто все выходило не так, как задумано, но результат был всегда положительным. Ну, хорошо, совершенно не так и не там, но главное результат. Подбодрила себя, и легче стало, не смотря на то, что кого-то мы не досчитаемся завтра. Будет хороводы по степи водить или ящерку изображать, это в крайнем случае. Главное — положительный настрой, то есть, чтоб этим кем-то не была я, а все остальное мелочи.

— Хорошо, пусть Ван с утра нам ауру поменяет на ауру ликанов, тогда же и двинемся к заставе, — все закивали. Я прям императрица! Надо поработить всех, пока народ в благоговении перед своим лидером, а потом тирания и огромные налоги. Жизнь прекрасна!

— Чего улыбаешься, как умалишенная? — вот Шир, пакость. Да уж, не быть мне тираном. Кто ж меня бояться-то будет? Если только свиту из орка потрошителя и Таривана маньяка создать. Ах, мечты-мечты, а в реальности мы в большом и страшном междупоии.

Да уж, компания собралась, на диво, красочная. Ненормальный маг земли, он же воин-маньяк и пришибленный. Кобыла с ужасным характером и по совместительству дух земли. Рыжий оркооборотень — это вообще без комментариев. Альфа стаи рыжих оборотней и хозяин таверны — просто смех берет. Ведь оборотни не селятся в городах. И это только

упырчки, а вот упыри дальше. Полу светлый, полу темный эльф, глава разведки. Вообще не существует в природе. А розововолосый феникс, он же полу нимфа, с нестабильной физической формой, которая чуть что прахом обращается, просто ядерная смесь. Что уж говорить о бездарном менестреле, то бишь банши, что петь толком не умела, а теперь похабщину выдает на каждом углу. И только Салван был нормальным в этом театре абсурда. Но нет, он у нас человек на половину с василиском. Парад монстров в действии. Может, где-то мир еще вращается в нужном направлении, у нас он спятил и скачет, как ему вздумается. Наша банда просто бьет все законы мироздания. Но может судьба свела нас, таких необычных, для какой-то своей цели?

Место для стоянки нашли быстро. С магом мы лагерь разбили в считанные вары. Ван у нас не по лагерной части дел мастер, другое дело эльф. Поужинали и спать. Только странно как-то с Широ разговор прошел.

— Ты спать Суара? — он сидел на размытом речкой камне и жевал травинку, одна нога в воде, другая под собой. Рубаха расстегнута, штанины закатаны, а с распущенных волос стекает вода, впитываясь в уже и так изрядно промокшую ткань. Теперь ясно, что так смущало. Я распущенными и не ухоженными его волосы никогда не видела. Красивые и длинные, они всегда были расчесаны и высушены. А сейчас это был водопад мокрых и спутанных шелковых нитей. Сразу руки зачесались, так боевую косу сплести захотелось. Именно на Широ я ее и научилась плести.

— Вспомнила, как косу мне плела, — улыбнулся он.

— Вспомнила, как ладони зашивали после твоей косы, — не совсем соврала же. Так, перевернула с ног на голову и все.

— Злишься? — грустно спросил он.

— Нет. Прошло то время, когда я видела эти иглы у тебя в глотке, сердце, печени, легких, сонной артерии...

— Я понял, можешь не продолжать, — грубовато прервал он меня.

— Странно, сейчас понял, а раньше тупил что ли? Или я вопила слишком мало и тихо?

— Достаточно, просто глаза на многое открылись, — он опустил взгляд в воду и за чем-то там следил.

— Отлично, ты их главное снова не закрывай, — и я решила, что на дружеской ноте пора и честь знать.

— Ты встречалась с герцогом, не так ли? — вопрос настиг меня в процессе разворота, и я малость пошатнулась, потеряв равновесие. Какого именно герцога он упомянул, и так понятно.

— Допустим. А ты, я погляжу, в курсе всей истории? — я снова повернулась к нему лицом, а эльф все так же наблюдал за кем-то. Я же видела лишь блики и отражение полубога на поверхности воды, пошедшее рябью.

— Я принимал в ней непосредственное участие. Когда ты со своим рабом дворец на уши ставила и коней крала, я стены подрывал.

— А-а-а...так это из-за вас, олухов, за мной каратели по пятам идут. Ну спасибо, учитель, удружил ученику.

— Да кто ж знал, что ты такая ненормальная во дворце окажешься, да еще и герцогу

приглянешься. Ты вообще какого гребанного зомби там делала. Тебя в такие места только силой затащить можно было, а тут сама.

— А ты у нас в воры нынче затесался?

— Это поручение от Владыки, твоего обожаемого Баска, — наигранно гнусавым голосом пролепетал он, — тут государственный переворот на носу. Гарна под себя весь Ритар подмять хочет. А это никому не выгодно, вот мы с правительством Марона и сотрудничаем. Сама уже догадалась, не дурочка, что Олсана не просто так свадьбу племянника сорвал. Сейчас он регент и правит в Гарне на законных основаниях. Но вот стоит кронпринцу жениться до своего совершеннолетия, и корона перейдет к Лему. Вывод?

— Герцог захватил власть в Гарне. Вот только не всю, раз так боится бракосочетания наследника. И убивать Лема, похоже, еще опасно для него, — я рассуждала вслух и ходила туда-сюда, вытаптывая сочную и явно незнавшую такого обращения ранее траву.

— Да, дорогая. Олсана еще не собрал достаточное войско, чтобы наверняка после переворота стать королем. Однако, ему мало Гарны. Войска герцога уже вошли в Ритар под предлогом поиска злоумышленников, что украли диадему. Сама понимаешь, без этого артефакта свадьба невозможна. Вот и нашел король-регент изящный предлог для отсрочки восхождения на престол Лема и ввод войск в столицу чужого государства.

— Всевышние! Да он убьет всю высшую аристократию и Ритар будет частью Гарны.

— Скорее, убьет принца и женится на принцессе. Так он получит власть официально, а не резней. Однако, маленький кронпринц Ритара обречен. Соперники Олсано не нужны.

— Всезнающие, куда я влезла! — связь с реальностью медленно обрывалась, но я заставила себя выйти из этого состояния, — знаешь, сотрудничайте дальше с Мароном, а у меня в этом участвовать вообще нет никакого желания, так что сами разбирайтесь. Я и в Хрустальном лесу прекрасно себя чувствую, — и я решительно была настроена прямо сейчас уйти, как меня осенило. Салван! Я уже видела это грубое ледяное лицо! Но где?

— Салван наемник? — и смотрю на Широ.

— Да, — он поднял голову и пристально всмотрелся, — а что?

— Ты с ним сокровищницу потрошил? — я все еще не понимаю, куда ведет меня моя логика, но реакция эльфа весьма интригующая.

— Допустим.

— Кто еще был с вами? — уголки губ первородного дрогнули. Похоже, он гордится своим учеником за догадливость.

— Два наемника близнеца, бывший стражник и полу тролль.

Горгуля отгрызи мне ногу! Даю голову на отсечение, это те же любители помоев, что Ваньке черепушку проломить хотели. Теперь я отчетливо помню Салвана. Он стоял в сторонке и безразлично взирал на все эти беспорядки.

— Какого упыря? Ты что, теперь и людей без причины убиваешь и даже беспомощных женщин насилуешь?

— О чем ты? — и искреннее удивление на влажном смуглом лице.

— Салван с вашими наемниками чуть меня с Ваном на тот свет не отправили. А то, что моя отправка туда затянулась бы ровно настолько, насколько понадобилось бы вашему троллю наиграться, я уверена. И где, темень, тебя фурии носили, когда твоя банда бесчинствовала? — под конец я уже просто начала кричать. Только сейчас поняла, что почти не вдыхала воздух во время речи, и теперь, как после пробежки, тяжело дышала. Мой собеседник явно был растерян.

— Я знал, что они на кого-то наткнулись, но Салван сказал, что все обошлось. Пойми, я был под прикрытием, как и он, мы не могли раскрыть себя. Салван ни за что не поставил бы миссию под угрозу. Это задание, Суара. Ты как никто должна знать, что это значит.

— Я поняла. Все поняла. Если бы не моя смекалка, эта ледяная рептилия позволила бы наемникам сделать с нами все, что взбрело бы в их извращенные головы. А где был ты? — он опустил голову, но я успела заметить, как сжались его челюсти и заиграли желваки. Его скулы были предельно напряжены. Он явно не хотел говорить мне причину.

— Мне нужно было навестить кое-кого, — глухой голос, виноватый. Впервые я слышу такое откровенное раскаяние в его словах.

— Ты ходил к женщине, — мне даже не нужно было спрашивать, я просто говорила о факте. Мы часто с ним путешествовали. В городах и поселках, где мы останавливались, он периодически куда-то отлучался. Естественно, я узнала куда. На его беду. У Широ чуть ли не в каждом городе была женщина, которая всегда готова была приютить его. Причем все они были несказанно рады, что он изредка навещался к ним. Глупые бесхребетные создания. В них нет ни капли гордости. Я ненавижу таких женщин, принижающих себя до случайной ночлежки. И эльф знает это. Сколько раз я крушила мебель в таких домиках, сколько раз таскала за волосы этих идиотов, равна столько же раз я вышвыривала за шкуру Широ из их объятий. Безответственный похотливый кобель. Ох, как же сейчас кипела кровь. Как быстро знакомое чувство ненависти заполнило душу и закрыло своей черной, как уголь пеленой глаза. Как же я его ненавижу. Он на задании. Его наемники убивают невинных, а этот высокомерный эльф развлекается. Да пусть идет все к упырям на завтрак.

— Су, я не знал, что они напали на вас.

— А если бы на кого-то другого, то можно? — я просто разжигала и без того ревущее пламя.

— Су, успокойся. А конце концов, ты сама отказалась работать со мной.

— И чья это вина? Кто, зомби подери, заботился больше о том, что в штанах, нежели о заданиях? Женись, наконец, гребанный извращенец! Из-за твоей распущенности я почти получила приглашение на завтрак к Всевышним, — мне срочно нужно отдышаться. Пусть я старалась не кричать, но экспрессия была выдающаяся. Однако, не дай Всевышние, я покажу ему, насколько я взволнована.

— Прости, я знаю, что виноват. И сейчас, и тогда, на наших миссиях. Но стечение обстоятельств весьма непредсказуемая штука. Так что прости, но будущее я не могу предсказывать. А по сему, любой день мог принести неприятности. Мы больше не работаем вместе, Суара, так что нет необходимости отказывать себе в маленьких развлечениях. Что касается женитьбы, то пока это не возможно, — его взгляд стал твердым, — а теперь посмотри на меня и скажи, почему я должен жить по твоим правилам? Я живу так, как хочу. Я убиваю кого хочу и делаю что хочу. Так было всегда. Никто не мог этого изменить, так почему ты решила, что сможешь?

— Я надеялась, что ты стал ценить чужие жизни и уважать других хоть немного. Я ошиблась, — во мне что-то оборвалось. Эльф попал в точку. Я пыталась изменить его, не имея на это никакого морального права. Но! Это не значит, что я не права, а он не виноват! Оба хороши.

— Ты все такой же высокомерный, самовлюбленный убийца, не более того, — добила я.

— Разве? — он снова отвернулся, но все его тело было напряжено, как стрела, натянутая тетиву и готовая сорваться в полет в любой момент. И мне совершенно не

улыбается поймать эту стрелу. Пора уходить. Вот только последние слова говорить не стоило. Я ведь не думаю так. Но оправдываться не стану, не я одна погорячилась.

— Я сожалею, — и он снова сделал шаг первым. Как всегда.

— Знаю.

Я точно знаю, что он никогда не позволил бы такому случиться, если бы все было в его руках. Он может убивать и пытаться, но только не меня, если это не касается тренировок. Как бы сильна не была моя ненависть и неодобрение, он единственный, кому я безоговорочно доверю свою жизнь. Напряжение спало. Все снова как раньше. Всего два слова успокоили огонь во мне. И теперь я могу только уйти, говорить больше не о чем.

— Постой! Где ты будешь спать, Суа? — он поднялся с камня, но не спешил приближаться.

— Где и все, у костра, — меня стала пугать не свойственная ему забота обо мне. Нет, не поймите не правильно, он спасал меня, но предварительно попинав от души. А тут простая, бескорыстная забота и никаких затрецин.

— Замерзнешь, давай я куполом накрою, — он двинулся ко мне.

— Насколько я помню, ты во сне только свой купол держать можешь. Не думаю, что ради моего удобства ты всю ночь не будишь спать. А ложиться с тобой, ну-у-у, как бы ни вариант. Ты и сам не с кем не спишь, — он замер на подходе, нервно сжимая и разжимая кулаки, будто удерживал себя на месте, чтоб не подойти. Водяной в облаках, что вообще происходит?

— А ты бы легла под мой купол? — я аж слюной подавилась, которой по определению было мало, — или ты решила воспаление горла с соплями подхватить? — вдруг зло добавил он.

— Заболею, не к тебе приду их вытирать, — он покраснел. Так сильно злится из-за ерунды?

— К Малышу пойдешь своему? — прорычал Широ.

— А что, если так? Остановишь, вызовешь на бой, свяжешь, в конце концов? Уже не страшно и не работает, вислоухий. Все, я спать, испортил мне все будущие сновидения своим характером, — и я быстрыми шагами направилась в сторону стоянки.

Не тут-то было, он нагнал меня и силой развернул. Я выставляю блок на его вялый удар, отступаю и контратакую ногой в печень. Он пропускает удар и прижимает мою ногу к своей талии. Я в захвате. Заношу руку для удара в челюсть и (о чудо!) попадаю. Впервые я врезала мастеру по роже, так сказать. Он, правда, даже не дернулся от этого, но все же.

— Успокоилась? — хрипло спросил он, потеряв скулу. Все же я ему чувствительно заехала.

— Это тебя на драку понесло, успокоился?

— Нет, — и все так же держит мою ногу. Он бросок готовится сделать и ждет, пока я бдительность потеряю? Так с его силой и скоростью, он в таком захвате даже при всем моем сопротивлении уложит меня на обе лопатки.

— Иди сюда, — и он медленно притянул меня к себе и обнял. И мне может даже приятно было бы, да только ногу он не отпустил. Чувствую себя как пленница, держит ногу в заложниках и обнимается. Бойтся, что убегу? Так теперь точно убегу, если раньше и не собиралась. Пугает он меня, сильно так, до судорог в руках и ногах. Это, наверное, память мышечная вспоминает все зверства, учиненные надо мной, и предупреждает, от кого больно бывает. Защитный рефлекс.

— Ты боишься? — как-то обреченно спросил он.

— Есть такое. Ты ногу отпусти.

— Ты уйдешь.

— Неа.

— Правда? — усмехнулся он.

— Правда, я убегу как ошпаренная, — он рассмеялся, но было в его смехе что-то самокритичное. Как будто он смеялся не над моей шуткой, а над собой.

— Честно, — и он отпустил мою ногу, а я осталась стоять. Тепло, хорошо и опора на две ноги многое меняет в восприятии реальности.

— Ты соврала, сказала, что убежишь, — со странной надеждой не понятного мне назначения резко выдохнул Широ, сжимая объятия на моей спине и талии.

— Так я разбег набираю, ты немного отойди, и меня как не было, — печенка зачесалась, истошно вопя об опасности.

— А если я хочу, чтоб ты была, — он поцеловал плечо, предварительно немного стянув мою рубашку, — здесь и сейчас, — прошептал и снова поцеловал, но уже в ключицу. Здравый смысл, а ну вернись, я тебя не отпускала, — со мной, — и очередной поцелуй в шею. Предатель, путающий мои мысли, хватит упиваться нежностью и пьянеть от ласки. Знаем, плавали. Пора отшвартовываться и уходить на всех парусах подальше в открытое море.

— Широ, я спать хочу,пусти, — я попыталась оттолкнуть его. Ага, то же самое, что мизинцем Хрустальную гору сдвинуть. Ишь, присосался к шее, как вампир.

— Хочешь спать?

Ох и не понравился мне его вопрос, но я кивнула.

— Пойдем, — и он поднял меня на руки, при этом направляясь в сторону от костра. Мама!

Я не нашла ничего лучше, как приобнять его за шею и прижаться губами к пульсирующей сонной артерии. Как же приятно от него пахло прелой листвой после дождя. Я невесомо проложила дорожку губами вниз и с сожалением надавила на нужную точку, немного задержавшись на ней. Все же эльф шикарный мужчина.

Широ обмяк, как только я отстранилась. Пока его тело медленно оседало, я ловко скатилась с его рук на траву. Ничего, двигать не буду, пусть на мокрой траве поспит, соблазнитель недоделанный. Все равно мокрый с головы до ног.

На освещенной полумесяцем лужайке, близ речного берега, безмятежно спал эльфийский воин. Черты его обычно строгого лица смягчились в объятиях сонной неги. Рассыпанные, как золотые листья в разгар теплой осени, волосы переплетаются с молодой травой. Сейчас конец лета, но здесь, в степях, на этой самой полянке вступила в свои права чарующая осень. Сила этого мужчины всегда поражала меня. Мысли его сейчас далеко отсюда, а его аура все равно превратила ночь в день. Светлый, он истинный светлый, и кто бы, что не говорил, дух первородного в нем сильнее, чем у сотни его соплеменников. Его бронзовая кожа отличается своей мягкой теплотой, а не темной грубостью, как у всех дроу. Широ, как закатное солнце, так же обнимает своим теплом все, на что попадают его прямые лучи. Кокон из этих эмоций окутывал меня с самого первого дня, когда я попала в плен его очищающего пламени, что стерло все остатки моей памяти, а с ней и моей боли.

От этих знакомых чувств, накатили воспоминания. Нестерпимая боль снаружи, даже и близко не могла сравниться с болью внутри. Она выжигала меня. Я не хотела больше жить. Я

лишилась всего, ради чего это стоило бы делать. Мое существование никому больше не принесет ни радости, ни горя.

— *Latya hin, lelya lumbule!* [1]

Прекрасное лицо склонилось надо мной, согревая своим светом. Его голос мягко обволакивал, и я нежилась в объятиях согревающего света и безграничной нежности. Боль ушла. Я больше не знала кто я, что потеряла, и как важно это было для меня. Пришло умиротворение. Это было новое начало. И первым моим воспоминанием был он. Мужчина, что сейчас мирно спит у моих ног. Мое спасение и мое проклятие.

Только сейчас я поняла, что только что Широ полностью и безоговорочно доверился мне. Он обнимал меня и был абсолютно беспомощен. А позволить мне прикоснуться к шее, так вообще нонсенс! Если подумать, то я впервые к ней прикоснулась. Эту часть каждый воин яро охраняет, как самое слабое место. И Широ спокойно подставил незащищенную шею? Несуразица какая-то. Он точно знает о точке, усыпляющей при надавливании. Он сам мне ее показал. Выбор остаться сегодня с Широ или остановить его полностью принадлежал мне. И мой мастер принял его без сопротивления. Да уж, он всегда был благороден. Я знала это. Соблазнить, силой утащить в глубь леса, но не оскорбить своего достоинства, дав право выбора.

Повернув эльфа на спину, сходила за его плащом и накрыла этого самоуверенного грубияна. Надо уйти, а ноги не идут. И какого лысого гнома, я начинаю жалеть, что вырубил его. Да, он красив как бог, да, силен, но внутри изверг, деспот и садист. Вот пусть ему жестко спиться теперь. И успокоенная своими же мыслями я вернулась к костру.

Утро встретило нас теплом, солнцем и стоном сопливого Широ. Его шморганье носом во время завтрака грело мне душу. Знаю, что мстительная, но ничего не поделаешь.

— Чего это сопливый эльф бесится, как дракон в клетке? — осторожно поинтересовался розовый.

— А у него купол ночью упал, вот и бесится. Старость, не радость знаешь ли, сложно уже такие вещи как ветронепроницаемый и теплосберегающий купол поддерживать всю ночь.

— Так вот чего он сопливит.

— Ага, совсем расклеился бедняга. Глядишь, и меч скоро не поднимет, — сзади кто-то сдержанно усмехнулся. Решила повернуться. И зря. Видеть безразличного василиска — это одно, но видеть слегка ухмыльнувшегося василиска с пляшущими ледяными смешинками в замерзших глазах — это жутко! Я быстренько отвернулась, ну его. А вот мой розовый собеседник вообще испарился. И я знаю почему. У нашего вислоухого обсуждаемого слух острее, чем у любого другого существа. И после такого взгляда только полоумный не поймет, что разговор подслушан. Ну извини, мастер, лучше быть чуть постаревшим, чем извращенцем. А в моей интерпретации он бы им и был. Вампира с два я признаюсь, что у меня был выбор. Не было его. Вы о чем вообще? Какой такой выбор, да я из последних сил вырывалась и только благодаря своему мастерству спаслась. Я бедненькая девочка, а он бяка-закаляка, извращуга и тиранюга.

— Распинаешь меня по чем зря? — я позорно подпрыгнула, поскольку этот спокойный, вкрадчивый голос за моей спиной, означал только одно, он все прочел по моему лицу, и его

слова это подтверждают. Прибавляем, что он все слышал и вчерашний инцидент. Мне конец. Он в бешенстве. Я дважды была свидетелем, как убивали тех, к кому обращался этот журчащий эльфийский голос. Похоже, что его светлая часть гораздо кровожаднее темной. Ибо столь очаровательный светлый облик предшествует горам трупов. Лучше бы он кричал.

— Вартек, собирай вещи... — не, василиск самоубийца!

— БАБАХ! — оглушительный взрыв, и пыльный туман следом.

Я втянула голову и зажмурилась. И вот кого он прибил? Или, точнее, скольких? Осторожно открываю глаза. Стоянки больше нет. Вообще НЕТ! Вместо нее зияет огромная дыра три тара [2] в глубину и десять в ширину. Интересно, чем он так шарахнул. Судя по стеклянным стенкам новоиспеченного озера, чем-то огненным и весьма мощным. Оглядываюсь, все в ступоре, а кто-то и в спячке, но, вроде, живы. Пронесло.

— В следующий раз это будет чей-то длинный и невоспитанный язык, — прошептал возле самого уха мастер, взрывоопасный в своей нестабильности. А потом как ни в чем не бывало начал собирать обуглившиеся остатки лагеря.

— Ну что, Малыш, приступай, — и все семеро встали в круг, а в центре стоял Ван. Он что-то лепетал, махал руками и качал головой. Через вар семь, он открыл глаза, которые уже не раз успел закрыть и открыть, и вздохнул.

— Ну, что? — поинтересовался эльф.

— Все, я поменял нам ауры.

Не смотря на его уверенность, я сильно в этом сомневалась.

— Отлично, а ты переживала, — заметил-таки, вислоухий. А у меня все равно плохое предчувствие. Печенка бьет тревогу.

Моя интуиция вообще со вчерашнего дня вся как на иголках. Шорох не в тех кустах, и я уже готова отрывать головы ликанам, как оказалось, в лице каких-то безобидных грызунов. Мы, замаскированные непонятно как, непонятно кем, едем непонятно куда, надеясь непонятно на что! Весело, правда. Даже Паля смирно себя ведет. Хотя после сегодняшнего представления пиротехнических способностей эльфа, все присмирели. Каждый волнуется и сомневается исключительно про себя. Ибо быть горсткой пепла на дне ямищи — вещь неприятная.

— Алкай, меня уже давно мучает вопрос.

— Какой? — оборотень резко оживился, радуясь возможности разрядить обстановку.

— Что вы здесь забыли? — ступор, причем у всех. Даже лошадей остановили. Ну все кроме орка. Ему лошадки не досталось. Алкай сразу кобылку с вещами присвоил себе.

— Ты имеешь в виду, зачем дальше блокпоста пошли?

— Именно. Как только я сбежала, вам не было никакой необходимости пересекать границу. Убедились бы, что я прошла, и восвосяи. Так зачем?

— Ох, ну там, как бы, проблемка есть... накладка получилась. Каратели нас заметили. А ты же знаешь, если попал в их поле зрения, то они ни за что не забудут тебя. По запаху найдут, мертвяки проклятые. Так что у нас был только один путь, подальше от поселка, пока эти недообглодыши оттуда не уйдут. Ну и лучшим решением на тот момент были степи. Да и с магом поспокойнее.

— Так ты не от большой любви ко мне сюда подался? Ты свой зад в целости и

сохранности решил оставить. Вот не было предвзятого отношения к оборотням, теперь есть, — и я тронула Палю, демонстративно отвернувшись.

Сбоку хихикал феникс с Ваном. Ванюша вообще на редкость сообразительным становится. Они с птичкой сдружились на почве не предвиденных полетов, или буквально на почве, пропахивая ее носами, руками, ногами и головами. И от той сплоченности Малыш удивительно быстро стал развиваться. Аж передергивает от такого контраста между до и после нашего путешествия. Каждый вечер, во время приведения его гривы в порядок, Ван учит всеобщий. Он задает мне вопросы, спрашивает о моих интересах и экспериментах. На самом деле, как я уже говорила, я образованная личность, и эксперименты занимали важное место в моей жизни. Например, как можно преодолеть нерушимые стены не применяя магии. Если честно, то я искала пути преодоления магии и магических предметов при помощи обычных средств, чего греха таить, и грубой силы. Примером служит эльфийский дворец. А всего-то проверка нерушимых стен предполагалась. Кто ж знал, что дриады по дешевке материалы сбагрили глупым эльфийским прорабам. А те на радостях и взяли. За что теперь на рудниках пахнут, временно, конечно. Вот обо всем этом я и рассказывала своему рабу по вечерам, а он жадно ловил и запоминал каждое слово. Прямо сборник моих мемуаров. Что не спроси, все в подробностях расскажет. Обидно было, что я так же не могу его обо всем расспросить. При чем ни одного из них.

Словарь

[1]. Latya hin, lelya lumbule — Открой глаза, покинь тьму!

[2]. Тар = 1 метр.

Дуракам закон не писан. Если писан, то не читан.

Если читан, то не понят. Если понят, то не так!

Поговорка

Вскоре на горизонте замаячили орки-пограничники и небольшие здания заставы. Ну, не подведи сила магов недоделанных.

Наша разношерстная компания подъехала к полуразвалившемуся посту. Всего охранников было тринадцать. Прямо не по себе от этого стало. Широ выехал вперед, как наш вожак. Да-да. Мы же ликаны, а они у нас стайные животные. Кандидатуру супер вожака одобрили единогласно. Только розовый наш решил подшутить, сказав, что Ван покрупнее и посильнее будет. Вот и горло с утра пораньше прочистила и настроение всем подняла.

А сейчас мы на блокпосту. К нам подошли два упитанных орка. Один был почти весь брит, только одна косичка спускалась вдоль виска, а второй имел три таких косы. Значит, старший второй. У них по количеству кос можно узнать, кто главный. Чем больше плетений, тем выше статус.

— Кто? — спросил первый.

— Ликаны, — громко возвестил Широ.

— Куда?

— В лесок близ границы с эльфами, сородичи там, — как убедительно лапшу на уши вешает, невольно загордишься.

Орк наклонился к мешочку на поясе и вынул, кто бы сомневался, артефакт. Поводил им от одного к другому и обратно. Раздался гул искажающегося пространства и открылся небольшой магический экран, на котором стала проступать истинная суть каждого из нас. Ну это они думают, что истинная. А нам ничего не было видно, кроме прозрачной ряби экрана, застывшей в воздухе. Так что результат вмешательства Вана неизвестен. Спустя вар тишину разорвал хохот.

— Что смешного? — спросил Грог. И вот лучше бы молчал.

— Он еще спрашивает, Зарг, — прогрохотал главный, — ты у нас, — и тыкает беспардонно в грудь оркооборотню, — оказывается феникс... ха-ха, или не, нимфа... ха-ха-ха!

Выражение возмущения и крайней растерянности на рыжем громиле просто добила не только стражников, но и феникса с Ваном. Мне если честно было совсем не до смеху, как и остальным. И леший понял бы, мы попались!

— О, а вон тот, с розовыми волосами — орк. Ой не могу... да еще и оборотень... ах-ха-ха.

Феникс перестал смеяться и схватился руками за свою грудь и голову, потом пощупал лицо. От этого у орков новый приступ ржания случился. А я совсем забеспокоилась, Широ тоже. Даже перевязь поправил и руку на рукоять клинка положил.

— А ты, красавица, у нас маг земли? — спросил меня тот, что с тремя косами, — упе! Красавец, ах-ха-ха! Гы-гы!

Никто не знал, сколько продлится их веселье, но уже вся чертова дюжина открыто

ржала и беспардонно тыкала в нас пальцами и не только. Это лишь вопрос времени, когда шутки перерастут в открытое нападение.

— Не-не, смотри, остроухий-то оборотень. Ой держи меня, не могу больше...га-га-га! Остроухий оборотень!

— Ты на рыжего посмотри, ха-гы-га... булаву мне в зад, рыжий василиск... га-га-ха!

— А человечиска этот у нас оказывается эльф, ха-ха... причем темно-светлый, гы-гы... пятнистый что ли? Ах-ха-ха!

— Ой, не могу, ха-ха... только не говори мне белобрысый, что ты банши, — обратился главарь к Вану, — ах-ха-гы-ха! Где же ты грудь спрятала... ха-ха... банши недоделанная? Оторвал кто? Ха-ха!

Ван тут же посмотрел на свою грудь и так внимательно, как будто на самом деле ждал, что она вырастет. Мне его даже жалко стало, так надежды разбились о плоскую мужскую грудь.

— Кто ж вас так подставил-то. Гы-гы! Убейте этого безголового мага. Ха-ха.

И шесть жаждущих убийства глаз впялились в «белобрысую банши». Орк точно описал мага — безголовый. В переносном смысле он давно голову потерял, а в прямом мы ему сейчас поможем и с пытками.

— Все, шутники, — и мы все резко повернулись к орку, — даю вам вар, чтоб испариться.

— Но Жгир?! — попытался возразить младший.

— Молчать, Зарг, — рыкнул он на однокосичного, а потом снова повернулся к нам, — я не смеялся так, уже много весен. За это я не прикончу вас, ребята, прямо на месте. Сматывайте, пока я добрый.

Нас дважды просить не нужно было! Все как по команде сорвались на ускоренный галоп с препятствиями. Даже Грог не отставал от нас, хоть и бежал на своих двоих. Лошадей загнали мы знатно, только Паля с вороным пробежались особо не напрягаясь. Привал устроили недалеко от границы степей с болотами южнее заставы.

— Вы хоть понимаете, что нас никто не отпустит, они просто поохотиться решили! — в панике затараторил Ласкан.

— Да что ты? И откуда у нашей нимфы такие глубокие познания в образе мышления степных жителей? Неужто, знаком с тонкой орочьей натурой? — я сидела на коленях и нервно вырывала пучками несчастную траву, которой не посчастливилось расти здесь. Все понимали, что никто нас не отпустит, и от того, что феникс это озвучил, легче не стало.

— Вартэк, нужно что-то решать, — полностью согласна с василиском.

— А нечего здесь решать. Они все в погоню не кинутся, часть на посту останется. Подмогу тоже не позовут — слишком жадные. Попытаются сами загнать нас как дикого зверя. Я предвидел такой вариант событий. Выход только один. Прорываться с боем через блокпост, когда охраны там по минимуму. То есть, прямо сейчас. Если сделаем все быстро, то подкрепление не успеет, и мы проскочим. Пока эти горе пограничники обхохатывались с вас, я парочку занятых вещей им понаставил, будут веселые подарочки оркам.

— Ты хочешь прямо сейчас атаковать? — оборотень явно был растерян.

— Именно.

— Но Широ, лошади в полуживом состоянии. Они не протянут долго, а если и протянут, то как только пересечем границу, рухнут замертво, — и это знала не только я.

— Твоя кобыла не сильно устала, как и конь твоих дружков. Остальные меня не

волнуют. Ты останешься верхом, это самое главное. Мы можем и пешком.

— Кто-кто может пешком? Вы решили концерт на все степи устроить? — это я на феникса намекала.

— Вороной твой не испустит дух, так что наша неженка не замарает свои ножки о грешную землю. Все остальные достаточно выносливы и способны дойти до Хрустальных лесов пешком. Главное сейчас — пересечь границу.

— Не говорите обо мне, как будто меня здесь нет. Я, между прочим, достаточно вынослив.

— Ага, до первого синяка. У нас не будет времени ждать твоего возрождения. Мы не можем позволить себе терять ни вар, — сказал, как отрезал. А с эльфом птичка вообще не часто спорит. Вот и сейчас спор себя исчерпал. Все молча разошлись по седлам и гонка снова началась.

Во избежание столкновений с патрулем мы взяли чуть западнее. На удачу, разминулись с преследователями. Второй раз за сегодня я вижу эти полуразвалившиеся постройки, но никого вокруг.

— Эм, Широарт, ты уверен, что они оставили кого-то на посту? Выглядит безлюдно, — Ласкан, с Ваном за своей спиной, неуверенно потянул вороного чуть вперед, пытаясь разглядеть больше.

— Ты что-то чувствуешь, Алкай? — не сводя глаз с построек, спокойным ровным голосом спросил эльф.

— Я не слышу никого, да и инстинкты молчат. Постой... — все встали как вкопанные, никому не хотелось нарваться на орочий ятаган, — я чую кровь, много крови.

— Но тел не видно, — руки покрылись гусиной кожей. Я нервно начала озираться. Как же я рада, что не одна.

В тишине раздался стук сапог о землю. Вздрогнули почти все. Как оказалось, это всего лишь Салван. Василиск спешил, прошел чуть вперед и всмотрелся вглубь ближайшего здания. Я слышала, что одна из способностей василисков видеть сквозь твердую материю. Они вроде как видят тепло, излучаемое живыми существами.

— Дело плохо, все мертвы, — все так же безразлично, как и всегда. Думаю, говоря о кончине любимой матери, он был бы не более эмоционален, чем сейчас. Истинная хладнокровная рептилия.

— Что значит, мертвы? Они что, сами убились? — Ласкан явно начинал скатываться в истерику. Еще с первой нашей встречи он походил на избалованного ребенка. Полагаю, я не ошиблась, он еще очень юн.

— Ласкан, замолчи, твои крики только обнаружат нас, — честно говоря, у меня у самой поджилки тряслись. Кто мог положить всех стражей? По следам на дороге было видно, что орки не успели броситься в погоню, их перебили до того. И ой как мне не хочется встречаться с этими убийцами.

Мы медленно двинулись через блокпост. Снаружи все выглядело обычным. Просто покинутая застава. Не знаю зачем, но мне жутко захотелось заглянуть в окно одного из зданий. Просто убедиться, что это, к примеру, волколаки постарались. Я придержала Палевую и пропустила вороного вперед. Широ, ехавший рядом, даже не заметил, что я отстала. Воспользовавшись общей заикленностью на преодолении границы, я подвела кобылу к старому, с проломленной в нескольких местах крышей, зданию. Окно без ставней и петель, являющее собой простой квадратный проём, как раз было на уровне холки Пали.

Чуть наклонившись, я заглянула внутрь. От резкого перепада света в темноте помещения я оказалась практически слепой. Поморгав немного, начала улавливать свет лучей, что пробивались в окно, обтекая мой силуэт как вода, и освещали отдельные участки комнаты. Слегка наклонив голову, я заглянула в дальний угол. Солнечные лучи, повинаясь моим движениям, плавно перетекли вглубь комнаты. И они были последним светлым видением на сегодня. Жуткий озноб, холодный пот на лбу. Я не могла пошевелиться. Они нашли меня.

В глубине комнаты, друг на друге, лежало три тела. Ни капли крови не было пролито, но их черные как смоль глаза и искривленные в мучительной конвульсии лица, были более очевидной меткой смерти. Так убивают проклятые! Я стала задыхаться. Мысли как рой мух беспорядочно кружились в голове. Крови нет. Крови нет. КРОВИ НЕТ!

— КРОВИ НЕТ! ЕЕ НЕТ! — я закричала во все горло. Все резко обернулись. Салван Широ обнажили клинки. Никто из них еще не осознал всей опасности. Я что есть мочи прищорила Палю, которая и так неслась вдогонку товарищам, что успели отъехать к краю границы.

— Проклятые! Это проклятые! — вот теперь все поняли меня. Я виновата, что не смогла связно мыслить и четко описать всю ситуацию. От страха я не могла правильно отреагировать. Паника охватила все мое существо. Бесполезные слезы текли по щекам. Беспомощность. Это то, что ощущал сейчас каждый из нас. Алкай ведь почуял кровь. Нс каратели не оставляют крови, они питаются ей, как и болью умирающего. Остается только горький запах полыни, как насмешка. Полынь, что отгоняет нечисть, стала тем самым ароматом черной смерти проклятых. Запах крови был оставлен специально. Нас заманили в ловушку.

— Ловушка... это... это ловушка! — сипло всхлипывала я. Не было сил даже крикнуть. Я видела только дюжину черных всадников, что безжалостно нападали на моих друзей. О нет, они не убьют их сразу. Они замучают их так, что смерть будет даром. И, несмотря на такую участь, я фанатично неслась к ним. Если так суждено, то мы умрем все вместе.

Время замедлило свой ход. Я четко видела, как всадники валят на землю Вана с Ласканом. Феникс тут же сгорает, а Вана берут в кольцо и под испепеляющими взглядами он теряет опору и заваливается на бок. Жуткая боль отражается на его враз побледневшем лице. Сердце пропустило удар. «Он больше не встанет», — эта мысль билась в голове все время, пока губы выкрикивали невнятные слова заупокойной песни по возрождающемуся фениксу. Они поймут кто он. Это неизбежно.

Посреди поля вижу Широ. Эльф все еще в седле и до сих пор отбивает все атаки. Его щиты пока держатся, но четверо проклятых, это слишком много, даже для архимага. Обратней же поразили в первую очередь. Как только проклятые появились, они сразу обездвижили их, послав волну адской боли.

Василиск без сознания, с кровоточащей раной лежит под копытами вороного, что в испуге гарцует на месте. Один из карателей уже тянет свои серые, костлявые руки к голове Салвана. Он почуял кровь. А я все несусь в середину этого безумия и понимаю, что мне нечем помочь. Сейчас мы все умрем. Это было моей последней мыслью, поскольку Палевая резко затормозила, как перед обрывом, но было поздно. Мы обе кувыркком полетели по земле. Еще мгновение и жуткий грохот заполнил весь блокпост. Земля задрожала, а я почувствовала, что лечу. Приятное чувство подъема и ужасающее падения. Непереносимая боль и тьма.

Глава 14 Мы в ответе за тех, кого приручили

Мы в ответе за тех, кого приручили
Антуан де Сент-Экзюпери

— Ну что ты так смотришь на меня? Дырку прожжешь! — я смотрела на нахально развалившегося на моей кровати мелкого, пристально следящего за каждым движением моей ложки с жарким, и планировала: куда бы получше вывернуть оставшееся.

За последние три рассвета святая троица ненормальных мамаш в лице кельпи, Малыша и вислоухого, разве что лично не купала меня. Ем я теперь под присмотром, а точнее, надсмотром Кайи, так как остальным надоело отмываться от разнообразных кулинарных блюд. На Кайю же рука не поднималась, вот они и пользуются этим. А после слов, что это все ради моего блага, кельпи готов сам ложками в меня запихивать всякую лечебную дрянь.

Может тихонечко в горшок с каким-то цветочком выкинуть остатки. Не, жалко растеньице. Оно еще после вчерашних лекарств не оправилось и от завтрака тоже. Обед несчастная флора не перенесет. Я горько вздохнула и поймала осуждающий взгляд Кайи.

— Ем я, ем. Видишь! — и запихнула ложку с верхом себе в рот. Жаркое конечно вкусное, но вот спрашивать из чего оно, язык не поворачивается, а челюсти спазмом сводит. Знаю, что Широ не допустит каннибализма. Но вдруг ушастого тоже обманули? От этого и не хочется тащить в рот всякие подозрительные вещи. Как-то не располагает к хорошему аппетиту обстановка, да и окружение плотоядных коняшек не придает желания насладиться едой. А этот сидит, корпит надо мной, еще и укоризненно смотрит, изредка облизываясь. Мол, такая вкуснятина, а ты не ешь. Вот сам бы и ел!

По правде, я и сама понимаю, что есть надо. У меня от всех этих переживаний чуть крыша не поехала. Были бы мы с Ваном как двое из ларца. Из-за этого уже восьмой рассвет торчим на этом подводном пастбище. Стыдно даже, так всех задержала. Но я не единственная причина.

Наши копытные дружки нашли-таки раненого василиска в тот же день, когда мы феникса с оборотнями вытаскивали. Вытащили. Одного потеряли. Опять волной вины и отчаяния накрыло. Так, хватит заниматься самоуничтожением. Если бы можно было поступить иначе, Грог все равно не остался бы в таверне. По крайней мере, этим меня и утешал Алкай. Оркооборотень был вторым сильнейшим в стае и никогда бы не оставил своего вожака без прикрытия. Огонек же считает себя обязанным всему роду банши, а долги оплачивать нужно. Так что, как бы я не изгалялась, пушистики все равно пошли бы со мной.

Покашливание бдительного кельпи вернуло меня к жаркому. Жалобно смотрю на Кайю, а тому хоть бы хны. Невозмутимая статуя. Хотя в такой одежде ему только и осталось, что возмущать. Я понимаю, что плотоядные кони, это не люди, но можно же одеваться поприличнее. Плотно прилегающие к ногам, с множеством увеличивающихся к бедрам в геометрической прогрессии дыр штаны скорее обнажали, чем скрывали что-то. Все эти не оставляющие фантазиям не единого шанса проветривающие отверстия тянулись от внутренней стороны лодыжек по диагонали прямо к наружной стороне бедер, заканчиваясь на уровне пупка. Ни ремня, ни пуговиц это рваньё не имело. Цвет же мало отличался от цвета кожи: почти белый с голубым, но с более насыщенным отливом. И это все, что было на

мальчишке. Иногда кельпи еще носят украшения в виде бус и браслетов из камней и ракушек. У мужчин часто можно встретить боевые нарукавники во все предплечье и ладонь, в основном, из рыбьих костей и острых шипов. Никогда не хотела бы встретить рыбку, что была обладателем сего арсенала.

— Все, я наелась, — возвестила банши, впихивая почти пустую тарелку коняге, и откинулась на подушки.

— Ты не все съела! — возмутилась няня.

— Я тебе оставила, — заискивающе улыбаюсь.

Кайа хищно посмотрел на тарелку, облизнулся и, разрываемый желанием и обязанностями, в надежде уставился на меня.

— А как же ты? — крепко сжимая драгоценное жаркое, будто это последнее тушеное блюдо в мире, нехотя поинтересовался кельпи. Ну и мордочка! Я ему сейчас бы и деньги, и коня, и все имущество отдала.

— А я наелась, или ты не расслышал? — подмигиваю.

Всевышние! Сколько радости. Не успела я расхохотаться, как Кайа уже заглотил оставшееся и принялся вылизывать тарелку. И как-то не по-человечески он это делал. Вот как бы вы вылизали тарелку? Языком, ведь так?! Кельпи делают не так, по крайней мере, именно этот кельпи. Дите пальцами трет тарелку и потом смачно облизывает их, закрывая глаза и мыча от удовольствия.

— Жеребенок, ты когда нормально ел последний раз? — подозрительно все это.

— Дамно, — блаженно смакуя свой палец, прокартавил мелкий, — но сейсяс узе луцсе.

Кто бы сомневался. И вампиру понятно, что не шибко баловал тиран свой народ. Что с ним сделали, я до сих пор не знаю. Широ предлагал рассказать, но просьба девочки не позволяла мне позлорадствовать над этой тварью. Что я непременно сделала бы, расскажи мне все подробности его кончины. А о смерти ублюдка мне было доподлинно известно. И не дай Всезнающие хоть кто-то узнает, что банши вырубала сама себя, надавливая на нужные точки, только чтобы не петь песнь по этой мерзости. По крайней мере, первые два дня я чувствовала неотвратимость смерти и ждала крика. Точнее благополучно попыталась его проспаться, не получилось. Крик настиг меня в полусознательном состоянии на третьи сутки. Весь следующий день я заглазывала сонные порошки в таких количествах, как будто бессонница мучила как минимум недели две. Но парализующие точки никто не отменял, и я просто обездвижила себя. Оказалось, как раз вовремя, меня затянуло в транс, но по причине моего состояния не стояния я не могла петь. Лишний день я проспала из-за передозировки снотворного. Умереть не умерла, но задержала всех на пять рассветов больше, чем рассчитывали.

Вся наша прошедшая боевое крещение компания посчитала меня съехавшей с катушек истеричкой, что оказалось на руку. Мало кто захаживал ко мне, и в этом случае обездвиженная я просто закрывала глаза и изображала летаргический сон. Няньки уверовали, остальные не заходили. Правда о себе напоминал голод и естественные нужды. Кто бы видел, с какой скоростью я неслась в уборную, жуя на ходу первую попавшуюся съедобную вещь и запивая ее стаканом воды. Дамская комната на эти пять дней стала для меня и столовой и химической лабораторией. Получилось три в одном. Все сонные порошки были на травках, собственного производства и создавались на ходу между перебежками и, собственно, в уборной. После чего я в кратчайшие сроки стремилась вновь впасть в бессознательное состояние.

Посмотрела на счастливое лицо Кайи. Ох, не ведают они о моих злоключениях. Не ем я, не потому что в депрессии, а по причине отравления все теми же травками. Ну переборщила, с кем не бывает. Но кто ж знал, что эти помешанные на заботе мамашки меня откормить вздумают. Я еду не то, что видеть, я ее и нюхать толком без рвотных позывов не могу. А этот изверг в меня почти тарелку впихнул. С завтраком то я расправилась весьма тривиально, прикормила растеньице. С обедом не прошло, увы.

— Ну что, надсмотрщик. Когда отправляемся, узнал?

— Вечером.

О как! Значит, ночью поедem. Странно, неужели Широ решил пойти вдоль границы Хрустальных лесов и Дубовой рощи. До столицы можно и по эльфийскому лесу дойти, но это в обход. Если же по пограничью идти, то сэкономим рассветов пять, шесть.

Дубовая роща — территория дриад. Хрустальный лес окружает рощу с двух сторон. Таким образом, граница изгибается почти под прямым углом, уходя на запад. Самая короткая дорога до Tintill Elin, эльфийской столицы, это западная граница. Прямо по ней можно с легкостью преодолеть путь за двадцать рассветов, восемь из которых мы будем идти по территории светлых.

Но не все так просто. Если бы не коренные жительницы рощи, путь был бы идеальным, а так его легкость поверхностная. Пусть дриады не враги эльфам, а соответственно, нам, они все же не терпят вторжения в их владения без предварительного оповещения и официального визита. В противном случае, нас можно будет только пожалеть. Если не застрелят ненароком, то пленят до дальнейшего разбирательства. Тогда мы потеряем гораздо больше времени, чем выиграли бы. А то и головы сложим из-за недоразумения. Дриады, они такие. Сначала стреляют во вторженцев, а потом интересуются их личностью.

— Вислоухий решил рискнуть, — пробормотала я сама себе.

Наше уединение было нарушено стуком в каменную дверь. Разрешения томившийся с другой стороны так и не получил. По неизвестным причинам, я боялась впустить гостя.

Без моего дозволения никто не может войти в покои. Дворец надежно охраняет меня. Как оказалось, живой Galad Isilme может быть весьма полезным. Приняв меня в число своих хозяев (громко сказано, он меня через раз слушается), дворец выделил мне комнаты и свою защиту. Сейчас она мне пригодилась. Не хочу открывать.

Стук повторился. И тишина.

— Похоже, бессовестная банши боится со мной встретиться, — раздалось за дверью, — трусиха!

От этого насмешливого голоса кровь отхлынула от лица и уши заложило. И что мне делать? Вечером ведь все равно увидимся. Но это вечером, там буду не только я, а сейчас мы будим наедине. Кайа точно ускользнет куда-нибудь, он чуткий не в меру.

И тут меня как молнией поразило. Как он меня назвал? Трусиха?! Ну зараза розовая, я тебя к карателям спасать полезла, а ты так, значит.

— А не обнаглела ли птичка? Неужто перья не все оторвали? — смешок по ту сторону.

Он специально это. Знает, как разозлить. А злиться и бояться одновременно сложно. Поэтому буду злиться — это проще.

— Откройся дверка, я хочу увидеть эти бесстыжие розовые глаза.

Массивная, в локоть шириной дверь медленно двинулась вовнутрь комнаты. Столкновение камня с камнем и рожденный этим соприкосновением скрежет возвестил о завершении пути изолирующей меня от всего мира преграды. Я зажмурилась. В тишине

раздавались неторопливые шаги, и они приближались.

Мне сложно было заставить себя открыть, наконец, глаза. Из всей нашей группы только Ласкана я не видела с того самого момента на площади у костра. Та боль и ужас, испытанные мной на злосчастном лугу, не покидали меня. Я смогла заглушить эмоции и похоронить их глубоко, но вина не уходила. Как же я боюсь на него посмотреть. Все столь яро задушенные чувства могут вырваться наружу, как только я увижу розовую гриву феникса. Я не смогу смотреть на него как раньше. Каждая его клеточка будет напоминать мне об испытанном ужасе.

Почему Ласкан так спокойно говорит со мной, зачем пришел? Неужели пережитое не оставило следов? Не верю! Раны слишком глубокие. Пусть он и не держит на меня зла и обиды, ему тяжело было прийти ко мне. Ведь это из-за меня! Но если он смог преодолеть это, то и я смогу!

И я открыла глаза. Такой же худощавый и бледный, с розовой длинной косой. Моя нежная нимфа. Он улыбнулся, как и я ему в ответ. Широко и лучезарно, принося долгожданное облегчение. Он не злится!

— Можно я кое-что тебе скажу? — он мягко опустился на край кровати, где сидела растерянная я.

— Скажи, — хочу слушать его до бесконечности. Успокаивающий, добрый голос.

— Не вини себя, это бессмысленно. Никто не мог предугадать.

— Но... — он выставил вперед руку и мягко коснулся пальцами моих губ, заставляя слова так и остаться всего лишь моими мыслями и тревогами.

— Дана, я был в похожей ситуации. Я знаю, как тяжело видеть чьи-то мучения и винить в них себя. Но поверь мне, — феникс аккуратно взял меня за руки и стал успокаивающе, круговыми движениями поглаживать мои ладони своими большими пальцами, — умирая много десятков раз, я ни разу не винил тебя.

От упоминания смертей и их количества закружилась голова, начало тошнить.

— Напротив, я был рад, что именно я стал их жертвой, ведь я практически бессмертен. Впервые от меня была польза. Я смог защитить вас всех, — Ласкан запнулся и опустил взгляд, — почти всех. Поверь, знать, что ты не подверглась пыткам, что, возможно, жива, и я смог, наконец, спасти дорогую мне женщину и не опозорить свое имя — самое главное для меня. Не скажу, что все было просто. На самом деле я был в состоянии умереть сам от одного их вида, но именно ты дала мне сил не сойти с ума. Твоя безопасность грела мне душу, и я задержал бы их на столько, насколько смог.

Он поднял мое лицо за подбородок и немигающе, проникновенно смотрел на меня и в никуда одновременно.

— Не печалься о свершенном, не тревожься о грядущем, живи сейчас.

И меня нежно поцеловали. Губы Ласкана всего лишь коснулись моих, а все тревога испарилась в считанные мгновения. Какая же у тебя сила, о мудрейший из ныне живущих? Ты так молод и так мудр. Ты истинное бессмертное существо, проживающее множество жизней, хранящее бесценный опыт. И только что прекрасная огненная птица поделилась со мной частичкой своих знаний.

Мгновение, и погружение в истоки мироздания, спрятанные глубоко в душах фениксов, оборвалось, не успев начаться. Но кое-что я успела уловить. Его чувства. Меня обняли, нежно, но крепко.

— Ты до сих пор любишь ее?

Ответа не последовало, он и не требовался. Так мы и сидели, пока в проеме не появился мой болезный. Малыш взял контроль над телом рассвета три назад. Почему маньяк так долго находился в сознании, подавляя Вана, было вопросом рассвета, но я рада, что, наконец, вижу такие привычные, неуклюжие движения моего белобрысика.

— Заходи, Малыш, у нас тут время откровенных разговоров и нежностей, — я отстранилась от Ласкана.

— Дана, тебе уже лучше?

Какое озабоченное лицо, приятно, когда о тебе беспокоятся. Я похлопала по кровати рядом с собой. Ванька с детской улыбкой в припрыжку побежал ко мне и, не останавливаясь, с разбега запрыгнул на указанное мной место. Феникс же, беспардонно сдвинутый массивной тушей, посчитал свою миссию выполненной и направился на выход. Не дойдя пары шагов до проема, обернулся.

— Да, — сказал в пространство и вышел, но я поняла, о чем он. Любит, по сей рассвет любит.

— Ну что, расчешем тебя? За последние три рассвета вряд ли кто-то помог тебе с волосами, — Ван закивал головой и тут же повернулся ко мне спиной. Соскользнул с кровати и с глухим стуком приземлился на пол.

Люблю его волосы. Нет ничего более успокаивающего, чем медленно перебирать пепельную прядку за прядкой, вплетая их в общий поток переливающихся нитей изящной эльфийской косы. Я взяла гребень, подползла к краю, где сидел Малыш, и отгородилась от всего мира.

— Ты думала, что я не замечу!

Прохладный вечер третьего месяца лета обещал быть долгим. С чего вдруг Палан устроил мне сцену. Стою себе на берегу, между прочим, на четверть моем берегу, поглаживаю Палю по мягкому носу, никого не трогаю, и на тебе — засада! Меня и так старейшины весь оставшийся день разве что на тряпочки не порвали. Но я отстояла свою четвертую часть, правда, другую четвертую часть Кайе пришлось делить с Паланом и еще несколькими мятежниками. Тут уж дряхлечки были непреклонны.

Пока я решала земельный вопрос, все уже собрались и запрягли в повозку подаренного кельпи крупного серого, в белые яблоки, жеребца. Так как наше пресмыкающееся сильно головой приложилось, его верхом перевозить еще нельзя. Рану растрясти может, еще дурачком станет, не дай горгуля. Вот и позаимствовали мы какую-то старенькую узкую повозку, с крышей даже.

И вот уже все в седле на берегу Онры готовятся к рывку на короткую дистанцию до границы, чтобы как можно незаметней и быстрее въехать на нейтральную полосу вдоль пограничья, как меня беспочвенными обвинениями грубо заставляют спешиться. И что ему от меня нужно?

— Плотоядный, что тебя не устраивает? Видишь, я уже уезжаю и обещаю, что в ближайшую весну точно не вернусь, а то и через десять, — тяну ногу в стремя, надеясь, что конфликт исчерпан.

— Оставь Кайю! Я не отдам его тебе, — ан нет, конфликт набирает силу.

— Тебе что, стулом последнюю соображалку отбило? — руки сложены на груди,

раздраженно потопываю ногой, выражая все мое недовольство и нетерпение, — милый Кайа сидит себе во дворце, где я его и оставила.

— Его нет во дворце! Не пытайся меня одурачить. Он ушел через другой тоннель, ты его забрать решила. Где вы встречаетесь, отвечай! — кельпи перешел на рык. Похоже, он не шутит.

— Палан, я не собираюсь брать с собой кельпи, — справа кашлянули. Это Широ пытается сказать, что под ним речная коняшка топчется, и оставлять свое транспортное средство здесь он не намерен.

— Я не отдам его! Сразись со мной и если победишь, только тогда я дам согласие на ваш поединок.

Так, я запуталась. Окончательно и бесповоротно. Какой такой бой? Не собираюсь я драться с Паланом, не говоря уже о Кайе. Эта зверолошадь меня одной рукой против течения тащила почти на весу, какой там поединок, скорее казнь. Сделала единственное, что пришло в голову.

— Широ, давай ты его прикопаешь по-тихому, и мы дальше поедем.

Что это с вислоухим. Глаза прячет и моську куда угодно, только не в мою сторону. Он решил так пошутить?

— Широ!

— Прости, Дана, но вызов брошен тебе. Значит, он услышал именно твой зов, не мой. Ты можешь отказаться, но тогда забудь про Кайю. Ты больше никогда не увидишь его.

— Я явно чего-то не знаю. Что за зов?

Мне ответил Ласкан.

— Данка, ну ты и глупая. Они же кони. Они рождены, чтобы вставать под седло, — последние слова явно не понравились рожденному стоять под седлом, и он выразил свое недовольство грозным рыком, — но это им не нравится, — осекся Ласкан.

— Оно и видно.

— Но природу не обманешь. Кельпи рождаются, чтобы найти своего хозяина. Когда один из них встречает свою судьбу, он слышит зов, который невозможно игнорировать. Будучи гордыми и высокомерными существами, кельпи не сдаются так просто на милость победителю. Они вызывают своего хозяина на бой, оставляя Всевышним решать, кто выйдет проигравшим.

— Это они поэтому так не любят остальные расы и прячутся не весть где. Они зов услышать боятся? — феникс кивнул, — как интересно!

— Это еще не все. Кельпи идеальные компаньоны, верные и сильные. Бывали случаи, когда водяной народ умирал сразу после кончины своих хозяев. Так была сильна их связь.

— А они могут, ну не знаю... проигнорировать зов?

— Нет, — решил вмешаться Широ, — они будут медленно умирать, пока не ответят на него. Избавиться от нависшей угрозы в виде хозяина можно, лишь победив его. Так кельпи доказывает, что сильнее, а посягнувший на его свободу не достоин зваться Iani — «хранитель» на языке дроу.

— Но при чем здесь Кайа? — я недоуменно взирала на всезнаек и ждала новых разъяснений. Разъяснения пришли совершенно из другого источника.

— Мы оба услышали зов. Но я старше и сильнее, а значит, имею право первым бросить вызов, — какой самоуверенный.

— Шел бы ты лесом, нежданчик. Мне такой как ты и даром не нать, и за деньги не нать.

Кто-то разозлился еще больше.

— Ты кое-что забыла. Кайа мой младший брат. Если я выиграю, а я выиграю, ты никогда больше его не увидишь. Как глава семьи я имею право отвергнуть тебя как его хранителя и оградить от твоего влияния. Мой зов не настолько силен, как зов Кайи, я даже могу его проигнорировать, но ты решила забрать моего единственного брата, которого я оберегал с самого его рождения. Не отдам, никогда!

Вот тут я поняла: пора бояться! Обидно только, я вообще ничего не сделала, а отдуваться как всегда Суардане.

— Суара, тебе кое-что нужно знать — это Широ снова вмешался.

— Ну что? Скажи еще, что бой под водой с закрытыми глазами и связанными ногами проводится, — достал, как есть достал!

— Нет. Но если ты победишь, он никогда не покинет тебя. Кельпи останется лошадю и потеряет свою человеческую ипостась навсегда. Ты должна решить для себя, лишишь ли ты Кайю его обычной жизни ради прихоти всегда видеть его или отпустишь. Стоит ли это того?

— Не стоит. Во-первых, не дай Всезнающие мне такого компаньона под седло, как эта зверолошадь, — и нагло тыкаю пальцем в Палана, — во-вторых, я не разрушу мечты ребенка, превратив его в послушного раба в зверином обликии.

Кайа добрый и отзывчивый мальчик. Не известно, что было бы со мной, не появись молодой кельпи в моей жизни. Пусть эти семь дней и были напряженными, но я успела привязаться к мальчугану. Он много страдал и многое пережил. Единственным близким человеком для него был брат, вечно пропадающий на охоте. И голод. Голод стал его извечным компаньоном на долгие весны. Он заменил все другие желания и эмоции. Но сейчас Кайа волен мечтать. Он может пойти куда угодно и делать что захочет. Это называется свобода. Долгожданная, выстраданная речным народом, замешанная на крови и рожденная храбрыми сердцами свобода. Никто не имеет права забрать ее. И я не посмею этого сделать. Я ни за что не поступлю так с Кайей.

Пора это заканчивать, на душе паршиво. Если бы могла в последний раз увидеть этого сорванца, обнять его крепко-крепко и пообещать, что все будет хорошо, и завтра будет лучше, чем вчера, а каждый последующий день будет озарен ярким солнцем, согрет его лучами, наполнен чистыми надеждами и светлыми мечтами.

— Я проиграла, Палан, — я медленно шла к кельпи, — ели хочешь, можешь подушить меня немного для правдоподобности. Только не увлекайся.

— НЕТ! Ты обещал! Ты обещал мне не вызывать ее на бой! — из кустов выскочил молодой вороной конь с седой гривой и хвостом. Высокий, крепкий, с длинными изящными ногами он выглядел даже благороднее эльфийских фесов, а они считались лучшими и красивейшими скакунами.

— Ты тоже обещал остаться дома! — взревел Палан, перекидываясь в такого же вороного жеребца, только грива и хвост были однотонными с ним самим. Два прекрасных животных одинаковых в высоту. Молодой немного уступал в объемах. Палан был массивнее и крупнее своего сородича.

— Я не могу противиться зову, он убивает меня!

— Поэтому я избавлю тебя от ее влияния раз и навсегда. Посмотри на нее, — Палан потрянул головой в мою сторону, — она даже не стала драться и отстаивать свою честь. Она отказалась от тебя, унизила. Ты все еще хочешь поединка?

— Да! Я хочу! И сейчас ты упустил свой шанс. Твой бой окончен, пусть начнется мой!

— Как старший, я приказываю отступить!

Никогда не видела рычащую лошадь, и лучше бы никогда и не видела. Жуткое зрелище. Набор острых, как эльфийские клинки, зубов-клыков мог утратить любого своей демонстрацией.

— Подчинись!

И он встал на свечку, норовя ударить Кайю, а я теперь уверена, что это Кайя, копытом по голове. Чем?! Что-то зрение меня подводит. А я все вижу так: Кая гордо держит голову, Палан стоит на задних ногах и большой ЛАПОЙ (да-да, именно ЛАПОЙ!) с длинными когтями пытается заставить своего брата опустить голову, давя на нее всем весом. Решила уточнить, брежу только я или это массовое.

— Эм...Ласка, а я все правильно вижу. У него лапы!?

— Да Дана, у него лапы, как у собаки или кота. Ты не сходишь с ума, — обрадовал меня феникс. Стало легче, хоть за свое сознание можно не беспокоиться.

Пока расспрашивала птичку, ситуация изменилась. Палан отступил.

— Ты пожалеешь, Кайя!

— Откуда ты можешь это знать? У тебя же нет хранителя, — и больше шикарный жеребец с белоснежной гривой не обращал внимания на своего брата.

— Дана, я требую поединка, — и он стукнул копытом.

— Кайя, я не стану с тобой драться, — уже устала повторять. Это просто фраза рассвета сегодня, — Просто ударь меня куда-нибудь, только не сильно, и все на этом. Я не хочу брать тебя с собой.

— Дана, я кельпи.

— И что?

— Я слышал твой зов еще тогда, на рынке, но не мог объяснить сам себе, что это такое. Любое твоё желание я исполнял, отвечал на любой вопрос, даже если не хотел. Я все чаще ловил себя на мысли, что слабею вдали от тебя и жутко скучаю. Я просто умру, Дана. Я умру без тебя!

— Если победишь, нет.

— Я уже проиграл.

— Широ поехали, мне все это надоело, — стараясь не смотреть на Кайю, который следил за каждым моим движением, и не выдать свою тревогу и растерянность, я вскочила в седло.

— Стой, Суардана, — кельпи впервые назвал меня по имени, раньше я была леди, — ты должна принять вызов и сразиться по-настоящему.

— Почему это я должна?

— Он умрет без тебя. Здесь я бессилен. Кайя никогда не говорил, что подчинялся тебе неосознанно с самого начала. Такое не исправишь ничем. Я не могу запретить ему вступить в бой и не собираюсь этого делать. Теперь это только между вами, — он стоял ровно, величественно задрав голову, что даже челка съехала на один бок, а в его звериных глазах отражалась немая мольба, — окажи ему честь, плакальщица.

Меня загнали в угол, и по одобрительным кивкам вокруг я поняла, что теперь это тупик. Из угла есть два выхода в обход противника, пусть и плохих выхода. В тупике только один — назад. Придется идти на попятную.

— Как будем драться? — я спешила во второй раз за сегодня на этот злосчастный берег.

— Мы не будем драться, Дана.

Я застыла на подходе. Информация снова обошла меня стороной. О чем он?

— Э-э-э... и что мне делать?

— Садись верхом на меня, — все еще не понимаю, — если сможешь, победа твоя.

Медленно начинаю осознавать, что под боем и сражением они имели в виду противостояние личностей. Кто кого подавит своим авторитетом.

Осторожно подступаю к Кайе, ложу ему руку на морду. Медленно провожу ладошкой от лба между ушами и к загривку. Уверенным движением хватаюсь за загривок и подпрыгиваю, метя прямо на плавную волну спины. И... не допрыгиваю! Растерянно стою сбоку от кельпи, все еще держа клочок гривы в руках, правда, отдельно от загривка. Что делать? Надо быстренько выкинуть куда-нибудь в кусты. Слышу плач и кряхтение за спиной. Неужели они по мне плачут. Ага, как же, режут от смеха эти гады. Вон даже Палан ржет, уже в открытую, кстати.

— Чего ржем? У кельпи вопрос смерти и рабства, а вы ухохатываетесь, бесчувственные!

— Су, милая, он быстрее умрет, чем ты его в рабство осилишь взять! Ха-ха-ха!

— Очень смешно, вислоухий. Ты своего кельпи юмором поработил? Бедная коняшка, — смотрю на несчастного пегого коня, что под Широ, — беги от него, лучше смерть! Поверь мне, я знаю!

Взрыв смеха был предсказуем, но без надобности. Широ и так беситься начал. А нечего издеваться над раздраженной банши. Моя коняга вообще на голову выше Пали. Где только отъелся так?

— Дана, не расстраивайся.

Кайя чуть повернул ко мне голову, а потом... а потом у всех отвисла челюсть. Свою я почти вывихнула.

Молодой кельпи просто опустил передними ногами на колени и ждал моей второй попытки.

— Это ты решил взять низкий старт и отправить меня в полет во время вскарабкивания?

— Кхм-кхм, нет. Я упростил тебе задачу. Залезай, не скину. Не посмею.

Вокруг воцарилась мертвая тишина. Я даже расслышала стук мощного сердца под моей рукой, что покоилась на боку Кайи. Ну что ж, попытка номер два.

Я схватилась за пордевший моими стараниями загривок и перекинула ногу через волну. Тишина. И тут кельпи начал свой подъем. Я почувствовала себя маленькой при маленькой букашкой, которая впервые увидела что-то повыше травы. Земля отдалилась, и теперь падать было страшно, чего я никогда не боялась раньше. Но были и плюсы. Сижу высоко, гляжу далеко — это теперь про меня.

— Как ощущения?

— Чудесные, — не стала врать я, — почему ты так легко дал мне победить?

— Моя задача — твое благополучие. Все это лишь для соединения наших судеб, я никогда не собирался сопротивляться тебе. Я рад, что ты моя Iani.

Самое странное, я точно знала, что он искренен. Наверное, это и есть связь между хранителем и его подопечным.

— Как бы я хотела снова увидеть твою человеческую сторону-у-у-а-а-а-а!

Только я договорила, как внезапно опора подо мной исчезла, и я полетела вниз. Падение было мягким и на что-то теплое и явно живое. А еще у этого кого-то были руки и даже ноги. Остальное тоже прилагалась, прямо к очаровательной мордашке Кайи. Мой

Межа раздували и без того ревущее пламя кузнечной печи. Оранжевый демон не щадя пожирал обрубленные части тела великих многовековых ветвистых великанов. Каждый раз, питаемый милостивым потоком воздуха, он неистово истязал своих жертв. Стук ожившего в руках мастера молота перекрикивал все остальные полу стоны на таты вокруг, рождая поистине чудесное детище, что, нещадно испаряя воду, шипело и огрызалось, погружаемое в уже горячую и грязную от сажи и железной пыли жидкость. Неугомонная водная стихия не спешила сдаваться. Она плескалась, норовя ускользнуть из ненавистного места и от бесцеремонного вторжения. Снова и снова, разрывая податливое жидкое тело, источающее прохладу, алея раскаленным до красна лезвием, клинок наполнялся жизнью, впитывая ее через руки мастера. Оружие получило свое долгожданное облегчение и ловко нырнуло в раскрытые объятия демона-огня, что без устали лизал закаленное железо. Жар, скрепление невидимых связей, и новый слой стальной брони ложится на лезвие, даря невиданную силу разрушения и стойкость скалистых гор. Скорый путь на твердую грудь железной матери и жесткие приветствия от грозного, взмывающего ввысь и опускающегося с громовым грохотом на плоть сына отца. Искры! Грохот! Искры! Бесконечный танец. Но стук молота о наковальню вскоре прерывается и мастер вновь безжалостно тревожит воду своим творением.

— Может, все-таки, обратишь на меня внимание? — мелодичный женский голос разорвал многочасовое пение валларской стали.

Высокая фигура стояла не далеко от выхода из кузницы. Капюшон, небрежно накинутый на голову, скрывал лицо незнакомки, но скупой свет пламени все же смог достигнуть его и вырвать несколько черт женского облика из объятий мрака.

— Ты маг земли, а не кузнец. И сейчас на твоей земле чужаки. Они требуют встречи.

Обнаженный по пояс мужчина медленно отвернулся от пламени и посмотрел на свою гостью. Белоснежная, небрежно заплетенная коса свисала до самых колен мастера. Заведя руку за спину, маг перекинул снежный канат волос на влажную и слегка опаленную жаром грудь.

— Кто, как не маг земли может быть лучшим кузнецом. Мои клинки рождаются из железа, что взлелеяно в недрах скал и глубоко в теле матушки земли. Не принижай ремесло, обеспечивающее защиту всему живому.

— А ты не завьшай его значимость. Оно кроме защиты несет в себе смерть. От оружия куда больше проблем, чем пользы.

— Мне жаль это слышать, дорогая жрица. Ведь этот прелестный клинок с лезвием длинной в твою руку может поспорить в крепости и с моими скимитарами, и с клинками из драконьего железа. И он предназначается вам, миледи, как подарок на память.

Мужчина медленно двинулся к застывшей девушке. Еще никогда мастер не дарил свои творения и редко их продавал. Особенно женщинам. Такая честь была оказана впервые.

Она знала ценность его клинков, как и грубость его натуры. Тяжелая личность с эгоистичным характером. И тем не менее, маг все равно притягивал внимание жрицы, как и поймал ее сердце уже очень давно, не оставляя надежды на взаимность. Женщина знала точно, этот великий воин кашир не имеет сердца. А получить фальшивку, отдав всю свою

любовь и нежность, миледи не желала. Она закрыла двери в их совместное будущее много сотен весен назад. Заперла и выкинула ключ в Бездонную падь.

— Я не собираюсь обучаться владению оружием и тем более не собираюсь таскать эту громоздкую железяку с собой. Спасибо за оказанную честь, но я вынуждена вернуть твой подарок.

Маг улыбнулся. Заблудившийся кусочек света выхватил фрагмент скрытого до сего момента лица воина. Глаза блеснули изумрудными искрами и вновь погрузились в тень, созданную высоким телом, чей силуэт загорался теплым светом багровых всполохов пламени. Наконец, мужчина остановился в непозволительной близости от жрицы и низко выдохнул:

— Urin nir.

— Более глупого названия я не слышала. Ты это сейчас придумал? — и женщина смело подняла в ответ глаза.

— Нет, милая, это имя нашептало твое сердечко. Ты и есть Плающая слеза. Этот кинжал точное отражение твоей души, — губы девушки дрогнули и маг улыбнулся. Он любил дразнить ее, даже больше, чем мог признаться себе, — ты не можешь отказаться, он изначально бы привязан моим заклинанием к тебе. Другого хозяина он не примет.

Девушка поджала губы. Ей не нравилось, что столь сильная магия была использована в создании клинка. Но маг прав, теперь они единое целое, и ничто в целом мире не сможет разрушить стальную нить, тянущуюся между созданным сегодня оружием и его владельцем.

— Если я возьму его, ты, наконец, примешь послов?

— С удовольствием, — медленно растягивая слова, маг наслаждался победой.

— Тогда одевайся, они ждут.

Девушка уже развернулась к выходу, когда ее остановил вопрос.

— Ты не хочешь взглянуть на частичку себя? Пусть он не закончен, но все же прекрасен, как и его хозяйка. Он твоя защита, как от врагов, так и от направленной магии. Подойди, — и воин протянул руку, призывая жрицу вернуться. И она вернулась.

На гладкой, ровной поверхности наковальни лежал продолговатый кусок стали, уже обретший очертания клинка. Сердцевина кинжала приветственно загорелась алым свечением, и клинок рванул с места, вращаясь. Сделал один круг и застыл, рукоятью смотря на растерянную фигуру в капюшоне.

— Он просит тебя.

— О чем? — не сводя взгляда с оружия, поинтересовалась жрица.

— Просится в твои неопытные руки. Он хочет защитить, — на этом волшебная атмосфера была разрушена, и маг перешел с шепота на обычную речь, — до завтра я закончу. На рукоять лягут багровые рубины, а по лезвию я пущу вязь, отображающую две стихии — пламя и воду.

— Хорошо.

— Так кто там требует аудиенции? — маг накинул темно-зеленую рубаху и белый колет, расшитый зелеными нитями. Ворота он не стал застегивать, а оставил шею обнаженной. Впрочем, как и всегда.

— Кельпи. Они хотят под твою защиту.

— Ха, еще чего. Я же отказал им уже.

— Они придумали что-то новое. Из их разговоров я поняла, что жить в долине они не собираются. У них есть место, но оно слишком опасно.

— И кони рассчитывают, что хозяин Долины махнет ручкой и все их проблемы улетучатся?

Кашир неспешно застегивал кожаную перевязь. Два длинных изогнутых скимитара плавно легли в сильные ладони, а потом лезвиями вниз со свистящим звуком вошли в ножны.

— Думаю, будут торговаться. Кельпи предложили мне выбрать себе верного товарища из своих рядов.

— Ты согласилась? — маг оторвался от переплетения косы и вскинул одну бровь, выражая удивление.

— Не согласилась. Но, не смотря на отказ, мне пообещали, что любой сын из рода Гарцующих в глубине всегда готов стать моим боевым другом.

— Гарцующие в глубине говоришь... — маг на секунду задумался, потирая подбородок, — это не знатный род. Значит воины, — констатировал он и весело улыбнулся, — тебе повезло дорогая, они лучшие бойцы, к тому же жрецы по мужской линии.

— Ура мне, — не весело отозвалась девушка, стоя возле выхода, — за сегодня у меня уже два подарка и оба предназначены для сражений. Великолепно! Прямо не жрица, а бравый солдат. Похожа?

Полы плаща разошлись в стороны, двигаясь за разводимыми руками, давая возможность рассмотреть длинное в пол синее платье, расшитое серебром и с высоким воротом.

— Вылитый тролль секач, — усмехнулся маг, — веди к нашим водяным друзьям.

Две фигуры покинули кузнецу, отправляясь на позднюю встречу с речным народом, что в скором времени станет союзником.

Редко пробивающийся сквозь плотный строй облаков месяц освещал путь земным жителям, чтобы через мгновение снова трусливо скрыться за тучами-стражами. Зато второй спутник ярко светил почти полным своим обликом. Мало кто мог предположить, что уже завтра зародится самый прекрасный речной город всех миров.

Словарь

1. Tintill Elin — Мерцание звезд

2. Валларские горы полны железной руды и залежами драконьего железа, лучшего во всем мире. Название пошло от города горного народа Валлар.

3. Бездонная падь — впадина у подножия Валларских гор, по предположению не имеющая дна. Обратного пока не доказал никто из смельчаков, проверявших подлинность легенды.

4. Urin nir — пылающая слеза

Глава 15 Метаморфоза

Только побывав в чужой шкуре, начинаешь ценить собственную!

Какой странный сон. Обрывки виденного в забвении не давали мне покоя. Все родившееся во сне было размыто, и улавливался лишь общий образ происходивших действий. Наверное, я слишком взволнована последними событиями и вижу всякую несуслаицу.

— Дана, ты вообще слушаешь меня?

Кайа подо мной уже нервно прядал ушами. Неудивительно! Его занудный зверобратец увязался за нами, чем я была жутко недовольна. А вот мой конь, в прямом смысле, скакал от счастья. На этой почве мы разругались и перестали разговаривать вообще. Тут-то и нахлынули нечеткие воспоминания о странном сновидении.

— Чего тебе, мелкий?

— Дана, я уже четыре раза предложил тебе перемирие за прошедшие пятнадцать вар, а ты пялишься в одну точку, покусываешь губу и мычишь что-то непонятное. Ты меня так игнорируешь?

— Ты не центр мира, мелкий! — я потрогала припухшую от постоянного покусывания губу, и от того жутко ноющую.

— Говорю же, все еще дуется, — вклинился феникс.

Рядом ехала повозка с раненым василиском, нашими вещами и Ласканом, которому не досталось лошади. Зато Алкаю, после долгих уговоров и просьб, вернули найденную кобылку тяжеловоза, что тащила наши вещи от самого Цветка волка.

Ласкану, в отличие от оборотня, не повезло. Он остался без коня. Вороной был прекрасным боевым товарищем, и по рассказам я узнала, что от гибели оборотней спас именно мой конь. Он резво бросился на карателей и не дал им добить несчастных. Магия на Вороного не действовала — в чем может быть виновато животное? Как оказалось, не в чем, а значит и мучать его адской болью раскаяния каратели не смогли. Просто по старинке зарезали бесстрашное и благородное животное. Изверги!

Результат: Паля досталась Ваньке, а феникс не захотел повторения летной школы и решил ехать с комфортом, пусть и сомнительным.

— Я не дуюсь. Я просто не понимаю, зачем этой зверолошади сдалось ехать с нами? Ты в порядке, даже сохранил способность перевоплощения в человека. Что ему еще нужно? Ехал бы своей дорогой.

— Дана, ну я же согласен с тобой, к эльфам ему путь заказан, но до границы-то провести он нас может.

— Вранье все! И про хозяина, и про Iani, и про вторую ипостась. А зов души и вовсе бред. Обдурили доверчивую банши и веселятся!

— Это не вранье, — насупился кельпи, — все — чистая правда.

— Да что ты!?! Споришь со мной постоянно — это раз. Делаешь, что вздумается — это два, меня не слушаешь — это три. Силой меня кормил, не смотря на протесты — это четыре. Заставил стать твоей Iani — это пять. В мальчишку превращаешься прямо подо мной — это шесть. И где обещанная покорность, где послушный жеребец? Не вижу я этого!

— Ты сама захотела подарить мне эту возможность. Твое желание было искренним, без

крупницы сомнения. Только поэтому я не стал послушным рабом и сохранил человеческую ипостась. Так ты захотела, и я подчинился.

— А можно взять свои желания назад? — с надеждой спросила я.

— Прости, Дана, но ты подарила мне свободу выбора и теперь она у меня есть во всем.

— Тогда возвращайся назад под воду и живи припеваючи, чего за мной увязался, конь подросток-переросток.

Я была расстроена. Весь путь от реки мы с кельпи спорили до зубов, лягались, щипались и дразнились. Это уже всем порядком надоело. Все чаще приходило осознание, что никакие мы не товарищи с Кайей, а просто случайные знакомые, оказавшиеся в сложной ситуации. Не подходим мы друг другу. И, похоже, Палан видел это с самого начала, затем и увязался за нами.

— Суардана, думаю все дело в горячности моего брата. Пусть мы и водные создания, нам не чуждо вскипание крови. Иной раз и драконы позавидуют.

Я обернулась назад, на замыкающего нашу немногочисленную колонну Палана. Его крестообразные зрачки в отсвете факела, неярко освещавшего наш путь в руках шагающего впереди Широ, были расширены. Интересно, а кельпи в темноте видят?

— Хочешь сказать, это только цветочки?

— Нет, леди. Я хочу сказать, что Кайа еще юн и не может контролировать рвущиеся наружу эмоции, но он научится, со временем. Будьте терпеливы, миледи, — изящный наклон головы в завершение странного разговора.

Неужели кельпи признал меня. Миледи!? Он точно сказал «миледи», но почему? Вряд ли из уважения. Что происходит? Ладно, «леди». Это с самого начала было больше похоже на оскорбление, к чему я привыкла. Но «миледи» — это не то, чем разбрасываются налево и направо, даже в шутку. Не только меня насторожило такое обращение. Широ, до этого безмятежно ехавший впереди, резко притормозил и стал настороженно поглядывать то на кельпи, то на меня. И что это значит?

— Дана, — снова предпринял попытку примирения кельпи.

— М-м-м.

— Я давно хотел спросить, а почему у тебя аура мага земли? Да и у остальных ауры не соответствуют сущности.

Оп-па! И вот как я забыла!? Мы же на территорию эльфов едем. А эти гиперчувствительные к малейшим искажениям ауры и колебаниям магического фона ушастики нас просто со ста шагов расстреляют! Да и дриады на вмешательство в естественную сущность, как волколаки на кровь сбегутся. Тут даже покров ночи и магический факел не спасет. Темень и ее твари!

— Широ!

— Я слышал, — эльф уже разворачивал своего кельпи с красивым именем Течение Онры к нам.

— Широ, эльфы могут не узнать главу собственной разведки?

— Вряд ли. Но рисковать не стоит. Тем более, что есть еще дриады.

— Да уж, много не поколдуешь.

И вот что теперь? Как есть на границу с Дубовыми рощами не сунешься. Однозначно нашигуют короткими толстыми дриадскими стрелами. Исправить ситуацию возможности тоже нет.

— Сколько до границы?

— Су, мы почти пересекли ее. Или делаем что-то сейчас, или едем как есть. Авось проскочим.

— Авось с дриадами не пройдет, ты же знаешь, — я покосилась на ничего не подозревающего Ванюшу и перехватила сочувствующий взгляд Ласкана в ту же сторону, — надо Малышу головомойку устроить, глядишь, маньяк поопытней будет. Вдруг сможет все вернуть на свои места.

— И как ты это собираешься повернуть? — заинтересованно наклонил голову эльф, ожидая ответа.

— Лучше тебе не знать, — я обернулась, — Палан, тебе пора возвращаться. И прихвати Кайю.

— Я никуда не уйду! — взбрыкнул мелкий.

— Уйдешь, еще как уйдешь! Палан, уходите!

Больше я не стала препираться с кельпи. За меня и Палан справится. Пусть лучше Кайа будет в безопасности в Galad Isilme. Я, спешившись на свернутую трубочкой на ночь и покрывающуюся росой траву, направилась к Малышу.

— Ванюш, слезай. Поговорить надо.

Он беспрекословно послушался. Дальше я отвела его в сторону от тропинки, по которой до этого момента шел наш разномастный отряд.

— Малыш, у меня есть просьба, — он внимательно смотрел на меня и ждал продолжения, — мне нужно поговорить с Тариваном.

В глазах растерянность и недоумение.

— Но я Тариван, — ошарашено воскликнул болобрысик.

— Конечно ты! — поспешила успокоить, — я про маньяка говорю, про твою вторую личность.

Малыша начало трясти. Самым настоящим образом трясти, как в лихорадке. Безуспешно сдерживаемые слезы медленно стекали по его широким скулам. От усилий сдержать истерические позывы он начал дышать через раз и вены на шее и висках разбухли как вышедшие из берегов реки после недельного проливного дождя. Я испугалась.

— Ты... тебе нужен он... не... не Я! — «Я» он выкрикнул особенно громко.

— Тише-тише, это не так. Ты, ты нужен мне и никто другой.

Получается, Малыш знает о существовании Таривана и боится остаться в его тени. Ведь до нашей встречи тем, кто обитал во мраке, был именно воин. Ох, и как объяснить, что его я не променяю и на тысячу маньяков. Просто ситуация не позволяет нам совершить еще одну ошибку.

Крепко обняв расстроенного и потерянного Малыша, я начала издалека.

— Ванюша, если бы нам не нужна была его помощь, я никогда за все века нашего мира не стала бы пробуждать дремлющее в тебе чудовище. Но так случилось, что сейчас на кону наши жизни. Понимаешь?

Мне кивнули. Неуверенно и робко, но кивнули.

— Он становится сильнее.

— Я знаю, маленький мой, — аккуратно отстранившись, чтобы не дай Всечувствующие снова не задеть его чувства, нежно стерла ладонью влажные дорожки с его лица, — дашь нам поговорить?

Снова кивок и крепкие, такие теплые и привычные объятия. А вот ледяной блеск бурлящего океана в обрамлении кошачьих глаз заставил поежиться. Широ явно

недолюбливает Вана, но в причинах я пока не разобралась. Только вот такая открытая злоба не в привычках эльфа. Что-то происходит за моей спиной и это мне откровенно не нравится.

— Ба! Какие нежности. И чем я заслужил такое сладостное пробуждение? — и меня куснули за ухо. Пробрало до дрожи!

— Вампиры клыки на веревочке! — я аж подскочила от неожиданности, — отпусти меня маньячина извращенная!

— Ну вот, а я надеялся на продолжение банкета. Ты та-а-ак нежно меня обнимала, — и Тар стал сжимать объятия.

— Пусти, прицепился как дракон к сокровищнице!

Меня отпустили, но, увы, не по моей просьбе. Думается мне, шипящий эльф заставит любого встать по стойке смирно.

— Смотрю, вы уже до границы добраться успели, — внимательным взглядом маг осмотрел территорию и всех присутствующих.

— Да, до границы добрались, а пересечь не можем.

Быстренько отхожу от Таривана.

— Ваши проблемы, — небрежно бросил маньяк, — а я, пожалуй, прогуляюсь.

— Стой!

— С чего бы? — никакого внимания к моей уже вскипающей персоне.

— Помощь нужна, — сквозь крепко сжатые зубы прошипела я.

— И-и-и...

Дурочка из себя строить вздумал. Хочет, чтоб я его как в прошлый раз умолять стала. А фигурки!

— Да вот ауры у нас перемешались, неудобно-то как. Да еще и дриады тут рядышком околачиваются. А так все в порядке. Подумаешь, с десятков стрел в сердце новых появится. Это ведь ничего, зато колчан не нужен.

— Ауры говоришь. А я все думал, вспомните, или как горящие мишени по границе промаршируете, — ухмыляется, зараза.

— Вспомнили.

— А от меня что надо? — ну как искусно придуривается, актер от бога, аж противно.

— Вернуть все как было до твоего вмешательства, — ой, чаша терпения под завязку уже!

— А волшебное слово, — растягивая слова и улыбку, снова направился ко мне.

— Малыш!

Все! Сил моих нет, лучше пусть Ванька нас в мышей превратит, чем я еще хоть слово скажу этому интригану.

— Эй-эй, спокойней, все исправим, милая. Какая же ты у меня нетерпеливая, — выдохнули мне прямо в лицо, — Пусть все, кто путанный, ко мне подойдут.

Через вар мы все стояли в кругу и Тариван с нами. Кельпи мы вежливо попросили удалиться подальше. Мало ли. Прощаться я не стала. Пусть путь им устиляет луч надежды на светлое будущее.

— Закройте глаза и возьмитесь за руки. Пока я не скажу, чтоб ни единого движения. Ясно?

Последовал неслаженный хор согласий.

— Всё, все замолчали.

На вытопанной нашими многочисленными передвижениями туда-сюда полянке

расползлась густая и вязкая тишина, облепившая все вокруг. Даже редкая птица боялась шелохнуться и быть съеденной голодным, рыщущим вокруг безмолвием.

— Усы вернутся кошке, грива — коню.

Тарелке нужна ложка, сила — воину.

Жизнь сменяет смерть, свет — тьму.

Сущность укрепляя, возвращаю ауру.

И снова меня пронзила молния, резкая боль и облегчение. Все закончилось.

— Можете открыть глаза.

Ой. Меня шатает, как же меня шатает. Не могу удержать равновесие. Ноги шире. Ноги!

— Что с моими ногами!

— Откуда у меня розовые волосы? Убью!

Пытаюсь повернуться на крик. Почти получилось. Ну, сидя тоже неплохо видно. И чего Ласкан орет? Это у меня лапищи, а не ноги, а он как был розовой прелестью, так и остался.

— А-а-а-а, откуда у меня грудь?! Всевышние помогите!

Вот тут спокойствие меня покинуло окончательно и бесповоротно. Потому как передо мной стояла Я, и истерично визжа, пыталась что-то нащупать между ног. Мне стало плохо. Что ж творится-то?

— Тариван! — это единственное, что пришло мне в голову.

— Что? — зло окликнули меня из-за спины.

Поворачиваюсь, а там не на шутку рассерженный Широ. А где Тар?

Думаю, немой вопрос отразился у меня на лице, поскольку мне ответили.

— Не знаю, что произошло! Но глядя на собственную растерянную физиономию, могу предположить, что я в другом теле.

— В каком теле?

— Очнись, я — Тариван. И, судя по присутствующим, я в теле остроухого.

Сижу и не могу понять, шутит он или серьезно. Ответ пришел неожиданно, когда я попыталась встать, а мои, или не мои, ноги запутались в белоснежно-пепельных волосах.

— А-а-а-а! Бабах!

— Аккуратней, дура, все волосы мне повыдираешь. Вставай.

Вот этого я точно больше не собиралась делать, пока не приду в себя окончательно. Отмахнулась от протянутой руки и стала наблюдать за разворачивающимся хаосом. О, а посмотреть было на что. Я, все еще истерично вереща, пыталась то ли оторвать, то ли расплющить свою и так небольшую грудь, что, конечно же, не удавалось. В конце концов, мое тело налетело на Ласкана, который, громко матерясь по-эльфийски, пинал траву. Не стоит говорить, что падение закончилось розовым пламенем и пошлой песенкой, как не удивительно, не в моем исполнении. Аж камень с души.

У других персонажей события приняли немного иной характер. Алкай со спокойствием неприступной крепости взирал на всю эту неразбериху и не спешил придаваться безумию. А вот Салван схватился за голову и мямлил что-то вроде: «Какая сволочь раскроила мне череп» и «Сейчас сдохну от боли».

Медленно начала понимать, кто есть кто. По-эльфийски и так понятно кто у нас умеет материться. Так что в теле Ласкана Широ. Алкай со своим холодным безразличием явно теперь василиск. Дальше сложнее. В моем теле или оборотень или Ласкан, так же и с телом василиска. То, что я обзавелась громадными формами и длиннющими волосами я уже установила, да и что Тариван в образе Широ, теперь не вызывало сомнений.

— Ласкан!

К моему прискорбию, обернулась я. Что за несправедливость. Хотя, если посмотреть с другой стороны...

— Может ты перестанешь мять мою грудь и искать несуществующие гениталии. Буду очень благодарна.

Странные ощущения. По идее, я должна биться в истерике как все остальные, переживать и рвать на себе волосы. Но все что я до сего момента соизволила сделать, это насладиться всеобщим замешательством и страданиями. Самое ужасное в том, что я ни капельки не раскаиваюсь. Мне абсолютно наплевать, как плохо остальным. Сейчас я непобедимый маг земли и воин, которому нечего опасаться, так зачем изводить себя не присущими эмоциями. У меня нет привязанности ни к кому из присутствующих. Однако польза может быть от некоторых. Банши мне точно пригодится. Только ее присутствие помогает мне находиться в сознании. Да и lasleg может сыграть не малую роль в моем спектакле. Все остальные всего лишь пыль, годная только для того, чтобы разнообразить это скучное путешествие. Весьма интересно следить за метаниями песчинок и иногда задавать им направление одним лишь своим дыханием, вертеть их в вихре собственных переживаний и бросать в объятия блудницы удачи и изменщицы судьбы.

Все это путешествие можно закончить одним лишь щелчком моих пальцев, но зачем? Намного забавнее подыграть этой дурочке, пусть поверит в мое благородство.

Дурочке? Всевышние! Это я о той дурочке, что сейчас в бессердечной оболочке маньяка обитает. Темень! Это плохо. Меня захватывают эмоции и поведение Таривана. Я как овца на закланье, отдана этому эгоистичному телу и разуму. Что, в общем-то, не так и важно. Жива, здорова и теперь сильнее остальных. Нет причин для волнений. Стоит посмотреть, как будут выкручиваться из этой ситуации мои мелкие насекомые. Как же от этого роя начинает болеть голова. Может просто посворачивать парочку шей и наступит тишина?

— Широ, ты никогда не был истеричкой, так что заканчивай ломать комедию из-за розового цвета. Вон Ласкан с рождения такой, ему и убиваться от безнадежности своего положения. Хотя, теперь ему разве что утопиться. Был несчастным розовым ничтожеством, а теперь еще и ничтожество в женском теле. Просто издевка судьбы.

На меня осуждающе уставились пять пар глаз. И чего я с ними церемонюсь, они все равно ни орка не понимают. Верят в свою значимость и силу, которая не более, чем иллюзия самоуверенного разума. Как же скучно.

— Да уж, смесь язвительной Даны и сукиного сына просто вместилище пороков. Такое нам точно не вынести. Пора зарезервировать местечко в краях не столь отдаленных для существ пускающих слюни на коленки и обитающих в ванильных облаках с радужными морями.

Ласкан был явно поражен. А еще он перенял манеру моего разговора и любовь к научным фразам. Такого результата от безобидной смены ауры не ожидал никто.

— Это не простой перенос разума.

Тар все так же стоял за моей спиной и, сохраняя эльфийское достоинство, пытался найти причину произошедшего. Ответственного изображает. Ну, давай-давай. Интересно послушать, где же ты опростоволосился всемогущий маг.

— Да неужели? А мы как-то и не заметили, — истерические нотки так и звенели в голосе розового Широ.

— Успокойся, эльф...

— Ты ослеп что ли!?! У меня от эльфа только знание языка осталось и то довольно туманное. Ты бы еще как-нибудь обозвал меня. Все-таки я не какой-то полукровка.

О, а вот и венценосная сущность Ласкана проснулась. Он у нас принц, и свое достоинство не уронит.

— И это точно не перенос сущности.

— С чего ты взял? — это новая версия меня вклинилась в обсуждение.

— Сущность — это то, кто мы есть. Ты банши, ею и остался. Широ — феникс, и при повреждениях все так же сгорает розовым пламенем. При переносе сущности все наши возможности остаются с нами, прибывая в чужом теле. Сейчас все наоборот.

— Может перенос душ?

— На перенос душ тоже не похоже. Тогда бы тело было просто оболочкой без памяти, без особых возможностей, простой сосуд. Но реальность, увы, не такова.

— Слушай, а помнишь, один ненормальный маг живший затворником в Валларских горах поменял местами сущности собаки и человека. Тогда собака так и не заговорила, а человек со временем стал понимать речь и даже общаться отрывочными фразами. Вдруг у нас что-то похожее.

— У нас другая ситуация, Дана. Чушь не мели.

— Я — Ласкан. Сам не знаешь, что натворил, а на других кидаешься. Поубавь свою пылкость вислоухий.

— Хочешь схлопотать парочку шлепков или пробежку тебе устроить? — голос Тара-эльфа зазвенел.

— Вроде сущность другая, а все такой же изверг!

Ну и идиоты. У них все под носом, а они ходят вокруг да около и никак не соизволят поднять принесенное на блюдечке решение. Какие же они пустышки.

— Я так понимаю, Ласкан про мага не мог знать, так же, как и Тариван. Об этом известно было только нам с Широ. А мы сейчас в других телах. Вывод.

— Не может быть!

Ошарашенные лица и один осознанный взгляд.

— Су, неужели обмен сознанием? То есть сознанием, коим оно было в момент перенесения. Чистое сознание.

— Именно.

— Но почему так произошло?

— А потому, мой безразличный ко всему маньяк, — все так же сижу на травке, широко расставив ноги и небрежно подперев рукой подбородок, — при смене ауры нас было семеро, а при обратном ритуале — шестеро. Круг был разорван. Вся процедура пошла наперекосяк.

— Нужно срочно вернуть все как было!

— Это невозможно.

— Но почему? — не вытерпел, до сего момента молчавший Широ.

— Я устала, — как меня сейчас ненавидели, — к тому же, в ближайшие трое суток перенос не возможен. В противном случае, мы рискуем разрушить собственное сознание. Нельзя так часто играть с серьезными вещами.

— Тогда сделай сознания устойчивыми к чужеродной среде, — и снова моя заумная личность, — чужие сущности подавляют чистое сознание, и, в конце концов, мы станем второй версией друг друга, при этом потеряем себя навсегда. Я не хочу остаться банши до конца нашего мира. Вместо своих привычных воспоминаний я вижу твои, а собственные

находятся в густом тумане. Нужно срочно оградить нас от этого разрушающего воздействия.

— Так ограждай, я не против.

Будто я обязана спасти их бесполезные сознания.

— Милая, — так бьется хрусталь, но уж точно не звучит голос, — хватит строить из себя властелина мира. Я точно знаю ход твоих мыслей, потому что они мои. Так что спускай свою задницу с пьедестала на землю и ставь блок на наши сознания. Терять столь многое из-за твоего безразличия не входит в мои планы. Шевелись, неосознанка!

Ладно уж, поставлю блок. Опасность от Тара исходит реальная, а не наигранная. Тут не стоит полагаться на вновь приобретенную неуязвимость, тем более, когда врагу известны все твои недостатки.

— Мертвый цветок бутоном обернется, чистое сознание в изначальное вернется.

Дрожь по всему телу, темнота в глазах и обморок. Хорошо, что еще на земле сидела, а то точно выбила бы последнее сознание.

Ласкан зи Верг Налю

За что мне это! Ну почему, как только я связался с банши, вся моя жизнь резко пошла под откос, да еще с какой скоростью! То ненормальный в палача превращается, то дружки вооруженные до зубов, а под конец и вовсе каратели нарисовались. А сейчас этот маньяк устроил нам яичницу болтушку из сознаний и расфасовал по первым попавшимся тушкам.

Первые вар пять меня охватила все нарастающая истерика. Как оказалось, Дана тоже личность впечатлительная, вот и получили истеричку в квадрате. Хвала чудесному качеству банши легко перескакивать с одной проблемы на другую, которая не замедлила явить свой лик дезориентированному люду (не, не так, скорее нелюду!). С проблемой поглощения чистого сознания справились. Ух ты! Сам поражаюсь, какие нынче словечки выскакивают из заумного разума ученой плакальщицы. Видно, уже частью слившись с сущностью, обитающей в теле, часть знаний и чувств хозяина разума остаются у вторженца даже после блокировки сознания. О как загнул! Но суть такова: знаю, что знает Дана, чувствую, что чувствует она, и веду себя также. Правда, частично. Все же слияние было прервано. Не так уж и плохо. Только пока я внутренне сканировал свое состояние, случилась еще одна неприятность, и тут уже никто не знал, как нам теперь быть. А быть нам придется в чужих шкурках и о-о-о-очень долго.

— И что теперь, Тариван? — я озвучил мысли всех присутствующих.

— Что-что, а ничего. И тупому троллю ясно, что мы бессильны. Остается ждать.

— Давайте шархнем чем-нибудь по башке, вдруг все на места вернется, — это уже эльф в моем теле выдал.

— Себе шархни, мне еще туда возвращаться. И так проблем с головой хватает, — раздраженно выплюнул Тар.

— Какая самокритика, наш великий маг земли признал, что со здравомыслием у него нелады.

И куда это розовое несчастье лезет. Сейчас прихлопнут его, а отпеваться мне. Неужели я настолько раздражителен и вспыльчив как юнец и, чего греха таить, малость глуповат. На кого полез-то. Ладно, был бы эльф, а так три в одном. Маньячная сущность с исключительными боевыми навыками дроу и взрывоопасной светлой натурой. Тут думать

надо, прежде чем строить из себя героя. Да только кажется мне, что личное негативное отношение первородного к маньяку сыграло не последнюю роль. Ну не могу я и в самом деле быть настолько тупым.

— Так что дальше будем делать? Рисуем сунуться в лес или нет? — подал голос василиск, засевший в теле огонька (какая интересная и подходящая кличка).

Н-у-у-у, если ему надоела вся эта затянутая канитель, то нужно что-то решать. А то и глазом не успеешь моргнуть, как наша путаная группа в конец потеряет все связи между собой и увязнет в выяснении отношений.

Решить не успели. Наша проблема оторвалась от изучения собственных пальцев на ногах и поднялась с земли. Белобрысый воин нетвердо стоял на подгибающихся ногах и пытался сфокусировать свой взгляд хоть на ком-то. С горем пополам, но у него получилось.

— Приве-е-ет! — протянул воин, пробуя на вкус странные звуки.

— Привет Суара, — Широ медленно, с идиотской улыбкой под стать самому посредственному шуту направился к все еще шатающейся банши.

— Привет Суара, — повторила девушка.

— Нет, милая, тебя зовут Суара.

— А ты розовый, ха-ха, — высокий мужчина совершенно по-детски тыкал пальцем в феникса и глупо хихикал. Выглядело это одновременно и смешно и жутко.

— Су, меня зовут Широ...

— Широ-мыро, розовый широко-мыро! Хи-хи-хи.

Эльф покраснел, но попытался не уронить своего оскорбленного достоинства и вежливо улыбнулся, при этом, скрипя зубами, прошипел:

— Просто Широ.

— Розовый простоширо-мыро. Простоширо-мыро, — Дана весело подпрыгивала и продолжала дразниться.

— Все, я сдаюсь. Сами общайтесь с ней.

— Между прочим, она твоя ученица. Вот и учи, — Тар не преминул перекинуть проблему на чужие, пусть и хрупкие плечи.

— Учится, ура! Учиться! Простоширо научит меня, как ловить сильфов.

— Каких к оркам сильфов?! Ты даже стоишь с трудом, а думаешь вообще через раз.

— Может, вы заткнетесь, голова раскалывается. Я сейчас подохну.

Да уж, не повезло, так не повезло. Алкай страдал сильнейшими болями, у него был частично раздроблен череп. Как василиск до этого терпел такие муки, тайна за семью печатями, но от него за всю дорогу мы не слышали даже стоны, не говоря о жалобах. Оборотень же готов сам биться головой о землю лишь бы прекратить эти мучения. В данный момент я очень рад, что попал именно в тело банши, а не Салвана.

— Успокойся, Вартек. Она не виновата.

— Как же, связалась с этим рабом, потащила его к эльфам, а теперь не виновата. Головой нужно было думать, пока была возможность.

Эльф неистовствовал. Все накопленное десятками лет негодование, искусно скрываемое уравновешенностью первородных, сейчас лилось на и без того больную голову банши. Ко всему прочему возмущение подпитывалось моей капризной персоной. Да, стоит признать, я жутко капризный принц. Это у меня от мамы. Вот Широ и плющит по страшному.

— Лошадка!

Дана заметила стоящую недалеко от нас Палю и, радостно выкрикивая «Хочу лошадку!», бросилась к кобыле. Остановить мы ее не успели, зато остановила «лошадка». Хук правым передним копытом и наша белобрысая туша в обмороке.

— Отлично, просто отлично! — Эльф чуть ли волосы на себе рвать не начал.

А вот это не надо. Я дорожу своими волосами, даже не стригу. Существом королевских кровей не положено стричься! Вырывать волосы тоже!

— Лошадка, за что? — в глазах банши стояла вселенская обида на всех копытных.

— Она просто вредная, но она хорошая, — как-то быстро успокоился наш первородный.

Еще звучало эхо его раздраженного возгласа, когда он бросился поднимать разочарованную во всем лошадином племени Дану.

— Простоширо, она меня не любит, да?

— Любит-любит, потому и бьет.

— Ты тоже меня любишь?

Вот тут нас накрыло куполом идеальной, совершенной тишины. Никто даже не собирался разрывать покров, уничтоживший все звуки. Все напряженно вслушивались в гулкую, звенящую обитель беззвучия.

— Да, — как можно тише ответил эльф, но в сгустившейся тишине ответ громовым рокотом огласил округу.

— Значит, и ты меня будешь бить? — испугалась банши.

— Нет-нет, я тебя не трону, — эльф присел на корточки и стал успокаивать расстроенную малышку в теле бравого воина.

В мгновение ока ситуация изменилась. Дана подскочила, крутанулась на месте, попыталась удержать равновесие, что не очень получалось, и с веселым хихиканьем навалилась на Широ. Не будь он фениксом, была бы лепешка, а так только горстка пепла.

— Он умер! Простоширо-мыро умер! — заголосил маг земли. А бас у него отменный.

— Перестань реветь, жив он. Вон стоит невредимый.

Тариван даже не пытался скрыть свое раздражение от всей этой ситуации. А что до меня, если бы это происходило не с нами, то ситуация выходит очень комичная, даже смешная.

— Живой, Мыро! Ура!

И туша белобрысого воина вновь погребла под собой бедную розовую нимфу. И все бы ничего, да только у меня уже першить в горле от песен начало. Какая все-таки изощренная месть меня настигла.

Свет. Яркий свет пробивается сквозь веки и норовит ослепить сонную жертву. Как же не хочется открыть глаза и оказаться во власти режущей боли на несколько ван. Эх!

Проморгавшись, ищу взглядом хоть кого-нибудь. Натыкаюсь на десять пар женских ног в мягких, с тонкой подошвой сапогах из шкуры. Потрясла головой, сапоги не исчезли. Что-то теплое подо мной зашевелилось и сладко заурчало. О Всевышние!

Резко вскакиваю. Падаю назад, громадное тело отвратительно слушается. Раздраженное рычание подо мной. Аккуратно сползаю и нос к носу сталкиваюсь с недружелюбно настроенной громадной кисой. Таар грозно сверкает своими желтыми, как расплавленное золото, глазами. Я замерла. Не хватало еще дернуться и остаться без головы, пусть и

маньяковской. Страшно, боюсь даже взгляд отвести от его горящих глаз. Вдруг спровоцирую. Но Всезнающие, откуда здесь таар?! И как меня угораздило на нем разлечься?

Прошло несколько мучительных мгновений, и над моей головой раздался шелест ветра, сформировавшийся в слова.

— Что-то не так?

Да не, все нормально. Подумаешь кошечка размером с лошадку в паре тан от моей физиономии, а так лучше некуда.

— Су, ты долго будешь любоваться своим питомцем?

Вот теперь любопытство победило осторожность, и я обернулась на голос феникса. Ну голос то птички, а взгляд жаждущего моей крови светлого. И в чем я теперь виновата?

— Приве-е-е-ет, — как можно осторожнее, растягивая гласные, поприветствовала кровожадного Широ, не забывая коситься на потерявшего всякий ко мне интерес таара.

— Только не снова, — страдальчески завыли все, кроме Таривана.

— Одобряю план по выбиванию дури из головы этой ненормальной. Еще одного такого дня я не переживу, — вот и Тар чем-то недоволен.

Полагаю, тем, что руки у всей честной компании за спинами связаны, и над каждым по две дриады с натянутыми луками стоят. Это ж сколько их тут? Десятка позади и еще дюжина передо мной. Почти все в тканых вручную штанах, затянутых на поясе веревкой на подобии ремня, и свободных туниках до середины бедра серовато-коричневого цвета. А как я разглядела, что у них под туниками? Так парочка в области груди была перемотана простым куском ткани, да так плотно, что грудь под ней еле угадывалась. Ощущения вероятно неприятные, но вся эта конструкция не стесняет движений и позволяет свободно передвигаться как по земле, так и по деревьям. Их иссиня черные волосы были плотно заплетены странным плетением, и даже самая смелая прядь не посмела нарушить целостность прически (полагаю, именно эти две дриады патрулировали сегодня). Остальные же были простоволосы, но их разной длинны кудри, с вплетенными разноцветными бусинами, все странного черного оттенка с синевой. И вот еще странность. Местность, скорее, на Дубовую рощу похожа, нежели на место, где я сознание потеряла. Что за фокусы?

Рядом что-то замельтешило. Тьма и ее твари, таар мимикрирует!

— Хранительницы Великой рощи, прошу, не дайте таару перебить всех нас.

На меня в удивлении уставились больше двух десятков присутствующих. Киса же все больше сливалась с травой и кустами. Ее силуэт еле улавливался на фоне зеленого леса. Если дать таару полностью исчезнуть, ни одна сила не сможет обнаружить этого идеального хищника и тогда нам всем конец. Но почему беспокойство испытываю только я?

— Су, это ты? — опасливо интересуется феникс.

— Ну а кто еще? Чего вы так спокойны? Он же всех нас сожрет!

Чего я не ожидала, так это гомерического хохота, разносящегося по всей роще. Даже дриады улыбались. Одна из них, наверное, старшая, с витиеватым посохом из вековой ивы наклонилась ко мне. И откуда я знаю, что ива вековая?

— Не волнуйся, Хранитель земли, твой таар просто разминается с утра. Он не причинит тебе вреда.

Хохот со стороны пленных усилился, а я в недоумении хлопала глазами. Вот ничегошеньки не понимаю.

— Это мой, — растеряно тыкаю в уже обретающего свою прежнюю коричневую шкурку кота.

— Ха-ха, да Су, это твой...ха-ха-ха СИЛЬФ! Ха-ха-ха!

Широ самозабвенно заходился смехом. Вот те на! Впервые он так открыто смеется. Думаю, пребывание в чужой шкуре идет ему на пользу, хотя зрение и подводит. Какой же это сильф?!

— Широ, это таар.

— Правда?! — и он снова загоготал, — а вчера это был самый, что не на есть, сильфистый сильф!

Или из меня делают дуру, или я и есть дура.

— Широарт, хватит. Она же нас уже за сумасшедших принимает, или чего доброго сама снова свихнется, — какой добрый Ласкан, слов нет.

— НЕ ДАЙ ВСЕВЫШНИЕ! — ужаснулся эльф.

Да что ж я сделала то?

— Хранитель, это ваши сопровождающие? — все та же дриада с деревянным, изящным посохом подошла ко мне вплотную.

— Э-э-э-э... — посмотрела на энергично кивающих Широ и Ласкана (Алкай после первого же кивка пожалел о своей глупости) и слегка наклонивших головы Тара и Салвана, — да, они мои сопровождающие.

— Я Иба — глава Сапфировой Ивы. Прошу принять приглашение и присоединиться к нашему скромному очагу.

— Для нас-с-с... меня это честь, хранительница рощи, Иба.

Если уж они сопровождающие, то их удел молчать. Теперь они вроде моей охраны. Сами кивали ребятки, нечего теперь гром и молнии в меня метать. Пусть радуются, что они меня за мага земли приняли, хотя, теоретически, так и есть. Дриады очень уважают хранителей земли. Их лес и земля неразрывно связаны, и могущество магов известно даже духам деревьев. Да-да, дриады, вроде как, духи деревьев, обредшие плоть и кровь для защиты своих матерей. Они появились из деревьев, из их чувств и переживаний. У каждой новорожденной дриады есть свое материнское дерево, куда они возвращаются после смерти. Если же убить духа, растение может больше никогда не родить дриаду. Но шанс есть. А вот если погибает дерево, то дух леса обречен на смерть вместе со своей матерью.

Эти дриады, что сейчас внимательно следили за каждым нашим движением, из племени Сапфировой ивы. Не зря у их предводительницы посох из синего дерева, что им покровительствует.

— Развяжите пленников, сегодня они наши гости. Прошу тебя, хранитель, следуй за мной.

И я последовала, рассуждая на ходу, что маньяк точно знал, как дриады относятся к магам земли. Уж эти знания я почерпнула из его памяти. Почему же просто не сказал нам? Играл? Хотел поразвлечься за наш счет. О-о-о, я хорошо помню его мысли, пусть и не надеется на милость с моей стороны. Для него эта пешая прогулка скоро превратится в тернистый, заросший вьюнком лаз. Моими стараниями, конечно же.

Глава 12 Сильный пожирает слабого

«Вставай!»

Какой-то очень настойчивый голос все никак не оставит меня в покое. Хватит, уже навставалась за свою жизнь. Не вижу смысла делать это после смерти.

«Вставай, дочь моя! Они ждут тебя!»

До этого ждали, ничего, если еще подождут. Отцепитесь, вампиры прилипали. Всю после смертную эйфорию убили.

«Открой глаза!»

«Неа!»

«Пора, вставай!»

«Только через твой труп.»

«Ха-ха-ха, меня не убить, девочка.» — вдруг перед глазами мелькнула черноволосая девушка с необычными голубыми глазами, и снова темнота.

«Вставай!»

— Суара!

— Да, учитель, еще пять вар.

— Су! Дракон обугли! Открой глаза! Если ты не сделаешь этого, я клянусь, я пойду за тобой к Всевышним и устрою месячный забег по пересеченной местности в эльфийских доспехах и во всеоружии. А из еды ты увидишь у меня только кашу, самолично приготовленную. Будешь помирать, а всю эту дрянь я в тебя впихну, чтоб аж из ушей лезть начала, — и кто это меня так ужасно проклиняет? — очнись, идиотка, что я Баску скажу? Суара, помрешь и не видать тебе эльфийских пирожных!

— Как? За что? — резко села, тут же в висках запульсировала острая боль. Только хотела помассировать их, как сделала новое открытие. Руки-то связаны, причем за спиной. Ноги, кстати, тоже. Открываю глаза — темно.

— Слава Всевышним, я уже думал, тебе конец настал, — и кто-то облегченно вздохнул.

— Широ, ты что-ли?

— Я, кто же еще.

— Ты мне за веселенькое пробуждение этих самых пирожных теперь должен. А мы где вообще?

— В плену.

— Ха-ха-ха, очень смешно! В чем интересно?

— А вот тут самое интересное. Как ты уже догадалась, не у карателей. Те в плен не берут, сразу убивают, — он замолчал.

И я все вспомнила. Последние события как во сне. Как что-то нереальное. Будто не с нами вовсе приключилось. «Сразу убивают» — что это значит? Нет! Не хочу знать. Просто не хочу. Они все живы, не может быть по-другому. Не имеет права быть по-другому.

— Мы... мы, — не могу заставить себя задать этот вопрос. В горле ком стоит, и челюсти спазмом сводит. А глаза сухие. Не могу заплакать, слезинку не выдавить, так напряжено все тело, — Широ мы...

— С нами только Ван. Он со мной спиной к спине привязан, — и снова тишина.

— Почему... почему мы не мертвы? — голос дрожит.

— О, это еще неизвестно. Но если ты о том, почему мы не у карателей, то нас выкинуло далеко от них. Ты со своей кобылой в мою ловушку «огненный вихрь» попала. Я как увидел, что тебя от взрыва вверх кинуло, тут же за тобой кинулся. А Вана твоего уже поднявшимся вихрем подхватило. Точно не помню, но, кажется, Салвана тоже зацепило. Есть вероятность, что его не схватили с нами, потому что просто не нашли. Он тоже может быть жив.

— Ты же сам сказал, наш статус пока не определен.

— Перестань нюни распускать. Главное, что есть шанс. Меня вот мучает вопрос. Феникс наш и к карателям так же устойчив, как к обычной смерти? Если так, то он точно жив, — пауза, — периодами.

Я тяжело вздохнула. И то верно, не все так плохо как могло бы быть.

— Кобыла твоя тоже жива. Ее наши хватчики к рукам прибрали. Не будет упрямиться, выживет.

— Ты вообще понял, что только, что сказал?

— Да уж. Значит колбаса.

— Широ!

— А что? Ведь правда, — так и хочется его стукнуть по темечку. Или нет, чтоб Паля ему врезала, тоже по темечку.

Я не успела ему ответить, как дверь распахнулась, и в проем ворвались лучи закатного солнца и свежий, нагретый воздух. Я с трудом могла разглядеть высокую фигуру, что направилась ко мне. Помещение, где нас держали, оказалось каким-то подвалом. От порога шла кривая, местами расколотая каменная лестница. Именно по ней сейчас шел незнакомец. Шел, грубо сказано. Он плыл. Мягко, как вода стекал по ступеням. Складывалось впечатление, будто тень соскальзывает с горки, а не мужчина вышагивает по лестнице.

— Леди, прошу вас пройти со мной, — и этот черный силуэт подал мне руку. Я обернулась. Широ тоже смотрел на меня. Его лицо было наполовину залито кровью. Бровь рассечена, щека стесана, да и губа разбита. Одежда порвана и местами в крови. В разрывах виднеются ссадины и царапины. В остальном могло быть и похуже.

— Тормозил, видать, лицом? — съехидничала я. Но мне было на самом деле страшно.

— Ты бы на себя взглянула, синя девица в красные подтеки, — вот же паразит.

— Леди, — наш гость все так же стоял, протянув мне руку. Я снова посмотрела на Широ.

— Иди, Су. И помни все, чему я тебя учил, — я кивнула. Нам необходимо, чтоб хоть кто-то смог вырваться. А еще больше нам нужно разведать обстановку и понять какова ситуация. После этой небольшой перебранки, мне стало значительно легче. Мысли перестали хаотично носиться в голове, и я немного успокоилась. Все-таки он хорошо меня знает. И я снова обернулась к вновь прибывшим.

— Уважаемый, я, конечно, с удовольствием соглашусь сопровождать вас на выход, однако свою прекрасную длань я дать вам не в состоянии. Видите ли, они с некоторых пор находятся за моей спиной, без какой-либо возможности на высвобождение, — не знаю, как этот стекающий по ступеням, но Широ уже всхлипывал, правда, очень тихо.

Мужчина передо мной наклонился, взял меня за предплечье и поднял на ноги одним рывком.

— Ау! Темень! Больно же!

— Простите, леди. Я проверил, остались ли ваши длани все так же чувствительны, или онемели окончательно. Но они все так же в прекрасном состоянии, как и ваш язык. Хотя я

был бы не против его онемения, — и он ухмыльнулся, — на время, конечно же.

Широ снова всхлипнул, а меня потащили вверх по лестнице.

— Меняю свой онемевший язык на ваши бесшумные ноги.

— Не равноценный обмен.

— Вы правы, нужно еще и вашу голову в придачу, а то как-то дешево получается.

— Ха-ха-ха, обещаю, что ваш язык достанется исключительно мне в качестве деликатеса, — мы вышли на свет, и он повернулся ко мне.

Бирюзовые, будто наполненные водой глаза со зрачком звездочкой смотрели на меня с предвкушением. Тонкие, длинные губы улыбались, а на щеках проступили ямочки. В свете закатного солнца его бледная, слегка голубоватая кожа заметно контрастировала с длинными, ниже пояса, иссиня черными волосами. Они ровными нитями стекали, как вода, по контуру его лица. В некоторые прядки был вплетен речной жемчуг, разнообразные ракушки и бирюзовые камешки неизвестного мне происхождения. Его лицо было вытянутым, с заостренным подбородком, а шея длинная и изящная. Тело подтянутое, грациозное, как у гончей, и сильные, но гибкие руки. Он очень красив, но какой-то холодной и очень опасной красотой. Его стоит бояться.

Похоже, все это отразилось у меня на лице, так как незнакомец улыбнулся еще шире. Полагаю, сделано это было для большего устрашения, не как иначе. Ряд ровных, одинаковых по форме заостренных зубов, не считая клыков, мог ввести в ступор кого угодно. Даже сомнения не возникает, в их предназначении. Рвать жилы, вгрызаться в плоть, и разгрызать кости. А чьи, и так понятно.

— Что случилось леди, неужели язык проглотили? — сочувствующе поинтересовался он. И голодному кельпи понятна фальшивость такого сочувствия, — жаль будет потерять такое сокровище, — и он облизнулся.

Все очень плохо. Не зря я вспомнила голодного кельпи. Потому что именно он передо мной и стоит. Просто дико голодный водяной конь. И я в сегодняшнем меню его главное блюдо.

— А как у главного блюда у меня будет последний ужин? — может хоть покормят. Чего это он меня сверлит взглядом. Сам же слюнки на меня пускал, а теперь что, уже не подхожу для драгоценного главного блюда?

— Кто ты? — вот те раз, вначале чего-нибудь отгрызем, а потом поинтересуемся у кого.

— По-видимому, еда у речного народа.

— Ты не человек, — вот те два, конечно, не человек.

— А что, люди нынче повкусней?

Бледно-синий снова схватил меня за руку и потащил. Оказывается, мы на берегу реки находились все это время. Подойдя к краю, я уже начала пятками тормозить, а этот коняга, как шел, так и пошел. По воде! Дайте протру глаза. Точно по воде! Ни разу не слышала, чтоб кельпи по водичке, как водомерки бегали. О них вообще мало известно. Считается, что живут они исключительно в реках. Им текучая вода нравится, в стоячей грязно для них. Хотя, если озера связаны подземными каналами с рекой, то и туда коняшку занести может. И вроде ничего необычного, да только кушают они человечинку и не только. Мне это один встреченный охотник на кельпи рассказал. И вот куда он идет?

— Ты меня что, утопить решил? Утопленниками балуешься? Свеженькое не подходит? — я кстати, вполне оправданно возмущаюсь. Он-то топает себе по водной глади, а я бессовестно оставлена болтаться на его руке. По пояс в воде бултыхаюсь, а ему хоть бы

хны. Ни один мускул не дрогнул, совесть тоже. Посреди реки, в месте, где течение самое интенсивное он резко остановился. А злой, как демон. Злись-злись, так проще с тобой справиться будет.

— Мне тебя подарили. Ты мой ужин. Нашим ты не нужна оказалась, а я только вернулся с войны за территории, вот мне подарочек и сделали. Ха-ха. Какая ирония. Они от меня избавиться захотели, что ли?

— Ты сейчас о чем вообще? Я тут как червяк на крючке болтаюсь, вся беспомощная, а ты хочешь сказать, что я смертельно опасна для тебя? И вообще, куда ты меня тащишь?

— Простите, Ваше будущее эльфийское Величество, — он показательно мне поклонился, от чего я по подбородок ушла в воду, — можно было и по вашим речам догадаться, что вы принцесса, — и это тоже было издевкой. Какой колючий мне попался экземпляр. Но обдумать мне ничего не дали. Кельпи подхватил меня на руки и шагнул вперед.

В непроглядной темноте подвала, сооруженного народом кельпи на берегу великой реки Онра, сидели двое заключенных. Судьбу каждого из них уже решил король водяных лошадей. Сегодня вечером они послужат им едой, в честь победы в недавнем сражении. Но девчонка им не нужна. Опасно ее присутствие здесь. На ней метка эльфийской принцессы. Владыке легко далось решение сей проблемы. Убрать двух ненужных существ одним махом.

Но никто не мог предположить, что увлеченный этой странной женщиной сын жреца забудет запереть двери подвала. Просчет, который может все изменить.

Первородный сразу же заметил, что дверь не заперта. Будь он один, уже давно покинул бы это место, но раб, что мертвым грузом висел на нем, не позволял даже подняться. На магические путы их пленители не поскупились. Тут нужна филигранная работа, и обморок мага явно не способствует ускорению процесса освобождения.

— Орку ятаган в зад, какого она вообще тебя с собой потащила. Дура, мало ей своих проблем. Эй, умалишенный, пора вставать, — эльф попытался растряссти его, двигая руками и спиной, — да вставай ты!

Разозлившись, Широарт ла Эк что есть силы затылком нанес удар магу по голове. Никакой реакции не последовало.

— Да что же это, ты сдох там уже? — прорычал раздраженный ситуацией эльф. Ему и впрямь повесили балласт. Так близко свобода и так тяжело до нее добраться. И эта беспомощность вызывала жгучий гнев. Больше всего на свете этот мужчина ненавидел эту беспомощность.

— Кто-то точно умрет, и это буду не я, — сильный мужской голос застал эльфа врасплох.

— Ого, какая враждебность, с чего бы?

— И когда этот олух успел попасться? Идиот! — раздраженно ругая по чем зря неизвестно кого, воин попытался разорвать путы.

— Ты что делаешь, руки мне оторвать хочешь?

— А хорошая идея. Так даже быстрее будет.

— Ага, прям я тебе так и позволил, — и эльф в ответ начал тянуть веревки.

— Тебе же лучше успокоиться эльф. Я тебя не знаю и мне чхать на твою тушку. Так что

если будешь вести себя хорошо, так и быть: не оторву голову.

— Ха-ха, ты что, последние мозги потерял? За кого меня принимаешь, раб несчастный.

— Убью!

— Давай-давай! Посмотрим, как у тебя это выйдет, — и первородный всем весом навалился на мага земли.

— Р-р-р-р! Скажи-ка мне смер-р-ртник, как этого пр-р-ридурка сюда занесло?

— Какого придурка?

— Того что за девчонкой бегают как собака на пр-р-ривязи, аж тошно.

— Слушай парень, ты точно головой не сильно треснулся? Ты за ней таскаешься, от тебя все проблемы.

— Нет, покойник, не я. Это он ее обожает. Я с некоторых пор просто терплю девчонку. А стоило давно прикончить. Проблем меньше было б.

— Вот теперь я вообще ничего не понимаю. Ты кто такой?

— Воин. И как это ни прискорбно, мне нужна эта чокнутая девица. Натяни веревки как можно сильнее, так, чтоб я не попал тебе по ним. Глядишь, ты мне еще с руками пригодишься.

— И что ты собираешься делать?

— Натяни, сказал, или без пальцев останешься. Это в лучшем случае, — несмотря на то, что эльф был жутко зол и раздражен, по какой-то только ему ведомой причине он серьезно отнесся к словам воина. Какая-то сила исходила от него. Уверенность во всем, что он делал и говорил. Он серьезный противник. А первородный отнюдь не был дураком, чтобы так глупо нажать себе серьезных врагов.

Маг земли закрыл глаза, зажал веревку, что связывала Широ, указательным и средним пальцами обеих рук. Глубоко вдохнул, а на выдохе красноватое свечение тонкими нитями двинулось от груди воина вниз по рукам к кончикам пальцев. Там, где свечение касалось веревки, она перегорала. Через мгновение эльф был свободен.

— Отличный фокус, — Широ встал и начал отряхиваться, — и зачем тебе Суара?

— Тебя это не касается.

— Ошибаешься, я ее наставник, она моя ученица. Все, связанное с ней, касается меня, — эльф сел на корточки напротив воина. Его поразило выражение лица бывшего раба. Полное безразличие к сложившейся ситуации. Он ни капли не сомневался, что выберется, и уверен в том, что никакая смерть ему и в помине не грозила.

— Ты можешь заставить людей чувствовать себя не по себе, — и эльф зашел за спину мага. Несколькими движениями освободил его. Тариван встал, растер запястья и поднял взгляд на Широ.

— Как зовут тебя, lasleg?

— Широарт ла Эк, а тебя, ненормальный?

— А меня называй, как и раньше. Не тебе звать меня по настоящему имени, — и он зашагал к выходу.

— Ты собираешься один ее найти?

— Именно. Ты знаешь хоть к кому в плен попал, эльф? — воин повернулся к первородному, который совершенно спокойно смотрел на новую версию Малыша. И только ему самому было известно, какая ужасающая буря сейчас бушевала в его душе.

— Я так и думал. Вас лошадки схватили. Водяные такие, с глазами необычными. Они еще и людишек кушают. Знаешь таких? — хоть его голос и был абсолютно спокоен, тонкое

издевательство достигло адресата. Эльф стал убийственно спокоен.

— И с чего ты взял, что это кельпи. Они, между прочим, редко показываются. А наткнуться на их поселение и вовсе невозможно.

— Это для вас невозможно, — и замолчав на этом, воин направился прямо к реке. Не сбавляя ход, он что-то нашептывал себе под нос и изредка делал легкие, заметные только обученному магу движения руками. Первый шаг по поверхности воды встретил на своем пути маленький островок из песка, поднявшийся прямо со дна реки. Каждое последующее касание ступней с водяным покрывалом сопровождалось такими же островками. Следующий за воином эльф, осторожно, не сбавляя скорости, шел шаг в шаг за ним. Достигнув середины реки, маг земли остановился.

— Теперь не вынимай свой меч, Широарт ла Эк, пока я не скажу.

— И почему же?

— Потому что я так сказал. Хочешь здесь голову сложить, мешать не стану. Но обрадуется ли твоя ученица еще одной смерти?

— Так ты за меня беспокоишься, не ожидал такой любви от тебя, — заискивающе произнес эльф.

— Скорее, хочу без лишней истерики заставить ее пойти со мной. А так как ты мой должник, сам понимаешь. Пойдешь ты, она пойдет за тобой, — и маг Ван улыбнулся.

Широ же не считал себя обязанным кому-либо. Он с легкостью освободился бы, не переживая первородный о сохранности раба. А когда начались странности, глава разведки Хрустальных лесов поступил, как делал всегда в таких ситуациях. Эльф наблюдал. Но то, что он видел, не нравилось Широ.

Тариван, тем временем, не замечая изучающего взгляда, развернулся лицом к водной стихии, сложил пальцы в несколько непонятных фигур, после чего оба мужчины провалились под воду.

— А-а-а-а! Ненормальное кровожадное животное! Копытный маньяк! Уздечку тебе в зубы и седлом по голове!

— Успокойся! Достала уже. Живая, вот и радуйся, — и он попытался схватить меня под связанные руки, притом, что я беспардонно расселась на илистом дне реки. Да-да, вы не ослышались. Мы на ДНЕ! Все, опять кричать и истерить жуть как хочется.

— Скачи рысью от меня, речной падальщик, или, вернее сказать, плыви галопом отсюда, чтоб течением тебя в Пустые озера занесло!

Если кто не понял, то Пустые озера, это вроде как полу миф. Говорят, что вода в них легкая как воздух и такая же неосязаемая. Погружаясь в озеро, ты видишь кристально чистые воды, в которые тебя затягивает. Ровное зеркало озера и чувство пустоты вокруг. Заворожённая таким прекрасным зрелищем жертва не улавливает тот момент, когда погружается в водоем с головой и тонет. Как человек, интересующийся всем магическим и необъяснимым, я ужасно хотела бы их увидеть. Но зная себя, окажусь в ситуации аналогичной данной. То есть на дне.

— Какая ты шумная, может мне сейчас язык тебе откусить, и продолжим путь в тишине? — кельпи схватил меня за подбородок, притянул к своему лицу и медленно облизнул мою нижнюю губу. Жуть какая! Я так сильно стиснула челюсти, что даже зубы

заболели и в висках застреляло.

— Ну же, открой ротик. Ты только что не закрывала его.

Попыталась вырвать подбородок, что-то щелкнуло. Отлично! Вывихнула челюсть. Вообще должна была быть адская боль, но она у меня уже много раз страдавшая, так что просто выходит из сустава, как клинок из ножен. Правда, вправлять ее хлопотно, да и без помощи рук ни как. Похоже, эта коняга тоже не плохо осведомлена о вывихах. Он тут же отпустил меня.

— Вот так лучше. Когда понадобятся ваши изысканные речи, леди, я верну вашу очаровательную челюсть на место, а пока продолжим путь в тишине, — он уже открыто смеется надо мной. У-у-у-у! Оставлю одни копыта, гриву и хвост, пиявка речная!

И куда это он меня ведет? Неужели на суше полакомиться не мог. Зачем на дно тащить. Здесь, конечно, дышится не плохо, да и передвижение не тормозится водой. Думаю, это воздушный тоннель. Идем ровненько по коридору не искаженному движением речного потока. Есть у меня одна догадка. Если есть воздушный путь, то и воздушный карман имеет место быть. Сложив дважды два, получаем защищенное ото всех, кроме водяных существ, место, к которому можно пробраться только по специально обустроенному тоннелю. Или тоннелям, что вероятнее. Не надо быть ученым, чтобы дошло, мы идем в знаменитый Galad Isilme. Это эльфийское название города, который населяют водяные существа. На всеобщем звучит как «Отражение лунного света». Кто построил его, неизвестно. Знаю только, что за него часто воевали. Уже около пятисот весен этот почти никем из наземных не виденный город принадлежит кельпи. Экспериментатор во мне бьется в экстазе, а банши зауспокойную песенку готовит. Вот так с выражением «сейчас описуюсь от благоговения и спляшу от страха» мы и вышли из-за крутого завитка воздушной змейки. Резкий рывок и моя челюсть на месте. Вовремя, а то без ахов вздохов всю колоритность эмоций не выразить.

— О Всевышние! Не могу в это поверить! Этого просто не может быть.

Передо мной раскинулся невероятно прекрасный город, и где кончалась легенда всех миров, видно не было. Огромнейший подводный купол тянулся на десятки тат вокруг. Все здания мифического города округлой формы с витиеватыми узорами, инкрустированные речными камнями, жемчугом и (откуда ему здесь взяться) серебром. Никаких углов. Стены из нефрита, бирюзы и кремния переливаются всевозможными оттенками зеленого и карамельного цветов. Сейчас день и каменная поверхность отражает множество лучей, что смогли проникнуть сюда сквозь толщу воды, тем самым пуская неисчислимое количество зайчиков по всему воздушному карману. Именно эти лучи во множестве своих отражений и освещают эту подводную крепость. Забавно, все считают, что Galad Isilme стоит прямо на воде или берегу. И никому и в голову не пришло, что может существовать настолько сильный маг, который удерживает столь бурную реку и не дает ей прорвать созданный им воздушный муравейник под водой. Воистину чудо из чудес. Широ сейчас съязвил бы что-то вроде «не думаю, что после тебя это все еще будет чудом» или «хоть руины оставь для потомков». Я стою перед одним из самых прекрасных мест в мире и мне не с кем поделиться этой радостью, даже с неэстетичным эльфом (неэстетичный эльф — прям сопоставление не сопоставимого!). Восхищение этим необычным городом в одиночестве не дает того чувства чего-то невероятного, что хочешь испытать, видя такое. Хоть бы Ван ляпнул глупость и развалил из-за своей неуклюжести парочку зданий. Тогда и образцы откалывать не пришлось бы. Да и оборотни были б в шоке. Может даже птичку проняло бы. Вроде как он теперь не единственное уникальное, что встретилось на моем пути.

Мы шли вдоль узких, усыпанных галькой улочек, а из домов выбегали дети. Причем не только в человеческом облике, но и парочка прозрачных лошадок проплыла рядом.

— А где взрослые?

— На охоте, — ой, а что это мелкое по всей спине и рукам пробежалось, слаженно так и несколько раз. А этот пожиратель человеческих жизней оскалился, вновь продемонстрировав диковинный прикус, — на рыбу и дичь всякую.

— Что еще за всякая дичь, — меня даже попустило немного.

— Зайцы, олени, оборотни, люди, маги... — в этот момент из-за поворота показалась небольшая площадка, видимо торговые ряды. А на прилавках ожерелья и оружие из костей, одежда из кожи, разнообразные части тел в сыром виде и покупатели, что не отходя далеко от места покупки, начинают рвать кровоточащую плоть разумных существ. Тянущиеся за откушенным куском мяса жилы и сухожилия медленно поддаются натиску острых зубов и мощной челюсти. Окровавленные руки и измазанные запекшейся кровью и жиром оскаленные морды. Пытаюсь проглотить комок, никак не глотается, скорее вверх ползти начинает. Только не это.

— Как-то слабо. Я уже ожидал обморока или истерики, — о чем он? Меня и так знатно вывернуло.

Зачем? Зачем они делают это? Мысли путаются, ноги не слушаются. Холодный пот крупными каплями падает мне на сапоги. Новый спазм сдавил горло. Все еще не разгибаясь, стою оперевшись о здание. Животные! Они настоящие животные. Не прощу! Не будь руки связаны, я бы не задумываясь насквозь проткнула его гнилое сердце своими боевыми ножами. А потом и остальные, столько, сколько успела бы вырезать, разорвать, искромсать, пока не упала бы замертво.

Все тело начинает трястись, и ни что не может унять эту дрожь. Одно дело умереть от меча, другое — быть съеденным. Причем заживо! Эти твари любят отрезать по кусочку, пока жертва еще жива. Они наслаждаются теплой, бьющей живительным фонтаном кровью, наблюдают, как жизнь покидает тело. А потом рвут его на части, не беря в расчет, жива ли жертва. Плотоядные уроды! Зря ты привел меня сюда, тварь! Если я выберусь отсюда, то сравню эту живодерню с водой. Камня на камне не оставлю. Всех и каждого монстра лично сожгу. Устрою им крематорий, пусть плаваются, пусть вода станет их врагом. Пусть обратятся паром, убудки!

— Ну как? Теперь твоя тяжелая голова поняла, что здесь никто не шутит. Ты жива, только пока я не улажу свои дела, Л-Е-Д-И. - он по буквам четко произнес «леди», отчеканив каждый звук, как замогильный звон. Это слово звучало как насмешка, как унижение. Как кличка, для временной игрушки. О да, они играют со своей едой, иначе пропадает аппетит. Он специально привел меня сюда. Этот кельпи извращенно пытается ввести меня в крайний ужас. Запах страха возбуждает его, щекочет ноздри, рождает аппетитные варианты съедения. Он уже придумывает наилучший рецепт, чтоб получить максимум удовольствия от процесса. Основа из страха, приправленная отвращением к самому факту существования таких как они, и щепотка ненависти. Все это он зальет безысходностью и мучительным ожиданием смерти. Он долго будет дегустировать блюдо. Когда же оно достигнет нужного состояния, потихоньку начнет свою извращенную трапезу, а распробовав хорошенько, с животной яростью и безжалостностью расправится с ним.

Нет уж, я не предоставлю ему такого удовольствия. Если уж быть съеденной, то пусть его вывернет от омерзения, потому что я буду самой пресной едой, какую только можно себе

представить. Нет, я буду самой ядовитой пищей, что смертельно отравит его. Он не почувствует моих эмоций, я убью их, уничтожу на корню. Не дам зародиться и самой минимальной эмоции. Я стану тем, кто вызывает такие эмоции. Я стану безысходностью для них всех, стану их ужасом, их кошмаром, которого так боялись маги. Я стану смертью!

Широварт ла Эк

Кто, к упырям, такой этот воин? Он однозначно маг, и очень сильный. Я не знаю никого с такой убийственно мощной аурой. Да как вообще Су его умалишенным называла? Глядя на всю ситуацию со стороны, я бы сказал, что идиотами выйдим именно мы все. Группа из самых разнообразных и сильных существ так позорно прошлапила лорда магии. Я лично знаком только с двумя. Так откуда он вылез и где прятался все это время? Я точно знаю, что эту высокую степень в магии не получал никто в последние пятьсот лет, а местоположение тех, кто получил ее раньше, знаю достоверно. По крайней мере, тех двух, кто выжил.

— И зачем ты меня на дно потащил? — отчетливо чую запах своей малышки, но прикинемся дурачком.

— Помалкивай эльф, я веду тебя в Galad Isilme, самый прекрасный город юго-восточных земель.

Вроде нужно удивиться, но как-то сложно это после встречи с лордом магии. Тут архимагов раз и обчелся, не говоря уже о лордах. Лучшее решение: идти за ним по этому воздушному тоннелю и помалкивать. Проявлять сомнение, все равно, что оскорбить его силу. А я уважаю силу этого воина. Несмотря на то, что он жутко раздражает меня, он действительно мастер. И сейчас он ведущий, а я ведомый. Пока. Да уж, пренебрежение к рабу у меня точно исчезло.

— Войдем в город, держись позади. Если все пойдет по наихудшему сценарию, ты это поймешь. Тогда не заставляй свои стилеты ждать и напои их кровью речного народа. Неповиновение должно караться смертью! — как-то нехорошо это прозвучало. И, не поворачиваясь ко мне, маг первым вышел из тоннеля.

— Поцелуй меня сирена... — на этом слова кончились, остались только ругательства. Я жадно разглядывал все вокруг. Вот где проснулась светлая эльфийская кровь. Чувство прекрасного захлестнуло меня. Возникло непреодолимое желание коснуться всего, запомнить каждый изгиб и форму. И тут перед глазами всплыла ладонь. Я одним движением руки поставил блок и атаковал в ответ. Маг так же искусно блокировал мой удар.

— Не отвлекайся, а то я начинаю разочаровываться, — и он снова развернулся ко мне спиной.

Неужели он надеялся застать меня врасплох. Признаю, он хорош, почти так же хорош, как и я, но он боец дальнего боя, в отличие от меня. Завяжись драка между нами, ему и десяти минут не выстоять. Про дальний бой ничего не могу сказать, слишком мало я знаю о нем. Но недооценивать не стоит.

Мое внимание от мага отвлек шум. Оглядеться не помешает. Как-то беспокойно здесь. Почему народ не обращает на нас внимания. Даже наоборот, они разбегаются как от заразы, причем не от нас. Поток беженцев идет от центрального здания. По виду — это дворец, туда мы и направились. Перед самыми воротами нас затормозили. Отряд стражи сломя голову несся внутрь, и нас просто оттолкнули в сторону, не придав ни малейшего значения. Да что

здесь происходит, некромант упокой?

Я схватил за шкурку одного не удачно пробежавшего молодого кельпи. Тот в ужасе уставился на меня.

— Пацан, что здесь стряслось? — кельпи вцепился в держащую его руку и начал отчаянно вырываться.

— Говори, я сказал!

— Смерть, всех нас ждет смерть! Если не уберетесь подальше, все сдохните! Она никого не оставит в живых. Пусти! — изловчившись, паренек вцепился в мою руку зубами.

— А! Паршивец, — я разжал хват, да и смысла держать его больше не было, — сдается мне, что мы опоздали с помощью, — я приложил место укуса к губам и начал высасывать текущую кровь. Кто знает этого мелкого. Вдруг заразный.

Мой спутник невозмутимо зашел вовнутрь. Мог бы сказать что-то. На пути нам попадались целые отряды стражи, валявшиеся то тут, то там. Судя по количеству крови и нанесенным увечьям и ранам, все они безоговорочно мертвы. Я забеспокоился и прибавил шагу. Двери главной залы мы открыли вместе с Ваном. Вместе же и застыли на пороге. За всю мою жизнь меня часто удивляли, заводили в тупик, но настолько ошарашить, что ноги к месту приросли?! Воистину на такое способна лишь одна женщина.

На троне восседал, если говорить по внешнему виду, местный владыка. Он молился, не знаю кому, и был на грани обморока. Можно было с легкостью увидеть, как его страх начал материализовываться, черным туманом обволакивая почти прозрачное трясущееся в не прекращаемой истерике тело. К его сонной артерии было приставлено тонкое эльфийское лезвие боевого ножа, одного из пары. Твердой рукой в неподвижности его держала моя melda. Она гордо и бесстрашно стояла за спинкой трона на возвышенности и холодно смотрела на нас. У ее ног валялись обезглавленные трупы. Кровь, что медленно покидала тела поверженных, лужицей растекалась по всему залу. Все говорит, что эти мертвецы — недавно прибывшее подкрепление. Когда же она успела?

— Су...

— Не подходи! — передо мной встал подросток и крепко сжимал огромный меч двумя руками. Они дрожали от напряжения, но его взгляд был решительным. Мальчишка, как и Суара, был весь в крови. Сегодня он отнял жизнь в первый раз, я вижу это по его опалевшему взгляду. Экстаз от своей силы заполнил все его существо. Он уже не слышит и не видит угрозы, что исходит от нас. Чувство превосходства над своими жертвами, право отнимать жизни, все это затмило разум, закрыло шорами азарта его глаза, опустошило сердце. Он более не вменяем. Он безумный зверь, жаждущий убийств. И не важно, кто это будет, друг или враг. Я видел уже такое. Суара вела себя точно так же. Тогда она впервые познала пьянящее чувство отнимаемой жизни, когда ты держишь чужую судьбу в руках и только тебе решать жить или умереть. Она была безумна, как и этот мальчик сейчас. Нужно убить его и быстро. Я незаметно бросил взгляд на мага. Тот невозмутимо стоял в проходе и, похоже, ничуть не был озабочен ситуацией. Ему абсолютно начхать на всех и вся. Убийственное безразличие к чужим судьбам.

— Опusti меч, Кайа, — даже у меня пробежал холодок по спине от этого спокойного и ледяного голоса. Melda, что же тут произошло?

Удивительно, но подросток послушался и с видимым облегчением опустил меч.

— Дана, а кто они? — по-мальчишески просто, тыкая в нас пальцем, спросил этот оборванец.

— Да так, прицепились по дороге, — и банши махнула на нас рукой.

В этот раз ее голос звучал абсолютно обычно. А вот глава удивленно задрал голову. В его тупой башке явно не укладывалась столь явная перемена в облике этих двоих. У меня, если честно, тоже. А девочка выросла.

— И где твои мятежники? Струсили что ли?

— Не, щас придут, — и молодой кельпи закинул свой меч на плечо.

— Что, страшно? — это он уже побледневшему королю сказал, наклонившись набок и заглядывая в его лицо, — правильно боишься, тебя мои сородичи живьем сожрут за все, что ты творил со своим народом.

Ничего не понимаю. Стилет дракону взад, о чем вообще разговор?

Ван, тем временем, спокойно взял опрокинутый стул, провел над ним рукой, стирая пятна крови, и не обращая внимания на наши осуждающие взгляды, сел. Тут же в проем влетела группа вооруженных до зубов воинов. Полагаю, это мятежники.

— Вы опоздали, ребята. Тут уже небезызвестная банши постаралась. Медленно кладем оружие на пол, и тогда поговорим.

Маг даже не удосужился повернуться к компании прибывших. Он все так же боком к ним восседал на единственно чистой вещи во всем дворце. А вот мятежники пристально изучали его. И уже начало позвякивать железо при соприкосновении с каменным полом, как Су с диким воплем кинулась на стоящего чуть позади, самого выделяющегося своей внешностью, кельпи. Сверженный король, оставшись без присмотра, попытался ускользнуть, но не тут-то было. Его связующим заклятием связал Ван. И когда успел только, не шелохнулся же даже. А Суара стремительно сокращала расстояние. Первая атака не достигла цели, и девушка подключила обе руки. Я не знаю, зачем ей смерть этого кельпи, но если она так ярко этого хочет... Я схватил его одной рукой за шею сзади, дернул чуть вверх, при этом зажав нужные точки. Воин застыл, полностью парализованный. Су тем временем сцепила руки и всем весом летела на неподвижную жертву.

— НЕ-Е-Е-ЕТ! — мальчишка выскочил, как огненный вихрь из-под земли, и так же стремительно заслонил кельпи, блокировав удар банши.

— Ты что творишь, Кайа?! Он меня сожрать хотел! Да ты представляешь, сколько несчастных умерло в муках от его рук и клыков? Отойди! — но мальчишка не сдвинулся.

— Дана, он мой брат. Он мятежник. Да, он ел людей. Но он не мог иначе, его раскрыли бы. Подобраться к этому тирану можно было только став первоклассным охотником. Пойми, он не убивал невинных. Палан всегда искал убийц, насильников и воров. Он делал все, чтобы однажды иметь возможность жить без убийства разумных существ. Он на нашей стороне, — по щекам ребенка текли бессильные слезы. Он сильно любит своего брата.

— Он... он никогда не позволял ни мне, ни другим детям есть людей. Только благодаря его заботе мы все еще живы. Дана. Прощу тебя... пожалуйста... он моя единственная семья, — слезы застилали глаза подростка, он схватился за рукава рубашки Су и сжал их в кулаки.

— Пусти его, Широ, — и я отпустил. Это ее решение.

Кайа упал на колени и судорожно начал растирать соленые капли вперемешку с запекшейся кровью по всему лицу. Мой пленник отошел от меня и начал растирать шею. Похоже, все в порядке. Не тут-то было. Пока все успокаивались, Су подошла к Вану, беспардонно выхватила из-под него стул, (хотя рядом с десятком других валялось) после чего маг упал на пол, и, замахнувшись, пошла к все тому же кельпи, который в попытке

самоуспокоиться не замечал ничего кроме меня. Зря он так. Я конечно пострашнее буду, но женщина в гневе — это хуже. Особенно эта. И она не обманула моих ожиданий, со всей дури обрушила стул на спину этого дурака. Сильно же она его ненавидит. Стульчик разлетелся, а она все колотит его тем, что от него осталось.

— Тварь плотоядная, коняга безмозглая! Чтоб тебя горгульи разорвали. Кости твои обглодали! Чтоб некромант над твоей тушей поглумился, и не раз и не два! — ого! Вот лучше сейчас ее не трогать. Тут еще много чего можно разбить о наши головы.

Когда запал прошел, и девушка упала на колени, тяжело дыша, я осмелился подойти.

— Может, теперь расскажешь, что здесь произошло? Как вы вообще умудрились добраться сюда, перебить столько народу и устроить переворот? — она отрицательно покачала головой.

— Что видишь, то и произошло. Я не горю желанием вспоминать все это, — и Су повернулась к магу. Тот внимательно смотрел в ответ.

— Какого недоуспокоенного мертвяка, ты тут делаешь? Скройся в тумане и основательно так, чтоб не нашла, — маг скривился в довольной улыбке.

— Поздно, теперь уже поздно.

— Верни назад мою неумеху. Сгинь нечисть. Тошнит уже от вас всех, — все так же сидя на полу, она пнула приходящего в себя кельпи, — я жутко устала делать за тебя работу, так что поднимай свой лошадиный зад и скачи устраивать нам ночлег, или я не ручаюсь за твою целостность! Не заметишь, как скопытишься!

Ну что ж, это снова *melda nyu*!

Наконец, можно расслабиться, а то после сегодняшней бойни уже не чувствую ни рук ни ног. Ладонки саднит. Это занозы от стула остались, вернее от щепок, которые были раньше мебелью. Смотрю на валяющегося рядом кельпи и снова злиться начинаю. Нетушки, нечего ему отдыхать. Сильно, насколько это возможно в полу лежащем состоянии, пнула Палана.

— Я жутко устала делать за тебя работу, так что поднимай свой лошадиный зад и скачи устраивать нам ночлег, или я не ручаюсь за твою целостность! Не заметишь, как скопытишься!

— А ты ничего не забыла? — я посмотрела на Вана, версия два. Ноль ответной реакции. Потом на заложника, которого еще не прирезали.

— Не моя забота, пусть творят, что хотят, а я спать, — у мага приподнялась одна бровь, выражая легкое удивление.

— А ты хладнокровная.

— А жрать людей это верх сочувствия, да? — и этот сидит себе на очередном отмытом стульчике и ухмыляется.

— А кто это людей жрет? — кажется, я отупела за последние пол часа, потому что ни орка не понимаю.

— О чем ты вообще? — воин продемонстрировал свои чудесные ровные зубы в отвратительной ехидной улыбке. Издевается гад. Смотрю на Широ, — о чем эта ошибка природы? — эльф пожал плечами.

— Жаль, буду скучать по твоим веселеньким песням, — заскрипел стул, и маньячина

направился к выходу.

По каким еще песням, я не пою. Разве что когда розовое чудо убьется.

— Ласкан! Горгулью в зад! Как я забыла. Алкай, Грог, как они там? Не дай Всевышние с ними что-то сделали эти некрофилы.

— Салвана забыла.

— Не забыла, сам сказал, он где-то недалеко валяется. Кайа, может ли ваша конница обыскать район вокруг реки. Там в кустах полу василиск ползает. Его б к нам доставить.

— Да без проблем сестрица. Наши копыта в твоём распоряжении, — и он передал мою просьбу страже.

Кстати говоря, о копытах.

— Кайа, у вас еще и кобыла должна быть. Вся палевая и характер отвратительный. Любит кусаться и бить копытом всех и вся.

— О-о-о-о, ты случаем не о том монстре, что в конюшне, в самом дальнем каменном деннике заперт. Это животное всех кобыл, что на продажу, искусила и деревянное стойло как карточный домик сложила. Пришлось ее изолировать.

— Она родимая, она. Верни мне ее, пожалуйста, — мальчишка кивнул и побежал на выход мимо эльфа.

Рядом с Широ стоял какой-то кельпи и о что-то оживленно вещал. А Вана я вообще не лицезрела в главном зале. И куда эта катастрофа всемирного масштаба делась?

— ... мы не претендуем ни на что, правда, Суара?

— А? — я не сразу поняла, что обращались ко мне, — ты о чем?

— Ты ведь не собираешься отстаивать права на владение частью города, — кельпи, что рядом с эльфом, разве что не обделался от напряжения.

— А, ты об этом, конечно буду отстаивать! Я тут пол вражеской армии положила, а они мне спасибо и пока. Нашли бесхребетную нимфу, — при слове «нимфа», аж сердце екнуло. Как там моя птичка держится? Должна держаться, все они должны. Не зря же я в кратчайшие сроки целый переворот устроила у речного народа.

— Су? — вынырнула из печальных мыслей. Пора взбодриться.

— Пока вы тут свои дела налаживать будите, мы за друзьями пойдём, по возвращении и разберемся, кому какую половину. Я имею в виду, что одна четверть моя, другая Кайи, а другую половину себе оставьте. Возражения есть?

Кельпи преклонного возраста, который и затеял дележ по горячим следам, сдержанно кивнул и ретировался. Вовремя, надоели мне их клыкастые морды. Еще свежи воспоминания о недавнем посещении местного рынка, а точнее живодерни. Как-то не верится в их внезапное просвещение и новую животную диету.

— Широ, что-то серьезное стряслось? — мой учитель обратил на меня свое рассеянное внимание.

— Да нет, подумаешь, ты почти в одиночку вот этих к праотцам сопроводила. Ты ж у нас каждую неделю партию из свежеприставившихся Всенижнему отсылаешь. Чего уж тут серьезного? — ехидничает, а голос взволнованный, видать сильно его зацепило.

— Прими как данность, я крутая убийца, а ты отстаешь по очкам, — и я победно улыбнулась. Без подсчетов ясно, что ему деревеньку волколаков минимум вырезать надо, чтоб меня догнать.

— Да уж, отличилась, нечего сказать.

— Чего это с тобой? Мой Широ уже давно возмущаться бы начал, защищая свою

гордость, — на слове «мой» эльф вздрогнул, — и вообще, стоишь тут стенку подпираешь. Еще утром ты бы уже всех построил, разработал план, меня отругал и за шкуру бы нас всех потянул спасать пленных. Ну и где инициатива? Сдулась за семь веков? Или это от старости? — прищутив глаза, откровенно начала его провоцировать.

— Деточка, границу переходишь, — он медленно двинулся ко мне, с грацией крадущегося таара (представитель кошачьих, размером со средненькую лошадь). Пора поднимать свои бранные мощи с пола и давать деру.

— Да? А я уж подумала, эта граница от стольких лет рассыпалась прахом, — ой, не надо было лить масло в огонь.

Я бросилась наутек из дворца. Широ за мной. Особой грациозностью мой побег не отличался. Я то и дело опрокидывала оставшиеся чудом стоять статуэтки и каменные вазы. Пару раз даже лавочки и тумбочки попадались. Приходилось падать в кувырке и, встав на ноги, ломиться сквозь этот беспорядок снова. Тишина позади, не считая грохота от меня самой же, настораживала. Но я знала, что эльфы весьма гибкие и тихие существа. А вот в чем я была уверена, так это в том, что преследователь ни за какие коврижки не оставит мои слова безнаказанными, да и азарт проснулся.

Еще несколько шагов и открытое пространство. Глядишь и скроюсь. Четыре, три, два...

— А-а-а-а...мфм-м...м-м-м-х-х, — я смотрела на желанный выход поверх мужской ладони, что зажимала мне рот, и стало так обидно. Всего-то шаг. Погодите-ка, какая-то маленькая ладошка для Широ. Его мне пол лица бы закрыла, а эта так, ротик прикрыла, да и нежно как-то. Прошла пара секунд, я стояла и ждала. А что? Не убивают, никуда не тащат, да и как-то ласково держат. О, уже не держат.

— Извини, что неожиданно, но если бы издала хоть звук, эльф засек бы в два вана, — конечно, я узнала этот ломающийся, переходящий из мальчишеского писка в мужской бас голос.

— Кайа, я вообще-то по прямой бежала. Как он, к вампирам, умудрился меня потерять? — вопрос закономерный, согласитесь.

— Ты забыла где находишься. Это город водяного народа. А что, как ни вода, умеет отражать предметы и искажать их форму своим движением. Galad Isilme принял тебя, он дал тебе защиту. Теперь это твой дом, который будет ждать твоего возвращения. Место, которое даровано тебе в сердце живого речного города. Согласись, это потрясающе, — его лицо светилось благоговением и гордостью за свое наследие.

— Ты хочешь сказать, что Широ сейчас всю бегает за моим двойником? — кельпи скривился, — ну, отражением.

— Да, — мне поплохело.

Широ и так злиться, а поносившись за мной с пол часика, так и вовсе придет в неконтролируемую ярость. Как это он меня поймать не может. Гордость такого не перенесет. И вообще, становится между мужиком и его гордостью чревато членовредительством для тех самых, кто между.

— Эй, там. Galad Isilme, прошу тебя, рассеяй лже-меня, а то некому будет возвращаться в отведенное тобой местечко, — думаю, за мной было смешно наблюдать. Стою посреди холла с задранной головой и кричу в потолок, ожидая, что он снизойдет до ответа. Не снизошел.

— Как думаешь, послушал?

— Не знаю, дворец довольно эксцентричное здание, — обнадежили меня, — Дана.

— Аюшки.

— Меня старейшие расспрашивали. Я от них еле улизнул. Как раз думал на поверхность за твоей кобылой податься, когда тебя заметил, — я оторвалась от бесполезного созерцания потолка.

— Что ты им сказал? — как-то резко получилось.

— Н-ничего, говорю ж, убежал, — таки ошарашила коняшку.

— Это хорошо-о-о.

Так, надо подумать. Это проблема. Никто не должен знать, что на самом деле здесь произошло.

— Дана, — осторожно окликнули ушедшую в себя банши.

— А, прости, задумалась. Так о чем ты?

— Что мне ответить старейшим? Они не отстанут, — ох уж мне эти старейшие. Не было печали, орки накачали.

— Говори, что я твоих сородичей прокляла. Пусть думают, что я их своим криком обрекла на смерть. А ты жестко вырезал умирающих, впрочем, как и я, — я поразмышляла немножко и добавила, — и скажи, что половина стражи под моим гипнозом была. Так избежим не нужных вопросов. Им же невдомек, что я и пушинку не подчиню.

— Хорошо, — и Кайа двинулся на выход. А мне пора сдаваться Широ, а то хуже будет.

Вот как жизнь иногда извернется. Всего час назад я связанная готовилась стать обедом, а сейчас я владею четвертиной речного города и его благосклонностью. Чудеса, да и только.

— С-у-у-у, — ноги примерзли к полу от этого мелодичного голоса. Услышишь такое посреди ночи и не проснешься.

Из-за угла выскочила моя копия и замерла напротив меня. Печенка заныла. Скоро появился и мой совсем не эпический конец. Просила же рассеять отражение. Прав Кайа, ненормальное здание. Посмотрела на взбешенное лицо Широ, который осознал, что его вар эдак пятнадцать за нос водили, устроив марафон, и решение далось легко. Пойду-ка посмотрю, как там Паля. Уже на бегу подумала: жить во дворце ни за что не буду! Никогда!

Двадцатый вечер второго летнего месяца был спокойным и безмятежным. Легкий ветерок разносил по округе белый пух отцветших лугов. Он мягко оседал на воды великой Онры, устилая поверхность, как пушистое покрывало, защищающее водяную гладь от чужих любопытных глаз. Мало кому довелось увидеть то, что было скрыто в глубине реки, которой предназначено находиться в вечном движении, без возможности прекратить свой бесконечный бег. Круговорот вещей никогда не позволит мятежной водной стихии познать покой.

Глубоко под водой, на самом дне, редкие вечерние лучи освещали древний каменный город. Он видел множество войн и королей на своем долгом веку. Сегодня же ему предстояло стать свидетелем начала новой эпохи, нового события в упорядоченном течении времени, нового витка в непостоянности событий.

На площади, близ рынка, беспокойно озираясь, переминался с ноги на ногу юноша. Перед ним стояла тяжелая задача, но еще тяжелее было решение, которое ему нужно принять: спасти девушку от собственного брата или дать ей умереть, тем самым не послушавшись наказа. Ему нельзя было покидать своего дома. «Слишком опасно!» — всегда

говорил брат. Но он уже нарушил обещание сидеть дома. В любом случае будет порка, так почему бы не сделать хоть что-то стоящее, достойное великого рода кельпи. И молодой конь решил.

Незаметно для окружающих мальчишка подобрался к одиноко стоящей фигуре со связанными руками. Ее пленитель в пятнадцати шагах от нее что-то увлеченно обсуждал с продавцом. Это был их шанс. Осторожно зайдя за спину девушки, кельпи шепнул:

— Не двигайся, — его послушали. Вытянувшись в струну и задержав дыхание, девушка замерла, крепко сжав кулаки.

— Расслабь кисти и растяни веревку, чтоб я смог ее разрезать, — пленница дернулась, — быстрее!

Выполнив все, как было сказано, девушка через секунду была свободна.

— Теперь быстро уходим. За мной, — противиться никто не стал.

Зайдя за очередной угол, юноша снял свой плащ и передал его своей сообщнице.

— Надень, и капюшон тоже. Мы теперь с тобой повязаны. Вне зависимости кого поймают, обоим конец, — вопросительный взгляд и слегка приподнятые брови. Похоже, она решила не разговаривать, — запах. По моему запаху на тебе меня и вычислят. А без меня тебя через секунду обнаружат даже в толпе. Так что я твое прикрытие. Это на тот случай, если хотела сбежать.

— И как звать тебя, «О, спаситель»? — не то чтобы он не ожидал ее вопроса, но голос девушки завораживал и манил к себе непонятной силой, как под гипнозом.

— Кайя, — все еще находясь в прострации, ответил молодой кельпи.

— Меня Дана, и раз уж от тебя не отвяжаться, то скажи хотя бы, куда мы дальше? Обнадежь меня, — Кайя все больше поражался этой девушке. Ни капли страха или паники. Спокойное, рассудительное поведение с долей самоиронии и сарказма. Ее только, что чуть не съели, а она так бесстрашно реагирует.

— Ко мне домой, это на окраине...

— Там, где детишек тьма тьмушая и ни одного взрослого?

— Да, туда.

Больше вопросов не последовало. и, взяв за руку закутанную с ног до головы в плащ девушку, кельпи стремительно направился к выходу из города.

По пути проблем не возникло. Домик действительно был чуть ли не последней постройкой перед тоннелем. Маленький, все такой же округлой формы, как и все здесь построенное, он был все равно прекрасен в своей необычности.

— Мило. Ты один живешь?

— Да, — Дана присела на небольшую лавочку в углу и внимательно осмотрела комнату, единственную в этом домике. Лавочка, на которой она сидела, была каменной. Справа от входа стояла каменная нефритовая кровать и, что удивительно, деревянная тумбочка. Напротив расположилось что-то вроде умывальника, растущее прямо из стены, и все из того же камня шкаф до потолка. Все. Больше здесь ничего не было. Даже вазочки или ковра.

— И тебе комфортно? — девушка поежилась от такого количества холодного камня и отсутствия всякого уюта.

— Вполне. Это все равно ненадолго, — банши была крайне заинтересована в этом самом «ненадолго», о чем и не преминула сообщить.

— То есть? — мальчишка вздохнул.

— То есть живу так не я один, и не мне одному это надоело.

— Как интересно, продолжай.

— Ты заметила, что здесь одни дети да подростки, — кивок, — так было не всегда. Раньше у всех были родители. Но они вынуждены были подчиняться королю и идти на охоту. Но даже это не причина так ненавидеть нашего короля, — Кайа опустил полный боли взгляд в пол. Ему было тяжело рассказывать о своей жизни. Не все так радужно оказалось в великом граде.

— Но со временем стало хуже. Тех, кто возвращался с пустыми руками, самих приносили в жертву, то есть банально ели. Такими темпами почти все взрослые этого района закончили на столе у владыки. Мои родители тоже, — сжатые челюсти, ничего невидящий взгляд. Кельпи не хотел так много рассказывать, но будто провидение тянуло из него все больше и больше слов.

— Взрослых, что решили просто не возвращаться назад, наказывали по-особому. Все их родственники шли за дичь на празднике живота. Сейчас же любого сироту могут просто унести неизвестно куда. Временами сюда захаживает стража и прихватывает с собой парочку ребят и, естественно, никто не возвращается. Жить так стало невыносимо. Появилось много тех, кто перестал мириться со всем и слепо следовать приказам. Это и есть нынешние мятежники, — Кайа встревожено поднял глаза. Он сказал слишком много. Что теперь будет с мятежом. Юноша испугался.

— И когда ваши ребята хотят действовать? — кельпи сглотнул.

— Скоро. Нужно, чтоб что-то привлекло внимание стражи и отвлекло ее от дворца. Скоро праздник, это идеально для нас, — подросток в ужасе закрыл рот рукой. Слова вылетали в независимости от его желаний. Он просто не мог не рассказать все, о чем его просила эта странная человечка.

— Вот и хорошо. Значит, я пошла отвлекать внимание стражи, а ты зови своих сообщников. Скажи им, у них появился уникальный шанс все изменить. А кстати, почему ты меня не съел? — мальчишка даже руку ото рта отнял от удивления.

— Так мы не едим разумных. Ты что, не поняла до сих пор? — девушка покачала головой.

— Ладно, я пошла, — Дана встала и направилась к двери.

— Куда? Я с тобой.

— Ты своим лучше все передай.

— Так передал уже.

— Что? — удивилась человечка.

— Ребята под дверью сидели, они уже побежали все рассказывать.

— Отлично. Ты знаешь, где здесь печень достать можно? — и девушка ехидно усмехнулась. Кельпи от одного этого слова всего затрясло. Ну не переносят кельпи печень, никак. Она для них яд.

— Не далеко, тоже на окраине. Туда все отходы скидывают.

— Показывай, — и они дружно покинули свое маленькое пристанище.

Что за странный мальчишка? Костлявый весь, одет в странные облегающие тряпки. Дергается при каждом шорохе, но скорее из осторожности, чем страха, что радуется. Однако стоит ему глянуть в мою сторону и меня передергивает. Внимательный, все видящий взгляд

глаз цвета адуляра с синим отливом будто рассматривает твою душу. А угольно-черные волосы еле доходящие до талии с парой пепельных прядей у висков и еще тремя стекающими из-под общей темной массы длинной до бедер лишь дополняли и без того экзотический облик юноши. Да и вообще тут тролли знают, что творится. Оказывается, не все лошадки кровожадны. Однако.

Описывать процесс сбора печени не имею никакого желания. Хватило и того, что я эту самую печень из выгребной ямы вытаскивала. Мало того, что сам орган не первой свежести, так еще и все прилегающее вокруг приятных ароматов не добавляло. Но я справилась и получила бонус в виде печеночного камуфляжа. А что? Своеобразная защита от кельпи. Нужно будет над этим серьезно подумать на досуге. Ведь ТАКАЯ вещь может получиться. Вот только мальчишка теперь ко мне ближе чем на три тара не подходит, его, видите ли, тошнит от меня.

А если в общем, план был таков: наводим шумиху и делаем ноги, стража за нами, мятежники во дворец. И здравствуй свобода, смерть неверным.

Все шло как надо. Мы пошумели, привлекли внимание. Но, как всегда, есть «НО» с большой буквы! И самая главная ошибка была в том, что никому в голову не пришло проверить, где же сейчас ошивается стража. С этого момента все пошло наперекосяк. Если б могла выбраться со дна, уже была бы на пол пути к тоннелю. Но ах и увы, магией не обладаю. Да и, кажется, у них там супер стража стоит на выходе. Попали мы в собственноручно вырытую могилку.

Стража появилась аккурат позади нас. Единственный путь к бегству — прямая дорожка во дворец. В голове всплыл недавно придуманный план, когда я еще пленницей была. Присутствие кельпи делало этот план еще безумней, но и вероятность успеха сильно возросла. Ну что ж, или пан или слопают!

— Кайа, беги вперед. Как только услышишь, продолжай бежать и кричать: «Мы все умрем, мы обречены. Она нас всех убьет. Лишит разума!» и все в том же духе.

— А что услышу?

— Узнаешь, и поверь мне, не ошибешься. Беги прямо во дворец, но не смей нападать. Твоя задача сеять панику. Вперед, — и подтолкнула его.

— А ты? — он обернулся.

— А я прямо за тобой, — и да помогут нам Всевышние!

Я подождала, пока Кайа скрылся из виду, и повернулась к почти вплотную подошедшей страже.

— Ну что мальчишки, вам пора умирать, во благо общества, так сказать, — я набрала побольше воздуха в легкие и что есть мощи крикнула, предвещая множество смертей, и это отнюдь не было притворством. Сегодня очень многие умрут. С некоторых пор я чувствую смерть еще до того, как она оповестит меня о своих планах. Моя сущность явно становится сильнее. Вот и крик получился просто ужасающе-леденящим. Точно знаю, что глаза сейчас полностью черны как безлунная ночь. В причинах буду разбираться потом.

Нужный эффект был достигнут. Паника. Где-то вдалеке я расслышала крик Кайи. Пора. Я развернулась лицом к дворцу.

— Вы все уже мертвецы, как и ваш король! — и сорвалась с места.

Тренировки Широ не прошли даром, сейчас меня разве что кельпи в лошадином облике догнали бы. Но увы, в таком состоянии они могли только тащиться за мной, постоянно спотыкаясь и падая. Вот что значит разлагать дисциплину. Я бежала, а народ вокруг просто

шарахался в стороны, а потом и вовсе начал беспорядочно носиться и голосить во все свои водяные голосовые связки. Так-то у них приятные журчащие голоса, но когда эта водичка пытается журчать на ультразвуке! Бедные мои ушки. Но это сработало даже лучше, чем мой крик. Еще до того как я появилась кельпи уже во всю бились головами о свои прекрасные нефритово-кремнеевые стены. Любо дорого смотреть.

Впереди показался дворец. Кайа, молодчина, вон уже и стражу оповестил об одной очень страшной и опасной банши. Передо мной стояла линия из трех дюжин воинов. Дело плохо. Нужно срочно что-то придумать. Обернулась, за мной около двух дюжин. Еще повоюем. И с предвкушающей улыбкой крикнула, надеясь на нужную реакцию.

— Взять их, убить всех на месте, — воины впереди начали свое движение ко мне, как отклик на провокацию. А те, что сзади, поняли все по-своему. Каждый отряд был уверен, что перед ним загипнотизированный, управляемый мной, враг. Все хорошо, но как быть мне? Меня-то оба отряда прибить попытаются. Не нашла ничего лучше, как сломя голову нестись на шеренгу в надежде, что испугаются. Пока не пугались. Ладно, сами напросились. На этот раз крик был чуть менее пронзительный, но если вам прокричала разъяренная банши почти в ухо, дезориентация обеспечена. Подозреваю, этих самых контуженных первыми и убили. А еще не плохо помогал печеночный камуфляж. Стоило подобраться к кому-нибудь из коней вплотную и их начинало нещадно рвать.

Понятно, что победили парни из дворцовой стражи. Они же за мной и кинулись. А я не тороплюсь. Понаблюдала за бойней, подобивала недобитых, напевая в процессе зауспокойные песни, и ликовала. Я обещала, что стану вашей смертью. Зря мою внутреннюю угрозу не послушали.

Новый забег, но уже по дворцу. Дворец просто шикарен. И все, больше я ничего не успела разглядеть, так как уже приближалась к тронному залу. Кайа уже был там и голосил во всю. Умничка мальчишка. Спас нас. Вот здесь пришлось достать свои боевые ножи. Толку от меня как от воительницы ноль. Мой половинчатый эльф всегда говорил, что мне нужно избегать прямого боя. Моя тактика: убегай, прячься, не попадайся и бей исподтишка. А что? Ведь не я агрессор, а в защите самое главное нападение, пусть даже исподтишка. Меня, конечно, обучали боевым искусствам, но с моей физической оболочкой только мышкам угрожать. Для остальных, то же самое, что в дракона зубочисткой тыкать. С людьми, правда, еще куда не шло. Там я на уровне. В данной ситуации — я не боец. Хорошо, что Кайа этого не знает, а то точно бы в бой ввязался. Не надо нам мертвых детей, еще и совесть потом замучает.

Я почти достигла распахнутых в ожидании меня дверей, как в глаза бросился окровавленный стол. Человеческие останки разбросаны по всей его поверхности. За столом, на возвышенности в резном каменном кресле, видимо это трон, сидело чудовище. Все его руки были по локоть в крови. С пасти медленно стекал тягучий вишневый ручеек вперемешку с отвратительной голубоватой слюной. Я не могу припомнить его внешность, ее просто не было, на фоне всех этих зверств. Этот монстр обратил на меня внимание и отшвырнул большой кусок мяса, в который только что вгрызался. До вооруженных клинками кельпи осталось не более десяти шагов, когда я разглядела, что за кусок мяса валялся у ног этого ублюдка. Меня начало мутить, очертания зала поплыли.

Это была маленькая девочка кельпи. Ее горло было разорвано, по всему телу были вырваны клочки плоти. Но самое ужасное в том, что она была жива. Ее регенерация много выше чем у людей. Я только могу предположить, как долго он издевался над ней, что

некоторые раны успели покрыться коркой. Изверг! Теперь понятно, зачем ему такие строгие правила. Только так можно было законно получать кельпи. Они не так хрупки, как люди, и могут многое вынести, а благодаря регенерации не умирают от потери крови. Ненавижу! Для него собственный народ, это скот. Убью!

— Сукин сын! УБЛЮДОК! — я неслась на стену из воинов как сумасшедшая, я ничего уже не видела, кроме этой девочки и чудовища, что должно умереть в муках.

Я не поняла, как прорвалась к трону, но, похоже, Кайа все-таки вступил в бой. Стражники все так же дрались между собой, не понимая, где истинный враг. А им была даже не я. Это ОН! Эта тварь осознала ситуацию, в которой оказалась. Я попыталась пробраться к девочке, убить ЭТО я успею, а вот спасти.

Монстр на троне понял мою задумку, одним движением он схватил ребенка и перегрыз ей горло. Я почти успела, но меня снес очередной противник. Не помню, как поднялась, помню только жгучую ненависть и черный туман, исходящий из моих пальцев. Он душил сидящее на троне ничтожество. Позже я поняла, что это страх. Ужас, которым я отравила его сознание, и я упивалась его страданиями. Я жадно тянула из него жизнь одними лишь эмоциями.

Внезапно кто-то схватился за мою ногу. Я опустила взгляд. Маленькая кельпи, не способная даже поднять головы с лужи собственной крови на полу, крепко держала меня за лодыжку одной рукой. Ее ногти кое-где пробили мои сапоги насквозь. Это сколько же желаний жить в этом маленьком, но стойком существе. Ненависть и желание мучить и издеваться так же как поиздевались над этим чудесным созданием с золотыми волосами и когда-то зелеными глазами, возросло в сто крат. Видимо ребенок понял это. Еле слышным, прерывающимся голосом, меня попросили. И от этой просьбы хотелось разорвать всех вокруг.

— Эт... мое наказание... не убивай... мой дядя...

И удивительно чистые малахитовые детские глазки закрылись в последний раз. Я чувствовала пустоту, отсутствие всяких эмоций. Оставалось лишь бродить по залу и добивать выживших. На них я могла отыграться. Я не задумывалась, а так ли виновата вся стража, может, были и просто верные слуги короля, которые при этом не разделяли его взглядов. Мне было это не важно. В конце концов, любой допустивший такое с этой маленькой жизнью, виноват ничуть не меньше.

Добив всех, я поняла, что тварь, прячущаяся за короной, все еще объята моим черным туманом ужаса. Славно, он все равно мучился. Я не горела желанием развеивать этот туман, да и не имела ни малейшего понятия, как это сделать. Надеюсь, соплеменники изуродуют его так, что даже Всенижний ужаснется, увидев эту тварь по прибытии в его царство.

Не вытирая отяжелевшие в моих изможденных руках ножи и позволив свежей крови капать с тонких лезвий, я приставила сталь к горлу монстра, объятого страхом, тихо напевая чистой душе уходящей в свет.

Словарь

1. lasleg — остроухий

2. Galad Isilme — Отражение лунного света

3. melda nua — моя любимая

4. Таар — представитель кошачьих, размером со среднюю лошадь. Имеет коричневый окрас.

Глава 16 Песнь банши

Не рубите деревья — они могут ответить взаимностью!

Широварт ла Эк

Уже пять рассветов как наш небольшой отряд шел по нейтральной полосе вдоль границы. Мысли путались в голове, и я с трудом вел отряд в нужном направлении по извилистой линии пограничья. Все чаще я забывал маршрут, что уже давно въелся в мою голову. Нахождение в чужом теле не приносило ничего хорошего. Все чувства лезут наружу, и нет никакого способа сдержать их. Сплошной кошмар. Любая царапина оборачивается задержкой в двадцать вар. Катастрофическая потеря времени для тех, кто путешествует скрытно.

Едва мы двинулись в путь, я ощутил присутствие кельпи. Но это чувство пропало также внезапно, как и появилось. Тьма, будь я в своем теле, непременно бы почувствовал чужое присутствие, а так только несколько тревожных, почти ничего не значащих звоночка. Но вот ват назад я снова засек преследователей, и это были уже известные нам кельпи. Вот неугомонная парочка братцев. Интересно, долго они собираются играть в прятки, следуя за нами по пятам.

Несмотря на огромный список раздражителей, имелся один исключительно невыносимый — моя банши. Терпеть ее детские выходки уже не было никаких сил. Она без устали цапалась со своей палевой кобылой, за что была бита, и не раз. Шум и визг стоял такой, что в пору двигаться под звук фанфар, все равно весь лес нас слышит.

Помимо перепалок с кобылой, Су постоянно ныла, просилась в кустики и всячески коверкала мое имя. Мое прекрасное эльфийское ИМЯ! Как я не задушил ее за такую дерзость, не знаю. Но я близок к этому. О-о-очень близок!

— Я хочу куша-а-ать! Широ-мыро, куша-а-а-ать!

— Заткнись уже. Еще один звук от тебя и останешься не только без ужина, но и без обеда! Поняла?!

Это подействовало. Зная эту обжору, угроза остаться голодной была самой страшной в мире. Ну что ж, в запасе есть пару ват спокойствия.

— Широварт, ты бы полегче с ней.

— А это вообще возможно? — ишь, распереживался феникс.

— Она же с Ваном мягко общалась, заботилась о нем, вот он и все ради нее делал.

— Я четыре рассвета с ней нянчился. Она невыносима!

— Неужели, небольшие трудности, и ты так легко бросаешь ее, — василиск вклинился. У Салвана чувства появились?! Прямо нонсенс!

— Если бы я бросил ее, сейчас мы все были бы спокойными, уравновешенными путниками и находились намного ближе к столице. А так, я все еще терплю ее.

Обернулся на всеми покинутую. Сидит в седле с опущенной головой и слезы роняет. Ну что за дите! Развернул Течение Онры и направил к банши. Честно говоря, вид белобрысого воина вызывал жгучее желание надавать по морде и бросить в ближайшем кустарнике, но вот глаза. Там, в глубине, за изумрудной ширмой сияло червленое золото любимых и столь

желанных глаз. И в них сгорала вся моя злоба, стоило лишь попасть под их очищающий взор.

— Держи, моя личная катастрофа, — я протянул примирительный кусок вяленого мяса.

О да, за такое мне простят все что угодно. С одной стороны, я скучал по своей взбалмошной, острой на язык малышке, а с другой, с ней теперешней было в разы проще общаться и найти общий язык.

— Шпащиба, Щила-мила, — опять она исковеркала мое родовое имя. Что за неисправимая хулиганка.

— Щильф! — держа в зубах кусок мяса, Су указывала всей ладонью в сторону от тропинки, куда-то в лес.

— Что?

— Щильф, щильф, — она вынула добычу со рта, — СИЛЬФ!

Я всмотрелся в рощу в указанном ранее направлении. Никого, но предчувствие не сулило ничего хорошего. Что-то, или кто-то шел параллельно нам. О намерениях твари мне было неизвестно. Шелест вынимаемого из ножен оружия раздался почти одновременно с разных сторон.

— Суара, зайди за нас.

— Но сильф...

— Делай что сказано!

И снова слезы. Ну сколько можно!

— Плохой Мыро! — и она рванула в сторону противника. Гоблиншу мне в постель, идиотка!

— Суардана! Тьма!

Я хотел было рвануть за ней, но меня удержал Тариван. Попытался вырваться, не дали. Я вопросительно уставился на самого себя.

— Ничего ей не будет, сейчас она маг земли. А вот вопли феникса нам сейчас не нужны, чем больше будем шуметь, тем больше проблем наживем.

Нельзя было не согласиться. Су у нас сейчас одна из самых сильных. А если я убьюсь, то песенки Ласкана могут привлечь еще больше недоброжелателей. Подождем.

Я напряженно вслушивался в лесную глушь и пытался отделить шаги кобылы Су от других звуков. Получалось отвратительно. Я как будто разом ослеп и оглох. Дохлый тролль, что за беспомощные существа фениксы.

— Я ее слышу, — Салван опустил на одно колено и, слегка наклонив голову, прислушивался.

— Она идет, — из груди вырвался облегченный вздох, неужели я все это время не дышал, — не одна.

Слова василиска заставили похолодеть.

Послышался треск веток и хлопанье влажного мха под сапогами банши. Заросли разошлись, и вышла Суардана, ведя под уздцы Палю. Еще бы она осталась в седле в такой-то чащобе. Что я ей сейчас устрою. Отлуплю при всех, и плевать, что скажет маг!

Сделав всего шаг, я замер как вкопанный. Повод и вправду был накинута на руку, да только ладонь сжимала что-то невидимое на уровне плеч, и будто с усилием тащила это что-то. Паля держалась как можно дальше, насколько позволял повод, от банши. Ей явно не нравилось то, что с таким усердием волокла Суара.

— Я сильфа поймала! — радостно воскликнула банши в белобрысом мускулистом сосуде.

— Какого сильфа, Су?! Мы же не в холмах кочевников. Здесь нет сильфов.

— Нет, есть! Вот он, — она демонстративно потрясла сжатым мужским кулачищем, прилагая некоторое усилие, — видишь какой он большой!

Я не видел, я ничего не видел. Меня изрядно нервировало, что существо невидимо. Не дай Всевышние, вырвется из крепких рук ненормальной, и как нам его потом обнаружить. В ответ на мои опасения, заговорила Су.

— Вырывается, — победно усмехнулась она, и уже грозно, — не сбежишь!

Собиралось ли существо сбегать, мы так и не узнали. Воздух под широкой ладонью банши пошел рябью и стал проявляться контур огромной твари. С каждым ваном черты становились все четче, и вскоре перед нами стояло темно-коричневое чудовище. Ужас всех окрестных лесов. ТААР!

— Мама! — кажется, у феникса сдали нервы.

— Да уж, хотя бы не придется больше мучиться головной болью, спасибо Дане, — сыронизировал Алкай.

Оборотень за последние дни стал значительно спокойнее, даже хладнокровнее что ли.

— Ятаган мне в зад, — ошарашено выругался Салван.

Ох, уж эта смена сознаний. Теперь и рептилия, как его Су зовет, паникой заразилась.

Мне вот было не до смеха. Все тело прошиб ужас, и меня парализовало. Что за орочки подянки. Кажется, у Ласкана серьезная проблема с самообладанием. Не из-за карателей ли? Только сейчас не время разбираться в причинах. Снова беспомощен. Да чтоб тебя, Широ, где же предел неприятностям?

— О-о-о, какой краси-и-и-ивый. Тебя будут звать...

Вампирьи клыки! Мы тут тремя потоками исходим, а эта бестолочь имя нашему будущему убийце придумывает. Отшлепаю. Клянусь своим исковерканным именем, отшлепаю так, что свое забудет!

— Придумала, Сильфи!

— Су, он сейчас оттяпает тебе руку, а потом нам головы. Кончай нянчиться с этой тварью. Сверни ему шею!

— Плохой Широ-мыро! Сильфи хороший, он меня не тронет.

— Тебя, после столь крепких объятий, может и нет, но нас загрызет без зазрений совести, — визгливо оцетинился Ласкан.

— Ты тоже плохая! Сильфи, — банши снова встряхнула таара. Да так, что у того лапы от земли почти оторвались, — никого трогать нельзя. Пусть они и бяки, но хорошие.

После такой очевидной демонстрации мускул ни один здравомыслящий таар не пойдет на этот белобрый таран без мозгов. А вот нас рассмотреть в качестве мести за столь бесцеремонное обращение со своей шкурой не преминет.

Может, я и нашел бы способ вправить парочку извилин этой ненормальной, но шанса мне не предоставили. После предупредительного встряхивания и предупреждения, что «бья есть нельзя», Сильфи был отпущен. Дура!

— Ненормальная, ты что творишь?! — Тариван явно был уверен, что ТАКОЙ глупости Су не совершит.

Совершила, и без всякого раскаяния. На удивление, таар не спешил нас рвать на кусочки. Прошелся между нами, поугадал лошадей и с чувством выполненного долга уселся рядом с Суарой.

— Я умираю и теперь брежу?

— Предполагаю, что нам это снится, Ласкан.

— Мимо Алкай. Нас, похоже, искусно дурачат, — ну не было у меня другого оправдания в данной ситуации. Зато нашлось у мага.

— Она маг земли. Все животные подвластны ее магии. Она просто показала, что сильнее.

— Еще одна проблема на наши головы, — слова феникса не внушали оптимизма.

— Су, отпусти его в лес.

— Нет, Широ-мыро, он мой друг.

— Ты только что его нашла, о какой дружбе может быть речь. Отпусти, я сказал.

— Не-е-ет! Он пойдет со мной.

— Так, или ты его прогонишь, или я его убью, — благо стилеты уже были в руках.

Таар резко встал и оскалил зубы в угрожающей улыбке. Понятно. Убить себя эта тварь не даст. К Су подойти возможности тоже нет. Похоже, теперь мы для него вроде временно терпимого противника. При первом же признаке опасности разорвет в считанные ваны.

— Он опасен для нас? — обратился я к Таривану.

— Нет, он полностью подчиняется ее воле, хотя такое редко бывает. Я поражен, как быстро она овладела моей силой.

— Раз она может его контролировать, значит, все по седлам и поторопимся. Меня не прельщает мысль о ночевке в компании таара, а поэтому стоит их сократить. Вот только идущий пешком Тариван не особо способствовал быстрому передвижению. Увы, запасного коня у нас не было.

Сбился со счета, сколько дней прошло с нашей роковой встречи с Сильфи. Я гнал отряд и днем и ночью. Количество остановок сократилось. На нытье Су я ответил, что остановимся, только если таар исчезнет. Она надулась, как помидор, и больше не ныла. Лучше бы своего «сильфа» в ближайшем пруду утопила.

В конце концов, от усталости и вечного беспокойства по поводу присутствия в нашей компании хищной кошки мы заблудились. Мало того, что и так смутно представлял себе дорогу до столицы, так теперь и вовсе не знаю, как туда добраться.

— Проклятье!

— Давайте разожжем костер.

— Из чего ты собралась костер разводить, Суара, из головы последние мозги выдуло! Мы в дриадском лесу, нас за костер в ежиков превратят, причем со всех сторон и с завидным энтузиазмом!

— Я Ласкан! Хватит уже путать!

— Вартек, тебе срочно нужно отдохнуть. Ты слишком измотан, поспи.

— Ты прав, дружище, я на взводе, — рука машинально провела по волосам, убирая назад выбившиеся пряди, — надо расслабиться. Вы ложитесь, Салван, а я пойду в ручье искупаюсь. Остужу буйную голову.

Вода подействовала как лекарство для измученного тела. Мышцы все сводило судорогой, но это была приятная судорога. Какое же все-таки хрупкое тело у нашего принца. Последний раз, когда я его видел, он был еще мельче. Вот уж не думал, что его отец решится выгнать единственного сына. Тяжело пришлось мальчишке. Я надеялся, что он расскажет мне все, но Ласкан просто сделал вид, что не знаком со мной. Как же, не знаком. Пусть еще скажет, что Су он тоже видит впервые. Так и поверил.

Что-то вырвало меня из беседы с самим собой. Думаю, это был свет, но откуда? Костер!

Сожри меня горгулья, в лагере костер! Какой идиот!?

На ходу надевая тот час же промокающую от соприкосновения с влажной кожей одежду, я сломя голову несся к источнику оранжевого света. Вылетев на открытое место, я сразу остановился. Все спали. Скачка целыми днями вымотала не только меня.

Одного бодрствующего я все же нашел. Высокий воин скармливал остатки щуплого тонкого дерева голодным языкам пламени. Пенек принесенного в жертву красовался рваной раной. Похоже, молодое растение просто переломили. О Всевышние! Дриады нас просто изничтожат. Я медленно подошел к банши.

— Зачем?

— А? — она растерянно посмотрела на меня снизу вверх.

— Зачем ты сломала дерево? — я еле сдерживался, кулаки неистово чесались.

— Костер развести, Сильфи кушать хочет.

Все! Она из-за какого-то таара приговорила нас к неминуемой смерти. Я схватил воина за грудки, хоть и доходил ему сейчас до плеча, и встряхнул. Су не удержалась на ногах и полетела на лежащего таара. Не этого я хотел, но пыл все равно поугас. Особенно после того, как я сгорел в розовом огне. Меня уже порядком достал этот цвет! Ласкан что-то пробормотал, но так и не проснулся. Возродился я аккурат возле самого Сильфи. Не могу передать, как несказанно рад был таар заполучить розового феникса. Он мягко придавил меня лапой и не давал двигаться до самого утра. Пару раз я пытался ускользнуть, но тогда просто возрождался под лапой не в меру хитрого животного. И орку ясно, он мстил за то, что его насильно ташат с собой, да еще не дают полакомиться путниками. Банши же просто вырубилась от удара о землю на спине кошки и не видела моего позора. Хоть какая-то радость.

Глаз я так и не сомкнул ночью. Не скажу, что появление дриад было неожиданностью. Удивило меня скорее то, что они появились только под утро.

Мы постепенно приближались к сапфировой роще. Об этом нас любезно предупредила Иба. Да и синенькие деревца стали все чаще попадаться на пути. Все мои сопровождающие, включая крадущегося, какого-то лешего, за нами таара, шли молча, настороженно озираясь в сторону редких шорохов. Я и сама была как натянутая струна лютни, вот-вот лопну от очередной неожиданности в лице заек, которые в большом количестве шныряли по округе. Ну что за бесстрашные животинки. С нами же таар, а они скачут себе туда-сюда, как в заповедном лесу. Оё-ёй! А ведь и правда, Сапфировая роща заповедна.

— Иба.

Глава обернулась.

— Это ведь заповедная часть леса, неужели роща пропустит нас.

— Не переживай, хранитель земли, ты пройдешь. Чего не могу обещать чудовищу, уничтожившему молодое дерево, — Иба чуть наклонила голову, пряча застывшие слезы, — малышка должна была родиться в этом лунном месяце. Но так решили Всевышние, — дриада быстро взяла себя в руки.

Соблазни тролля озабоченная сирена! Не говорите мне, что какой-то наш олух сломал сапфировую иву! Сама убью этого идиота! Ива должна была дать жизнь лесному духу. Сейчас мало деревьев, способных выносить в своем стволе дриаду, дать ей жизнь, подарить

защитника своему народу. Именно народу, ведь сапфировые ивы разумные существа, оградившие себя от внешнего мира. Не зря ребята осторожничают, шорохи нынче не заячьих лап дело. Есть смутное подозрение, что наши дорогие лиственные хозяева обсуждают между собой, как бы изощреннее наказать убийцу их соплеменника. Шелест листьев и скрип веток как-то незаметно слились в монотонный гул. Спорят корнерастущие! Интересно, кто же будущий труп, он же безжалостный дровосек. Вот знала, что не просто так обросшие корой прислали к нам своих охранниц. Но почему на месте не убили виновного? Неужели не смогли определить, кого на тот свет заслуженно отправить. Посмотрела на задумчивые лица дриад. Ого, а ведь на самом деле не в зуб ногой кто их деревце на сносях выкорчевал.

— Хранительница рощи, неужели вы подумали, что кто-то из этих благородных мужей, — вот тут запнулась, поскольку одна дама с некоторых пор имелась, и это не я, — и девушка могли совершить такое зверство?

— Я чувствую, так же, как и роща, что убийца среди вас, но не могу увидеть, кто именно. Либо он очень силен, либо не ведает, что сотворил.

Вот тут я насторожилась. Это точно Тар, вот даже сомнений нет. Только он у нас без сердца и силен сверх меры. Надо проверить.

Как можно непринужденной оборачиваюсь на шагающих позади и аккуратно направляю вопросительный взгляд на Тара-эльфа. Тот качает головой. Ага, так и поверила. Ну ладно, может все же не он. Смотрю строго на остальных, жду, пока кто-то сдастся под моим испытующим взглядом. Уже сдались, разбежались и сдались снова. Ну вот кто тогда? От слаженной реакции на мой немой вопрос стало плохо. Вся честная компания, не сговариваясь и не особо таясь, с озлобленными, не знаю на что, моськами некультурно тыкала в меня пальцем. Нечего на меня все валить, я не могла. Разве что каким-то образом вычеркнутый из памяти кусок пути мог хоть частично что-то объяснить. Может я в беспомощности случайно дерево повалила, благо моя нынешняя комплекция позволяет это без особых усилий. Да что там деревья, эта туша стены крошила. Головой!

На этих не совсем созидательных мыслях я и словила всеобщее подтверждение своей догадки. Мне весьма энергично кивали с осуждением на разной степени затемненности кожи лицах. Ой, как все плохо-то! Это меня что ли влаголюбивые порубят на кусочки? Снова кивки в разнобой.

Валькирию в жены миротворцу! Как же меня угораздило? Впереди уже синеют мои сапфировые палачи. Темень и ее твари! Если то, что я вижу, реально, то прикопайте меня прям здесь, под кустиком.

Огромный, двадцать тар в диаметре ствол, источающий голубоватый туман, уходил куда-то ввысь и терялся в необъятных размеров раскидистой кроне свисающих дымчато-синих веток. По его внешней стороне спиралью закручивалась лестница, обрываясь чуть выше первых веток. В месте ее обрыва виднелись сотни маленьких лесенок, каждая из которых вела в сплетенные ветками, будто вырезанные из цельного куска дерева, дома. Гибкие змейки создавали виртуозные узоры, срастались под крышей и сливались в изящные стены жилища. В отверстиях же, похожих на окна, извивающиеся молодые ростки представляли собой однотонно-небесные резные витражи. Мерцание мягкого голубоватого света исходило из окон и наполняло своей особенной магией всю рощу.

Сапфировый гигант возвышался над множеством своих сородичей и при этом оставался неотъемлемой частью рощи. Исчезни исполин и все очарование и волшебство этого древнего как мир места истлеет и обратится в прах. Не дай Всевышние, такому когда-либо

свершиться.

— Это мой судья, — не спрашивая, произнесла я.

— Да. Я рада, что в тебе нет зла, и магия нашего вождя приняла тебя. Ты виновна, но листья нашептывают о твоём раскаянии. Ты убийца, но туман прячет от нас содеянное. Ты свершила зло, но мерцание души древа освещает лишь добро в твоём сердце. Вождь не может покарать тебя, а я не могу обвинить в злодеянии. Прости нас за сомнения! Отныне тепло нашего очага всегда согреет тебя. Пойдем, скорбящая. Раздели с нами сумрак и луну, а солнце со своими спутниками.

Легкой, шелестящей походкой Иба направилась к подножию вождя, увлекая нас за собой.

— О чем она, Су? — эльф не выдержал и подошел к нам.

— Она приглашает нас провести здесь сумрак, то есть вечер и луну — ночь, а завтра с рассветом уйти — все так же ошарашено глядя на искренне улыбающуюся хранительницу, шепотом разъяснила я.

— Она знает кто ты? — Тар выглядел взволнованным.

— Знает. Вождь знает.

— Это не важно, кто вы и в чьем теле. Этим сумраком и луной вы наши братья и сестра. Здесь ваши сущности оголены, открыты, как сбросившее кору древо. Здесь каждый обретает себя, — внимательно всматриваясь в меня, дриада продолжила, — прости, скорбящая, твоего зверя мы не пропустим. Но ты с легкостью сможешь его призвать, когда покинешь рошу, — и она улыбнулась, точно зная: я никогда не призову зверя. Я не маг.

Больше говорить не хотелось. Мы окунулись в чарующую атмосферу леса. Мир окрасился голубым и синим цветом. Я отчетливо слышала спокойный монотонный шепот вождя, окутывающий меня.словно под действием заклятия мы медленно поднимались за дриадами по ступеням к вершине. Диковинные птицы, разных оттенков сапфира, лавировали между свисающих, как от неподъемного груза, ветвей. Несколько самых ловких пернатых мерцающими точками нырнули под лестницу и взмыли к небу прямо из-под наших ног. Я оступилась и начала падать, но ловкие ростки-руки мгновенно выросли из пошедшей бороздами коры и схватили меня, мягко возвращая на место.

— Спасибо, — одна веточка нежно погладила меня по щеке.

Что-то сокровенное было в этой ласке. Любовь, радость, доверие и... наверное надежда. Робкая, еле проскальзывающая сквозь другие эмоции, но такая живая. Надежда на новую жизнь. Резко налетевший на меня розововолосый эльф прервал нашу эмпатическую связь с древним вождем. Я попыталась вновь ощутить чувства исполина, но не нашла отклика. Момент был упущен.

— Ты не можешь так поступить!

— Уже, и твои крики ничего не изменят.

Пылающие щеки девушки, высоко вздымающаяся грудь и яростное дыхание. Полная противоположность своего неспособного на сильные эмоции собеседника. Это все, что поначалу увидел маг. Разглядывая негодующую жрицу, воин стоял у большого камина отделанного лепниной и наслаждался кроваво-красным напитком из древнего растения хейши, хейшином. Я пыталась уловить хоть черточку ее лица, хоть легкий изгиб тела, но все

сливалось в одно размытое пятно. Как бы я не старалась, очертания девушки не желали проявляться и открыть облик виденный магом много тысяч раз до этого.

Что-то было не так. Сон, видение? Нет, прошлое. Это уже происходило, но изменить ход поглощенных временем событий не возможно. Это лишь память, его память. Я здесь чужая. Кто эта жрица?

— Ты хоть понимаешь, что натворил? Они же погибнут. Древесных духов и так мало, а ты хочешь и вовсе прервать их рождение своей амбициозностью. Тебе мало эльфов и кельпи?

— С эльфами у нас союз. Они могут не рисковать основными силами, а лишь оказать поддержку. Кельпи же в моем полном подчинении, но с начала этой неразберихи не один из коней не выходит на связь. Похоже, они предали меня. Единственными, кто безоговорочно, не жалея сил, будет сражаться за нас, это дочери Раскидистых дубов и более малочисленные дочери Сапфировых ив. Я тысячу весен подпитывал энергией жизни их землю и поил почву под их корнями. Роща в неоплатном долгу передо мной.

— И этот долг ты возьмешь кровью. Ты же знаешь, что любое живое дерево хоть раз убив, больше никогда не сможет породить древесного духа. Представь, что почти каждый древний убьет врага. Да вся роща вымрет, потеряет разум навсегда. Не способные мыслить они станут простыми растениями. Новые живые будут расти сотни, а то и тысячи весен. Мы потеряем Заповедный лес, так и знай. Многие существа погибнут, не имея надежного и защищенного места. Оборона живых дубов и ив будет прорвана навсегда, никто не остановит охотников, прорывающихся в Заповедник. Устоявшийся порядок рухнет. Хватит пить! Посмотри на меня! Я! НЕ! ПУСТОЕ! МЕСТО!

Маг оттолкнулся от камина и нарочито медленно двинулся к раскрасневшейся девушке. Его лицо было спокойно, и только алые искорки в глубине александритовых глаз выдавали легкое волнение и что-то еще, еле уловимое в отсветах очага.

— Я не прошу их нападать, я прошу защищать...

— Ты не оставляешь им выбора, они не могут отказать тебе!

— И все же, не станет долины, Заповедный лес будет открыт с запада. Тогда ни один маг не преминет прогуляться по Дубовой роще в священные земли. Мы не продержимся на два фронта. Пусть эльфы будут патрулировать восточную линию, между нами все еще тысячи тат дриадских лесов. Если живые не будут сражаться, враг просто пройдет сквозь рощи напрямик из Пустынных степей. Тогда ни один эльф не успеет нам помочь, Долина трех лучей будет обречена на гибель, так же, как погибла Долина звезд, а вскоре и Сумрачная долина.

По мере произнесения слов девушка все больше хмурилась и опускала взгляд в пол. Осознав реальность угрозы и неизбежность войны, она и вовсе сгорбилась, судорожно обнимая себя за плечи. Пепельно-белая масса выплыла из неоткуда, нависая над головой жрицы. Нежно притянув хрупкое создание к своей груди, и равномерно поглаживая по спине, маг почувствовал борьбу сострадания и долга в ее душе.

— Ты слишком напряжена, пора расслабиться и отпустить свои сомнения. Долина трех лучей не падет.

— Конечно, не падет! Зря я что ли распинался вам о тактике и способах боя при попытке захвата и последующей гибели двух других долин.

На подоконнике, согнув в колене одну ногу и оперевшись ей о деревянную опору, полу сидел, полу лежал молодой мужчина. Глаза его, как и густые волосы, были невероятного

розового оттенка, что не убавляло мужественности этого изящного существа. Ловко соскользнув со своего насеста, при приземлении чуть подпрыгнув, он быстро зашагал к своим друзьям.

— Я в истории копаюсь целыми днями, у нас все шансы выстоять.

— Милый, не всегда поучительное прошлое может обеспечить счастливое будущее. Живым свойственно повторять свои промахи и ошибки.

— Ты это сейчас назвала меня бесполезным, — сощурился феникс, — я не какой-то там летописец, я хранитель истории. Я вижу все события как наяву. Могу отправить свой разум в любое время и место. Я вижу все!

— Ну, прям всемогущий бог! — усмехнулась девушка.

— А как же. Я само совершенство.

— Ты всезнайка и кичишься этим. Знать обо всем скучно, жизнь становится пресной.

— Ну ты и поганка. Я могу видеть все прошлое, но это не значит, что сейчас я знаю всю историю. Просто по желанию могу узнать, как, впрочем, тут же и забыть.

— Без тебя знаю, розовый. Не учи ученого, — наигранно грозно возмутилась девушка, но глаза ее все еще были грустны.

Феникс фыркнул и показал жрице язык, что невероятно рассмешило девушку. Маг же сдержанно улыбнулся.

— Тебя ждут, а нашей главной жрице пора на боковую, — заботливо погладив девушку по голове, беловолосый маг мягко, но настойчиво повел ее вглубь покоев.

— А сам-то чего к ней липнешь. Отпусти, и я провожу нашу драгоценность.

— Эй, я здесь.

— Знаю, златоглазая, — нежный бархат слов и легкая улыбка, а потом чуть раздраженное, — Ласк, иди-ка ты в библиотеку... книжки читать.

— Я и без этого все знаю, — отнекивался феникс, все так же идя следом за друзьями.

Маг сурово взглянул на парня. Вот тут-то хранитель истории понял, что переборщил с навязчивостью.

— А! Ну это... я пыль пойду вытру, у других же руки не доходят, — съехидничал на последок и вышел.

Дождавшись, когда шаги в коридоре стихнут, воин наклонился и низко выдохнул.

— Останься со мной.

— Я и так с тобой.

— Нет, милая, ты со всеми. А я хочу, чтоб ты отпустила щемящее твое сердце беспокойство и волнение. Ты всегда одна и в то же время окружена многими. Ты одинока, но всегда среди друзей. Твоим эмоциям нет выхода. Так не может продолжаться. Останься сегодня со мной. Я развею все твои страхи и помогу забыть, кто мы, стоящие на краю неизбежных перемен. Мы создадим свой новый мир, свою истину в нем.

— Ты не любишь меня, я знаю, — сплывавая тугой комком в горле, прошептала обреченно жрица, — не путай меня еще больше. Я не хочу мучиться содеянным, как не хочу сожалеть о несовершенном. Я в тупике и дверь захлопнулась позади. Как бы я не хотела, но ключ давно потерян в глубине моих сомнений и твоей удушающей безответности. Не дуй на угли моих чувств, они скоро истлеют, не тревожь их дуновением своей благосклонности. Ты рискуешь не потушить разгоревшееся пламя. Оно выжжет меня и испепелит все нити связывающие нас. Не хочу стать монстром.

— Не станешь. Ты мое спасение из серого и бездушного существования. Ты учишь меня

чувствовать. То, что убил во мне отец и вождь племени Кашир. Ты оживляешь мою душу. Я верю, что любовь придет ко мне, ведь ты даришь ее мне бескорыстно. Она спасет меня.

— Или проклянет обоих, — тихо шепнул голос, но не был услышан.

— Пойдем, Дана.

Имя! Это мое имя! Внутри все сжалось, очертания воспоминаний поплыли, сливаясь в непонятное нечто. Уже выныривая из памяти мага, до меня долетели слова, того, прошлого воина, что хотел любить, но не мог.

— Я поклянусь пред небом и землей, пред жизнью и смертью, что ты моя. Моя, до заката мира. Моя жена.

Я резко открыла глаза. Тусклое голубое свечение и звезды, заглядывающие сквозь узоры плетеной крыши. Еще не рассвело. Мысли путаются. Где я? Я у Сапфировых ив. Осмотревшись, поняла, что все еще спят.

Снаружи тихо и спокойно. Щебечут птицы, взывая к приближающемуся светилу. А меня пробивает мелкая дрожь. Кто была та жрица? Почему Ласкан и Тариван были там? Они же впервые встретились в прошлом лунном месяце, как и я с ними. Это не имеет смысла, это просто сон, навеянный переживаниями. Да, так и есть. Обмен чистым сознанием не проходит бесследно. Ведь...

Мои мысли на тему: «Ведь это не могла быть я!» прервали голоса, идущие откуда-то снизу. Стараясь бесшумно ступать, я подошла к выходу и свесилась с небольшой площадки перед домом. Там стояла Иба, но ее собеседника я не видела, зато отчетливо слышала.

— Ты не можешь меня осуждать, — звенящий мужской шепот. Интересно чей?

— Зачем, хранитель? Ты пытался убрать свое безумие? — и тишина, неужели меня обнаружили.

Быстренько залезла назад на площадку. Постой-ка, хранитель?!

— Вижу, что права. Но ритуал прошел не так, как было задумано. Ты избавился от ненавистной тебе части, но цена слишком высока, не так ли? — кажется, пронесло.

— Круг был неполным, моя ошибка.

Горгулья разорви! Это Тар!

— Или все же не твоя? — подозрительно осведомила дриада.

— Есть разница?

— Есть, хранитель, и большая. Ваша магия разнится, как и ваш разум. Пока ты не примиришься сам с собой, ничего не изменится.

Скрип веток. Темень, она поднимается.

— Да, хранитель! Береги скорбящую. Она последняя в этом мире. Нельзя дать ей уйти за край. Помни мои слова.

Вот теперь я окончательно запуталась и в то же время кое-что прояснилось. Я знала, что он хочет избавиться от моего Ванюши, но то, что воин начал действовать, для меня шок. Этого нельзя допустить, я скорее помогу Малышу запихать маньяка на задворки его сознания, чем молча буду наблюдать за тем, как маг кромсает свое второе «я».

— Скорбящая...

А-а-а-а! Спалилась! Вот нельзя было выворачивать свой мозг наизнанку, скрывшись с места преступления. Ой и дура!

— Э-э-э... хранительница рощи, — и глупая улыбка на лице.

— Это не должно было достигнуть твоих ушей, но таково решение вождя.

Она даже не расстроилась. Странные они, дриады.

— Почему вождя?

— Он мог сказать мне о твоём присутствии, но не стал, значит, так надо.

Какая безоговорочная вера в исполина.

— Скорбящая, окажи нам честь.

— С удовольствием, — воодушевилась я сменой темы разговора, — а какую?

— Спой нерожденной.

— О! Но она же не умерла, точнее, и не родилась, чтоб умереть.

— Дух ее блуждает в междумирье. Она и не жива, и не мертва. Покажи нерожденной путь в вечный сон или проводи на перерождение в других мирах. Мы, духи деревьев, хранители рощи, просим тебя, плакальщица.

И Иба преклонила колена, как и соскочившие откуда-то сверху дриады. Вместе с ними еще ниже склонились и так свисающие ветки.

— Хранительница Иба, я не могу вам помочь. Я утратила возможность скорбеть по умершим песней. Я сожалею. Но, возможно, сможет феникс.

— Фениксы — хранители истории, они не имеют твоих сил, — не поднимая головы, объяснила, как маленькой девочке.

— Я тоже не имею своих сил! — я обиделась на снисходительный тон. Как будто я не в курсе, что фениксы не банши.

— Спой, скорбящая. Просто пой от души, как делаешь это всегда.

— Ну ладно.

Я, конечно, не сильно верила, что что-то получится, но раз меня так просят. Да еще и от их преклонения как-то не по себе. За последствия не отвечаю. У меня в своем теле слуха ноль, как и голоса, а в чужом и подавно оглушу всех и заставлю истекать кровью из ушей.

Я глубоко вдохнула, закрыв глаза, и стала тянуться к блуждающему духу. Весь мир утратил краски, все звуки стихли, я погрузилась в вязкое небытие.

— Где ты, нерожденная? Приди на мой зов. Я помогу тебе. Иди.

И ничего. Темнота и тишина. Я снова возвала к нерожденной. Никаких изменений. Может им просто спеть что-нибудь? Колыбельная не подойдет, раскусят на первом же куплете. А может Ванькины потуги во время транса воспроизвести? У него же хорошо получалось странными подпеваниями магичить. Глядишь, и у меня получится. Вовремя вспомнилось, что тело то Ванькино, и магия его недоделанная теперь мне мозг выворачивает. Зомби оттяпай мне пятку! Не дай Всечувствующие, я Сапфировую рощу своими песнопениями спалю или уложу деревья штабелями! Так, от нечего делать. Меня ж тогда ни один синюшный вождь не спасет!

— Эй, нерожденная! Покойся с миром, пока это возможно, и не иди на мой зов. В нынешнем состоянии я твою душу благо если к Всенижнему спроважу, а то с меня сейчас станется и уничтожить ненароком. Спи вечным сном, а я пошла дриадам сдаваться.

После такого ни одна уважающая себя душа не пойдет на зов нерадивой банши, даже не рожденная. Придется признать: я ни на что не гожусь сейчас. Сплошные проблемы и ни капли пользы.

И тут меня охватила эйфория. Яркий свет заполнил все вокруг, а мысли покинули голову, ставшую удивительно легкой. Светлый сгусток осветил тьму и возродил звуки.

Разгоняя липкое беззвучие, душа полетела на мой зов.

— Вот ты где. Не бойся, нерожденная. Слушай мой голос.

Я больше не была собой. Меня затопило чувство легкости и вседозволенности. Я была свободна и могущественна. О Всевышние, как же давно я не чувствовала полную свободу. Транс!

— Спи вечным сном дух леса, он твоя награда.

Для глаз Всевышних поднебесья ты редкая отрада.

Не рвись неистово в наш мир, связующие нити захватив.

Спокойствие придет к тебе, озлобленность и боль убив.

По жизни былой твоя душа роняет горьки слезы,

Смотря в глубины всех миров, теряет свои грезы.

Кричит, неистово рыдает, о помощи прося,

И мечется, взрывая крепки грани глухого небытья.

Смирись с судьбой подаренной непостоянством мира.

И лоно тысячи миров свои объятия открыло.

Твой путь окончен, но вечный сон быть прерван может.

Войди под чуждое небесье, что радости твои умножит.

Теперь ступай, твой новый лик отмечен жизнью,

И образ созданный не пахнет горькою полынью.

Рожденье ждет потерянную в смерти душу.

Свет мира нового навек страдания заглушит.

Широварт ла Эк

Песня! Меня разбудила песня, сгоняя остатки бессмысленных сновидений. Поднявшись, я на негнущихся ногах поспешил на зов чарующих звуков. О Всевышние! Что за тепло растекается по всему телу, разрушая малейшие зачатки мысли. Это что-то непередаваемое. Легкость в душе, свобода. Нет, это сильнее всего. Надежда! Надежда на новую жизнь!

Идя на переливчатые звуки, я, наконец, увидел эту надежду. Белокурый воин, поющий голосом моей ученицы, стоял спиной ко мне и очаровывал все вокруг. Здесь были все. И Салван с Алкаем, и Ласкан с Таром. Даже птицы расселись по веткам и не смели нарушить идиллию. Дриады же стояли на одном колене, скрестив руки на груди так, что ладошки касались плеч и устремили взгляд вперед, на уровне пояса Даны. Они признали ее, не смея смотреть в лицо, когда льется скорбная песня. Но как такое возможно? Она поет!? Ведь она не умеет петь. Ее сущность сейчас не с ней. Как же она может так завораживать своим истинным голосом? Он опасен. Я знал, что банши не поют. Только для умерших. Теперь я понимаю почему. Сила их зова слишком велика и притягательна, если звучит во всеуслышание. Ей нельзя петь! Никак нельзя! Дриады выжили из ума! Я столько пытался спрятать ее, а этот всплеск энергии не почувствует разве что мертвый. Хотя и он почувствует. Но это не самое страшное. Память! Она может вернуться к ней, и тогда нам всем конец, без права на перерождение. Полное уничтожение!

Ласкан зи Верт Нало

Это было странно! Дриады не только оставили Дану в живых, узнав, кто выкорчевал дерево, но даже не озлобились на нас за вмешательство в естество живых. Вместо этого нас пригласили в святая святых и вкусно накормили. Воистину не постижимы возможности этой женщины. Но шоком для нас всех стало не это.

Рассветная розовая дымка, пробивающаяся сквозь сапфировые листья и отливающая фиолетовым по достижению поверхности веток, мягко обтекала высокий силуэт. Волосы окрасились сиреневыми отблесками лучей, что нежно скользили по отрешенному лицу воина и путались в пепельных прядях. Он стоял спиной к нам, и никто кроме дриад не мог видеть его лицо, обращенное к восходящему солнцу. Это было бы просто прекрасным видением, если бы не глубокий, обволакивающий душу голос, что мелодично лился откуда-то изнутри мужчины, формируясь бархатными губами воина в слова непрерывных строчек песни. Голос не был мужским, но не был и звонким женским. Не верилось, что это поет Дана. Скорее женщина низко шепчет в пустом хрустальном зале, а рождаемые звуки многократно отзываются громким эхом от каждой грани прозрачных кристаллов.

Последний, легкий, как шепот ветерка, звук сорвался с губ воина, и наступила тишина. Шокированная собственным выступлением банши осела на площадку перед любезно предоставленным нам для ночлега домом. Слов не было, как и мыслей. Двигаться не хотелось. Волшебство могло рассеяться в любую секунду от слабого шороха, и я не спешил создавать его, как и остальные. Умиротворение наших душ рассеяла сама Дана.

— Я хочу в свое тело!

Она пыталась скрыть волнение, но визгливо оборванное последнее слово выдало ее накатывающую истерику. Широ тут же бросился к ней, попутно костеря почему зря дриад, что удивило меня. Причем тут духи леса? Я, конечно, не знаю подоплеку утренних событий, но поспешность нашего отбытия наводила на разнообразные мысли. Одна хуже другой.

Две юные дриады вывели нас из леса еще до полудня, и мы двинулись вдоль пограничья к Хрустальному лесу. Не было праздных разговоров и веселых перебранок, сопровождающих нас на протяжении всего пути ранее. Каждый думал о своем. Я не могу читать мысли, но то, что возродила песня банши в наших душах, затронуло, без сомнения, всех. Хрупкая, еле ощутимая, прячущаяся глубоко внутри при первом же осторожном касании к ней, НАДЕЖДА. Нет! До сформировавшейся надежды этому чувству далеко. Скорее е отскочивший осколок. Затерявшийся во времени он терпеливо ждал, чтобы быть найденным и положить начало долгожданным изменениям. Осколок, принесший абсолютный покой и разъяренную бурю моей душе. Осколок надежды. Потерянный осколок!

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigolub.net